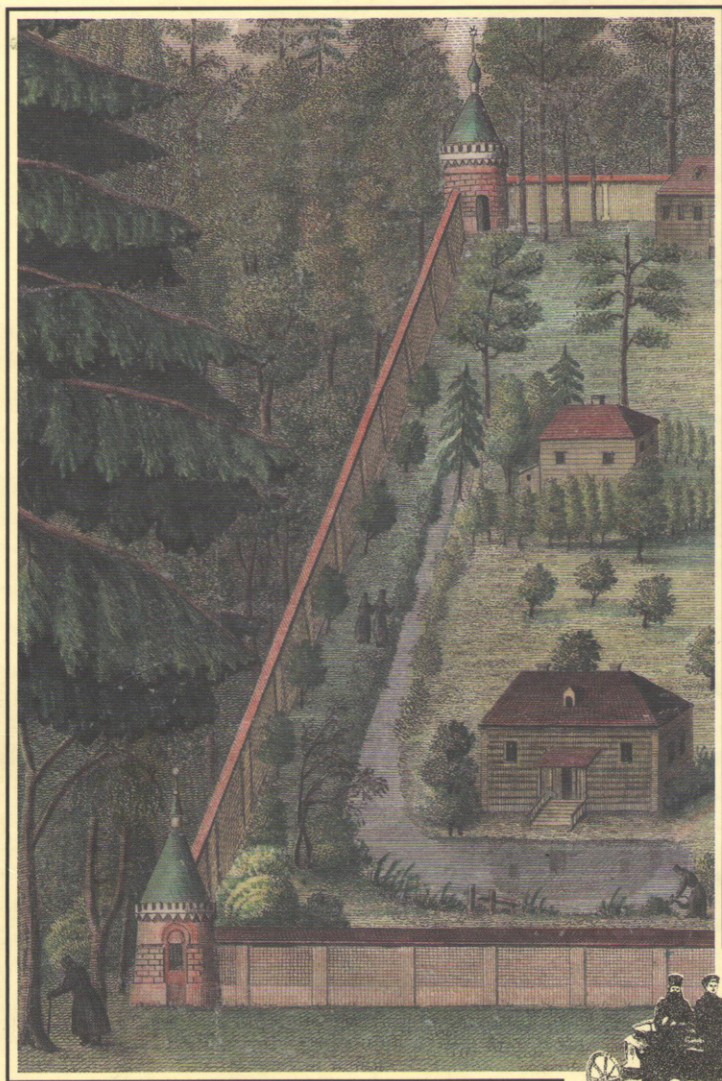

ПРЕПОДОБНЫЙ АМВРОСИЙ

ПРЕПОДОБНЫЙ АМВРОСІЙ

Свято-Введенская Оптиная Пустынь

2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ И ЕЕ СОСТАВИТЕЛЕ	5
ОТЪ СОСТАВИТЕЛЯ	19
Глава I. ВЪЧНАЯ ПРАВДА ПРАВОСЛАВІЯ	24
Глава II. ОБЩІЯ ЧЕРТЫ ДУХОВНАГО ОБЛИКА СТАРЦА О. ІЕРОСХИМОНАХА АМВРОСІЯ	29
Глава III. ЮНЫЕ ГОДЫ О. АМВРОСІЯ ВЪ ДОМѢ И ВЪ ШКОЛѢ	34
Глава IV. ЗОВЪ БОЖІЙ	39
Глава V. ОПТИНА ПУСТЫНЬ – БЛАГОДАТНЫЙ УГОЛОКЪ РУССКОЙ ЗЕМЛИ	50
Глава VI. ЗАМѢЧАТЕЛЬНОЕ ДУХОВНОЕ ДВИЖЕНІЕ ВЪ ПРАВОСЛАВНОМЪ ИНОЧЕСТВѢ И УЧАСТІЕ ВЪ НЕМЪ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ	65
Глава VII. ДУХОВНОЕ ВОЗРАСТАНІЕ О. АМВРОСІЯ ВЪ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ ПОДЪ РУКОВОДСТВОМЪ СТАРЦЕВЪ О. ЛЕОНИДА И О. МАКАРІЯ	101
Глава VIII. ОТЕЦЪ АМВРОСІЙ – СТАРЕЦЪ	132
Первые годы старчества	132
Отецъ Амвросій въ его перепискѣ со свѣтскими и монашествующими	157

Отецъ Амвросій въ своей келейной обстановкѣ.

Будничный и праздничный день Старца.

Дни исключительные 206

Духовно-нравственный обликъ Старца и его
пастырское попеченіе о людяхъ 227

Глава IX. ПОСЛѢДНІЙ ПОДВИГЪ ЛЮБВИ СТАРЦА

О. АМВРОСІЯ – УЧРЕЖДЕНІЕ ШАМОРДИНСКОЙ
КАЗАНСКОЙ ЖЕНСКОЙ ОБЩИНЫ И ЗАБОТА

О НЕЙ 325

Глава X. ПОСЛѢДНІЕ ДНИ ЖИЗНИ СТАРЦА

ІЕРОСХИМОНАХА АМВРОСІЯ.

ЕГО КОНЧИНА И ПОГРЕБЕНІЕ 378

Глава XI. ОСОБЫЯ ПРОЯВЛЕНІЯ БЛАГОДАТНОЙ СИЛЫ

БОЖІЕЙ ВЪ СТАРЦѢ О. АМВРОСІИ 413

Глава XII. ЗАКЛЮЧЕНІЕ 480

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ И ЕЕ СОСТАВИТЕЛЕ

Имя протоиерея Сергия Четверикова знакомо, пожалуй, каждому почитателю Оптиных старцев, но мало кто в России знает о его судьбе, поскольку духовный писатель, подвижник и пастырь закончил свои дни на чужбине. Для благочестивого читателя неожиданным открытием будет даже то, что автора книги об иеросхимонахе Амвросии тоже следует почитать как иеросхимонаха – как и старец Амвросий, о. Сергей келейно принял схиму с сохранением прежнего имени.

«Я происхожу из небогатой и глубоко религиозной купеческой семьи маленького уездного города» – так писал о себе отец Сергей¹.

Он родился 10 июня 1867 года в городе Бахмуте Екатеринославской губернии. Мальчику было всего два года, когда умерла его мать. Тем не менее детство осталось в его памяти одним из самых светлых воспоминаний: отец женился во второй раз, и мачеха, взявшая на себя заботу о детях, разделявшая с ними радости и пе-

¹ *Протоиерей Сергий Четвериков. Мой отклик. (Как я сделался православным пастырем и о моем пастырстве в Р. С. Х. Д. Ко дню 50-летия моего священства. 10 / 23-ХII-1946 г.) // Вестник церковной жизни. № 8. Париж. Июль, 1947. (Далее – Мой отклик.) С. 28.*

чали, бывшая рядом и в дни болезней, и в дни праздников, по воспоминаниям отца Сергия, стала для него «почти родной матерью»².

Из отчего дома дорога вела к дому Божию. «Отец научил меня молиться, любить церковь и церковное пение. Благодаря отцу церковь и праздники, особенно Рождество и Пасха, занимали в нашей домашней жизни центральное место, являлись ее главным содержанием и воспитывающим элементом. Каждую субботу я ходил с отцом ко всенощной и полюбил церковное пение. Без наставлений и поучений церковь овладела моею душою»³.

С этих детских переживаний, быть может, и началось становление отца Сергия как священника, пастыря, духовного наставника многих и многих сотен людей. Для него самого родство кровное неразрывно соединялось с родством духовным. А потому и слова «русский православный народ» были для отца Сергия не просто привычной фразой, но словами глубоко прочувствованными, пережитыми лично.

Девяти лет мальчика отдали в подготовительный класс духовного училища, но не потому, что хотели сделать из него священнослужителя: просто другой школы в городке тогда не было. Через три года его перевели во 2-й класс Таганрогской прогимназии, потом в гимназию. Мальчик имел живой ум, любил учиться, много читал – гимназию он окончил первым учеником. Однако дальнейший путь оставался для него неопределенным.

² Мой отклик. С. 28.

³ Мой отклик. С. 28.

Наступила пора юношеских исканий. Как и многие молодые люди, отец Сергей пережил период сомнений и разочарования в том, что было дорого ему с детства, что наполняло жизнь смыслом. Это были «самые тяжелые годы моей жизни, – писал он, уже будучи 80-летним старцем, – во мне угасла вера, утратилась душевная и телесная чистота»⁴.

Он приехал в Москву, поступил в университет на медицинский факультет, затем перешел на историко-филологический. Однако ни ученые занятия, ни шумная студенческая жизнь не захватили его полностью.

Летом 1891 года «мы, четыре студента Московского университета (один медик, два юриста и один филолог), путешествовали пешком из Москвы в Киев с целью поближе познакомиться с нашей родиной»⁵. Встреч и впечатлений за время путешествия было множество. Молодому человеку как будто заново стала открываться жизнь русского православного народа и Русской Православной Церкви.

В раздумьях о том, какой путь избрать, как найти дело, которому можно было бы посвятить жизнь, студент Сергей Четвериков приехал в Троице-Сергиеву Лавру. Беседа с архимандритом Антонием (Храповицким)⁶, тогдашним ректором Московской духовной академии, оказалась решающей: будущий отец Сергей перешел из

⁴ Мой отклик. С. 29.

⁵ *Протоиерей Сергей Четвериков*. Оптиная Пустынь. Исторический очерк и личные воспоминания. Париж. 1926. (Далее – Оптиная Пустынь). С. 5.

⁶ Впоследствии митрополит, первоиерарх Русской Зарубежной Церкви.

университета в академию. Он сдал экзамены и был принят на стипендию преподобного Сергия. «Окончился период моих блужданий. Я нашел свой путь и успокоился»⁷.

На четыре года Лавра стала для него домом. Он любил и ночные молебны в часовне близ того места, где явилась преподобному Сергию Матерь Божия, и праздничную толчею, когда толпы богомольцев заполняли не только храмы, но и двор монастыря. Книги и лекции преподавателей воспитывали ум будущего пастыря, а душа возрастала под мудрым водительством старца Варнавы, жившего недалеко от Троице-Сергиевой Лавры, в скиту Черниговской иконы Божией Матери.

Летом 1894 года будущий пастырь снова побывал в Оптиной Пустыни, прожил там неделю, говел (впервые он увидел Оптину во время своего путешествия по Руси – как бы мимоходом). На этот раз он «близко рассмотрел Оптину Пустынь» – и «ощутил там веяние истинной духовной жизни»⁸. Он стал выписывать оптинские издания, вероятно, не предполагая, что в будущем сам напишет две книги и несколько статей о знаменитом монастыре и его подвижниках.

В 1896 году Сергей Иванович Четвериков закончил курс духовной академии. «В том году на Академическом акте читал свою знаменитую речь о преподобном Сергии профессор академии и университета В. О. Ключевский. Я слушал эту потрясающую речь, и она указала

⁷ Мой отклик. С. 29.

⁸ Оптина Пустынь. С. 6.

ла мне программу моей новой жизни»⁹. Вскоре он был рукоположен: 14 июля 1896 года во диакона, через неделю, 21 июля, – во священника.

Свое священническое служение отец Сергей начал в 1896 году в Глуховском уезде Черниговской губернии в качестве настоятеля Крестовоздвиженской церкви при Русском Трудовом Православном братстве. Братство было основано черниговским помещиком Н. Н. Неплюевым, знакомство с которым произвело на отца Сергия неизгладимое впечатление.

Некоторое время (с 1898 года) ему довелось быть настоятелем знаменитой Пятницкой церкви в Чернигове – памятнике древнерусского зодчества XII века.

Почти одновременно со священническим служением началась и педагогическая деятельность отца Сергия. Более двадцати лет прослужил он законоучителем в различных учебных заведениях: сначала в Образцовой школе при Саратовском женском епархиальном училище (1898–1900), затем во 2-й Саратовской гимназии (1901) и, наконец, в Петровском Полтавском кадетском корпусе (1907–1919). Здесь он приобрел огромный опыт и в 1911 году стал председателем братства законоучителей, а в июне 1917 года был избран товарищем председателя Всероссийского съезда духовенства и мирян в Москве, куда был делегирован как представитель Полтавской епархии.

Лето отец Сергей с семьей обычно проводил в монастыре. В 1905 году, живя в Оптиной Пустыни, он участвовал в подготовке собрания писем старцев Ам-

⁹ Мой отклик. С. 29.

вросия и Анатолия (Зерцалова). Письма были изданы обителью в 1909 году¹⁰. «Знакомство с письмами о. Амвросия возбудило во мне желание составить его полное жизнеописание, что и было мною сделано летом 1911 года в той же Оптиной Пустыни. Следующее лето я провел в Шамордине, заканчивая там и подготавливая к печати свое жизнеописание старца о. Амвросия»¹¹. В память об этой работе настоятель Оптиной архимандрит Ксенофонт благословил отцу Сергию в подарок келейную исповедническую епитрахиль великого Старца.

От работы над оптинским материалом отец Сергей вполне закономерно перешел к работе над жизнеописанием старца Паисия Величковского, тем более что служить ему довелось в Полтаве, на родине Старца. С 1913 года по благословению церковных властей отец Сергей занялся изучением материала в архивах Санкт-Петербурга, Москвы, Орла, Оптиной Пустыни, Ново-Нямецкого монастыря в Бессарабии. Однако закончить работу удалось не скоро.

В 1919–1920 годах вместе с Полтавским кадетским корпусом он эвакуировался за границу. Владикавказ, Кутаис, Боржом, Батум, потом Крым и, наконец, Константинополь. Некоторое время отец Сергей продолжал

¹⁰ На службе Богу – на службе ближним. Какую пользу приносят русскому народу православные монастыри? (По письмам Оптинских старцев о. Амвросия и о. Анатолия.) С видом Оптиной Пустыни и портретами старцев. (Священника.....) [так на титульном листе]. Четвертое издание Козельской Оптиной Пустыни, значительно дополненное и переработанное. Типография Казанской Амвросиевской женской пустыни, 1909.

¹¹ Оптина Пустынь. С. 7.

свою преподавательскую деятельность в корпусе, но вскоре – «по нервному расстройству», как он сам пишет¹², – попросился на приход.

На этот раз служить ему пришлось в небольшом сербском селе Лика, где-то между Боснией и Хорватией. Здесь отец Сергей прослужил три года. В тишине сельского прихода он смог вновь обрести мир душевный, а затем привести в порядок и свои материалы по истории старчества.

В 1924 году глава русских православных приходов в Западной Европе митрополит Евлогий (Георгиевский) удовлетворил прошение о. Сергия о переводе в Братиславу, где жил его сын. Владыка знал, что «о. Сергей – священник выдающийся, высокого пастырского настроения, аскетического монашеского духа и знаток русского монашества и старчества», поэтому с радостью назначил его настоятелем основанного там русского Крестовоздвиженского прихода. «Отец Четвериков поставил приход отлично и Братиславой не ограничился, а стал простираться и далеко за ее пределы. В Словакии разбросано немало русских гнезд – семьи чехов-военнопленных, вернувшихся из России женатыми на русских. Отец Четвериков развил широкую миссионерскую деятельность по всей Словакии, окормлял до десяти таких гнезд»¹³.

¹² Мой отклик. С. 31.

¹³ Путь моей жизни. Воспоминания Митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной. М.: Московский рабочий. Издательский отдел Всеперковного Православного Молодежного Движения, 1994. С. 420–421.

В 1928 году он переехал в Париж, где на бульваре Монпарнас, была устроена церковь во имя Введения во храм Пресвятой Богородицы. Церковь стала привлекать богомольцев со стороны и обросла приходом.

По отзывам современников, отец Сергей был огромным авторитетом не только для мирян, но и для духовенства. В храме, настоятелем которого он был, находили себе приют и утешение, получая возможность служить Литургию, православные священники, временно оказавшиеся без приходов.

Пастырство было его призванием. Помочь человеку вспомнить о Христе, войти в церковную ограду и тем самым упорядочить и освятить то, что кажется обычной житейской суетой – да и является таковою, если не освящается мыслью о Вечном... Людям, волею судеб оторванным от Родины, но не желавшим забывать, кто они и откуда, нужен был именно такой пастырь – с живым чувством традиции, истинно русский и истинно православный батюшка.

Отца Сергия называли «мучеником письменного стола», ведь кроме громадного количества писем, которые он считал себя обязанным писать всем, кому требовался его духовный опыт, он опубликовал несколько значительных книг и около пятидесяти статей. Основная тема его трудов – традиции русской духовной жизни: он писал о русском старчестве, о Паисии Величковском, об Амвросии Оптинском и Оптиной Пустыни; в кругу его интересов был пастырский опыт Иоанна Кронштадтского и просветительская деятельность Дмитрия Ростовского; есть у отца Сергия книги и статьи

об «умном делании» – молитве Иисусовой; многие его работы посвящены педагогическим проблемам, которые он рассматривал с точки зрения православного священника.

Писал отец Сергей только о том, что хорошо знал. В предисловии к книге об Оптиной Пустыни он замечает: «Весь мой последующий рассказ будет основан, главным образом, на моих собственных наблюдениях и впечатлениях»¹⁴. В 1931 году, дорабатывая книгу о преподобном Паисии Величковском (к его прославлению Русской Православной Церковью вышло 2-е издание этой книги на русском языке)¹⁵, отец Сергей побывал в Бухаресте, знакомился с библиотеками Нямецкого и Секульского монастырей, где подвизался старец Паисий, еще раз посетил Ново-Нямецкий монастырь на Днестре.

Значительное место в жизни отца Сергия занимал Валаамский монастырь – «северный Афон», подвижники которого, так же как и оптинцы, деланием рук своих и «умным деланием» оживили лучшие традиции православного монашества.

После путешествия на Валаам в 1930 году отец Сергей полюбил тишину этого монастыря и неоднократно уезжал туда для литературной и духовной работы. По просьбе игумена Харитона он принимал участие в составлении замечательного памятника валаамской ду-

¹⁴ Оптина Пустынь. С. 7.

¹⁵ *Протоиерей Сергей Четвериков*. Молдавский старец Паисий Величковский. Его жизнь, учение и влияние на православное монашество. [Париж]: YMCA-PRESS, 1988.

ховной литературы – книги «Что такое молитва Иисова по преданию Православной Церкви», хотя ни на титульном листе, ни в предисловии его имя не упоминается.

Вероятно, именно в это время отец Сергей сподобился келейного схимнического пострига, но продолжал до конца жизни деятельное пастырское служение.

В 1939 году, приехав на Валаам, он стал свидетелем трагических дней в истории обители. В сочельник 1940 года отец Сергей вместе с братией монастыря вынужден был эвакуироваться в Финляндию.

Сначала он жил во внутреннем помещении монастыря, а потом – чтобы не обременять братию – переехал в Гельсингфорс, откуда перебрался в Братиславу к своему сыну Феодосию Сергеевичу. Здесь прошли последние годы жизни о. Сергия.

Он по-прежнему продолжал трудиться за письменным столом (в это время им была написана работа «Тысяча лет России у ног Христа»), не оставляя своим попечением жаждущих духовного утешения. Сам же отец Сергей более всего тяготился тем, что пришлось жить в трех километрах от церкви, которую он по крайней слабости не мог посещать.

Отец Сергей Четвериков отошел ко Господу 29 апреля 1947 года, на 80-м году жизни и 51-м году пастырской деятельности.

В духовном завещании, написанном 13 декабря 1944 года, с дополнением в День Святой Троицы 24 июня 1945 года, он просил: «Отпевание мое прошу совер-

шить по схимническому чину, как состоящего в келейном схимническом постриге, хотя я и провел всю свою жизнь в деятельном пастырском служении. Впрочем, вопрос о чине погребения предоставляю окончательно решить братьям-сопастырям. В конце концов все же мне думается: так как постриг был тайный, то его и не следует обнаруживать».

«Принадлежащую мне келейную исповедническую епитрахиль Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия, полученную мной в память составления его жизнеописания от настоятеля Оптиной Пустыни о. архимандрита Ксенофонта, прошу принять на молитвенную память и в знак благодарности и любви моего духовного отца о. игумена Филимона, Валаамского постриженика».

«Похоронить меня прошу как можно проще, в самом простом деревянном гробу, без украшений, на кладбище в Славием Удолье, среди русских могил».

Великий старец Оптиной Пустыни иеросхимонах Амвросий первым из сонма преподобных отцов и старцев Оптиных был причислен к лику святых для всеобщего почитания – на Поместном Соборе Русской Православной Церкви 6–9 июня 1988 года: «Старец Амвросий канонизирован за святость жизни и явленные ею добродетели: смирения, заботы о ближних, прозорливости и чудотворения. Основанием также является непрекращающееся почитание его народом церковным, который чтит своего старца как великого подвижника, имеющего большое дерзновение перед Бо-

гом»¹⁶. «Благодати Божия сокровище некрадомое унаследовал еси и тихое, безмятежное пристанище на небесех обрел еси. Действием же Промысла Божия во дни торжествуемого тысячелетия Крещения Руси прославлен и к лику святых причислен был еси. Ныне, ублажающе память твою святую, поем вси: Аллилуиа»¹⁷.

Брошюра объемом в 50 страниц «Житіе и наставления преподобнаго Амвросія, старца Оптинскаго» (1989) стала первой книгой, вышедшей из стен Оптиной Пустыни после возобновления в ней монашеской жизни.

В 1992 году издательство «Посад» при участии Свято-Троицкой Сергиевой Лавры репринтно переиздало составленное оптинским архимандритом Агапитом (Беловидовым) «Жизнеописание в Бозе почившего Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия с его портретом и факсимиле в двух частях» (Москва, 1900) – самое пространное и обстоятельное жизнеописание преподобного Амвросия. Ранее это оптинское издание дважды, в 1965 и 1990 годах, репринтно переиздавалось в Свято-Троицком монастыре в Джорданвилле (США, штат Нью-Йорк), а в 1997 году вновь издано Оптиной Пустынью.

В 1993 году в Москве Братство святителя Алексия под заголовком «Преподобный Амвросий Оптинский и

¹⁶ Канонизация святых. Поместный Собор Русской Православной Церкви, посвященный юбилею 1000-летия Крещения Руси. Троице-Сергиева Лавра, 6–9 июня. 1988 г. С. 145.

¹⁷ Акафист преподобному и богоносному отцу нашему Амвросию, старцу Оптинскому и всея России чудотворцу. Кондак 12.

его эпистолярное наследие», объемом 191 страница, посмертно опубликовало работу архимандрита Иоанна (Маслова, † 29. VII. 1991), написанную им в качестве курсового кандидатского сочинения по кафедре патрологии Московской духовной академии в 1968–1969 годах¹⁸.

В том же 1993 году вышло в свет и серьезное научное исследование игумена Андроника (Трубачева) «Преподобный Амвросий Оптинский. Жизнь и творения» (издание Спасо-Преображенского Валаамского монастыря) объемом 223 страницы. Эпиграфом к изданию этого фундаментального труда, выполненного в преддверии канонизации старца Амвросия, были взяты слова оптинского рясофорного монаха Ераста Вытропского: «Все, что до сих пор напечатано было об отце Амвросии, меня совсем не удовлетворяет; впрочем, полагаю, что меня никогда ничто не удовлетворит, хотя бы потому, что теперь еще очень много нельзя о нем писать... Что Вы скажете или как выразите чувства того, кто лично пришел к Старцу с негодующим помыслом на него самого, в мучительном раздумье, как бы преподобить себя, чтобы высказать ему этот самый помысл свой? Что Вы скажете, если старец сам избавил от этого неприятного чувства – пересказа такого помысла; встретив меня, он улыбнулся и положил свою руку себе на голову, изображая кающегося человека! Такие таин-

¹⁸ *Иоанн (Маслов), архим.* Иеросхимонах Амвросий Оптинский (Гренков) и его эпистолярное наследие. Приложение: Избранные изречения Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия, извлеченные из разных источников и расположенные в алфавитном порядке.

ственные душевные движения, эту жизнь душ никак невозможно положить на бумагу»¹⁹.

Воспроизводимый ныне труд протоиерея Сергия Четверикова²⁰ был последним жизнеописанием преподобного Амвросия, изданным «старой» Оптиной, – к 100-летию со дня рождения приснопоминаемого старца²¹.

Думается, что и в нынешнюю эпоху всемирной апостасии, когда отступление от истины становится нормой жизни, новое издание книги о Сергии Четверикова станет хорошим подарком всем верным почитателям великого Оптинского старца, «во Отечестве и в рассеянии сущим».

Издатель

¹⁹ *Е[раст] В[ытронский]*. Историческое описание Козельской Оптиной Пустыни и Предтечева скита (Калужской губернии). Издание Оптиной Пустыни. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1902.

²⁰ *Протоиерей Сергей Четвериков*. Описание жизни блаженных памяти Оптинского Старца Иеросхимонаха Амвросия в связи с историей Оптиной Пустыни и ее старчества. Составлено по прежним жизнеописаниям и по новым источникам. Издание Козельской Оптиной Пустыни. Типография Казанской Амвросиевской Шамординской женской Пустыни, 1912.

²¹ Материалы для книги о Сергии были предоставлены Оптиной Пустынью, о чем сохранилась переписка (ОР РГБ. Ф. 213. 74. 22), – указано в книге: Неизвестный Нилус / Сост. Р. Багдасаров и С. Фомин. М.: Православный Паломник, 1995. Т. 2. С. 518.

ОТЪ СОСТАВИТЕЛЯ

До настоящего времени Оптиною Пустынью изданы два жизнеописанія приснопамятнаго Оптинскаго старца іеросхимонаха Амвросія: одно краткое, – написанное Е. В., другое – пространное, составленное о. архимандритомъ Агапитомъ. Но первое слишкомъ ужъ кратко, а второе давно распродано.

Между тѣмъ за послѣднее время въ печати появились нѣкоторыя новыя сообщенія о Старцѣ, вышло собраніе писемъ Старца къ монашествующимъ и мірскимъ особамъ, изданное Оптиною Пустынью.

Ввиду этихъ новыхъ данныхъ сама собою возникла надобность въ составленіи новаго жизнеописанія покойнаго Батюшки.

Независимо отъ сказаннаго, – у составителя настоящаго жизнеописанія, многимъ обязаннаго Оптиной Пустыни въ упорядоченіи своей внутренней духовной жизни, было особое побужденіе заняться составленіемъ описанія жизни о. Амвросія. Ему хотѣлось поближе стать къ личности Старца, пожить, такъ сказать, въ лучахъ его духовнаго свѣта, пережить шагъ за шагомъ обстоятельства жизни Старца, напечатлѣть глубже въ своемъ сознаніи и чувствѣ мысли, слова, настроенія,

наставленія Старца, и въ этомъ найти себѣ и назиданіе, и утѣшеніе, и нравственную опору.

Не будучи инокомъ, не зная даже лично о. Амвросія, составитель, конечно, не могъ проникнуть глубоко во внутренній міръ Старца, и это, несомненно, неблагопріятно отражалось на его трудѣ. но онъ искренно желалъ сдѣлать все, чтобы представить въ своемъ описаніи живой образъ великаго учителя жизни и любвеобильнаго руководителя къ Богу, и, если это ему не удалось, онъ проситъ читателей покрыть его ошибки своею снисходительною любовью.

Въ нынѣшнемъ году истекаетъ ровно сто лѣтъ со дня рожденія о. Амвросія.

Да послужитъ же эта книга, написанная съ искреннею любовью и благоговѣніемъ къ Старцу, къ оживленію и усиленію духовной связи духовныхъ чадъ Старца съ ихъ приснопамятнымъ наставникомъ, да привлечетъ она къ нему сердца и тѣхъ, кто не имѣлъ утѣшенія знать его лично, да научитъ она всѣхъ насъ понимать, любить и по мѣрѣ силъ осуществлять въ себѣ самихъ тотъ свѣтлый обликъ христіанина, дивнымъ олицетвореніемъ котораго былъ почившій незабвенный Старецъ! Да будетъ, наконецъ, она благопріятнымъ приношеніемъ Старцу отъ недостойныхъ его почитателей и почитательницъ, потрудившихся въ ея составленіи и изданіи, и да покроетъ любвеобильный Старецъ всѣхъ насъ своими святыми молитвами предъ Престоломъ Божіимъ!

Тѣхъ изъ читателей и читательницъ настоящаго жизнеописанія, которые имѣютъ какія-либо свѣдѣнія или

воспомянанія о старцѣ о. Амвросіи, не помѣщенные въ этой книгѣ, составитель усердно просить сообщить ихъ или настоятелю Оптиной Пустыни, или составителю жизнеописанія. Всѣ эти новыя свѣдѣнія могутъ пригодиться при послѣдующемъ изданіи книги.

Составитель
1912 года. Іюля 14 дня. Шамордино

Р. С. Чтобы не обременять текстъ книги выносками, помѣщаемъ здѣсь списокъ пособій, которыми пользовался составитель:

1. Жизнеописаніе въ Бозѣ почившаго Оптинскаго старца іеросхимонаха Амвросія. Изд. Оптиной Пустыни, 1900 г.

2. Іеромонахъ Григорій. Сказаніе о житіи Оптинскаго старца о. іеросхимонаха Амвросія. 1892 г.

3. Краткое сказаніе о жизни Оптинскаго старца іеросхимонаха Амвросія. Изд. Оптиной Пустыни, 1893 г.

4. Историческое описаніе Козельской Введенской Оптиной Пустыни. Изд. Оптиной Пустыни, 1896 г.

5. Историческое описаніе скита Оптиной Пустыни. Изд. Оптиной Пустыни, 1862 г.

6. Казанская Амвросіевская женская Пустынь и ея основатель старецъ іеросхимонахъ Амвросій. Изд. Шамординской Пустыни, 1908 г.

7. Жизнеописаніе Оптинскаго старца Леонида. Изданіе Оптиной Пустыни, 1890 г.

8. Сказаніе о жизни и подвигахъ старца Оптиной Пустыни, іеросхимонаха Макарія. Сост. І. Л. 1861 г.

9. Жизнеописание настоятеля Оптиной Пустыни, архим. Моисея. 1882 г.

10. К. Леонтьевъ. Отецъ Климентъ Зедергольмъ. Изд. Шамординской Пустыни, 1908 г.

11. Сахаровъ. Въ Тихомъ пристанищѣ.

12. Е. Поселянинъ. Отецъ Амвросій.

13. Ѳ. С. Соколовъ. Приснопамятный старецъ русской земли, подвижникъ Козельской Оптиной Пустыни, о. Амвросій (Гренковъ). Изд. Тамбовской Архивной Комиссiи.

14. Собрание писемъ о. Амвросія къ монашествующимъ. Вып. 1 и 2. Изд. Оптиной Пустыни, 1908 г.

15. Собрание писемъ его же къ мірскимъ особамъ. Изд. Предтечева скита, 1906 г.

16. Собрание писемъ іеросхимонаха Макарія къ монашествующимъ. 1863 г.

17. Добротолюбіе.

18. Житіе и писаніе Молдавскаго старца Паисія Величковскаго.

19. Ѳ. П. Ч-нъ. Тяжелая утрата.

20. Ласковскій. Братья Кирѣевскіе.

21. Устные и письменные рассказы и воспоминанія разныхъ лицъ.

Преп. Амвросій Оптинскій

Глава I

ВѢЧНАЯ ПРАВДА ПРАВОСЛАВІЯ

*Созижду церковь Мою, и
врата ада не одолѣютъ Ей.*

(Мѡ. 16, 18)

Величайшая святыня русскаго народа, основаніе всей его духовной и государственной жизни есть Православіе. На зарѣ своего историческаго существованія русскій народъ въ лицѣ своего великаго и святого князя Владимира равноапостольнаго и его бабки Ольги сталъ подѣ святое знамя православной вѣры. Въ удѣльно-вѣчевой періодъ Христова вѣра смягчала вражду князей и полагала начало ихъ объединенію подѣ властью единого великаго князя. Монастыри, ихъ основатели-подвижники, каковы преп. Антоній, преп. Феодосій и преп. Сергій, самоотверженные проповѣдники вѣры среди язычниковъ, каковы св. Исаія, св. Леонтій и св. Стефанъ своими трудами, слезами и молитвами глубоко закладывали въ сердцахъ русскихъ людей завѣты и идеалы истинно-христіанской жизни. Христова вѣра помогла пережить невыносимое иго татарское. Православіе одушевило, и Православная

Церковь благословила свергнуть это иго. Въ смутные годы Россія спаслась, объединившись подъ знаменемъ Православія, поднятымъ Троице-Сергіевою Лаврой. Въ-ра Христова помогала народу переносить тяжесть крѣпостного состоянія. Словомъ, куда мы ни оглянемся, куда ни посмотримъ, всюду видимъ, что христіанство, въ его чистѣйшемъ выраженіи – Православіи, составляетъ самую душу жизни русскаго народа. Однако никогда еще, кажется, Православіе и Русская Православная Церковь не подвергались столь многимъ и столь ожесточеннымъ нападкамъ, какъ въ настоящее время.

Не разбирая подробно всѣхъ этихъ обвиненій, мы скажемъ только, что во всѣхъ нихъ заключается одно основное заблужденіе – изъ-за частныхъ, временныхъ и внѣшнихъ сторонъ и условій церковной жизни обвинители Церкви не замѣчаютъ самого содержанія этой жизни, той животворной силы благодати Божіей, которая неизмѣнно пребываетъ въ Церкви Православной, и въ частности въ Церкви Русской, и которая и составляетъ самое драгоценнѣйшее для членовъ Церкви ея достоинство.

Что это животворная и спасительная сила благодати Божіей пребываетъ неизмѣнно въ Церкви, въ этомъ нельзя сомнѣваться уже по тому одному, что Церковь, основанная на землѣ Господомъ Иисусомъ Христомъ, призвана совершать на землѣ не свое дѣло, а дѣло Божіе. Она предназначена быть хранительницей на землѣ спасительной истины Божіей, совершительницей нравственного обновленія и духовнаго роста людей. Допустить, что Церковь измѣнила своему предназначенію, что

погасъ на землѣ свѣтильникъ истины и святости, воз-
женный не человѣческой, а Божественною рукою – не
значить ли это усумниться въ силѣ Божіей, отречься отъ
вѣры во Христа Сына Божія? Если Церковь утратила до-
вѣренную ей истину, если она заблудилась на распутіяхъ
жизни и потеряла вѣрный путь ко Христу, то не являют-
ся ли пустымъ звукомъ слова Спасителя: *Созижду цер-
ковь Мою, и врата ада не одолѣютъ Ей?* (Мѡ. 16, 18).

Итакъ, уже вслѣдствіе одного Божественнаго проис-
хождения Церкви и предназначенной ей свыше задачи,
Христосъ не можетъ оставить ее, но какъ въ первыя
времена христіанства, такъ и теперь неизмѣнно свѣтитъ
въ ней своимъ тихимъ небеснымъ свѣтомъ, и этотъ
внутренній въ Церкви свѣтъ видятъ тѣ, кто имѣетъ очи,
чтобы видѣть.

Что это действительно такъ, объ этомъ можно су-
дить и по плодамъ жизни церковной. *Не можетъ древо
добро плоды злы творити, ни древо зло плоды добры тво-
рити... Тъмже убо отъ плодъ ихъ познаете ихъ* (Мѡ. 7,
18, 20). Плоды Вселенской Церкви слѣдующіе –
мученики, святители, преподобные, безсребренники и
другіе, о подвигахъ которыхъ повѣствуетъ исторія Все-
ленской Церкви, и которые, какъ яркія звѣзды, свѣтятъ
своею внутреннею нравственною красотою всему чело-
вѣчеству.

Такіе же точно плоды приносить и наша Русская
Церковь. Достаточно вспомнить имена святыхъ – князя
Владимира, Антонія и Ѳеодосія Печерскихъ; Алексан-
дра Невского, Сергія Радонежскаго, Исаіи и Леонтія Рос-
товскихъ, Евфросиніи Полоцкой, Стефана Пермскаго,

Зосимы и Савватія Соловецкихъ, Петра, Алексія, Іоны и Филиппа Московскихъ, Димитрія Ростовскаго, Тихона Задонскаго, Серафима Саровскаго приснопамятныхъ: Филарета Московскаго, Филарета Кіевскаго, Іоанна Кронштадтскаго, Амвросія Оптинскаго и многихъ другихъ, чтобы увидѣть это. На протяженіи цѣлаго тысячелѣтія Русская Церковь воспитываетъ въ нѣдрахъ своихъ сонмы святыхъ, т. е. людей, исполненныхъ духа Христова. Откуда же она почерпаетъ силу для этого, если съ нею не пребываетъ Христось, если сила благодати Божіей не почиваетъ въ ней, не одушевляетъ ее? Эту пребывающую въ Русской Церкви силу благодати Божіей, дѣйствующую въ ней во всѣ времена – и во времена митрополитовъ, и во времена патріарховъ, и въ синодальный періодъ, – чувствовали наши предки, чувствуемъ всѣ мы – вѣрныя чада Церкви, ибо и мы всѣ ею освящаемся.

А если такъ, если плоды, приносимые Русскою Церковью одинаковы съ плодами Церкви Вселенской, если Русская Церковь сообщаетъ своимъ членамъ благодатную жизнь такъ же, какъ и Церковь Вселенская, то очевидно, что ни Русская, ни Вселенская Церковь не омертвѣли, что духъ и жизнь не отлетѣли отъ нихъ, несмотря на тѣ или другія, по-видимому, неблагоприятныя условія ихъ внѣшняго положенія.

Однимъ изъ главныхъ центровъ, гдѣ сосредоточивается жизнь Церкви, гдѣ идетъ упорная борьба за сохраненіе живой вѣры въ Бога и за согласованіе съ этою вѣрою всей жизни или, иначе сказать, гдѣ упорно борются съ грѣхомъ во имя святости и чистоты жизни, являются

православные монастыри. На них-то съ особенною силою и обрушивается злоба отрицающаго Церковь невѣрія. Защитить отъ несправедливыхъ обвиненій церкви и монастыри, открыть очи слѣпымъ и уши глухимъ нельзя одними словами, одними возраженіями. Лучшимъ средствомъ показать обществу правду Церкви должно считать ознакомленіе общества съ живыми плодами истинной церковной жизни, по слову Евангелія: *прииди и виждь* (Ин. 1, 46), виждь, что даетъ Церковь обществу, виждь ея неоцѣнимое значеніе для него!

Однимъ изъ такихъ зрѣлыхъ плодовъ жизни церковной является Оптинскій старецъ іеросхимонахъ Амвросій, скончавшійся 20 лѣтъ тому назадъ, коего біографическій очеркъ и предлагается нами вниманію читателей.

Пусть предлагаемое нами жизнеописаніе этого замѣчательнаго старца не только доставитъ утѣшеніе людямъ вѣрующимъ, но и покажетъ невѣрующимъ, что все богатство своего духа, всю силу своего милосердія и любви, всю проницательность своего разума этотъ дивный старецъ развилъ изъ нѣдръ Русской Церкви, вселенскаго Православія, древняго и русскаго монашества, коимъ онъ принадлежалъ всѣмъ своимъ существомъ и подъ воздѣйствіемъ которыхъ онъ возросъ и воспитался, и пусть, видя это, и они почувствуютъ истину и силу Православія, почувствуютъ правду и красоту Русской Церкви, ощутятъ въ ней силу благодати Божіей, и съ радостью въ сердцѣ увидятъ въ Церкви оплотъ истины Божіей на землѣ, сокровищницу высокихъ благодатныхъ дарованій и путь къ небесному блаженству.

Глава II

ОБЩІЯ ЧЕРТЫ ДУХОВНАГО ОБЛИКА СТАРЦА О. ІЕРОСХИМОНАХА АМВРОСІЯ

Не тѣсно вмѣщается въ насъ
(2 Кор. 6, 12)

Недалеко отъ уѣзднаго города Козельска, въ трехъ верстахъ, въ Оптиной Пустыни, есть завѣтная, дорогая для православнаго русскаго сердца могила – старца іеросхимонаха Амвросія, «батюшки Абросима», какъ называль и называетъ его простой народъ. Эта могила находится по правую сторону отъ главнаго монастырскаго храма Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы. Надъ могилою привѣтливо бѣлѣтъ небольшая часовенка, внутри которой съ лѣвой стороны помѣщается бѣлый мраморный надгробный памятникъ съ трогательною надписью, точно опредѣляющею значеніе личности и жизни Старца: *Быхъ немощнымъ яко немощень, да немощныя приобрящу. Встѣмъ быхъ вся, да всяко нѣкія спасу* (1 Кор. 9, 22).

По стѣнамъ часовни висятъ святыя иконы: Воскресенія Христова, Казанской Божіей Матери, особенно чтимой Старцемъ, и св. Амвросія, епископа Медіолан-

скаго, его небеснаго покровителя. Предъ иконами теплятся неугасимыя лампы. Тихимъ покоемъ, благоговѣйною молитвою вѣтъ и въ самой часовнѣ и вокругъ нея. Богомольцы любятъ посѣщать это мѣсто, служить на могилѣ панихиды по Старцѣ и изливаютъ ему, какъ живому, свои многочисленныя скорби и нужды.

Много лѣтъ прошло со дня кончины о. Амвросія, а народная тропа къ его могилкѣ не зарастаетъ травою, и благоговѣйная память о немъ и искренняя вѣра въ него, какъ въ небеснаго покровителя и помощника, не только не ослабѣваютъ въ обители и въ народѣ. но по видимому все болѣе и болѣе распространяются и крѣпнута.

Чѣмъ же такъ привлекъ и привлекаетъ къ себѣ сердца людей о. Амвросій? На старцѣ Амвросіи, очевидно для всѣхъ, почивала великая сила благодати Божіей, наполнявшая сердце его неисчерпаемою радостью и любовью, а умъ — премудростію и прозорливостію, дѣлавшая его въ истинномъ смыслѣ христіанскимъ мудрецомъ, умѣвшимъ разъяснить самыя запутанныя и мучительныя загадки жизни; выводить изъ самыхъ затруднительныхъ и, повидимому, безысходныхъ нравственныхъ и матеріальныхъ запутанныхъ обстоятельствъ. Въ продолженіе болѣе тридцати лѣтъ онъ былъ заботливою, любящею матерью страждущаго человечества: къ нему ежедневно приходили десятки и сотни людей самаго разнообразнаго званія и состоянія, каждый со своимъ недоумѣніемъ, со своею просьбою, со своею скорбью, и никто не былъ имъ отринутъ, никто не уходилъ отъ него необласканнымъ, неутѣшеннымъ, неуспокоеннымъ. Въ его маленькой келліи и вокругъ

нея толпились монахини, монахи, крестьяне, купцы, помѣщики, священники, студенты университета и духовныхъ академій, гимназисты, гимназистки, курсистки, врачи, писатели, сановники... Его бесѣды искали епископы, Великіе Князья! И каждому у него находилось соотвѣтствующее «слово на пользу»! Со всѣми онъ былъ одинаково обходителенъ, простъ, вразумителенъ! И всѣ чувствовали себя передъ нимъ, какъ дѣти предъ опытнымъ, добрымъ, мудрымъ отцомъ!

Всѣ свои отношенія къ людямъ онъ устанавливалъ исключительно на интересахъ совѣсти приходившихъ къ нему; ему было дорого, прежде всего, вѣчное спасеніе той души, которая ввѣряла себя его попеченію! Оттого-то всѣ его отношенія къ людямъ были такъ святы, просты, безкорыстны и значительны! Оттого-то такъ и льнули къ нему души, такъ и стремились открыться предъ нимъ до самаго дна! А если кто и не умѣлъ этого сдѣлать, то самъ Старецъ помогаль ему, ибо онъ имѣлъ удивительный даръ проникать во внутренній міръ людей, читать въ сердцахъ ихъ, какъ въ раскрытой книгѣ, и разяснять имъ то, чего они сами въ себѣ не понимали и даже не замѣчали!

Разносторонность и богатство его духа были необычайны. Онъ совмѣшалъ въ себѣ и живую вѣру, и дѣятельную жизнь, и строгость, и ласку, и серьезность, и шутливость, и собранность духа, и разговорчивость, и уединенность, и общительность, и величіе духа, и простоту, и обширныя теоретическія познанія, и житейскую опытность, и всецѣлую жизнь въ Богѣ, и хозяйственную практичность!

Старець Амвросій былъ мудрець, – но его мудрость не была простымъ многознаніемъ или богословскою начитанностью; это была громадная опытность ума и сердца въ глубочайшихъ переживаніяхъ христіанскихъ чувствованій и умѣнье пользоваться этою опытностью применительно къ даннымъ людямъ и къ даннымъ обстоятельствамъ. Въ своихъ совѣтахъ онъ обыкновенно не бывалъ многословенъ, но онъ умѣлъ однимъ мѣткимъ словомъ, шуткою, однимъ движеніемъ, поговоркою попадать въ самое больное мѣсто вопрошавшаго, ободрять его, утѣшать и указывать ему жизненный выходъ.

И настолько была велика жизненная мудрость о. Амвросія, столько въ немъ было отзывчивой теплоты чувства, такъ умѣлъ онъ понять cadaго челоѣка и подойти къ его душевнымъ ранамъ, что не только простой народъ, искони льнуцій къ монастырямъ и старцамъ, но и сама наша интеллигенція, столь нерѣдко слабая въ вѣрѣ, измученная сомнѣніями, малодушная, ропшущая, самолюбивая, нетерпѣливая, а иногда и враждебная къ Церкви и всему церковному, замѣтила его, оцѣнила его и потянулась къ нему, чтобы отогрѣться у его нѣжнаго, любящаго сердца и поучиться у него мудрости христіанской! И отогрѣвалась, и научалась!

Такимъ образомъ, о. Амвросій явился во 2-й половинѣ девятнадцатаго столѣтія тѣмъ связующимъ звеномъ между образованнымъ обществомъ, народомъ и Церковью, необходимость котораго давно уже ощущается въ нашей русской общественной жизни и которымъ до извѣстной степени являлась и сама Оптиная Пустынь

еще въ первой половинѣ девятнадцатаго столѣтія, когда подъ ея сѣнью объединялись съ одной стороны – старцы Леонидъ, Макарій, Моисей и Антоній, съ другой стороны – братья Кирѣевскіе, Гоголь, Шевыревъ и другіе представители русской интеллигенціи того времени.

И въ этомъ обстоятельствѣ заключается новая особая заслуга старца Амвросія предъ русскимъ народомъ, предъ русскою исторіею, заслуга, въ которой онъ никѣмъ другимъ еще не былъ превзойденъ.

Обрисовавъ въ общихъ чертахъ нравственный обликъ старца о. Амвросія и указавъ его значеніе для русскаго народа, обратимся теперь къ болѣе подробному и послѣдовательному изображенію его жизни и личности.

Глава III

ЮНЫЕ ГОДЫ О. АМВРОСІЯ ВЪ ДОМѢ И ВЪ ШКОЛѢ

Таковыхъ бо есть царствіе Божіе
(Мк. 10, 14)

Отецъ Амвросій, въ мірѣ Александръ Михайловичъ Гренковъ, былъ сыномъ пономаря села Большой Липовицы Тамбовской губерніи Михаила Θεодоровича и его жены Марѣы Николаевны, имѣвшихъ многочисленную семью и жившихъ въ домѣ своего отца, священника того же села и благочиннаго Θεодора Егоровича. 23 ноября 1812 года въ домѣ о. Θεодора по случаю какого-то семейнаго торжества было большое собраніе гостей. И вотъ – въ этотъ-то именно день и родился Александръ Михайловичъ.

Разсказывая впослѣдствіи объ этомъ, о. Амвросій любилъ пошутить: «На людяхъ я родился, на людяхъ и живу».

Родители Старца были люди глубоко благочестивые.

О своей матери Марѣѣ Николаевнѣ онъ отзывался впослѣдствіи так: «Она жила благочестиво, спасалась

по-своему». Строй семейной жизни, по обычаю духовенства того времени, был простой, строгий, церковно-православный. О раннем дѣтствѣ Александра Михайловича сохранилось немного свѣдѣній. Росъ онъ мальчикомъ живымъ, веселымъ, рѣзвымъ, непосидчивымъ. Заставить его, напримѣръ, мать качать колыбель младшаго брата, а ему скучно. Вотъ онъ выждетъ минуточку, когда мать выйдетъ изъ комнаты, выпрыгнетъ въ окошко и убѣжитъ играть съ товарищами. Саша любилъ пріятелей, лошадокъ, голубей, сельское приволье, любилъ возиться съ братьями и сестрами.

Его рѣзвость и непосидчивость не нравились, однако, строгимъ старшимъ членамъ семьи, и ему неоднократно приходилось выслушивать укоризны и отъ матери, и отъ бабки, а дѣдъ иногда диралъ его и за вихорь. Сашѣ казалось, что его не любятъ родные, онъ завидовалъ своимъ братьямъ и сестрамъ, но онъ ошибался: его любили, только держали построжее другихъ. Строгий укладъ жизни священническаго дома стараго времени былъ несомнѣнно полезенъ для живого мальчика – онъ умѣрялъ его шаловливые порывы и напечатлѣвалъ въ его душѣ сознаніе важности и серьезности жизни.

Когда Саша подростокъ, его, помолясь Богу, стали учить грамотѣ. Учили, какъ было принято, по церковно-славянскому букварю, Часослову и Псалтири, и вдохновенныя пѣсни царя Давида, съ самаго ранняго возраста стали оглашать слухъ и западать въ сердце будущаго великаго старца. Каждый праздникъ, а то и чаще, отецъ бралъ Сашу съ собою въ храмъ Божій, и онъ скоро научился тамъ пѣть и читать на клиросѣ. Пришло время

отдавать Сашу и въ школу. Школьное ученіе мальчика началось сравнительно поздно. Ему было уже 12 лѣтъ, когда его отвезли въ 1-й классъ Тамбовскаго духовнаго училища. Тамъ уже учился въ это время его старшій братъ, которому училищное начальство дало фамилію «Гренковъ». Эта фамилія утвердилась и за Сашей. Бѣдна, сурова, неприглядна была старая бурса! Но это не помѣшало Сашѣ сохранить и здѣсь свою природную веселость и живость характера и учиться съ большимъ успѣхомъ. Темныя стороны жизни бурсы, печальное зрѣлище бѣдности и забитости многихъ товарищей и ихъ родителей только сильнѣе разожгли въ мальчикѣ собственное ему отъ природы чувство состраданія и жалости ко всѣмъ скорбящимъ и обремененнымъ! Онъ и самъ умѣлъ цѣнить оказываемую ему ласку, каковой, по всей вѣроятности, бывало немного въ тогдашней школѣ. «Когда я былъ мальчикомъ, – рассказывалъ онъ о себѣ впослѣдствіи, – былъ у насъ общій портной. Я былъ высокенькій, и онъ меня все Сашей звалъ; другихъ же моихъ товарищей такъ ласково не называлъ; признаюсь, меня это очень трогало». Этотъ, повидимому, маловажный случай много говоритъ и о чуткомъ сердцѣ мальчика, жаждавшемъ ласки и любви, и о способности его уже въ эти дѣтскіе годы внушать къ себѣ любовь со стороны окружающихъ. Сашу любили и товарищи за его веселость и доброту. На праздники Рождества Христова и Пасхи Саша вмѣстѣ съ старшимъ братомъ пріѣзжалъ домой въ родное село, гдѣ другой ихъ братъ, бывшій уже причетникомъ, каталъ ихъ на лошади по селу и доставлялъ имъ другія незатѣйливыя сельскія развлеченія.

Будучи сыномъ небогатаго и многосемейнаго причетника, Саша пользовался въ училищѣ полуказеннымъ содержаніемъ. Учился же онъ такъ хорошо, что изъ 148 своихъ товарищей по классу окончилъ курсъ духовнаго училища первымъ по списку.

18-ти лѣтъ Александръ Гренковъ поступилъ въ Тамбовскую духовную семинарію. И здѣсь онъ учился очень хорошо благодаря своимъ прекраснымъ способностямъ. Его товарищъ по семинаріи рассказывалъ: «Бывало, на послѣднія копѣйки купишь свѣчку, твердишь, твердишь заданные уроки; онъ же и мало занимается, а придетъ въ классъ, станетъ отвѣчать наставнику, какъ по писанному, лучше всѣхъ!» И въ семинаріи Гренковъ всегда былъ душою товарищескаго кружка. Но, любя общество, будучи веселымъ, жизнерадостнымъ и остроумнымъ юношей, онъ всегда сохранялъ нравственную чистоту и скромность, внутреннюю строгость духа и глубокое, искреннее религіозное чувство, что, можетъ быть, и привлекало къ нему особенно сердца всѣхъ. Уже будучи старцемъ, онъ живо припоминалъ и интересно рассказывалъ многіе случаи изъ своей семинарской жизни, причемъ мѣтко характеризовалъ нѣкоторыхъ изъ своихъ ректоровъ и наставниковъ. Между прочимъ о. Амвросій рассказывалъ и о томъ, какъ онъ пробовалъ, будучи въ семинаріи, писать стихи. «Признаюсь вамъ, – говорилъ онъ, – пробовалъ я разъ писать стихи, полагая, что это легко. Выбралъ хорошее мѣстечко, гдѣ были долины и горы, и расположился тамъ писать. Долго-долго сидѣлъ я и думалъ, что и какъ писать, да такъ ничего и не написалъ. Это похоже на то, какъ

разсказывали мнѣ про одного лаврскаго монаха, на котораго, вѣроятно, сочинили академики, что онъ, пробуя тоже писать стихи, написалъ такъ:

Тече, тече Днѣперъ тихій.

Писалъ сіи стихи монахъ Исихій».

Не сдѣлавшись поэтомъ, онъ, однако, будучи уже старцемъ, любилъ по временамъ говорить своимъ слушателямъ наставленія въ риѣму для того, по всей вѣроятности, чтобы грубая правда въ его устахъ не казалась столь тяжкою для самолюбивыхъ сердецъ и, растворенная шуткою и складною формою, охотнѣе ими воспринималась и крѣпче запоминалась.

Глава IV

ЗОВЪ БОЖІЙ

*Многи мысли въ сердцы мужа:
совѣтъ же Господень во вѣкъ пре-
бываетъ.*

(Притч. 19, 21)

*Отъ Господа стопы человѣку
исправляются.*

(Пс. 36, 23)

мѣя отъ природы веселый и живой характеръ, любя общество людей, увлекаясь пѣніемъ и музыкой и даже одно время мечтая о поступленіи въ военную службу, Александръ Михайловичъ и не думалъ быть монахомъ. Но, видно, мысли наши – не мысли Божіи, и пути наши – не пути Божіи. «Въ монастырь я не думалъ никогда идти, – говорилъ впослѣдствіи самъ Старецъ, – впрочемъ, другіе почему-то предрекали мнѣ, что я буду въ монастырѣ». То обстоятельство, что другіе провидѣли въ Александрѣ Михайловичѣ будущаго инока, очень замѣчательно: оно показываетъ, что несмотря на свою веселость и общительность, Александръ Михайловичъ былъ и казался другимъ человѣкомъ, «не отъ міра сего».

Это значитъ, что уже въ годы своей ранней молодости онъ, замѣтно для всѣхъ, не имѣлъ дѣйствительной, внутренней привязанности ни къ чему мірскому, былъ настолько чистъ сердцемъ, настолько внутренне былъ съ Богомъ, что ему и люди не могли предназначать иного пути жизни, какъ путь всецѣлаго посвященія себя Богу въ монашествѣ.

И хотя самъ Александръ Михайловичъ и не отдавалъ еще себѣ яснаго отчета въ своемъ жизненномъ призваніи, но бывали моменты, когда это призваніе неожиданно и властно заявляло само о себѣ въ его душѣ.

Такъ за годъ до окончанія курса въ семинаріи Александръ Михайловичъ заболѣлъ очень серьезно. Надежды на выздоровленіе почти не было.

«Всѣ отчаялись въ моемъ выздоровленіи, – рассказывалъ о. Амвросій, – мало надѣялся на него и я самъ. Послали за духовникомъ. Онъ долго не ѣхалъ. Я сказалъ: «Прощай, Божій свѣтъ!» И тутъ же далъ обѣщаніе Господу, что если Онъ воздвигнетъ меня здоровымъ отъ одра болѣзни, то я непременно пойду въ монастырь».

Не думавшій, какъ онъ самъ говорить, никогда о монастырѣ, Александръ Михайловичъ вдругъ даетъ обѣтъ сдѣлаться монахомъ. Не ясно ли изъ этого, что этотъ обѣтъ, невѣдомо для него самого, давно уже сложился и жилъ въ глубинѣ его сердца, уже былъ тамъ крѣпко напечатлѣнъ всѣми предшествующими обстоятельствами его жизни и чертами его личнаго характера, и что только не доставало подходящаго случая для того, чтобы онъ ясно вспыхнулъ въ сознании благочестиваго юноши?

Такимъ образомъ, уже въ 1835 году, будучи 23-хъ лѣтъ отъ роду, Александръ Михайловичъ предъ лицомъ угрожавшей ему смерти опредѣлилъ себѣ свой жизненный путь. Но этотъ путь вмѣстѣ съ тѣмъ и испугалъ его. Испугала его та великая отвѣтственность, которую онъ готовился принять на себя предъ лицомъ Бога и людей, страшилъ его и разрывъ съ свѣтлыми сторонами жизни въ міру. Въ душѣ его началась жестокая внутренняя борьба между принятымъ рѣшеніемъ и невольными сомнѣніями.

Пригоденъ ли онъ для избираемаго пути? Серьезно ли принятое имъ рѣшеніе? Не беретъ ли онъ на себя легкомысленно непосильное бремя? Не впадаетъ ли въ самообольщеніе? Такіе и подобные вопросы не могли не приходить ему въ голову, не могли не смущать его духа. Четыре года провелъ онъ въ этой тяжелой внутренней борьбѣ, тщательно скрывая отъ всѣхъ свое душевное состояніе и ожидая опредѣленнаго указанія свыше, отъ Господа.

Конечно, пока онъ еще находился въ семинаріи, онъ не могъ серьезно думать о приведеніи своего обѣта въ исполненіе: надо было сначала закончить свое образованіе. Но когда семинарскій курсъ былъ оконченъ, для Александра Михайловича явилась необходимость опредѣлить свой дальнѣйшій жизненный путь! Не чувствуя еще въ себѣ рѣшимости принять монашество, онъ хотѣлъ избрать для себя такое общественное положеніе, которое давало бы ему возможность во всякій данный моментъ свернуть съ него туда, куда влекло его чувство долга, но къ чему онъ еще не чувствовалъ себя

достаточно созрѣвшимъ. Поэтому онъ не пошелъ ни въ духовную академію, которая связала бы его свободу снова на нѣсколько лѣтъ, не пошелъ онъ тѣмъ болѣе и во священники... Онъ съ радостью принялъ предложеніе одного помѣщика быть домашнимъ учителемъ его дѣтей. Въ этой должности онъ пробылъ болѣе года. И уже здѣсь стало въ немъ замѣтно обнаруживаться его удивительное знаніе людей и умѣніе обращаться съ ними, направляя ихъ въ добрую сторону. «Бывало, – рассказывалъ онъ впослѣдствіи, – размолвятъ мужъ съ женою, и оба обращаются ко мнѣ съ жалобами другъ на друга. Думаю себѣ: какъ тутъ быть? Они хотя и поразмолвили, а черезъ часъ или два опять помирятся. А мнѣ, если хоть разъ принять одну чью-либо сторону, нужно черезъ это вооружить противъ себя другую. Такъ, бывало, слушаю только ихъ жалобы, а самъ посматриваю на нихъ да молча улыбаюсь. Вскорѣ хозяева мои, конечно, мирились, и я былъ съ обоими ими въ хорошихъ отношеніяхъ». Изъ этого рассказа видно, что уже въ то время, когда А. М. было всего 25 лѣтъ, окружающіе его люди, подчиняясь его вліянію, сами опредѣляли ему особое мѣсто въ своемъ кругу, дѣлая его судьбою интимныхъ случаевъ своей жизни. Въ Александрѣ Михайловичѣ опредѣлялся уже понемногу будущій старецъ съ его участливостью къ людямъ и умѣньемъ вывести ихъ изъ затруднительнаго положенія. Живя въ семьѣ помѣщика, Александръ Михайловичъ впервые близко познакомился съ свѣтскимъ обществомъ, что принесло ему большую пользу, расширивъ его жизненный опытъ.

Между тѣмъ въ Липецкомъ духовномъ училищѣ открылась вакансія преподавателя. Александръ Михайловичъ выразилъ желаніе занять эту должность и былъ опредѣленъ къ ней 7 марта 1838 года.

Какъ преподаватель духовнаго училища Александръ Михайловичъ оставилъ по себѣ свѣтлую память. Умный, вдумчивый, наблюдательный, живой, веселый, чрезвычайно добрый и вмѣстѣ съ тѣмъ строгій тѣмъ особымъ видомъ строгости, который вырабатывается въ человѣкѣ высокимъ понятіемъ о чести и обязанностяхъ человѣка, онъ былъ незамѣнимымъ воспитателемъ юныхъ душъ и прекраснымъ членомъ училищной корпораціи. Казалось бы, ему теперь предстояла ровная, безмятежная жизнь за любимымъ дѣломъ въ кругу искренно расположенныхъ къ нему сослуживцевъ. Но на самомъ дѣлѣ было не такъ. Неотступная дума о монашествѣ, о принятомъ обѣтѣ не покидала его сердца. Переходы отъ внѣшней многопопечительной дѣятельности и отъ свѣтскихъ развлеченій въ кругу молодежи ко внутреннимъ уединеннымъ бесѣдамъ со своею совѣстью становились все острѣе, все мучительнѣе. Совѣсть неумолимо казнила его за неисполненіе даннаго обѣта, за пустое времяпрепровожденіе. Глубоко вѣрующій Александръ Михайловичъ искалъ тогда утѣшенія и успокоенія въ пламенной молитвѣ. Ночью, когда его товарищи по службѣ, съ которыми онъ жилъ на одной общей казенной квартирѣ, засыпали, онъ становился передъ иконою Царицы Небесной, именуемой «Тамбовскою», своимъ родительскимъ благословеніемъ, и долго-долго, незримо и не-

слышимо для людей, молили Божію Матерь управить путь его. Однако объ этихъ его ночныхъ молитвахъ скоро узнали товарищи, и нѣкоторые изъ нихъ даже позволили себѣ неумѣстныя надъ нимъ насмѣшки. Тогда А. М. сталъ прятаться на чердакъ и тамъ продолжалъ изливать свои молитвенныя чувства къ Заступницѣ рода христіанскаго. Уединенная пламенная молитва, а отчасти и переносимыя изъ-за нея насмѣшки со стороны товарищей, все болѣе и болѣе закрѣпляли въ душѣ молодого человѣка чувство серьезной и глубокой любви къ Богу. Мысль о Богѣ все болѣе и болѣе овладѣвала его сердцемъ, становилась для него все сладостнѣе, все ближе. Чтобы полнѣе и безпрепятственнѣе отдаваться этому растущему чувству богообщенія – Александръ Михайловичъ сталъ уходить за городъ. Вблизи Липецка, по ту сторону рѣки Воронежа, виднѣется и теперь огромный, казенный лѣсъ, напоминающій Оптинскіе лѣса. Туда нерѣдко, въ свободное отъ занятій время, любилъ уходить Александръ Михайловичъ для уединенной прогулки и богомыслія. Однажды во время такой прогулки онъ случайно подошелъ къ протекавшему ручейку и сталъ прислушиваться къ его журчанью. Въ этомъ журчаніи ручейка ему ясно стали слышаться слова: «Хвалите Бога, храните Бога!» «Долго стоялъ я, слушая этотъ таинственный голосъ природы, и очень удивлялся», – рассказывалъ впослѣдствіи Старецъ. Сердце его еще живѣе ощутило близость Бога, еще горячѣе зажглась въ немъ пламенная молитва, еще рѣшительнѣе потянуло его изъ міра, подъ сѣнь уединенной, тихой иноческой обители.

Сознавая всю великую важность складывавшагося въ душѣ его жизненнаго рѣшенія, Александръ Михайловичъ страшился принять его на свою единоличную отвѣтственность. Ему хотѣлось найти для себя нравственную опору въ другой сильной и святой волѣ, которая благословила бы его на избранный путь и освободила бы его душу отъ мучительнаго чувства одиночества при принятіи столь рѣшительнаго шага.

Наступило лѣто 1839 года. Экзамены въ духовномъ училищѣ окончились, и школьники разбрелись по родительскимъ домамъ. Наступилъ отдыхъ и для преподавателей. Александръ Михайловичъ проводилъ лѣто у своего друга, сына священника села Сланскаго, Павла Степановича Покровскаго. Недалеко отъ с. Сланскаго жилъ въ то время знаменитый Троекуровскій затворникъ о. Иларіонъ, къ которому многіе обращались за совѣтами и лично, и письменно. Задумали побывать у затворника и наши друзья, чтобы испросить у него совѣта и благословенія на дальнѣйшій образъ жизни.

Отдохнувъ нѣкоторое время въ Сланскомъ, молодые люди отправились пѣшкомъ въ Троекурово, находившееся отъ Сланскаго въ 30 верстахъ. Отецъ Иларіонъ принималъ ихъ ласково. Глубоко трепетало сердце Александра Михайловича, когда, изложивъ старцу свои думы и чувства, онъ услышалъ отъ него слова: «Иди въ Оптину! Можно бы и въ Саровъ пойти, но тамъ уже нѣтъ теперь такихъ старцевъ, какъ прежде». При этомъ, какъ передаютъ нѣкоторые, о. Иларіонъ прибавилъ: «Ты въ Оптиной нуженъ!»

Итакъ, жребій, казалось, былъ брошенъ. Но благоразумный и осторожный Александръ Михайловичъ все еще не спѣшилъ осуществить желаніе своего сердца — онъ хотѣлъ получить еще одно благословеніе, благословеніе великаго игумена всея Россіи, преподобнаго Сергія, Радонежскаго чудотворца, основателя монашеской жизни въ сѣверныхъ предѣлахъ нашего отечества. Такъ какъ времени до начала учебныхъ занятій въ училищѣ оставалось еще не мало, то онъ уговорилъ своего друга предпринять новое путешествіе въ Троице-Сергіеву Лавру.

Павель Степановичъ, самъ чувствовавшій влеченіе къ монашеству и любившій посѣщать святыя обители, съ радостью согласился. Начались сборы. Александръ Михайловичъ своими руками гнулъ изъ молодыхъ вѣтокъ дуги, прикрѣплялъ ихъ къ задней части простой деревенской телѣги и укрывалъ ихъ войлокомъ и рогожами, чтобы имѣть защиту отъ дождя и солнечнаго зноя. Священникъ Стефанъ Покровскій, отецъ Павла Степановича, сочувствовавшій поѣздкѣ молодыхъ людей, далъ имъ съ радостью, несмотря на рабочую пору, собственную лошадь. Наконецъ все было готово для пути. Погода благопріятствовала, и юные друзья двинулись въ дорогу, бодрые и веселые, напутствуемые благословеніями и благожеланіями родныхъ и знакомыхъ.

Какъ легко и радостно стало на душѣ ихъ, когда широкій просторъ полей, освѣжаемыхъ легкимъ вѣтеркомъ, и безпредѣльная глубина синяго неба охватили ихъ со всѣхъ сторонъ! Души ихъ, казалось, погружались

въ бездну безпредѣльности, соприкасались инымъ мірамъ и ощущали на себѣ живое прикосновеніе Всемогущаго Бога! Въ общеніи съ природой, въ общеніи съ людьми – незамѣтно проходили для нихъ день за днемъ, и наконецъ, миновавъ шумную Москву, прибыли они въ Троице-Сергіеву Лавру.

По установившемся обычаю побывали они и въ Хотьковскомъ женскомъ монастырѣ, гдѣ поклонились могиламъ родителей прпп. Сергія, Кирилла и Маріи. Тамъ же А. М. долго бесѣдоваль наединѣ съ затворницей Марѳой, но что они говорили, осталось тайной.

Неизъяснимое чувство умиленія охватило здѣсь душу Александра Михайловича! Онъ увидѣлъ предъ собою тѣ холмы, которые, будучи нѣкогда покрыты дремучимъ лѣсомъ, были свидѣтелями уединенныхъ молитвенныхъ подвиговъ юнаго Сергія! Какъ эти подвиги были понятны, были плѣнительны для его собственного благоговѣйнаго сердца! Вотъ источникъ, проистекшій по молитвѣ преподобнаго! Вотъ та дивная келлія, нынѣ обращенная въ часовню, гдѣ въ продолженіе всей ночи возносились пламенные молитвы преп. Сергія, черезъ порогъ которой однажды переступили стопы Богоматери, гдѣ и нынѣ такъ дивно совершается «утру глубоку» каждую субботу умиленный параклисисъ въ память этого чудеснаго посѣщенія! А вотъ и самый храмъ, гдѣ нетлѣнно почиваютъ святыя мощи великаго угодника Божія! Сколько мыслей, сколько великихъ воспоминаній, сколько глубокихъ и сладостныхъ чувствъ нахлынуло въ юную, чистую, чуткую душу Александра Михайловича, когда онъ припалъ къ землѣ у гробницы

великаго молитвенника земли русской, испрашивая себѣ благословенія, помощи, укрѣпленія на избираемый путь жизни! И молитва его, конечно, не была тщетна. Глубокій внутренній миръ и спокойная рѣшимость слизошли въ душу его въ этомъ священномъ мѣстѣ. Юные богомольцы поговѣли здѣсь, исповѣдались и причастились Св. Христовыхъ Таинъ. Наконецъ дни богомоленія окончились. Наступило время отправляться въ обратный путь. Съ грустнымъ, но и съ благодарнымъ чувствомъ, полные пережитыхъ высокихъ впечатлѣній, покинули наши паломники святую обитель. Незамѣтно совершили они свою обратную дорогу, а по окончаніи каникулъ возвратились въ Липецкъ.

Намѣреніе Александра Михайловича опредѣлилось окончательно, и онъ сталъ ожидать благопріятнаго случая для его осуществленія или, лучше сказать, послѣдняго рѣшительнаго зова Божія. Зовъ этотъ скоро и послѣдовалъ. Начались учебныя занятія, Александръ Михайловичъ приступилъ къ своимъ урокамъ.

Какъ-то въ концѣ сентября Александръ Михайловичъ вмѣстѣ со своими сослуживцами былъ у кого-то на вечеринкѣ. Было особенно весело. Александръ Михайловичъ былъ, что называется, въ ударѣ; онъ шутилъ, смѣялся, много говорилъ, заражалъ своей веселостью и гостей, и хозяевъ. Придя домой, онъ, однако, почувствовалъ небывалую еще тоску и укоры совѣсти. Внутренній голосъ властно сказалъ ему: «Будеть! Пора положить всему конецъ! Нельзя служить и Богу, и мамонѣ! Надо выбирать что-нибудь одно! Надо всецѣло прилѣпиться къ единому Богу! Надо бросить міръ!»

На другой день, встрѣтившись съ Покровскимъ, Александръ Михайловичъ сказалъ ему потихоньку отъ всѣхъ: «Ѣду въ Оптину». Тотъ изумился: «Какъ же ты поѣдешь? Вѣдь уроки только начались – тебя не пускать!» – «Ну что же дѣлать, – отвѣчалъ Александръ Михайловичъ, не могу больше жить въ міру; уѣду тайно, только ты никому объ этомъ не говори!»

И вотъ спустя немного времени Александръ Михайловичъ исчезъ изъ Липецка. Смотрителемъ училища былъ въ то время священникъ Кастальскій, настоятель Липецкаго собора. Исчезновеніе учителя поставило его въ затруднительное положеніе. Нужно было донести о случившемся семинарскому начальству, а вмѣстѣ съ тѣмъ жаль было и Александра Михайловича. Не зная, что предпринять, смотритель училища рѣшилъ до времени молчать объ исчезновеніи Александра Михайловича, выжидая дальнѣйшаго хода обстоятельствъ.

Глава V

ОПТИНА ПУСТЫНЬ – БЛАГОДАТНЫЙ УГОЛОКЪ РУССКОЙ ЗЕМЛИ

*Коль возлюбленна селенія Твоя, Господи
силь! Блажени живуцїи въ дому Твоемъ!
(Пс. 83, 1, 5).*

ока Александръ Михайловичъ, положившись на волю Божию, съ радостнымъ сердцемъ поспѣшаетъ къ цѣли своихъ стремлений – Оптиной Пустыни, скажемъ нѣсколько словъ объ этой святой обители. Возникновеніе Оптиной Пустыни нѣкоторые относятъ ко временамъ домонгольской древности. Сохранившіяся въ синодикахъ обители имена схимниковъ и схимницъ показываютъ, что первоначально обитель была «общая» и что она существовала уже въ XV вѣкѣ, такъ какъ въ началѣ XVI в. «общіе» монастыри были упразднены.

Первое письменное упоминаніе объ обители относится къ началу XVII в., когда въ обители была одна деревянная церковь и шесть келлій. Цари Михаилъ Ѳеодоровичъ, Алексѣй Михайловичъ и Ѳеодоръ Алексѣевичъ оказывали обители свою «милостыню».

Въ XVIII в. обитель, какъ и многія другія въ то тяжелое для монастырей время, пришла въ упадокъ, и къ концу этого вѣка въ ней оставалось всего три престарѣлыхъ монаха, изъ которыхъ одинъ былъ къ тому же слѣпой.

Своимъ возрожденіемъ обитель обязана знаменитому Московскому митрополиту Платону, въ вѣдѣніе котораго она поступила въ самомъ концѣ XVIII вѣка. Обѣзжая въ 1796 году свою епархію, онъ обратилъ вниманіе на чудесное мѣстоположеніе Оптиной Пустыни, нашель его очень удобнымъ для пустынножительства и рѣшилъ принять мѣры къ благоустроенію обители. Призвавъ къ себѣ настоятеля Пѣсношскаго монастыря о. Макарія, бывшаго ученикомъ знаменитаго Молдавскаго старца Паисія Величковскаго, митрополитъ потребовалъ отъ него способнаго и добросовѣстнаго человѣка, котораго онъ могъ бы послать настоятелемъ въ Оптину Пустынь. Отецъ Макарій отвѣтилъ: «Да у меня нѣтъ такихъ, Владыко святой! – А вотъ развѣ дать тебѣ огородника Авраамія?» – прибавилъ онъ, подумавши. Подъ предлогомъ производства покупокъ въ городѣ Авраамій былъ доставленъ въ Москву и представленъ митрополиту. Онъ произвелъ благопріятное впечатлѣніе на Владыку и немедленно же былъ отправленъ приводить въ порядокъ Оптину Пустынь. Неохотно принялъ на себя эту обязанность о. Авраамій. Прискорбно было ему разставаться со своимъ огороднымъ одиночествомъ. Но дѣлать было нечего – приходилось покориться. Прибывъ въ Оптину, о. Авраамій нашель тамъ крайнее запустѣніе. «Не было полотенца

рукъ обтирать служащему, а помочь горю и скудости было нечѣмъ; я плакалъ да молился, молился да плакалъ».

Проживши въ обители два мѣсяца и не видя ни откуда помощи, о. Авраамій упаль духомъ. Онъ отправился на Пѣсношь къ о. Макарію и сталъ просить своего бывшего настоятеля снять съ него непосильное бремя управленія Оптиной Пустынью.

Отецъ Макарій успокоилъ его и при помощи знакомыхъ помѣщиковъ снабдилъ множествомъ необходимыхъ для обители вещей, а также далъ ему нѣсколько добрыхъ помощниковъ изъ числа братій своего монастыря. Послѣ этого дѣло пошло иначе, и мало-помалу обитель начала приходить въ благоустройство. Отецъ Авраамій управлялъ Оптиной Пустынью 20 лѣтъ, онъ отдалъ ей всю свою душу и положилъ твердое основаніе ея послѣдующему благосостоянію духовному и матеріальному.

Послѣ митрополита Платона очень много добра сдѣлалъ Оптиной Пустыни епископъ Филаретъ, бывшій впослѣдствіи митрополитомъ Кіевскимъ. При немъ, въ настоятельство о. игумена Даніила, положено было въ 1821 году основаніе Іоанно-Предтеченскому скиту при Оптиной Пустыни, и привлечены были въ обитель для устроенія Скита братья-подвижники о. Моисей и о. Антоній (Путиловы). О дѣятельности этихъ замѣчательныхъ иноковъ, приведшей къ разцвѣту монашеской жизни въ обители, намъ придется еще говорить въ другомъ мѣстѣ, а потому, не распространяясь о нихъ здѣсь, перейдемъ къ описанію внѣшняго

вида Оптиной Пустыни и производимаго ею впечатлѣнія.

Оптина Пустынь расположена на правомъ берегу глубокой, хотя и не широкой рѣки Жиздры, у опушки вѣкового, величественнаго бора, протянувшагося на десятки верстъ кругомъ обители. Откуда бы ни приближался къ обители путникъ – по большой ли почтовой дорогѣ отъ Калуги, по луговому ли или лѣсному берегу отъ Козельска, глухою ли лѣсною дорогою отъ уѣзднаго города Лихвина, обитель производитъ на него одинаково сильное, неизъяснимо-сладостное, глубоко-умиротворяющее впечатлѣніе. Громадный сосновый боръ напоенъ чуднымъ живительнымъ ароматомъ, который, какъ благоуханіе необъятнаго кадила, возносится къ Престолу Божию. Подъ сводомъ вѣковыхъ сосенъ царитъ невозмутимая тишина, особенно въ тихій, жаркій лѣтній день. Лишь изрѣдка она нарушается шорохомъ падающей вѣтки, пролетѣвшей птички, пробѣжавшаго звѣрька. Тихо струится причудливо-извилистая, зеркально-серебристая въ изумрудной оправѣ береговъ Жиздра. Раскинувшійся на противоположномъ отъ монастыря берегу рѣки широкій лугъ радуется взоръ своею свѣжестью, пестрою множества разнообразныхъ цвѣтовъ. Бѣлыя постройки монастыря, синія главы церквей съ ихъ золотыми крестами красиво выступаютъ на темной зелени лѣса.

Виднѣющійся въ сторонѣ живописно расположенный г. Козельскъ оживляетъ мѣстность, не нарушая ея уединенія.

Но вотъ среди невозмутимой тишины природы раздается вдругъ мягкій звукъ монастырскаго колокола, и чѣмъ-то роднымъ, близкимъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и святымъ, небеснымъ повѣяло въ душу путника. Да, поистинѣ въ этой обители все полно удивительной гармоніи – и лѣсъ, и лугъ, и рѣка, и бѣлыя стѣны монастыря, и опрокинувшійся надъ всѣмъ этимъ необозримый небесный сводъ – все охватываетъ душу единымъ, цѣльнымъ впечатлѣніемъ, ставить ее невольно предъ лицомъ Божиимъ, наполняетъ ее отраднымъ чувствомъ умиленія!

Это первое впечатлѣніе не только не ослабляется, но еще болѣе усиливается при вступленіи въ самую обитель. Медленно движущійся паромъ, управляемый спокойнымъ и привѣтливымъ монахомъ, перевозитъ богомольца съ лугового на лѣсной – монастырскій – берегъ. Сойдя съ парома, богомолецъ прежде всего видитъ съ правой стороны укрѣпленный на столбѣ образъ Божіей Матери, какъ бы благословляющей вступленіе путника въ посвященную Ей обитель. Обогнувъ довольно обширный фруктовый садъ, путникъ подходитъ къ началу широкой и высокой каменной лѣстницы, ведущей къ Святымъ вратамъ. Вправо и влѣво отъ лѣстницы, съ наружной стороны монастырской ограды, тянутся двухэтажные корпуса монастырской гостиницы. Каменная выбѣленная монастырская ограда охватываетъ обитель широкимъ четырехугольникомъ. Поднявшись по лѣстницѣ, на одной изъ площадокъ которой помѣщается монастырская иконная и книжная лавка, богомолецъ чрезъ Святыя врата входитъ съ западной стороны во внутренній дворъ обители. Прямо передъ собой онъ видитъ

главный храм обители въ честь Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы, съ придѣлами во имя святителя Николая и преп. Пафнутія, Боровскаго Чудотворца. Направо, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Введенскаго храма, находится храмъ въ честь Казанской иконы Божіей Матери, а налѣво, къ сѣверу отъ Введенскаго храма, находится храмъ во имя преп. Маріи Египетской и св. праведной Анны, св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго и святителя Амвросія Медиоланскаго, съ очень красивымъ иконостасомъ. На востокъ отъ Введенскаго храма есть еще храмъ – въ честь Владимірской иконы Божіей Матери.

Такимъ образомъ, эти четыре главныхъ храма обители вмѣстѣ съ колокольнею, помѣщающейся надъ Св. вратами, составляютъ правильный четвероконечный крестъ. Вокругъ храмовъ – вдоль ограды – расположены монастырскія зданія: трапезная, братскія келліи и др. Все пространство между храмами занято частию братскимъ кладбищемъ, частию засажено фруктовыми деревьями.

Если выйти изъ монастырской ограды направо черезъ ворота, находящіяся въ южной сторонѣ ограды, то здѣсь мы увидимъ прекрасно устроенную монастырскую больницу съ храмомъ при ней во имя преп. Иларіона Великаго, а далѣе – къ югу – новое монастырское кладбище, «село скудельниче», по выраженію архимандрита Досіоея, съ церковью во имя Всѣхъ Святыхъ, за которымъ начинается лѣсъ.

Если выйти изъ монастырской ограды налѣво, черезъ ворота, находящіяся въ сѣверной сторонѣ ограды,

то здѣсь мы найдемъ новый гостинный дворъ, а далѣе прачечную, скотный дворъ, за которыми тянутся монастырскіе огороды. Наконецъ, если отъ Св. вратъ пройти прямо на востокъ, мимо Введенскаго храма, и выйти изъ ограда монастыря въ небольшія восточныя ворота, то мы вступимъ прямо въ густой лѣсъ, черезъ который ведетъ дорожка въ Скитъ, находящійся въ четверти версты отъ монастыря.

Внутри монастырской ограда, послѣ храмовъ, особенное вниманіе посѣтителей обители привлекаетъ къ себѣ братское кладбище.

Здѣсь – въ характерныхъ могильныхъ эпитафіяхъ – изображена интересная и поучительная духовная исторія братства обители, исторія внутренней жизни многихъ иноковъ и мірянъ, имѣвшихъ близкое духовное отношеніе къ обители.

Читая эти надписи, есть чему поучиться, есть о чемъ задуматься, есть надъ чѣмъ умилиться!

Вотъ, напримѣръ, рядомъ съ могилою о. Амвросія могила его наставника и предшественника по старчеству іеросхимонаха Макарія (родомъ изъ орловскихъ дворянъ), надпись на коей гласитъ, что «онъ дѣломъ и словомъ училъ особенно двумъ добродѣтелямъ – смиренію и любви». Рядомъ съ о. Макаріемъ похороненъ его предшественникъ по старчеству о. Леонидъ (изъ карачевскихъ гражданъ), который «оставилъ по себѣ память въ сердцахъ многихъ, получившихъ утѣшеніе въ скорбяхъ своихъ». У ногъ этихъ великихъ старцевъ находятся могилы духовныхъ дѣтей о. Макарія – Ивана Васильевича и Петра Васильевича Кирѣевскихъ, столь

извѣстныхъ въ исторіи русскаго просвѣщенія¹. На памятникѣ Ивана Васильевича написано: «Премудрость возлюбихъ и поискахъ отъ юности моея. Познанъ же, яко не инако одержу, аще не. Господь дасть, приидохъ ко Господу».

«Узрѣть кончину премудраго и не уразумѣють, что усовѣтова о немъ Господь».

Чудная надпись, изображающая весь порядокъ духовной жизни подвижника, помѣщена на могилѣ ученика о. Амвросія, скитоначальника іеросхимонаха Анатолія (изъ духовнаго званія): «Терпя потерпѣхъ Господа, и внять ми, и услыша молитву мою. И возведе мя отъ рова страстей, и отъ брѣнія тины, и постави на камени нозѣ мои, и исправи стопы моя. И вложи во уста пѣснь нову, пѣніе Богу нашему». Въ этихъ словахъ псалмопѣвца со всею точностью изображенъ весь путь духовнаго возрастанія христіанина – отъ первоначальнаго пребыванія въ тинѣ страстей до совершеннаго упокоенія и утвержденія чистымъ сердцемъ въ Господѣ!

На могилѣ схимника Карпа написано: «Схимонахъ Карпъ, внимательный подвижникъ, слѣпецъ, изъ крестьянъ... весь день проводилъ въ тяжеломъ послушаніи, а ночь почти всю въ рукодѣліи и молитвѣ. Кротость, молчаніе съ постояннымъ самоукореніемъ, привѣтливое обращеніе съ братією и непрестанное понужденіе себя на все благое были отличительными чертами сего подвижника».

¹ Нынѣ рядомъ съ могилами братьевъ Кирѣевскихъ, у ногъ старца Амвросія, появилась еще одна свѣжая могила – старца о. іеросхимонаха Іосифа, смиреннаго, кроткаго и мудраго ученика великаго Старца.

На могилѣ 22-лѣтняго монаха Гавріила читаемъ: «Въ семилѣтнее пребываніе свое въ монастырѣ никого не оскорбилъ, жилъ въ обители какъ странникъ, хранилъ молчаніе, былъ послушливъ и почитателенъ ко всѣмъ, кротокъ и благоумиленъ; имѣлъ великое воздержаніе въ пищѣ; къ церкви былъ примѣрно усерденъ; во всемъ открывалъ свою совѣсть предъ старцемъ и неуклонно исполнялъ его совѣты. Болѣзнь свою переносилъ съ терпѣніемъ и благодушіемъ. *Скончався вмалѣ, исполни лѣта долга*».

На могилѣ схимонаха Пахомія читаемъ: «Скончался 96 лѣтъ, а по свидѣтельству нѣкоторыхъ 106 лѣтъ... Съ самыхъ юныхъ лѣтъ до глубокой старости проводилъ странническую христіанскую жизнь, по евангельскому слову, не имѣя, гдѣ главы подклонити. Въ продолженіе своей жизни по нѣскольку разъ посѣтилъ всѣ русскія святыя замѣчательныя мѣста, проживая, гдѣ сколько заблагоразсудится. За 6 лѣтъ до смерти, ослабѣвши тѣлесными силами, остался совсѣмъ на жительство въ Оптиной Пустыни, гдѣ и окончилъ тихи дни свои. Былъ неграмотный, но хорошо зналъ житія всѣхъ святыхъ и твердо помнилъ дни празднованія ихъ. Постоянныя молитвы его были: «Богородице, Дѣво, радуйся!» или «Ангель вопіяше Благодатнѣй»... и «Свѣтися, свѣтися, Новый Іерусалиме!», которыя онъ всегда пѣлъ, входя въ дома, посѣщаемые имъ, и выходя изъ нихъ.

Имѣлъ обычай просить милостыню, но вскорѣ затѣмъ отдавалъ оную другимъ неимущимъ. Говорилъ очень мало, но слова его оправдывались впослѣдствіи

самымъ дѣломъ, черезъ что многіе имѣли довѣріе и расположение къ нему. На немъ исполнились псаломскія слова: *Живый въ помощи Вышняго, въ кровь Бога небеснаго водворится. На Мя упова, и избавлю и...*»

Далѣе слѣдуютъ столь же выразительныя надписи на могилахъ іеросхимонаховъ Пимена, Саввы и другихъ, которыхъ мы не приводимъ. Въ нихъ заключается много жизненныхъ уроковъ какъ для иноковъ обители, такъ и для мірянъ. Читая ихъ, и страница за страницей раскрываются передъ тобою невѣдомые міру, но сохраненные въ назиданіе братіи примѣры святой, богоугодной жизни... И не хочется оторваться отъ этихъ страницъ, не хочется отойти отъ этихъ безмолвныхъ наставниковъ!

Но вотъ ударили къ вечернѣ. Входимъ въ храмъ, куда со всѣхъ сторонъ уже потянулись темныя фигуры иноковъ въ длинныхъ мантияхъ.

Оптинскіе храмы не поражаютъ ни своими размѣрами, ни своимъ богатствомъ, ни красотою архитектуры. Въ нихъ все въ мѣру, все просто и скромно, но такъ уютно, такъ свѣтло, такъ радостно, что не хочется разставаться съ ними. Богослуженіе совершается уставно и одушевленно. Величественно проходятъ по храму священнослужашіе, распустивъ свои мантии. Пѣніе не поражаетъ ни витіеватостью, ни громогласіемъ, но въ каждомъ словѣ дышитъ живое чувство и сообщается молящимся. Кто изъ посѣтителей Оптиной 90-хъ годовъ XIX столѣтія не помнитъ особенно игумена Марка, 80-лѣтняго старца, съ юношескимъ одушевленіемъ запѣвавшего стихиры и ирмосы!

Отчетливое, ясное, вразумительное чтение, прекрасный выборъ поученій дополняютъ красоту оптинской церковной службы.

Перейдемъ теперь изъ монастыря въ Скитъ². Довольно широкая дорожка, проходящая въ чащѣ лѣса, приводитъ насъ отъ восточныхъ воротъ монастыря къ Святымъ вратамъ Скита, находящимся подъ небольшою колокольней, окрашенной въ розовый цвѣтъ. Скитъ занимаетъ довольно значительное пространство и обнесенъ деревянною оградой на каменныхъ столбахъ съ каменными башнями по угламъ. Справа отъ Св. вратъ виденъ маленькій домикъ – это бывшее жилище о. Амвросія. Слева отъ Св. вратъ другой такой же домикъ – въ немъ жилъ учитель о. Амвросія о. Макарій.

² Для лицъ, незнакомыхъ со строемъ оптинской и вообще монастырской жизни, замѣтимъ, что скитская жизнь по сравненію съ монастырской является болѣе строгой и уединенной. Не говоря уже о томъ, что въ Скиту нѣтъ такого множества богомольцевъ, какъ въ монастырѣ, сами скитскіе братія живутъ гораздо болѣе уединенно, нежели монастырскіе. Въ то время какъ въ монастырѣ церковное богослуженіе совершается ежедневно, въ Скиту оно совершается лишь по субботамъ и воскреснымъ днямъ, а также и въ нѣкоторые праздники. Въ остальные дни въ скитской церкви лишь вычитывается Псалтирь съ поминовениемъ благодѣтелей. Молитвенное правило скитяне совершаютъ у себя по келліямъ, въ которыхъ вообще проводятъ большую часть своего времени въ уединенномъ богомысліи и чтеніи духовныхъ книгъ. Зашедшій въ Скитъ посѣтитель рѣдко-рѣдко встрѣтитъ кого изъ обитателей Скита, и Скитъ производитъ впечатлѣніе глубокой пустыни. Для отдыха скитяне занимаются у себя по келліямъ ручнымъ трудомъ – переплетнымъ, футлярнымъ, токарнымъ, ложечнымъ и краснописаніемъ (писаніемъ уставомъ). Пищу скитяне употребляютъ во весь годъ постную, кромѣ Рождества Христова, Пасхи и сплошныхъ недѣль. Для проверки себя въ духовномъ отношеніи скитяне должны обращаться какъ можно чаще къ старцу, исповѣдая ему всѣ самые тончайшіе свои помыслы.

Келлія старца Амвросія въ Іоанно-Предтеченскомъ скиту

Уединенный, окруженный со всѣхъ сторонъ высокимъ лѣсомъ, Скитъ производитъ глубокое впечатлѣніе на всякаго посѣтителя. Это впечатлѣніе такъ передается однимъ изъ посѣтителей Скита: «Съ благоговѣніемъ, съ непокрытою головою открываетъ богомолецъ тихую, беззвучную дверь и переступаетъ за священный порогъ Скита. Въ нѣкоторомъ отдаленіи, противъ входа, встрѣчаетъ и привѣтливо зоветъ его къ себѣ скромная, но изящная деревянная церковь.

Едва входитъ богомолецъ въ Скитъ, какъ его обдаетъ благоуханіе цвѣтовъ. По обѣимъ сторонамъ широкой дорожки, тщательно усыпанной желтымъ пескомъ, стоятъ они цѣлыми семействами отъ входа до церкви, подступаютъ почти къ самому ея порогу, вѣнкомъ окружаютъ храмъ, разбѣгаются по боковымъ тропинкамъ къ трапезѣ, къ келліямъ, къ пасѣкѣ, къ скитскому пруду, къ кедровой аллеѣ, къ башнямъ, къ скитскимъ могиламъ.

И среди этой благодати пріютились свѣжія, опрятныя, съ прозрачными, чистыми стеклами келліи скитянь, съ невысокими крытыми крыльцами, съ спускающимися прямо въ зелень ступеньками, съ галерейками на крыльцахъ и съ бѣлыми деревянными скамьями на галереяхъ. Порядокъ и чистота вездѣ изумительныя, а безмолвіе даже поражаетъ своею строгостію. Хотя бы чей-нибудь вздохъ вырвался изъ чьей-либо груди въ этой странѣ безмолвія и изобличилъ, что живутъ же здѣсь живые люди. Но только и звуковъ здѣсь слышится, что за скитской оградой, по гулкому лѣсу, простонетъ тоскливое кукованье кукушки, или прорѣжетъ замершій воздухъ скрипучая дробь одинокаго дятла, да изъ отво-

ренныхъ оконъ церкви медленно, звучно прольются и словно замрутъ чистые, полные, сосредоточенные звуки церковныхъ стѣнныхъ часовъ»... Своеобразна и скитская церковь: «Это не обычнаго устройства храмъ, а скорѣе та евангельская братская храмина, въ которой Спаситель со своими Апостолами раздѣлялъ свою вечерю и возвѣщалъ свои прощальные завѣты... При входѣ, въ простыхъ деревянныхъ рубленныхъ сѣняхъ богомолецъ встрѣтитъ даже деревянное ведро съ водою, съ деревяннымъ ковшомъ въ немъ и душистые цвѣты на окнахъ, а налѣво отъ входной двери, внутри же храма, устроена крошечная, уютная келлія для скитскаго пономаря, который тутъ же, при храмѣ, и живетъ. Самыя окна устроены не такъ, какъ обычно устраиваются они въ церкви: мрачныя, съ желѣзными рѣшетками снаружи, какъ въ тюрьмѣ. Нѣтъ, это большія, замѣчательно свѣтлыя и, какъ въ домахъ, открывающіяся наружу окна. Стѣны, оклеенныя бѣлой глянцевиной бумагой, смотрятъ такъ свѣтло, такъ привѣтливо. По стѣнамъ изрѣдка развѣшаны въ простыхъ крашеныхъ рамахъ, безъ всякихъ окладовъ и ненужныхъ украшеній, изображенія древнихъ подвижниковъ съ серьезнымъ, но благодушнымъ выраженіемъ лицъ. Вообще все въ этомъ храмѣ носить характеръ простой братской домашней храмины, предназначенной не для мірскихъ посѣтителей, а именно для своей семейной, уединенной молитвы»³.

³ Желаящіе большихъ подробностей объ Оптиной Пустыни и скитѣ при ней найдутъ ихъ въ изданныхъ Оптиной Пустынью „Историческомъ описаніи Козельской Оптиной Пустыни“ и „Историческомъ описаніи скита во имя св. Іоанна Предтечи Господня, находящагося при Козельской Введенской Оптиной Пустыни“.

Такова Оптиная Пустынь со своимъ Скитомъ – зтотъ поистинѣ благодатный уголокъ русской земли, который нельзя не полюбить, разъ побывавши въ немъ. Однако главное значеніе Оптиной Пустыни заключается не въ ея внѣшнемъ благоустройствѣ и благообразіи, не въ красотѣ ея мѣстоположенія, а въ томъ, что волею Божіею ей суждено было явиться въ XIX столѣтіи средоточіемъ высокаго христіанскаго духа и подвижничества въ лицѣ ея знаменитыхъ старцевъ и настоятелей – о. Леонида, о. Макарія, о. Антонія, о. Моисея, о. Амвросія и другихъ, менѣе извѣстныхъ, но напоенныхъ тѣмъ же духомъ подвижниковъ. Чтобы понять характеръ оптинскаго подвижничества, чтобы правильно оцѣнить значеніе Оптиной Пустыни въ духовной жизни русскаго народа, чтобы, наконецъ, ясно представить себѣ ту духовную атмосферу, въ которой духовно возрѣла старецъ о. Амвросій, мы должны сдѣлать краткій историческій очеркъ того духовнаго движенія, которое совершалось въ русскомъ иночествѣ во второй половинѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка, и котораго главнымъ дѣятелемъ явился приснопамятный Молдавскій старецъ о. архимандритъ Паисій Величковскій.

Глава VI

ЗАМѢЧАТЕЛЬНОЕ ДУХОВНОЕ ДВИЖЕНИЕ ВЪ ПРАВОСЛАВНОМЪ ИНОЧЕСТВѢ И УЧАСТІЕ ВЪ НЕМЪ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ

*Начало премудрости страхъ Господень,
разумъ же благъ всѣмъ творящимъ и...*

(Пс. 110, 10)

*Приидите, чада, послушайте мене,
страху Господню научу васъ.*

(Пс. 33, 12)

Заслуга старца о. Паисія Величковскаго заключается не въ томъ, что онъ открылъ какіе-либо новые пути иноческаго подвижничества, а въ томъ, что онъ возстановилъ и утвердилъ въ сознаніи своихъ многочисленныхъ учениковъ истинный смыслъ монашества, истинную цѣль христіанскаго подвига и указалъ тотъ путь или тотъ способъ, коимъ эта цѣль достигается.

Его ученіе не было его собственнымъ измышленіемъ, а было лишь возстановленіемъ древняго святоотеческаго, подвижническаго ученія, которое о. Паисій извлекъ изъ древнихъ святоотеческихъ книгъ и напом-

нили своимъ современникамъ, стараясь запечатлѣть его въ умахъ и сердцахъ ихъ своимъ личнымъ примѣромъ.

Старець Паисій, основываясь на святоотеческихъ твореніяхъ, училъ, что истинный смыслъ монашества, истинная цѣль христіанской жизни состоятъ въ томъ, чтобы достигать уподобленія Богу. Внѣшніе подвиги цѣнны не сами по себѣ, а лишь постольку, поскольку они содѣйствуютъ осуществленію вышеуказанной цѣли.

Уподобленіе Богу достигается путемъ непрестаннаго очищенія сердца и напечатлѣнія въ немъ христіанскихъ добродетелей – смиренія, покаянія, кротости, любви, цѣломудрія, молитвы и другихъ.

Чтобы преуспѣвать въ этомъ подвигѣ и не уклониться на ложный путь, необходимо имѣть опытнаго наставника, имѣть постоянное чистосердечное откровеніе предъ нимъ своихъ помысловъ и довѣрчивое, искреннее ему послушаніе. Если же нѣтъ такого наставника, тогда необходимо обратиться къ твореніямъ святыхъ отцовъ-подвижниковъ и самому попытаться найти у нихъ для себя жизненное руководство.

Таково ученіе старца Паисія. Что это ученіе есть ученіе святоотеческое, можно подтвердить слѣдующими, на примѣръ, свидѣтельствами св. Отцовъ.

«Все стараніе, весь подвигъ (человѣка), – пишетъ преп. Симеонъ Новый Богословъ, – долженъ быть обращенъ на то, чтобы стяжать духъ Христовъ, и такимъ образомъ приносить плоды Духа Святаго: ибо въ этомъ и состоитъ духовный законъ и благобытіе»⁴.

⁴ Слова преп. Симеона, Новаго Богослова, въ переводѣ еп. Теофана. Т. 1. Слово 2. С. 30.

«И въ будущей жизни христіанинъ не будетъ испытуеть, отречеся ли онъ міра, постился ли, совершалъ ли бдѣнія... но будетъ тщательно испытуеть, имѣеть ли онъ какое-либо подобіе Христу, какъ сынъ отцу, какъ говорить и Павелъ: *Чадца моя, имижже паки болѣзную, дондеже вообразится въ васъ Христосъ* (Гал. 4, 19). Подобіе же Христу составляютъ истина, кротость, правда и вмѣстѣ съ ними смиреніе и человеколюбие»⁵.

Тотъ же преп. Симеонъ пишетъ о «старчествахъ»: «Надлежитъ со всѣмъ усердіемъ, тщаніемъ и вниманіемъ, со всею бдительностью и многими молитвами блюстись, чтобы не напасть на какого-либо прелестника, или обманщика, или лжеапостола, или лжехриста, но обрѣсти руководителя истиннаго и боголюбиваго, который имѣлъ бы внутри себя Христа и точно зналъ ученіе, правила и постановленія св. апостоловъ и догматы св. отцовъ или, лучше сказать, который зналъ бы волю и тайны Самого Владыки и Учителя апостоловъ Христа. Такого учителя надлежитъ намъ разыскать и обрѣсти, который сначала слышалъ бы все это въ словѣ и научился тому со словъ, а потомъ научень былъ всему таинственно и во истинѣ Самимъ Утѣшителемъ Духомъ черезъ дѣланіе и опытъ; такъ чтобы и онъ сподобился услышать отъ Самого Христа Господа, научившаго Апостоловъ: *вамъ дано есть разумѣти тайны Царствія Небеснаго*» (Мѡ. 13, 11)⁶.

⁵ Слова преп. Симеона, Новаго Богослова, въ переводѣ еп. Теофана. Т. 1. Слово 2. С. 31.

⁶ Тамъ же. Слово 11. С. 98.

У преп. Іоанна Лѣствичника читаемъ о старцествѣ: «Прельстились тѣ, которые, возложивъ упованіе на самихъ себя, сочли, что не имѣють нужды ни въ какомъ путеводителѣ»⁷.

«Какъ корабль, имѣющій хорошаго кормчаго, при помощи Божіей, безбѣдно входитъ въ пристань, такъ и душа, имѣя добраго пастыря, удобно восходитъ на небо, хотя и много грѣховъ нѣкогда сдѣлала. Какъ не имѣющій путеводителя удобно заблуждаетъ на пути своемъ, хотя бы и весьма былъ уменъ, такъ и идущій самочинно путемъ иночества легко погибаетъ, хотя бы и всю мудрость міра сего зналъ»⁸.

«Кто идетъ самочинно, безъ евангельскаго разума и безъ всякаго наставленія, – говоритъ Маркъ Подвижникъ, – тотъ много претыкается. впадаетъ во многія ямы и сѣти лукаваго, и во многія впадаетъ бѣды, и не знаетъ, какой конецъ получить. Ибо многіе прошли путь свой со многими трудами, подвижничествомъ и злостраданіемъ, и многіе труды претерпѣли Бога ради; но самочиніе, неразсужденіе и то, что они не искали отъ ближняго наставленій, содѣлало таковыя труды ихъ тщетными»⁹.

У преп. Кассіана Римлянина читаемъ слѣдующее: «Разсудительность есть даръ Божій, который, одна-коже, надлежитъ развивать и воспитывать. Какъ? Отдавая все свое на разсужденіе опытнѣйшихъ отцовъ. Это

⁷ Лѣствица. Изд. Козельской Введенской Пустыни. С. 4.

⁸ Тамъ же. С. 251.

⁹ Преп. Марка Подвижника нравственно-подвижническія слова. С. 278.

самая мудрая школа разсудительности, въ которой научаются добрѣ разсуждать о достоудолжномъ даже и такіе, которые не имѣють къ тому особой способности...

Приобрѣтается истинная разсудительность истиннымъ смиреніемъ, коею первымъ доказательствомъ служить – открывать отцамъ не только то, что дѣлаемъ, но и то, о чемъ думаемъ, ни въ чемъ не довѣряясь своему помыслу, но во всемъ слѣдовать наставленіямъ старцевъ и считать хорошимъ или худымъ только то, что они признають таковымъ. Такое дѣйствованіе и способствуетъ безопасно пребывать на правомъ пути и охранять отъ всѣхъ сѣтей діавольскихъ.

Тому, кто свою жизнь располагаетъ не по своему сужденію, а по совѣту преуспѣвшихъ, невозможно пасть отъ прельщенія бѣсовскаго. Такъ преданіе разсужденію отцовъ своихъ помысловъ замѣняетъ свою разсудительность и научаетъ ей! Врагъ не любитъ свѣта; почему откровеніе злыхъ помысловъ тотчасъ, какъ они открываемы бывають, разгоняетъ ихъ и истребляетъ. Какъ змѣя, извлеченная изъ темной норы на свѣтъ, старается убѣжать и скрыться, такъ и злые помыслы, будучи обнаружены откровеннымъ признаніемъ и исповѣдію, стараются бѣжать отъ человѣка. Это подтверждается многими и премногими примѣрами и опытами»¹⁰.

О плодахъ послушанія преп. Іоаннъ Лѣствичникъ пишетъ въ 4-мъ словѣ слѣдующее: «Отъ послушанія рождается смиреніе, отъ смиренія же разсужденіе... отъ

¹⁰ Добротолюбіе въ рус. пер. Т. 2. С. 150. Преп. Кассіана Римлянина – о руководствѣ въ духовной жизни.

разсужденія – разсмотрѣніе, а отъ сего прозрѣніе. Кто же не пожелаетъ идти добрымъ путемъ послушанія, видя, что отъ него проистекають такіа блага?»¹¹

Онъ же пишетъ: «Пользу послушанія возвѣстятъ тебѣ тѣ, которые отпали отъ него; ибо они тогда только узнали, на какомъ стояли небѣ»¹².

Изъ многихъ святоотеческихъ наставленій объ истинной цѣли жизни христіанской и монашеской, а также и о «старчества», мы привели лишь немногія¹³, но и изъ нихъ видно, что ученіе старца Паисія основывалось всецѣло на святоотеческомъ ученіи.

Впрочемъ, какъ показываетъ жизнеописаніе этого старца, ему пришлось употребить много усилій и труда, прежде чѣмъ онъ достигъ яснаго познанія истины, утратившейся къ тому времени въ сознаніи иноковъ.

О. Паисій Величковскій былъ уроженцемъ Малороссіи. Онъ родился въ г. Полтавѣ въ 1722 году въ семьѣ соборнаго священника, въ мірѣ именовался Петромъ, образованіе получилъ въ Кіевскомъ духовномъ училищѣ.

Съ раннихъ лѣтъ онъ былъ проникнутъ горячею любовью къ Богу и горѣлъ желаніемъ всего себя посвятить Ему. Увлекаемый этимъ желаніемъ, онъ, не окончивъ курса духовнаго училища, поступилъ въ Любечскій монастырь, откуда потомъ перешелъ въ другіе малорусскіе

¹¹ Лѣствица. С. 58.

¹² Тамъ же. С. 66.

¹³ Желаящіе познакомиться съ ними болѣе подробно найдутъ ихъ въ твореніяхъ аввы Дорофея, Іоанна Лѣстничника, Симеона Новаго Божьего слова, въ Добротолубіи, а также въ сборникѣ писемъ Оптинскаго старца іеросхимонаха Макарія, особенно въ 4-й части – къ монахинямъ.

монастыри. Переходя изъ монастыря въ монастырь, онъ вездѣ искалъ челоуѣка, который бы научилъ его истинному монашескому житію, и, не находя такового, отправился въ Молдавію и Валахію, гдѣ и провелъ нѣсколько лѣтъ въ разныхъ обителяхъ, пользуясь совѣтами и руководствомъ лучшихъ по жизни молдавскихъ иноковъ. Сердце его все болѣе и болѣе разгоралось любовью къ Богу, а между тѣмъ онъ продолжалъ чувствовать себя неудовлетвореннымъ, такъ какъ не находилъ себѣ желаемого наставника духовной жизни. Наконецъ, онъ удалился на Аѳонъ, гдѣ, обойдя нѣкоторые обители, поселился въ совершенномъ одиночествѣ. Ему было въ это время 25 лѣтъ. Онъ жилъ въ крайней нестяжательности: у него не было даже рубашки; былъ только подрясникъ и очень ветхая, вся въ заплатяхъ ряса. Время его проходило въ молитвѣ и въ чтеніи святоотеческихъ книгъ, которыя онъ доставалъ въ сосѣднихъ обителяхъ.

Въ это время его нашель одинъ молодой инокъ по имени Виссаріонъ и умолялъ его позволить ему поселиться съ нимъ и быть его ученикомъ.

Замѣчательень отвѣтъ о. Паисія, данный имъ Виссаріону: «Братъ! О горестномъ дѣлѣ понуждаешь ты меня говорить тебѣ... Ибо и я также съ великимъ тщаніемъ и скорбію искалъ наставника, и не нашель. И много скорбей претерпѣлъ я, да и теперь еще терплю. Спасеніе души, котораго ты ищешь, не можетъ быть съ удобствомъ совершаемо иначе, какъ черезъ истиннаго духовнаго наставника, который и самъ понуждаетъ себя исполнить всѣ заповѣди Господни. Ибо какъ можетъ кто наставлять другого на путь, которымъ самъ не хо-

диль? Должно прежде самому подвизаться до крови противъ всѣхъ страстей душевныхъ и тѣлесныхъ, побѣдить при помощи Христовой похоть и ярость, гордость, сластолюбіе, славолубіе и сребролюбіе, чтобы научиться и другихъ врачевать и наставлять ихъ на заповѣди Божіи... Такого, брать, слѣдовало бы намъ найти себѣ наставника, но увы! Какое наше время! Предвидя духомъ Божіимъ это злополучное время, богоносные отцы, изъ жалости къ намъ, оставили намъ святыя свои писанія, въ которыхъ мы и должны съ великою заботливостью и со многими слезами день и ночь поучаться!»

Слѣдуя этому правилу, внимательно изучая творенія отцовъ-подвижниковъ и осуществляя самимъ дѣломъ ихъ наставленія, о. Паисій достигалъ постепенно все большей и большей опытности, такъ что въ скоромъ времени былъ замѣченъ многими искателями христіанской мудрости, которые, поселившись около него, неотступно просили его быть ихъ руководителемъ на пути ко спасенію. Отецъ Паисій долго отказывался, но наконецъ долженъ былъ уступить ихъ просьбамъ, и, такимъ образомъ, около него возникло общество его учениковъ.

Спустя нѣсколько лѣтъ онъ переѣхалъ со своимъ братствомъ въ Валахію и поселился сначала въ монастырѣ Драгомирнѣ, а затѣмъ въ монастырѣ Нямецъ, которымъ и управлялъ до самой своей кончины въ 1794 году 15 ноября.

Съ того времени, какъ о. Паисій сталъ во главѣ духовнаго братства иноковъ, онъ всѣ свои заботы направилъ на осуществленіе въ жизни братства святоотече-

ских подвижнических завѣтовъ. Цѣлью иноческихъ подвиговъ онъ поставилъ, какъ мы сказали выше, духовное возрастаніе во Христѣ, а средствомъ къ достиженію этой цѣли «путь старчества», т. е. путь искренняго откровенія помысловъ со стороны учениковъ и любящаго руководства со стороны наставниковъ. По заведенному имъ порядку всѣ братія должны были всякій вечеръ открывать свои помыслы духовнымъ отцамъ. Если между братіями возникало неудовольствіе, то оно должно было въ тотъ же день прекращено примиреніемъ. Если же кто не хотѣлъ мириться, старецъ подвергалъ его отлученію, чтобы онъ и на порогъ церковный не вступалъ, и молитву «Отче нашъ» не читалъ, пока не помирится. Чтобы лучше ознакомить братію съ истинною задачею подвижничества, о. Паисій считалъ необходимымъ для нея постоянное и внимательное изученіе святоотеческихъ подвижническихъ твореній. Одна изъ величайшихъ заслугъ о. Паисія не только для русскаго монашества, но и для всего русскаго православнаго общества состоитъ въ томъ, что онъ съ большимъ трудомъ и съ большими издержками собралъ древніе славянскіе, а также молдавскіе переводы и греческіе подлинники святоотеческихъ твореній, тщательно свѣрялъ ихъ другъ съ другомъ, исправлялъ, а иногда и съ большимъ искусствомъ переводилъ ихъ сызнова на церковно-славянскій языкъ. Этого своего труда онъ не оставлялъ до самой своей кончины. Когда онъ уже не могъ вставать съ постели, онъ на кровати обкладывался кругомъ книгами; тутъ у него лежали словари, Библія греческая и славянская, грамматика греческая и славян-

нская и книга, которую онъ переводилъ; а среди книгъ стояли зажженные свѣчи. Самъ же онъ, согнувшись, писалъ по цѣлымъ ночамъ, забывая и немощъ тѣла, и тяжкія болѣзни и трудъ.

Когда наступалъ Рождественскій постъ, всѣ братія обители о. Паисія ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, собирались по вечерамъ въ трапезу. Зажигались свѣчи. Приходилъ старецъ. Онъ садился на обычномъ своемъ мѣстѣ и начиналъ чтеніе переведенныхъ имъ святоотеческихъ твореній: св. Василия Великаго, Іоанна Лѣствичника, аввы Дорофея, Ѳеодора Студита или же Симеона Новаго Богослова. Братія слушали съ глубокимъ вниманіемъ. Такія чтенія продолжались всю зиму, до Лазаревой субботы. Читая книгу, старецъ въ то же время толковалъ ее, приводя свидѣтельства изъ Священнаго Писанія обоихъ Завѣтовъ и изъ ученія святыхъ Отцовъ Церкви. И онъ имѣлъ такой даръ, что своими словами могъ одушевлять самого унылаго, утѣшить самого печальнаго и возбудить въ каждомъ усердіе ко спасенію. Такимъ образомъ, обитель о. Паисія являлась поистинѣ школою духовной жизни, гдѣ и словомъ и дѣломъ братія наставлялись въ правилахъ истинно-христіанскаго подвижничества. Особенное вниманіе старецъ обращалъ на укрѣпленіе въ своихъ духовныхъ дѣтяхъ чувства братской любви и милосердія. Въ Нямцѣ онъ устроилъ больницу и пріютъ для странниковъ. Туда онъ помѣщалъ и своихъ престарѣлыхъ братій и постороннихъ – хромыхъ, слѣпыхъ и разслабленныхъ. Служителямъ приказывалъ прислуживать больнымъ, какъ Господу, каждую субботу мыть

имъ головы и перемѣнять сорочки, слѣдить за чистотою постелей и кроватей, а лѣтомъ провѣтривать ихъ одежды на солнцѣ.

Долголѣтніе и неустанные труды о. Паисія не остались безплодными. Его имя скоро стало извѣстно не только на Аѳонѣ и въ Валахіи, но и въ Россіи. Онъ велъ обширную переписку со многими русскими иноками и священниками. Цѣлый сонмъ подготовленныхъ имъ, имъ воспитанныхъ учениковъ-старцевъ, снабженныхъ рукописями его переводовъ, направился изъ его обители въ Россію. разошелся здѣсь по многимъ обителямъ и влилъ свѣжую, живую струю въ жизнь русскаго иночества. Сдѣланный имъ переводъ святоотеческихъ твореній, книга Добротолюбіе, заинтересовалъ С. Петербургскаго митрополита Гавріила, и по просьбѣ послѣдняго ученикъ старца Аѳанасій доставилъ ему и эту книгу, и ея греческій подлинникъ. По распоряженію митрополита книга была напечатана въ С. Петербургѣ въ 1793 году, а затѣмъ выпущена послѣдующими изданіями при митрополитѣ Московскомъ Филаретѣ въ 1822 и въ 1832 годахъ. Кромѣ Добротолюбія о. Паисій перевелъ еще книгу великаго наставника внутренней жизни св. Исаака Сирина и нѣкоторыя другія. Всѣ эти переводы о. Паисія распространялись въ рукописяхъ среди русскихъ иноковъ, тщательно переписывались, съ усердіемъ изучались и укрѣпляли въ инокахъ стремленіе къ духовной жизни, къ духовному совершенствованію.

Изъ учениковъ о. Паисія, жившихъ въ Россіи, упомянемъ нѣкоторыхъ, имѣвшихъ отношеніе къ Оптиной Пустыни. Таковы:

1) Архимандритъ Софроніевой пустыни Θεодосій. Съ нимъ въ послѣдствіи имѣлъ общеніе о. Макарій Оптинскій.

2) Клеопа, жившій въ обителяхъ Островской и Тихвинской и въ Московскомъ Симоновомъ монастырѣ. Онъ оставилъ многихъ учениковъ, изъ которыхъ особенно замѣчателенъ строитель Пѣсношской обители Макарій, самъ бывшій въ перепискѣ съ о. Паисіемъ и поставившій въ Оптину Пустынь своего замѣчательнаго ученика Авраамія, о которомъ было сказано выше.

3) Новоспаскіе иноки Александръ и Филаретъ. Они имѣли духовное общеніе съ о. Паисіемъ и оказали сильное духовное вліяніе на будущихъ оптинскихъ иноковъ Моисея и Антонія (Путиловыхъ), о которыхъ скажемъ ниже.

4) Аѳанасій (изъ сенатскихъ секретарей), доставившій митрополиту Гавріилу Паисіевъ переводъ Добролюбія, подвизавшійся потомъ съ нѣкоторыми другими Паисіевыми учениками въ Свѣнскомъ монастырѣ, гдѣ вмѣстѣ съ нимъ жилъ одно время и вышеупомянутый Моисей.

5) Другой іеромонахъ Клеопа и его другъ схимонахъ Θεодоръ, много лѣтъ жившіе въ обители о. Паисія, принявшие отъ него постриженіе и имъ основательно утвержденные въ духовной жизни. Въ Россію они пришли въ 1801 году. Съ ними сблизился и подъ ихъ руководствомъ возросъ знаменитый – въ послѣдствіи первый старецъ Оптинскій – іеросхимонахъ Левъ, или Леонидъ (Наголкинъ).

6) Другой схимонахъ Аѳанасій (бывшій ротмистръ гусарскаго полка), жившій при старцѣ Паисіи семь лѣтъ, перешедшій въ Россію въ 1777 году и скончавшійся въ Площанской пустыни Орловской епархіи, гдѣ подъ его духовнымъ руководствомъ возрасталъ другой Оптиный старецъ – іеросхимонахъ Макарій (Ивановъ).

Изъ этого краткаго перечня учениковъ о. Паисія видно, какую широкую духовную сѣть раскинулъ онъ по землѣ русской. Въ эту-то сѣть и попали тѣ лица, коимъ суждено было положить начало духовной жизни по завѣтамъ о. Паисія въ Оптиной Пустыни. Не считая вышеупомянутаго Авраамія, лица эти были слѣдующія: Моисей и Антоній (Путиловы), Леонидъ (Наголкинъ) и Макарій (Ивановъ). Объ нихъ-то мы теперь и должны сказать подробнѣе.

Сынъ серпуховскаго купца Тимоѳей Ивановичъ Путиловъ (такъ назывался въ мірѣ о. Моисей) выросъ въ семьѣ, отличавшейся строгимъ благочестіемъ, и самъ былъ очень благочестивъ. 19 лѣтъ онъ поступилъ на службу въ Москву по торговому дѣлу. Здѣсь онъ все свое свободное время проводилъ въ чтеніи Свящ. Писанія и любилъ бывать у людей высокой духовной жизни. На него оказали сильное вліяніе инокиня Ивановскаго монастыря Досіея и новоспасскіе иноки Александръ и Филаретъ, державшіеся, какъ мы уже сказали, Паисіевой закваски. Слушая ихъ бесѣды, Тимоѳей и самъ разгорался жаждою всецѣлой жизни въ Богъ и наконецъ вмѣстѣ со своимъ младшимъ братомъ Іоною ушелъ въ Саровскую пустынь, гдѣ въ то время подви-

зался о. Серафимъ Саровскій. Іона здѣсь и остался навсегда, а Тимоѳею Господь судилъ перейти въ Свѣнскій монастырь, гдѣ къ тому времени собрались многіе изъ учениковъ Паисіевыхъ – иноки Аѳанасій, Серафимъ, Василій и др., къ обществу которыхъ и примкнулъ Тимоѳей. Прослышавъ, что въ непроходимыхъ Рославльскихъ лѣсахъ Смоленской губерніи поселилась въ отдѣльныхъ келліяхъ другая группа учениковъ старца Паисія, Тимоѳей возгорѣлся желаніемъ раздѣлить ихъ образъ жизни и въ 1811 году перешелъ къ нимъ. Здѣсь онъ принялъ постриженіе съ именемъ Моисея и цѣлыхъ десять лѣтъ жилъ совершеннымъ отшельникомъ, по подобію древнихъ пустынножителей, подъ руководствомъ старцевъ Аѳанасія, Досіѳея и Дороѳея.

Время его проходило въ молитвѣ, въ чтеніи и списываніи святоотеческихъ книгъ Паисіева перевода. Еще будучи въ Свѣнскомъ монастырѣ, онъ переписалъ для себя полууставомъ съ перевода о. Паисія книгу св. Іоанна Лѣствичника и житіе преп. Симеона Новаго Богослова. Въ Рославльскомъ лѣсу, у старца Аѳанасія, онъ нашелъ много другихъ переводовъ о. Паисія, которыми также воспользовался для своего духовнаго назиданія. Въ 1816 году къ нему переселился его другой младшій братъ, Александръ, который вскорѣ былъ также постриженъ въ иночество съ именемъ Антонія.

Чтобы показать читателю, какими мыслями и чувствами были проникнуты юные подвижники въ ихъ лѣсномъ уединеніи, приведемъ отрывокъ изъ письма о. Моисея къ брату – тогда еще мірянину – Александ-

ру, письма, написаннаго о. Моисеемъ послѣ возвращенія изъ поѣздки въ Москву въ свое лѣсное убѣжище. «Достигши своего пустыннаго гнѣзда, желалъ и спѣшилъ душою скорѣе сообщить вамъ мои строки... Можно сказать, что какъ послѣ трудовъ сладокъ покой, такъ и по окончаніи странствованія и бывшей при этомъ разсѣянности очень пріятно быть въ пристанищѣ тихаго уединенія. Собственный опытъ при этомъ открываетъ, что находясь въ кругу предметовъ, занимающихъ зрѣніе, вкусъ, слухъ и всѣ чувства, не можетъ уже быть столь сладко мысленное занятіе въ памяти Бога и поученіе святого закона Его. Удаленіемъ же отъ міра освободившись отъ чувственныхъ встрѣчъ, увлекающихъ умъ и мысли, все духовное занятіе становится живѣе, сладостнѣе, потому что умъ, освобождаясь отъ случаевъ къ разсѣянію, начинаетъ собираться къ себѣ, а чрезъ то и душа начинаетъ чувствовать присутствіе Божіе, благоговѣйный къ Нему страхъ и любовь ощутительнѣе...

Для того-то намъ, желающимъ спасенія Божія, но имѣющимъ немощное и испорченное грѣхомъ естество, весьма хорошъ, легокъ и дѣйствителенъ способъ къ покаянію – удаленіе отъ свѣта. Умъ, черезъ уединеніе и вниманіе собираясь къ себѣ, видитъ исходящія отъ сердца и къ нему приходящія противныя мысли, а видѣвши, разумѣетъ свою нечистоту и, не терпя оной, понуждается къ очищенію. Очищать же и противоборствовать имъ, будучи самъ собою не въ силахъ, узнаетъ на опытъ немощь свою и окаянство и совершенную нужду въ Спаситель-Христѣ. Для того, взыскивая помо-

щи Христовой, обращается къ Всемогущей силѣ Его, какъ немощный въ собственномъ разумѣ своемъ и силѣ. Призываетъ всеблагое и всесильное имя Іисусово, съ искреннимъ самого себя умаленіемъ, охудженіемъ и сердечною печалію, да очиститъ, укрѣпитъ и подастъ руку спасенія. И такимъ образомъ, по узнаніи прежде окаянства своего и немощи, узнаетъ потомъ и спасеніе Божіе, заступающее во время брани внутренней. Ибо *близъ Господь всѣмъ призывающимъ Его во истинѣ* (Пс. 144, 18) и сокрушенные духомъ спасетъ. Узнавши же сіе спасеніе въ чувствѣ сердца, радуется какъ о полученномъ облегченіи отъ находящихся нечистыхъ помысловъ, такъ особенно о благодати Божіей и Промыслѣ Его, соприсутствующемъ ему и спасающемъ. А черезъ то входитъ въ живую вѣру достовѣрнымъ ошущеніемъ въ себѣ силы не своей, но Христовой, почему со сладостію сердечной особенно привергаетъ себя къ Спасителю и предаетъ всего себя Ему, съ несомнѣннымъ на Него упованіемъ и любовью. Сіе преданіе себя и сердечное упованіе сообщаетъ душѣ превосходный миръ и радость, составляющіе внутреннее царствіе Божіе, котораго Христосъ Спаситель прежде всего искать намъ повелѣваетъ. И оно-то поистинѣ есть полное и удовлетворительнѣйшее для человѣка блаженство, такъ что все прочее чувственное благо, желаемое свѣту, представляется уже слишкомъ грубымъ, ничего не значащимъ и не стоящимъ никакого исканія.

Все сіе при начатіи письма пришло мнѣ на умъ написать не потому, чтобы я точно въ такомъ былъ теперь устроеніи духа, но отчасти познавая ходъ внутренней

жизни въ безмолвіи, которое привлекаетъ душу ради истиннаго покаянія»...

Изъ этого письма видно, что главное вниманіе о. Моисея и его духовныхъ друзей было обращено на внутреннее состояніе своего сердца. причѣмъ онъ, пользуясь, безъ сомнѣнія, совѣтами своихъ старцевъ и указаніями святоотеческихъ книгъ, тонко подмѣчалъ особенности этого состоянія и опредѣлялъ точный путь, приводящій человѣка къ живому познанію Бога, черезъ ясное сознаніе своихъ немощей и ощущеніе въ себѣ самомъ очевидной помощи свыше. При такомъ духовномъ устроеніи Моисей, какъ видно, былъ уже достаточно подготовленъ къ тому, чтобы стать руководителемъ и другихъ людей по пути къ духовному спасенію. И дѣйствительно, въ скоромъ времени въ его внѣшнемъ положеніи совершилась большая перемѣна. Въ Оптиной Пустыни въ началѣ XIX вѣка жилъ одинъ подвижникъ высокой жизни, также изъ учениковъ Паисіевыхъ, о. Теофанъ. Онъ былъ друженъ съ о. Моисеемъ. Черезъ о. Теофана о. Моисей сталъ извѣстенъ настоятелю Оптиной Пустыни о. игумену Даніилу. Какъ разъ въ это время преосвященный Калужскій епископъ Филаретъ съ цѣлью дать желающимъ инокамъ Оптиной Пустыни возможность болѣе уединенной и созерцательной жизни задумалъ учредить при обители скитъ. Настоятель Пустыни представилъ Преосвященному о. Моисея, какъ человѣка могущаго послужить осуществленію этого дѣла. Преосвященный принялъ о. Моисея очень благосклонно, – и 6 іюня 1821 года группа рославльскихъ отшельниковъ, имѣя во главѣ о. Моисея, прибыла въ

Оптину Пустынь и, съ благословенія преосв. Филарета, принялась за устройство скита, который въ скоромъ времени и былъ устроенъ и освященъ. Отецъ Моисей былъ назначенъ первымъ начальникомъ Скита.

Въ 1825 году, когда освободилось мѣсто настоятеля Оптиной Пустыни, о. Моисей былъ перемѣщенъ на эту должность, а начальникомъ Скита былъ назначенъ его братъ о. Антоній, который и несъ эту обязанность до 1839 года, когда въ свою очередь получилъ иное назначеніе¹⁴. Отецъ же Моисей оставался настоятелемъ Оптиной Пустыни до самой своей кончины, послѣдовавшей въ 1862 году.

Сдѣлавшись настоятелемъ Оптиной Пустыни, о. Моисей, воспитанный въ завѣтахъ старца Паисія, желалъ насадить и въ Оптиной Пустыни тотъ порядокъ духовной жизни, который о. Паисій завѣщалъ своимъ ученикамъ, т. е. порядокъ «старчества». Но самъ о. Моисей и по своимъ многосложнымъ обязанностямъ настоятеля обители, и по другимъ соображеніямъ не могъ быть «старцемъ» для своей братіи. Надо было подыскать такого человѣка, который, не занимая officialнаго положенія въ обители, могъ бы по своимъ высокимъ личнымъ качествамъ, и по своей духовной опытности, и по своему знанію пути «старчества» привлечь къ себѣ довѣріе, любовь и уваженіе братіи и стать во главѣ ея духовнаго подвига. Такого именно че-

¹⁴ О. Антоній (Путиловъ) былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ подвижниковъ Оптиной Пустыни. О немъ см.: Жизнеописаніе настоятеля Малоярославецкаго Николаевскаго монастыря игумена Антонія. Изд. Козельской Введенской Оптиной Пустыни. Москва, 1870 г.

ловѣка Господь вскорѣ и послалъ о. Моисею. Это былъ о. Леонидъ (въ схимѣ Левъ) Наголкинъ, знаменитый, первый въ ряду великихъ Оптинскихъ старцевъ.

Отецъ Леонидъ родился въ 1768 году въ г. Карачевѣ Орловской губерніи. Въ молодости онъ занимался торговлею и въ должности купеческаго приказчика объѣздилъ многіе уголки Россіи, повсюду вступая въ сношенія съ людьми всякихъ званій и состояній, такъ что еще въ молодости приобрѣлъ большое знаніе людей и жизненную опытность.

Въ 1797 году онъ оставилъ міръ и поступилъ въ Оптину Пустынь, но пробылъ здѣсь на этотъ разъ недолго. Скоро онъ перешелъ изъ Оптиной Пустыни въ Бѣлобережскую, подъ руководство одного изъ вышеупомянутыхъ учениковъ старца Паисія – Василія Кишкина. Въ 1804 г. о. Леонидъ былъ избранъ настоятелемъ Бѣлобережской Пустыни, но, тяготясь этимъ званіемъ, онъ въ 1808 году оставилъ настоятельство и, вмѣстѣ съ учениками Паисія – схимонахомъ Ѳеодоромъ и Клеопою – поселился въ двухъ верстахъ отъ обители, въ глухомъ лѣсу, въ убогой келліи, гдѣ и проводилъ время въ уединенной молитвѣ, богомыслии и изученіи святоотеческихъ твореній. Проживши здѣсь нѣкоторое время, друзья наши нашли необходимымъ перебраться на далекій сѣверъ. Сначала о. Ѳеодоръ, а за нимъ о. Леонидъ и о. Клеопа переселяются на Валаамъ, гдѣ и подвизаются въ теченіе шести лѣтъ. По выраженію одного тамошняго юродиваго, они «торговали хорошо», т. е. и сами преуспѣвали и другихъ вели впередъ по духовному пути. Однако здѣсь ихъ ожидало испытаніе. Нѣкоторые вала-

амскіе иноки и даже самъ настоятель весьма смутились тѣмъ, что они, будучи схимниками, все время проводили съ народомъ, бесѣдуя о спасеніи души. По ихъ мнѣнію, такой образъ жизни не подобалъ схимникамъ. Смущало ихъ и ученіе старцевъ объ откровеніи помысловъ и о внутреннемъ дѣланіи. И вотъ они наконецъ послали доносъ Петербургскому митрополиту Амвросію, обвиняя старцевъ въ томъ, что они будто бы проповѣдуютъ ересь. Было произведено дознаніе, и старцы были оправданы. Но оставаться имъ послѣ этого на Валаамъ было уже неудобно, и въ 1817 году они переселились въ Александро-Свирскій монастырь, гдѣ были замѣнены Императоромъ Александромъ Благословеннымъ. Здѣсь въ 1822 году схимонахъ Ѳеодоръ скончался, а о. Леонидъ, потерявъ своего духовнаго друга и наставника, рѣшилъ возвратиться въ родныя мѣста, на югъ. Нѣкоторое время онъ прожилъ въ Площанской пустыни Орловской губерніи, гдѣ сблизился духовно съ тамошнимъ подвижникомъ іеромонахомъ Макаріемъ (Ивановымъ), а затѣмъ, по приглашенію о. Моисея, переселился въ апрѣлѣ 1829 года въ Оптину Пустынь, гдѣ и прожилъ до самой своей кончины, послѣдовавшей въ 1841 году.

Въ лицѣ о. Леонида о. Моисей нашель истиннаго старца для своей обители. Отецъ Леонидъ сталъ душою обители. Не занимая никакого начальственнаго положенія, единственно въ силу своихъ высокихъ дарованій и громаднаго жизненнаго опыта, онъ сталъ духовнымъ руководителемъ Оптинскаго братства. Безъ благословенія Старца никто изъ его духовныхъ дѣтей не дѣлалъ

ни одного шага въ своей жизни. Ежедневно вечеромъ къ его келліи стекались братія съ цѣлію открыть ему свою душу за истекшій день и получить полезное указаніе или утѣшеніе. За братіей потянулись міряне. Изъ городовъ и селеній стали являться всякаго званія люди – дворяне, купцы, мѣщане и крестьяне обоего пола. Всѣ прослышали о его мудрости и прозорливости, всѣ вѣрили и на себѣ испытывали силу его молитвы. Отказа никому не было. Двери келліи Старца ни передъ кѣмъ не закрывались. Всѣ были принимаемы Старцемъ съ отеческимъ расположеніемъ и любовью, и никто не выходилъ изъ его келліи неутѣшеннымъ.

Любопытную картину келейной жизни Старца и его отношеній къ посѣтителямъ рисуетъ извѣстный странникъ инокъ Парѣеній, посѣтившій о. Леонида незадолго уже до его кончины.

«Войдя въ келлію, – пишетъ онъ, – я убоялся и вострепеталъ. Ибо почти полная была келлія людей разнаго званія: господъ, купцовъ и простыхъ; и всѣ стоятъ на колѣнахъ со страхомъ и трепетомъ, какъ предъ грознымъ судіею, и каждый ожидаетъ себѣ отвѣта и наставленія; и я также, позади всѣхъ, палъ на колѣна. Старецъ же сидитъ на кроваткѣ и плететъ поясъ. Это было его рукодѣліе – плести пояски и давать посѣтителямъ въ благословеніе... Между этими людьми стоялъ предъ Старцемъ на колѣнахъ одинъ господинъ, пріѣхавшій на поклоненіе въ обитель и для посѣщенія великаго Старца. Старецъ спросилъ его: «А ты что хочешь отъ меня получить?» Тотъ со слезами отвѣтилъ: «Желаю, отче, получить отъ васъ душеполезное наставленіе!» Ста-

рецъ вопросилъ: «А исполнилъ ли ты то, что я тебѣ прежде приказалъ?» Тотъ отвѣтилъ: «Нѣтъ, отче святой, не могу того исполнить!» Старецъ сказалъ: «Зачѣмъ же ты, не исполнивши перваго, пришелъ еще и другого просить?» Потомъ грозно сказалъ ученикамъ своимъ: «Вытолкайте его вонъ изъ келліи». И они выгнали его вонъ.

Я и всѣ тамъ бывшіе испугались такого строгаго поступка и наказанія. Но Старецъ самъ не смутился и продолжалъ кротко бесѣдовать съ прочими и отпускать людей... Потомъ я спросилъ Старца: «Отче святой, за что вы такъ весьма строго поступили съ господиномъ?» Онъ же отвѣчалъ мнѣ: «Отецъ аѳонскій! Я знаю, съ кѣмъ какъ поступать; онъ рабъ Божій и хочетъ спастись, но впалъ въ одну страсть, привыкъ къ табаку; онъ прежде приходилъ ко мнѣ и спрашивалъ меня о томъ; я приказалъ ему отстать отъ табаку и далъ ему заповѣдь болѣе никогда не употреблять его, и пока не отстанетъ, не велѣлъ ему и являться ко мнѣ. Онъ же, не исполнивши первой заповѣди, еще и за другой пришелъ. Вотъ, любезный отецъ аѳонскій, какъ трудно изъ человѣка исторгать страсти!» Когда мы бесѣдовали, привели къ нему три женщины одну больную, ума и разсудка лишившуюся, и всѣ три плакали и просили Старца о больной помолиться. Онъ же надѣлъ на себя епитрахиль, положилъ на главу болящей конецъ епитрахили и свои руки и, прочитавши молитву, трижды перекрестилъ главу больной и приказалъ отвести ее на гостиницу... На другой день я снова пришелъ къ нему, и онъ снова принималъ меня съ любовію и много со мной бесѣдовалъ; по-

томъ пришли вчерашнія женщины. и больная была съ ними, но уже не больная, а совершенно здоровая: онѣ пришли благодарить Старца. Видя это, я удивился и сказалъ Старцу: «Отче святой, какъ вы дерзаете творить такія дѣла? Вы славою человѣческою можете погубить всѣ свои труды и подвиги». Онъ же въ отвѣтъ сказалъ мнѣ: «Отець аѳонскій! Я это сотворилъ не своею властію, но это сдѣлалось по вѣрѣ приходящихъ, и действовала благодать Святаго Духа, данная мнѣ при рукоположеніи; а самъ я человѣкъ грѣшный». Потомъ снова приходилъ вчерашній господинъ и просилъ у старца прощенія со слезами. Онъ же простилъ и приказалъ исполнить то, что приказано было прежде. Потомъ отпустилъ насъ всѣхъ».

Громадный духовный опытъ и высокій авторитетъ старца о. Леонида видны изъ слѣдующихъ, напримѣръ, случаевъ.

Разсказываютъ, что въ концѣ 20-хъ или 30-хъ годовъ онъ посѣтилъ проѣздомъ Софроніеву пустынь. Въ то время тамъ жилъ въ затворѣ іеросхимонахъ Θεодосій, котораго многіе почитали духовнымъ мужемъ и прозорливцемъ, такъ какъ онъ предсказалъ и войну 1812 года, и нѣкоторыя другія событія. Отцу Леониду его устроение показалось сомнительнымъ. Побесѣдовавъ съ затворникомъ, Старець спросилъ его, какъ онъ узнаетъ и предсказываетъ будущее. Затворникъ отвѣчалъ, что Духъ Святой ему возвѣщаетъ объ этомъ. На вопросъ Старца: какимъ образомъ возвѣщаетъ, затворникъ объяснилъ, что Духъ Святой является ему въ видѣ голубя и говорить съ нимъ человѣческимъ языкомъ. Отець Лео-

нидь, видя, что это явная прелесть вражія, началъ предостерегать затворника, говоря, что подобнымъ вещамъ не слѣдуетъ довѣрять. Но тотъ обидѣлся и съ негодованіемъ возразилъ Старцу: «Я думалъ, что ты, подобно другимъ, хочешь отъ меня попользоваться, а ты пришелъ меня учить!» Отецъ Леонидъ удалился и, уѣзжая изъ обители, сказалъ настоятелю: «Берегите вашего святого затворника, какъ бы съ нимъ чего не случилось». Едва о. Леонидъ доѣхалъ до Орла, какъ узналъ тамъ, что Ѳеодосій удавился.

Недалеко отъ Оптиной Пустыни жилъ помѣщикъ, который хвалился, что стоитъ ему взглянуть на о. Леонида, какъ онъ его всего насквозь увидить. Вотъ однажды этотъ помѣщикъ пріѣхалъ къ Старцу, когда у того было много посѣтителей, и входитъ въ его келлію. Ростомъ онъ былъ высокій и тѣломъ тучный. Отецъ Леонидъ имѣлъ такой обычай: когда хотѣлъ произвести на кого-нибудь особое впечатлѣніе, то загородить глаза рукою, приставя ее ко лбу козырькомъ, какъ будто разсматривая какой-либо предметъ на солнцѣ. Такъ и при входѣ этого помѣщика онъ поднималъ лѣвую руку и говоритъ: «Эка остолопина идетъ! Пришелъ насквозь увидѣть грѣшнаго Леонида, а самъ, шельма, 17 лѣтъ не былъ на исповѣди и у Св. Причастія». Помѣщика эти слова Старца такъ поразили, что онъ затрясся, а послѣ плакалъ и каялся, что онъ, грѣшникъ невѣрующій, дѣйствительно, 17 лѣтъ не исповѣдовался и не причащался Св. Таинъ.

Былъ еще такой случай. Одинъ изъ помѣщиковъ, благодѣтельствовавшій монастырю и посѣщавшій его

изрѣдка, жилъ въ явной связи съ крѣпостною своею женщиною до старости, хотя отъ своей законной жены имѣлъ уже дѣтей взрослыхъ и женатыхъ. Наслышавшись о старцѣ Леонидѣ, который многихъ принималъ на исповѣдь, помѣщикъ черезъ настоятеля о. Моисея просилъ у о. Леонида позволенія исповѣдаться у него. Старецъ отказалъ, къ немалому оскорбленію помѣщика, который сталъ просить и о. Моисея, и другихъ лицъ, близкихъ къ Старцу, быть ходатаями за него предъ отцомъ Леонидомъ. Послѣ вторичной просьбы Старецъ неохотно согласился, сказавши, что не отвѣчаетъ за послѣдствія. Помѣщикъ исповѣдался и не былъ допущенъ Старцемъ до Св. Причастія. Можете себѣ представить огорченіе и стыдъ гордаго барина, привыкшаго на всѣхъ смотрѣть свысока и не знавшаго никогда ни въ чемъ себѣ противодѣйствія! Къ еще большему его стыду, сопровождавшая его замужняя дочь его готова была благодарить великаго Старца за такое рѣшеніе. Еще разъ помѣщикъ попытался просить о. настоятеля о заступничествѣ, но тотъ отказался и по совѣсти, и потому, что зналъ непреклонность въ такихъ случаяхъ Старца. Что же произошло потомъ? Помѣщикъ, возвратившись домой, черезъ мѣсяцъ или менѣе разорвалъ свою многолѣтнюю незаконную связь, къ общей радости своей законной семьи.

Два послѣднихъ случая особенно ясно показываютъ намъ великое нравственно-воспитательное значеніе истиннаго старца. Какую надо было имѣть силу и глубину вѣры, какую независимость и неподкупность духа, какую твердость убѣжденія, чтобы сломать и расто-

пить, какъ воскъ, толстую и твердую кору гордости и сластолюбія, сковавшую сердца такихъ людей, какъ вышеупомянутые помѣщики! Изъ окружающихъ ихъ лицъ, изъ бѣлаго духовенства, конечно, никто не посмѣлъ бы и заикнуться произнести тѣ слова, которыя ничтоже сумняся высказалъ Старець. А если бы и произнесъ, они произвели бы совсѣмъ не такое впечатлѣніе. Въ устахъ же старца они вызывали смягченіе сердца, заставляли плакать, производили нравственное обновленіе, вызывали глубокой нравственный переломъ.

Особенно близокъ былъ о. Леонидъ къ простому народу, жалѣлъ его, любилъ и былъ имъ взаимно горячо любимъ и почитаемъ. Онъ всегда былъ осаждаемъ толпой крестьянокъ и крестьянъ, которые несли къ нему всѣ свои скорби и нужды.

Онъ, если можно такъ выразиться, стоялъ у самаго народнаго сердца, слушалъ его бѣненіе, то радостное, то скорбное. И простой народъ разносилъ молву о своемъ любимомъ старцѣ далеко за предѣлами Калужской губерніи.

Такъ же близко стоялъ о. Леонидъ и къ монахинямъ многихъ женскихъ монастырей. Подъ его руководствомъ и тамъ утвердилось старческое окормленіе, и многія монахини научились внимательно относиться къ своей внутренней жизни.

Однако, по слову Псалмопѣвца: многи скорби праведнику, и о. Леониду пришлось перенести въ Оптиной Пустыни немало скорбей. Нашлись иноки, которые въ правилѣ откровенія помысловъ усмотрѣли зло-

употребленіе Таинствомъ исповѣди, въ пріемѣ многочисленныхъ посѣтителей, особенно женскаго пола, увидѣли нарушеніе схимническихъ обѣтовъ, въ помазаніи болящихъ освященнымъ елеємъ – горделивую притязательность на даръ чудотворенія. И вотъ полетѣли доносы и жалобы въ Калугу, къ тогдашнему преосвященному Николаю, а также и въ Консисторію. Нѣкоторые духовники женскихъ обителей съ своей стороны жаловались, что о. Леонидъ своею проповѣдью откровенія помысловъ старцамъ и старицамъ умаляетъ авторитетъ духовниковъ, заводитъ новшество и даже ересь.

Преосвященный, желая положить конецъ неудовольствіямъ и ропоту, приказалъ перевести о. Леонида со скитской пасѣки въ монастырь, запретилъ старцу принимать посетителей – мірянъ, а въ женскихъ обителяхъ началось настоящее гоненіе на ученицъ о. Леонида: многія изъ нихъ были изгнаны изъ монастырей какъ еретички, другія взяты подъ строгій началъ, лишены мантий и т. п. Самому старцу запретили носить схимническое одѣяніе. Тяжко скорбѣлъ старецъ отъ всѣхъ этихъ непріятностей, но скорбѣлъ не за себя, а за своихъ несчастныхъ ученицъ, въ которыхъ старался письмами поддерживать бодрость духа.

И вотъ какъ разъ въ то время, когда о. Леониду приходилось переживать всѣ эти испытанія, Господь даровалъ ему и великое утѣшеніе – найти себѣ близкаго духовнаго друга и помощника въ лицѣ іеромонаха Макарія (Иванова). Это былъ второй знаменитый Оптинскій старецъ, преемникъ о. Леонида и наставникъ

о. Амвросія, почему мы и считаемъ нужнымъ сообщить объ немъ нѣсколько біографическихъ свѣдѣній¹⁵.

Отецъ Макарій происходилъ изъ дворянъ Орловской губерніи и въ міру именовался Михаиломъ Николаевичемъ.

Родился онъ въ небольшомъ имѣніи своего отца подъ Калугой. Родители его были люди простые, добрые и благочестивые. Въ раннемъ дѣтствѣ на него имѣла большое вліяніе его кроткая и глубоко вѣрующая мать. Она часто посѣщала съ нимъ Калужскій Лаврентіевъ монастырь, и бесѣды тогдашняго настоятеля монастыря, архимандрита Теофана, неизгладимо запечатлѣлись въ его младенческой душѣ. Онъ такъ любилъ о. Теофана, что однажды, присутствуя съ матерью за Литургіей, которую совершалъ о. Теофанъ, бросился къ нему въ алтарь черезъ раскрытыя Царскія врата.

Здоровье Михаила Николаевича отъ природы было довольно слабое, характеромъ же онъ обладалъ впечатлительнымъ, серьезнымъ и глубокимъ, воспріимчивымъ ко всему высокому, прекрасному и святому.

Онъ очень любилъ природу, любилъ музыку и пѣніе, самъ игралъ на скрипкѣ и пѣлъ¹⁶. Онъ получилъ образованіе сначала въ приходскомъ училищѣ, а потомъ дома, подъ руководствомъ приглашеннаго учителя. Когда ему исполнилось четырнадцать лѣтъ, его опредѣлили на службу бухгалтеромъ въ Львовское уѣздное казначей-

¹⁵ Подробныя свѣдѣнія о немъ помѣщены въ книгѣ: Сказаніе о жизни и подвигахъ блаженнаго памяти старца Оптиной Пустыни іеросхимонаха Макарія, составленное І. Л. Изд. Оптиной Пустыни. 1861.

¹⁶ Впослѣдствіи былъ уставщикомъ, пѣвчимъ и канонархомъ.

ство; эту должность онъ занималь четыре года. Въ 1806 году умерь отецъ Михаила Николаевича, и онъ вышелъ въ отставку, чтобы заниматься хозяйствомъ въ деревнѣ и принять на свое попеченіе младшихъ братьевъ и сестеръ. Хозяйство у него не ладилось. Онъ былъ очень добръ и не умѣлъ никому ни въ чемъ отказывать. Онъ готовъ былъ все свое имущество раздать просящимъ. Въ то же время онъ увлекался чтеніемъ Священнаго Писанія и книгъ духовнаго содержанія. Братья уговаривали его жениться. Онъ не отказывался рѣшительно, но когда родители избранной имъ дѣвушки отвѣтили, что она еще молода, и они еще подумаютъ, Михаилъ Николаевичъ очень обрадовался этому отвѣту и совсѣмъ пересталъ думать о женитьбѣ.

6 октября 1810 года, когда ему было 22 года, онъ отправился на богомолье въ Богородицкую Площанскую пустынь Орловской губернии и оттуда домой уже не возвратился. Онъ нашель свое настоящее мѣсто. Площанская пустынь произвела на него неотразимое впечатлѣніе. По его словамъ, когда онъ вошелъ въ монастырь, онъ самъ не зналъ, гдѣ находится, «на землѣ или на небѣ, и всѣ монашествующіе казались ему, какъ Ангелы Божіи». Оставшись въ обители, онъ ревностно принялся за иноческіе труды. Первымъ его наставникомъ въ иноческой жизни былъ строгій подвижникъ Іона, подъ руководствомъ котораго онъ провелъ шесть лѣтъ. Въ 1815 году Михаилъ Николаевичъ былъ постриженъ въ мантию и получилъ новое имя – Макарія.

Въ этомъ же году въ Площанскую пустынь прибылъ на жительство одинъ изъ учениковъ старца Паисія схи-

монахъ Аѳанасій, имѣвшій большое вліяніе на дальнѣйшую духовную жизнь о. Макарія. По собственному свидѣтельству о. Макарія, о. Аѳанасій не отличался начитанностью, но онъ весь былъ напоенъ духомъ старца Паисія и завѣты его претворилъ въ свою плоть и кровь. Отецъ Аѳанасій былъ весьма простодушень, исполненъ умиленія, искренности и сердечной теплоты. Онъ былъ кротокъ, снисходителенъ, сострадателенъ, любовенъ. Онъ не могъ видѣть нуждающагося, чтобы сейчасъ же не помочь ему. Любилъ принимать странниковъ и снабжалъ ихъ необходимымъ на дорогу, при чемъ говорилъ: «Намъ присылають, а они гдѣ возьмутъ». Съ посѣтителями разговаривалъ очень охотно, и притомъ не отъ книгъ, а по опыту сердца, умудреннаго руководствомъ старца Паисія. Любилъ говорить о Царствіи Небесномъ, о будущей мукѣ, о милосердіи къ бѣднымъ, о томъ, что настоящая жизнь должна служить подготовленіемъ къ будущей. Все это онъ говорилъ съ такою задушевностью, съ такимъ смиреніемъ, что трогательно было смотрѣть на него, и слова его невольно проникали до глубины души. Такого именно наставника давно жаждало смиренное и кроткое сердце о. Макарія. Онъ поспѣшили сойтись съ о. Аѳанасіемъ и крѣпко къ нему привязался преданною сыновнею любовію. Наконецъ въ 1817 году онъ совсѣмъ переселился, по благословенію настоятеля, въ келлію Старца и съ этихъ поръ оставался при немъ неотлучно, ухаживалъ за нимъ и получался отъ него до самой его кончины, послѣдовавшей въ 1825 году. Помимо личнаго глубокаго вліянія и разсказовъ о старцѣ Паисіи и о другихъ великихъ подвиж-

никахъ, о. Аѳанасій имѣлъ для о. Макарія громадное значеніе еще и тѣмъ, что онъ привезъ съ собою въ Площанскую обитель много рукописныхъ списковъ переводовъ святоотеческихъ твореній, сдѣланныхъ старцемъ Паисіемъ.

Читая съ глубокимъ интересомъ и вниманіемъ эти рукописи, о. Макарій постепенно все болѣе и болѣе проникался ихъ духомъ. Съ этихъ именно поръ о. Макарій сталъ духовно складываться въ того великаго старца-наставника и знатока внутренней жизни, какимъ онъ явился потомъ въ Оптиной Пустыни. Рукописные переводы старца Паисія бережно были сохранены о. Макаріемъ и впослѣдствіи были имъ напечатаны, о чемъ подробно будетъ сказано ниже. Читая переводы святоотеческихъ твореній старца Паисія, о. Макарій особенное вниманіе обратилъ на ученіе св. Отцовъ объ умной или сердечной молитвѣ Иисусовой, т. е. о постоянномъ сердечномъ молитвенномъ храненіи имени Господа Иисуса Христа. Отцу Макарію очень хотѣлось научиться этому высокому духовному дѣланію.

Но старецъ Аѳанасій имѣлъ отъ о. Паисія запрещеніе касаться этого молитвеннаго подвига и проходилъ по его наставленію лишь устную Иисусову молитву, устное постоянное обращеніе къ Господу Иисусу, а потому и не могъ удовлетворить желаніе своего ученика о. Макарія, а можетъ быть, и не хотѣлъ, находя это дѣланіе для него преждевременнымъ. Отецъ Макарій не оставлялъ, однако, своего намѣренія. Въ 1819 году онъ отправился пѣшкомъ на богомолье въ Кіевъ. На обратномъ пути онъ заходилъ въ Глинскую пустынь. Здѣсь

онъ познакомился съ однимъ изъ учениковъ настоятеля пустыни, игумена Филарета, іеродіакономъ Самуиломъ, который былъ дѣлательемъ сердечной молитвы, проходя таковую подъ руководствомъ своего настоятеля. Отецъ Макарій очень обрадовался этому знакомству. Три дня провели они за книгой св. Исаака Сирина, бесѣдуя о сердечной молитвѣ.

Однако, по собственному позднѣйшему признанію о. Макарія, онъ въ это время, по своему духовному возрасту, еще не могъ вмѣстить въ себя это высокое дѣланіе и едва не повредилъ себѣ преждевременнымъ къ нему обращеніемъ.

Въ 1825 году, какъ мы уже сказали, скончался о. Аѳанасій. Сильно скорбѣлъ объ этомъ о. Макарій, утратившій въ о. Аѳанасіи своего наставника и друга. Тягостно было ему его духовное одиночество. Но Господь вскорѣ утѣшилъ его. Въ 1828 году прибылъ въ Площанскую пустынь изъ Александро-Свирскаго монастыря о. Леонидъ. Прибытіе этого старца чрезвычайно обрадовало о. Макарія. Онъ нашелъ въ немъ себѣ новаго наставника, еще болѣе сильнаго духомъ и опытомъ, нежели о. Аѳанасій. Искушенный въ борьбѣ съ врагами, видимыми и невидимыми, о. Леонидъ могъ и искушаемому протянуть руку помощи; обладая великимъ даромъ духовнаго разсужденія, онъ свободно и легко разрѣшалъ всякія недоумѣнія и давалъ полезныя совѣты. Отецъ Леонидъ съ своей стороны былъ очень радъ встрѣчѣ съ о. Макаріемъ. При всемъ своемъ глубокомъ смиреніи о. Макарій имѣлъ въ это время уже очень большой духовный опытъ и могъ быть не только учени-

комъ, но и другомъ о. Леонида. Единство духа, единство воспитанія и единство стремлений быстро связали сердца старцевъ тѣсною, взаимною дружбою, которую ничто уже не могло расторгнуть. И когда, спустя нѣкоторое время, о. Леонидъ перешелъ изъ Площанской пустыни въ Оптинскій скитъ, всею своею душою потянулся туда и о. Макарій. Однако прошло еще немало времени, пока желаніе его смогло осуществиться. Только въ 1834 году состоялось его перемѣщеніе въ Оптину. Слезно простился онъ съ Площанской пустынью, подъ сѣнью которой прожилъ онъ 24 года, и отправился въ путь. Вскорѣ по прибытіи въ Оптину Пустынь онъ былъ назначенъ въ 1836 году духовникомъ всего Оптинскаго братства, а въ 1839 году, уже по пріѣздѣ въ Оптину Александра Михайловича, и скитоначальникомъ.

Въ заключеніе этихъ краткихъ біографическихъ свѣдѣній о двухъ знаменитыхъ Оптинскихъ старцахъ – предшественникахъ о. Амвросія – приведемъ описаніе ихъ внѣшности. Отецъ Леонидъ отъ природы былъ одаренъ крѣпкимъ сложеніемъ, силою необычайною: онъ могъ поднимать до 12 пудовъ. Лицо его смугловатое, круглое осѣнялось густыми, длинными волосами; подъ старость они сдѣлались у этого льва настоящею гривой желто-сѣдою, волнистою и спускались гораздо ниже плечъ.

Глаза небольшіе, сѣроватые смотрѣли прямо, пронизательно; ростъ его былъ выше средняго, походка очень красивая: мужественная и легкая.

Отецъ Макарій съ дѣтства былъ слабаго, болѣзненнаго тѣлосложенія, которое съ годами нѣсколько укрѣ-

пилось, но въ старости онъ страдалъ занятіемъ духа. Во время своего пребыванія въ Оптиной онъ былъ уже весь сѣдой, средняго роста; ходилъ онъ въ келліи въ бѣломъ холщевомъ или канифасовомъ балахончикѣ, имѣя на головѣ черную вязаную шапочку; для молитвенныхъ келейныхъ правилъ употреблялъ краткую мантию; для письма и чтенія надѣвалъ очки въ стальной оправѣ старой формы. Выходя изъ дому, надѣвалъ онъ лѣтомъ старенькую мухояровую рясу и башмаки, зимой – весьма поношенную, крытую зеленымъ драдедамомъ шубку, имѣя при этомъ въ одной рукѣ костыль, а въ другой четки. Лицо – ничѣмъ не поражающее съ перваго взгляда, некрасивое, даже нѣсколько неправильное (по недостатку въ глазахъ), съ печатью постоянного углубленія въ себя, поэтому на видъ болѣе суровое, нежели ласковое; но такова сила благодати, что лицо это, служа зеркаломъ чистой, любвеобильной души, сіяло какою-то неземною красотою, отражая въ себѣ свойства внутренняго человѣка.

Изъ сдѣланнаго нами очерка духовнаго движенія въ русскомъ монашествѣ конца XVIII и начала XIX вѣка читатель можетъ ясно представить себѣ ту духовную атмосферу, которая должна была охватить Александра Михайловича по прибытіи его въ Оптину Пустынь. Понятнымъ становится и то, почему о. Иларіонъ Троекуровскій направилъ его не куда-либо въ другое мѣсто, а именно въ эту обитель: «Иди въ Оптину – и будешь опытенъ!» Здѣсь именно были всѣ необходимыя условія для всесторонняго духовнаго усовершенствованія молодого подвижника.

Управлялъ обителью исполненный мудрости, и духовной и житейской, о. игумень Моисей, заботливый охранитель истинныхъ монашескихъ завѣтовъ. Его сотрудами въ дѣлѣ духовнаго руководства братіи и богомольцевъ-мірянъ были такіе столпы духа, какъ о. Леонидъ и о. Макарій. Въ то же время въ обители имѣли свое пребываніе многіе другіе, не столь яркіе, но все же очень видные свѣтильники вѣры и благочестія – каковы: іеромонахъ Антоній, братъ о. Моисея, вскорѣ по прибытіи въ обитель Александра Михайловича перемѣщенный въ настоятели Малоярославецкаго монастыря; о. архимандритъ Мелхиседекъ, своими глазами видѣвшій святителя Тихона Задонскаго и удостоившійся его наставленій; Валаамскій игумень Варлаамъ, уединенникъ и молитвенникъ, обладавшій даромъ слезъ; іеросхимонахъ Іоаннъ, обратившійся изъ раскола и самъ написавшій о немъ нѣсколько книгъ; великій любитель безмолвія, духовникъ о. Макарія іеросхимонахъ Іовъ и другіе.

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ старцевъ вся обитель приобрѣла какое-то особенное, свѣтлое, умиленное, одухотворенное настроеніе, сіяла истиннымъ духовно-христіанскимъ просвѣщеніемъ, постоянно очищая свою совѣсть чистосердечнымъ исповѣданіемъ старцамъ своихъ помысловъ.

Въ такую-то благодатную среду, какъ въ уютную духовную колыбель, былъ помѣщенъ Промысломъ Божіимъ Его новый избранникъ. жаждавшій духовнаго возрастанія и воспитанія, Александръ Михайловичъ.

Здѣсь предстояло ему подѣ умѣлымъ руководствомъ опытныхъ старцевъ раскрыть свои богатые духовныя дарованія, воспріять мудреную науку христіанской жизни, возрасти въ великаго духовнаго наставника, возсіять яркою звѣздою надъ горизонтомъ не только Оптиной Пустыни, но и всей православно-вѣрующей Россіи и даже всего православнаго Востока.

Наблюдая это удивительное дѣйствіе Промысла Божія въ судьбахъ русскаго иночества, въ жизни старца Амвросія, въ исторіи духовнаго просвѣщенія русскаго народа, какъ не воскликнуть: «Дивна дѣла Твоя, Господи! Вся премудростію сотворилъ еси!»

Глава VII

ДУХОВНОЕ ВОЗРАСТАНІЕ О. АМВРОСІЯ ВЪ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ ПОДЪ РУКОВОДСТВОМЪ СТАРЦЕВЪ О. ЛЕОНИДА И О. МАКАРІЯ

*Терпя потерпѣхъ Господа, и внять
ми, и услыша молитву мою: и возведе
мя отъ рова страстей, и отъ брени
тины, и постави на камени нозѣ мои,
и исправи стопы моя: и вложи во уста
моя пѣснь нову, пѣніе Богу нашему.*

(Пс. 39, 2–4).

*Съющій слезами, радостію по
жнутъ.*

(Пс. 125, 5).

ослѣ сдѣланнаго нами необходимаго отступ-
ления возвратимся снова къ давно уже нами
покинутому нашему путешественнику.

По песчаной, тяжелой Бѣлевской дорогѣ
медленно подвигался Александръ Михайловичъ къ Оп-
тиной Пустыни, радуясь своему освобожденію отъ узъ
міра и призывая благословеніе Божіе на начало новой
жизни.

Вотъ уже на темной зелени густого бора показались бѣлыя стѣны, синія со звѣздами главы и золотые кресты обители. Было воскресенье 8 октября 1839 года. Въ Оптиной Пустыни шла поздняя Литургія.

Оставивъ своего извозчика на гостинѣмъ дворѣ, Александръ Михайловичъ направился въ церковь, а по окончаніи богослуженія пошелъ вмѣстѣ съ другими богомольцами къ старцу о. Леониду, жившему тогда въ монастырѣ. Первое впечатлѣніе отъ Старца было у него неблагопріятное. «Пришелъ я къ Старцу, – говорилъ онъ впослѣдствіи, – вижу, сидитъ Старецъ на кровати, самъ тучный, и все шутитъ и смѣется съ окружающимъ его народомъ. Мнѣ это на первый разъ не понравилось».

Отъ Старца Александръ Михайловичъ отправился къ игумену о. Моисею. Тотъ спросилъ его, понравился ли ему Старецъ. Александръ Михайловичъ отвѣтилъ о. игумену, что у Старца много народа, а о томъ, что Старецъ не понравился, промолчалъ.

Скоро, однако, его отношеніе къ о. Леониду измѣнилось. Въ тотъ же день или на слѣдующій пришлось ему увидѣть, какъ къ о. Леониду шель скитскій іеросхимонахъ Іоаннъ. Его только что постригли въ схиму. Лицо у него было свѣтлое, ангельское. Онъ очень понравился Александру Михайловичу, и онъ пошелъ вслѣдъ за схимникомъ къ Старцу. Пришедши въ келлію о. Леонида, схимникъ поклонился ему въ ноги и сталъ говорить: «Вотъ, батюшка, я сшилъ себѣ новый подрясникъ, – благословите носить его». Старецъ отвѣчалъ: «Развѣ такъ дѣлаютъ? Прежде благословляются сшить, а потомъ носить. Теперь же, когда уже сшилъ, такъ носи –

не рубить же его!» Наблюдая эту сцену, Александръ Михайловичъ, какъ онъ потомъ рассказывалъ, понялъ, въ чемъ тутъ дѣло, понялъ и духовную высоту о. Леонида, и смиреніе схимника, и съ этой минуты самъ полюбилъ Старца и захотѣлъ вручить ему себя для духовнаго воспитанія, увѣрившись, что путь, которымъ поведетъ его старецъ, приведетъ его къ истинному, вѣчному благу.

Онъ открылъ о. Леониду свою душу, объяснилъ ему всѣ обстоятельства своей жизни и просилъ совѣта, ожидая отъ него съ трепетомъ рѣшенія своей участи. Старецъ выслушалъ Александра Михайловича со вниманіемъ и участіемъ. Онъ велѣлъ ему отпустить извозчика и остаться въ монастырѣ. Александръ Михайловичъ такъ и сдѣлалъ. На томъ дворѣ, гдѣ нынѣ находится новая гостиница, налѣво отъ воротъ былъ двухэтажный флигель (теперь отъ него остался только нижній этажъ). Въ этомъ флигелѣ во второмъ этажѣ отвели небольшую комнату Александру Михайловичу. Расположившись въ отведенномъ ему помѣщеніи, Александръ Михайловичъ ежедневно ходилъ къ службамъ Божіимъ, ежедневно посѣщалъ старца о. Леонида, присматривался къ его обращенію съ народомъ, слушалъ его наставленія и вообще наблюдалъ монастырскую жизнь. Въ свободное же время дома занимался по порученію Старца переписываніемъ рукописи подъ названіемъ: «Грѣшныхъ спасенье»¹⁷. Такъ незамѣтно проходили дни

¹⁷ Переводъ съ новогреческаго. Общее ея содержаніе – о борьбѣ со страстями. Переписывание этой рукописи, наполняя досугъ А. М., знакомило его вмѣстѣ съ тѣмъ съ превосходной наукой внутренней духовной жизни.

за днями. Между тѣмъ мѣстопребываніе Александра Михайловича стало извѣстно смотрителю Липецкаго духовнаго училища, и онъ обратился къ о. игумену Моисею съ запросомъ, не у него ли въ обители пребываетъ наставникъ училища Александръ Гренковъ? Вслѣдствіе этого запроса Александръ Михайловичъ, по совѣту старцевъ Леонида и Макарія, написалъ смотрителю извинительное письмо за свой самовольный уходъ изъ училища, и въ то же время подалъ Тамбовскому епископу Арсенію прошеніе о разрѣшеніи ему принять монашество въ Оптиной Пустыни.

Вспоминая объ этомъ времени, Старецъ рассказывалъ впослѣдствіи ¹⁸: «Пріѣхалъ я въ Оптину и думалъ пожить еще такъ, не поступая въ монастырь, а самъ послалъ просьбу Тамбовскому преосвященному Арсенію объ увольненіи. Онъ сдѣлалъ запросъ архимандриту Моисею: примутъ ли меня? Архимандритъ приходитъ ко мнѣ и спрашиваетъ: желаете ли приуказиться? Я говорю: «Нѣтъ, мнѣ бы хотѣлось еще такъ пожить». – «А такъ, – говорить, – нельзя». Преосвященный Арсеній не хотѣлъ давать мнѣ увольненія, не узнавъ прежде навѣрно, остаюсь ли я въ монастырѣ. Такъ и приуказили меня еще въ мірскомъ платьѣ. Годъ жилъ въ монастырѣ на кухнѣ. Пять келлій перемѣнилъ. Жилъ и въ келліи о. Игнатія, и въ башнѣ. На кухнѣ годъ прималчивалъ, т. е. спросятъ что, скажу... Сперва былъ я помощникомъ о. Геннадія, а о. Геннадій поваромъ. По-

¹⁸ Рассказъ этотъ, можетъ быть, не совсѣмъ точенъ въ подробностяхъ, но онъ интересенъ, какъ личное воспоминаніе Старца о первыхъ годахъ его жизни въ обители.

томъ онъ отлучился, а меня и сдѣлали поваромъ. Онъ вернулся, а его мнѣ въ помощники дали. Онъ что-то, смотрю, хмурится. «Что ты, – спрашиваю, – о. Геннадій, на меня словно косишься?» – «Да я на тебя не мирень», – говорить. А то начнемъ посуду мыть, онъ и скажетъ: «Пока вода горяча, сядемъ да потолкуемъ!» Да и протолкуемъ, пока вода остынетъ». «А къ старцу-то вы ходили?» – спросили присутствующіе. – «Каждый день ходилъ: то благословляться насчетъ кушаній, то ударять къ трапезѣ. Въ то же время былъ я у него чтецомъ. А черезъ годъ меня прямо въ келейники взяли». – «Какъ же это случилось?» – спросили. – «Да такъ: покойный старецъ (о. Леонидъ) призвалъ батюшку (о. Макарія) и говорить: «Вотъ человѣкъ къ намъ ютится, а я ужъ сталъ слабъ, такъ вотъ тебѣ его передаю изъ полы въ полу, какъ лошадей передаютъ», – прибавилъ Батюшка шутя. Онъ (покойный старецъ) звалъ меня *химера*». Какая-то монашенка спрашиваетъ: «Что жъ это значить, Батюшка, химера?» – «Да вотъ, – говорить, – когда цвѣтутъ огурцы, то изъ однихъ цвѣтовъ плодъ выходитъ, а другіе бываютъ такъ, пустоцвѣты»... «А то, – продолжалъ Батюшка, – стояла разъ, не помню, какая-то сѣвская монашенка – у него вѣдь просто было, и мужчины, и женщины, и монахи, и міряне – всѣ заодно бывали, – старецъ снялъ съ ея головы шапку, да на меня и надѣлъ»... – «Ну, а какъ же вы келейничали? – спросили присутствующіе. – Вы обрадовались, когда васъ назначили келейникомъ?» Батюшка не отвѣчалъ. «Поближе-то къ старцу быть», – пояснила вопрошавшая. – «Да, поближе», – сказалъ Батюшка. «Ну, какъ же, вы и кар-

тофель чистили и стряпали?» – «Да какъ же иначе, – сказала Батюшка, принимая какъ бы недовольный тон! – разумѣется стряпаль. какой же я такой. Я и хлѣбъ, и просфоры научился печь; я и то училъ узнавать, готовы ли просфоры агнчіи, а то все сыры: воткнуть лучинку – если ничего не останется на ней – значитъ готовы, а если не готовы, то непременно прилипнетъ къ лучинкѣ тѣсто».

И такъ Александръ Михайловичъ недолго оставался въ монастырѣ. Перемѣщенный въ Скитъ, онъ прожилъ тамъ около 50 лѣтъ, до самаго своего послѣдняго отъѣзда въ Шамордино лѣтомъ 1890 года.

Какъ видно, старецъ о. Леонидъ выдѣлялъ его среди другихъ послушниковъ и, предчувствуя свою близкую кончину, поручилъ его особенному попеченію старца о. Макарія. По свидѣтельству нѣкоторыхъ, онъ иногда открыто указывалъ на Александра Михайловича какъ на будущаго «великаго человѣка». Даже въ шуткахъ своихъ, которыми о. Леонидъ часто прикрывалъ свою прозорливость, напримѣръ, въ томъ, что онъ надѣлъ на голову Александра Михайловича шапку съ головы монахини, нельзя не замѣтить указанія на будущія заботы старца Амвросія объ устроеніи женскихъ иноческихъ обителей.

Въ іюль 1841 года Александра Михайловича навѣститъ его старый другъ и сослуживецъ Павелъ Степановичъ Покровскій, самъ имѣвшій влеченіе къ монашеству и впослѣдствіи принявшій постриженіе въ Оптиной Пустыни съ именемъ Платона. Александръ Михайловичъ въ это время былъ уже постриженъ въ рясо-

форъ. Войдя въ келлію своего друга, Павелъ Степановичъ былъ пораженъ ея крайней бѣдностью. Въ святомъ углу виднѣлась маленькая икона Тамбовской Богоматери, родительское благословеніе Александра Михайловича. На койкѣ валялось что-то вроде истертаго ветхаго полушубка, который служилъ и постелью, и изголовьемъ. На стѣнѣ висѣла ветхая ряса съ клобукомъ. Больше онъ ничего не замѣтилъ въ келліи. Вспоминая прежнюю жизнь Александра Михайловича въ училищѣ, Покровскій, при видѣ этого убожества, едва могъ удержаться отъ слезъ. Но Александръ Михайловичъ не только не смущался простотою и скудостью своей матеріальной обстановки, а, наоборотъ, утѣшался ею, сознавая, что внѣшняя скудость болѣе приближаетъ духъ его къ Богу.

11 октября 1841 года Александръ Михайловичъ понесъ тяжелую утрату – скончался его первый духовный наставникъ, старецъ о. Леонидъ.

Послѣ кончины о. Леонида Александръ Михайловичъ всецѣло прилѣпился сердцемъ къ о. Макарію. Исполняя при немъ обязанности келейника, о. Амвросій, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими лицами, помогаль о. Макарію и въ его обширной перепискѣ, т. е. по его порученію и по его указаніямъ отвѣчалъ на нѣкоторыя изъ получаемыхъ старцемъ писемъ менѣе значительнаго содержанія, такъ какъ на болѣе важныя о. Макарій всегда отвѣчалъ самъ.

Келейникомъ о. Макарія Александръ Михайловичъ пробывъ около четырехъ лѣтъ.

Эти годы были для Александра Михайловича своего рода высшею школою, въ которой онъ проходилъ науку

монашеской жизни. Они поставили его въ постоянное и близкое общеніе со старцемъ о. Макаріемъ, дали ему возможность близко наблюдать его жизнь, слушать его рѣчи и наставленія, быть посредникомъ между старцемъ и приходящими къ нему посѣтителами, учиться у него мудрости обращенія съ людьми.

Уже самъ будучи старцемъ, о. Амвросій нерѣдко въ своихъ разговорахъ употреблялъ выраженія: «батюшка о. Макарій говаривалъ такъ-то», «при батюшкѣ о. Макарія бывало такъ-то», «батюшка о. Макарій въ такихъ случаяхъ поступалъ такъ-то».

Одновременно съ этой практической школой постоянного обращенія съ о. Макаріемъ, Александръ Михайловичъ проходилъ, конечно, по указанію и подъ руководствомъ о. Макарія и другую школу – келейной молитвы, ежедневнаго чтенія слова Божія, житій святыхъ, святоотеческихъ твореній, въ особенности подвижническихъ, гдѣ каждое неясное слово, каждое выраженіе, требовавшее истолкованія, находило себѣ опытнаго толкователя въ лицѣ о. Макарія. Присоединимъ къ этому ежедневное внимательное испытаніе своей совѣсти, сопровождавшееся нерѣдко слезами искренняго сокрушенія о своихъ грѣхахъ, ежедневное чистосердечное откровеніе помысловъ Старцу – и мы получимъ кругъ тѣхъ духовныхъ дѣланій и переживаній, въ которыхъ возрастала и крѣпла душа Александра Михайловича.

Александръ Михайловичъ такъ быстро подвигался впередъ въ своемъ духовномъ возрастаніи, что, спустя три года по прибытіи въ Оптину Пустынь, 29 ноября

1842 года былъ уже постриженъ въ мантию и получилъ новое имя – Амвросія, въ честь св. Амвросія, епископа Медиоланскаго, память котораго совершается 7 декабря. Въ это время Александру Михайловичу исполнилось ровно 30 лѣтъ.

Черезъ два мѣсяца послѣ постриженія въ мантию о. Амвросій былъ рукоположенъ въ іеродіакона.

Когда нѣкоторые впослѣдствіи выражали удивленіе тому, какъ скоро въ тѣ времена постригали въ мантию, о. Амвросій отвѣчалъ: «Да нѣтъ! И тогда бывало, что лѣтъ по двѣнадцати жила, а такъ ужъ меня! (Батюшка при этомъ рукой махнулъ.) Да всегда еще къ посту приходило отъ Синода разрѣшеніе, а намъ въ октябрѣ. Дѣло въ томъ, что товарищъ мой служилъ въ Синодѣ, онъ очень мной интересовался, но не зналъ, гдѣ я, а какъ только узналъ, такъ тотчасъ и разрѣшеніе выхлопоталъ. А на другой годъ сдѣлали и іеродіакономъ. Назначили насъ къ посвященію: и меня, и еще одного, мы съ нимъ и толкуемъ, что мы не смѣемъ принять рукоположенія, что мы недостойны, – и пошли объ этомъ говорить старцу (о. Макарію). Входимъ къ нему. Батюшка самъ началъ: «Ну, васъ назначили, назначили – это хорошо!» А мы мнемся. Товарищъ мой началъ первый. Говорить: «Вотъ объ этомъ-то я и пришелъ съ вами поговорить, Батюшка, я вѣдь недостойнъ». – «Такъ и думай, такъ всегда и думай, что ты недостойнъ», – перебилъ его Старецъ. «А я ужъ не посмѣлъ послѣ этого и рта открыть», – прибавилъ Батюшка, весело смѣясь.

Въ санѣ іеродіакона о. Амвросій пробылъ около трехъ лѣтъ. Поступившій въ 1844-мъ году въ Оптину

Пустынь о. игумень Θεодосій, вспоминая это время, говорилъ, что о. Амвросій въ санѣ іеродіакона служилъ всегда съ великимъ благоговѣніемъ.

Самъ о. Амвросій, будучи уже старцемъ, говорилъ одному немощному іеродіакону, тяготившемуся отправленіемъ чреды священнослуженія: «Братъ! Не понимаешь дѣла. Въдѣ жизни причащаешься!»

Въ этихъ словахъ Старца можно видѣть отображеніе того чувства, съ которымъ онъ самъ, будучи іеродіакономъ, приступалъ къ Св. Христовымъ Тайнамъ. Но самъ же о. Амвросій не скрываетъ отъ насъ и тогдашнихъ своихъ немощей. Однажды, когда онъ, по оптинскому чиноположенію, служилъ въ монастырѣ позднюю Литургію, пріѣхалъ въ Оптину Пустынь Малоярославецкій о. игумень Антоній, бывшій скитоначальникъ, хорошо извѣстный молодому служащему іеродіакону. «Во время чтенія часовъ, рассказывалъ потомъ о. Амвросій, входитъ онъ въ алтарь. По обычаю кланяюсь ему и подхожу подѣ благословеніе. – «Ну, что, привыкаете ли?» – обращается ко мнѣ смиренный о. игумень. – «За вашими св. молитвами, Батюшка, слава Богу, привыкаю», – довольно развязно отвѣтилъ я. Вдругъ о. игумень перемѣнилъ тонъ и рѣчь: «Ко смиренію-то?» – «Я и не знаю, что отвѣчать». Такъ духовные Оптинскіе старцы умѣли наставлять молодыхъ иноковъ, не стесняясь ни мѣстомъ, ни временемъ.

Въ декабрѣ 1845 года о. Амвросій былъ рукоположенъ въ іеромонаха. Для рукоположенія пришлось ему ѣхать въ Калугу на лошадахъ. Былъ сильный холодъ. Отецъ Амвросій, пріѣхавъ на первую же станцію, по-

чувствовалъ сильную боль въ желудкѣ, и это было началомъ всѣхъ его послѣдующихъ болѣзней. По возвращеніи въ Оптину о. Амвросій чувствовалъ себя постоянно нездоровымъ, но все-таки не оставлялъ чреды священнослуженія. Однако по временамъ онъ бывалъ уже такъ слабъ, что, какъ послѣ самъ вспоминалъ, не могъ долго держать потиръ одной рукой. «Однажды много было причастниковъ – рассказывалъ онъ. – Преподаяя Пречистыя Тайны Христовы одной рукой, другою я держалъ потиръ. И вотъ почувствовалъ я, что рука моя стала слабѣть и нѣмѣть. Чтобы нѣсколько дать отдыхъ рукѣ, я пошелъ въ алтарь поставить на малое время на престолъ св. Чашу, а вслѣдъ за мной слышу голосъ какой-то женщины, подходившей къ причащенію: «Знать я, грѣшная, недостойна!» – Ахъ, Боже мой, подумалъ я, тѣсно мнѣ отовсюду!»

Въ началѣ сентября 1846 года о. Амвросій еще выѣзжалъ по Бѣлевской дорогѣ за 18 верстъ отъ Оптиной навстрѣчу Курскому архіепископу Иліодору, котораго онъ долженъ былъ пригласить посѣтить обитель, а семнадцатаго сентября заболѣлъ такъ серьезно и пришелъ въ такое изнеможеніе, что 26 октября во время утрени былъ особорованъ и приобщенъ Св. Христовыхъ Таинъ. Въ это же время онъ былъ келейно постриженъ въ схиму съ сохраненіемъ имени Амвросія. Эта тяжелая болѣзнь продолжалась болѣе года и имѣла очень большое значеніе для внутренней духовной жизни о. Амвросія. Чувствуя крайнюю слабость и потерявъ надежду на улучшеніе своего здоровья, о. Амвросій въ декабрѣ 1847 года подаль прошеніе объ оставленіи его въ обите-

ли за штатомъ. Изслѣдовавшій состояніе его здоровья, по порученію Духовной Консистеріи, козельскій врачъ Субботинъ далъ такой отзывъ о его болѣзни: «Отецъ іеромонахъ Амвросій имѣть болѣзненный желтый цвѣтъ лица, съ болѣзненно-блестящими глазами, всеобщую худобу тѣла; при высокомъ своемъ ростѣ и узкой грудной клѣткѣ – сильный, больше сухой кашель, съ болью при немъ въ груди, боль въ подреберныхъ сторонахъ, преимущественно въ правой; нытье подъ ложкой и давящую боль въ сторонѣ желудка; совершенное разстройство пищеваренія, упорные, постоянные запоры и частую рвоту не только слизями и желчью, но и принятою пищею; бессонницу и, наконецъ, повременный ознобъ къ вечеру, смѣняющійся легкимъ жаромъ. Припадки эти означаютъ медленную изнурительную лихорадку, происшедшую вслѣдствіе затвердѣнія брюшныхъ внутренностей, преимущественно же желудка».

На основаніи этого отзыва уѣзднаго врача Калужское епархіальное начальство признало іеромонаха Амвросія неспособнымъ ни къ какимъ монастырскимъ послушаніямъ и постановило исключить его, какъ неспособнаго, изъ штата братіи Оптиной Пустыни, оставивъ его на пропитаніи и призрѣніи обители. Въ это время о. Амвросію было всего только 36 лѣтъ.

Такимъ образомъ, несмотря на столь молодые годы о. Амвросія, земная дѣятельность его, по обычнымъ человѣческимъ соображеніямъ, казалась уже совершенно закончившейся. Разбитый тяжело болѣзью, признанный неспособнымъ ни къ какому полезному труду, онъ долженъ былъ доживать свой вѣкъ инвалидомъ на иж-

дивеніи пріютившей его обители. Но, видно, мысли наши – не мысли Божіи, и пути наши – не пути Божіи. То, что человѣческому разсужденію представлялось концомъ жизни и дѣятельности, на самомъ дѣлѣ было, быть можетъ, началомъ, зародышемъ и основаніемъ новой, истинной, высокой жизни. На о. Амвросіи исполнялись слова Господа: *аминь, аминь глаголю вамъ, аще зерно пшенично падѣ на земли не умретъ, то едино пребываетъ: аще же умретъ, многъ плодъ сотворитъ* (Ин. 12, 24).

Эта тяжкая и продолжительная болѣзнь была, въ дѣйствительности, лишь новымъ дѣйствіемъ Промысла Божія, столь явно обнаруживавшагося въ жизни о. Амвросія. Подобная же тяжкая болѣзнь, перенесенная имъ въ семинарскіе годы, впервые заставила его серьезно подумать о монашествѣ.

Промысль Божій привелъ его къ Троекуровскому старцу Иларіону, внушилъ ему желаніе побывать у св. мощей преп. Сергія, направилъ его путь въ Оптину Пустынь и поставилъ его здѣсь подъ духовное руководство великихъ свѣтильниковъ истиннаго монашества о. Леонида и о. Макарія.

И вотъ, когда въ душу о. Амвросія глубоко запало посѣянное этими старцами сѣмя духовной жизни, Промысль Божій находитъ необходимымъ какъ бы отстранить о. Амвросія отъ всякаго рода общественной дѣятельности, приковать его къ одру болѣзни, удалить отъ него всѣ внѣшнія впечатлѣнія, поставить его лицомъ къ лицу лишь со своими страданіями и съ Богомъ... Для чего? Для того, чтобы воспринятое имъ въ свою душу

сѣмя новой жизни растворилось тамъ, переработалось, вошло, такъ сказать, въ его плоть и кровь, пустило тамъ ростки и корни и стало живымъ достояніемъ всего его нравственного существа.

А этотъ процессъ воспріятія божественной жизни требуетъ прежде всего отъ человѣка сознанія своего безсилія, своей беспомощности, своего ничтожества и всецѣлаго упованія лишь на милость Божию. Спаситель говоритъ: *аще кто хочетъ по Мнѣ идти, да отвержется себѣ, и возьметъ крестъ свой, и по Мнѣ грядетъ*. Сродниться со Христомъ, испытавшимъ всю горечь крестныхъ страданій, можно только путемъ страданій. Человѣкъ, не испившій этой горькой чаши, никогда не постигнетъ истинной глубины христіанства, никогда не сумѣетъ понять и облегчить чужое страданіе.

Отцу Амвросію, будущему цѣлителью больныхъ душъ человѣческихъ, необходимо было самому пройти черезъ горнило болѣзней и страданій, да *бывъ искушенъ самъ, могъ бы и искушаемымъ помощи*, ибо, по преданію старчества, *мужъ неискушенъ – неискусенъ*. Нужно прибавить при этомъ, что о. Амвросію, какъ человѣку образованному, умному, дѣятельному, угрожала, если бы онъ былъ здоровъ, опасность пойти обычнымъ путемъ монашескаго служенія, т. е. занимать тѣ или другія внѣшнія монашескія должности, постепенно поднимаясь по ихъ лѣстницѣ, а это могло бы помѣшать ему развиться въ полную мѣру старческаго служенія... Тяжкая болѣзнь и исключеніе изъ штата обители заградили ему путь внѣшняго возвышенія и всецѣло направили его жизнь на путь внутренняго духовнаго развитія. Кто не

усмотрить въ этомъ премудраго и благостнаго дѣйствія Божественнаго Промысла?!

Что о. Амвросій послѣ своей тяжелой болѣзни дѣйствительно оказался уже подготовленнымъ для старческаго служенія, это видно изъ того, что съ этого времени о. Макарій начинаетъ многихъ направлять къ нему для духовнаго руководства, несмотря на его сравнительную молодость.

Проведя на одрѣ болѣзни около полутора лѣтъ, о. Амвросій, къ общему удивленію, началъ поправляться. Въ лѣтнюю пору 1848 года онъ въ первый разъ вышелъ на воздухъ. «Помню, – рассказывалъ онъ объ этомъ, – въ лѣтній ясный, тихій день вышелъ я впервые изъ келліи и побрелъ, опираясь на палку, едва передвигая ноги, по дорожкѣ за сажелкой. (Это самая уединенная дорожка внутри Скита, вдоль восточной стѣны.) Первый навстрѣчу мнѣ попался игумень Варлаамъ (бывшій Валаамскій настоятель). «Ну что, – спрашиваетъ, – поправляешься?» – «Да, вотъ, – отвѣчаю, – слава Милосердому Богу, – оставилъ на покаяніе». Отецъ игумень остановился и, глядя на меня, началъ говорить смиряющимъ тономъ: «А что жъ, ты думаешь, – лучше что ли будешь? Нѣтъ, не будешь лучше: хуже, хуже будешь»... Вспоминая эти слова, о. Амвросій приговаривалъ: «Вотъ теперь и самъ вижу, что сталъ хуже».

Послѣ перенесенной тяжелой болѣзни здоровье о. Амвросія никогда уже не возстановлялось вполне. До самой его кончины недуги не оставляли его. То усиливался у него катаръ желудка и кишокъ, открывалась рвота, то ощущалась нервная боль, то простуда съ лихо-

радочнымъ ознобомъ. Къ тому же еще стали появляться геморроидальныя страданія, которыя по временамъ до того измождали страдальца, что онъ лежалъ въ постели точно мертвый. Ко всѣмъ этимъ недугамъ, несмотря на ихъ мучительность, о. Амвросій всегда относился весьма благодушно, признавая, что они ниспосланы ему Богомъ. Въ одномъ изъ писемъ онъ такъ опредѣлялъ значеніе болѣзней для монаха: «Милостивъ Господь! Въ монастырѣ болящіе скоро не умираютъ, а тянутся и тянутся до тѣхъ поръ, пока болѣзнь принесетъ имъ настоящую пользу. Въ монастырѣ полезно быть немного больнымъ, чтобы менѣе бунтовала плоть, особенно у молодыхъ, и менѣе пустяки приходили въ голову. А то, при полномъ здоровьи, особенно молодымъ, какая и какая пустошь не приходитъ въ голову»...

Избавившись отъ смертельной болѣзни, о. Амвросій, по слабости здоровья, болѣе уже не отправлялъ церковныхъ богослуженій, но въ храмъ Божій еще ходилъ, гдѣ и пріобщался пречистыхъ Таинъ Христовыхъ, вѣроятно, по-схимнически – разъ въ мѣсяцъ, какъ дѣлалъ это и старецъ его о. Макарій. Въ это время о. Амвросій, вслѣдствіе болѣзненности, лѣто и зиму носилъ фланелевыя рубашки и шерстяные чулки, и часто, по причинѣ испарины, то и другое перемѣнялъ. Келейныя же правила вычитывалъ для него ежедневно жившій рядомъ съ нимъ въ особой келліи братъ, назначенный ему для послуженія.

Еще до своей болѣзни о. Амвросій былъ освобожденъ отъ келейничества при старцѣ о. Макаріи и поселился въ корпусъ, находящемся на сѣверной сторонѣ

отъ скитской церкви. Здѣсь застигла его и болѣзнь, здѣсь онъ остался жить и по выздоровленіи. Обстановка жизни его и теперь была крайне проста. Въ переднемъ углу стояло нѣсколько иконъ. Около двери висѣли ряса и подрясникъ съ мантией. Затѣмъ кровать съ постланнымъ на ней холщовымъ, набитымъ соломой тюфякомъ и такой же подушкой. Вотъ и все убранство его келліи.

Одинъ изъ послушниковъ, относившійся въ это время къ о. Амвросію, замѣтилъ еще какъ-то у него подъ койкою плетушку, которая, вѣроятно, служила ему вмѣсто комода или сундука, гдѣ хранились у него шерстяные чулки и фланелевыя рубашки, въ которыхъ онъ имѣлъ теперь крайнюю нужду, и спросилъ: «Эта плетушка-то для чего у васъ, Батюшка?» Желая скрыть отъ него свою крайнюю неприязнительность, смиренный о. Амвросій отвѣтилъ ему въ шутовомъ тонѣ: «Да вотъ хочу гусыню на яйца сажать». Послѣ такого отвѣта и гость и хозяинъ только посмѣялись.

Въ употребленіи пищи о. Амвросій, какъ и прежде, соблюдалъ строгое воздержаніе. Несмотря на болѣзненное состояніе желудка, онъ продолжалъ, по временамъ, довольствоваться и трапезною пищею. Нужно замѣтить, что хотя въ Оптиномъ скиту готовятъ довольно вкусно, но пища круглый годъ, исключая шести сплошныхъ седмицъ, готовится, какъ мы уже говорили, съ постнымъ масломъ, а въ посты, въ положенные Св. Церковію дни, и совсѣмъ безъ масла. И для людей съ здоровыми желудками бываетъ иногда ощутительна недостаточность такого питанія, тѣмъ болѣе для о. Амвросія съ

его испорченнымъ, болѣзненнымъ желудкомъ. Однако онъ не переставалъ, когда имѣлъ возможность, вмѣстѣ съ братіями ходить въ трапезу.

По выздоровленіи отъ смертельной болѣзни о. Амвросій продолжалъ помогать старцу о. Макарію въ его перепискѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, принявъ должное участіе и еще въ одномъ дѣлѣ, предпринятомъ въ это время о. Макаріемъ – именно въ пересмотрѣ и въ подготовкѣ къ печати переводовъ святоотеческихъ подвижническихъ твореній, сдѣланныхъ о. Паисіемъ Величковскимъ и до того времени еще не напечатанныхъ въ полномъ видѣ.

По особому устроению Промысла Божія въ Оптиной Пустыни къ этому времени оказались самые вѣрные списки письменныхъ трудовъ старца Паисія, и въ числѣ ихъ было даже нѣсколько рукописей, принадлежавшихъ самому старцу Паисію, переписанныхъ по его благословенію съ черновыхъ его тетрадей ближайшими его учениками, исправленныхъ и подписанныхъ собственною его рукою: такова, напримѣръ, рукопись словъ великаго учителя внутренней жизни св. Исаака Сирина¹⁹.

¹⁹ Судьба этой рукописи особенно замѣчательна: она была прислана отъ старца Паисія къ С. Петербургскому митрополиту Гавріилу съ собственноручною надписью. Писана полууставомъ на бѣлой лошенной бумагѣ въ листъ болѣе половины рукою ближняго ученика старца схимонаха Θεодора, а dokonчена другомъ послѣдняго – схимонахомъ Николаемъ. Рукопись эта, по кончинѣ Владыки, перешла неизвѣстно какимъ образомъ въ частныя руки и привезена была барышникомъ на продажу въ Валаамскій монастырь, гдѣ и была пріобрѣтена жившимъ въ то время на Валаамѣ схимонахомъ Θεодоромъ, который очень обрадовался утраченному и снова обрѣтенному сокровищу. Послѣ блаженной кончины о. Θεодора книга эта досталась любимому ученику и спутнику всей его жизни іеросхимонаху о. Леониду. Онъ подарилъ ее еще при жизни своей

Кромѣ этой рукописи въ келейной бібліотекѣ старца о. Макарія къ началу изданія книгъ оказались вѣрныя копіи: 1) съ исправленныхъ старцемъ Паисіемъ древнихъ славянскихъ переводовъ писаній Макарія Великаго, Іоанна Лѣствичника, свв. Варсонофія и Іоанна; 2) съ переведенныхъ имъ самимъ книгъ: Максима Исповѣдника слово по вопросу и отвѣту, Ѳеодора Студита (съ новогреч. языка), житіе Григорія Синаита, слово Григорія Паламы, нѣкоторыя другія творенія святыхъ отцовъ-подвижниковъ. Всѣми этими сокровищами Старецъ пользовался какъ самъ, такъ и дѣлился ими со всѣми жаждущими духовнаго назиданія и спасенія, вовсе не смѣя, по собственному его признанію, помышлять объ изданіи ихъ въ свѣтъ, будучи доволенъ и благодаря Бога и за то, что удостоилъ его имѣть такія сокровища.

Между тѣмъ обстоятельства сложились такъ, что открылась возможность опубликовать эти драгоцѣнныя рукописи.

Недалеко отъ г. Бѣлева, находящагося въ 30 верстахъ отъ Оптиной Пустыни, имѣется село Долбино, старинная вотчина рода Кирѣевскихъ. Въ 1805 году долбинскій помѣщикъ Василій Ивановичъ Кирѣевскій женил-

своему ученику схимонаху Антіоху, по кончинѣ котораго она перешла къ другому ученику о. Леонида, о. Іоанникію, жившему тогда въ Александро-Невской Лаврѣ. Онъ отдалъ ее въ даръ духовной дочери о. Леонида старицѣ Е. Т. Л., отъ которой эта книга перешла въ 1849 году къ іеромонаху о. Ефрему, подарившему ее духовному сыну своему монаху Авраамію, а этотъ послѣдній, отъѣжая въ 1858 году на Аѳонъ, принесъ эту рукопись въ даръ іеросхимонаху Макарію, благословившему ея передъ своею кончиною іеромонаха Леонида (Кавелина), скончавшагося впоследствии намѣстникомъ Троице-Сергіевой Лавры.

ся на племянницѣ В. А. Жуковскаго Евдокіи Петровнѣ Юшковой, и отъ этого брака 22 марта 1806 года родился въ Москвѣ Иванъ Васильевичъ Кирѣевскій, извѣстный впослѣдствіи литераторъ и основатель такъ называемаго славянофильства или, говоря проще, русскаго, народнаго, православнаго направленія мысли въ средѣ образованнаго общества. Выросшій въ кругу людей высокообразованныхъ и съ прекрасными качествами сердца, Иванъ Васильевичъ и самъ воспринялъ отъ нихъ все лучшее. Въ раннемъ дѣтствѣ на него произвелъ неизгладимое впечатлѣніе В. А. Жуковскій. Подъ руководствомъ матери и весьма образованнаго отчима, А. А. Елагина, Иванъ Васильевичъ прекрасно изучилъ математику, языки французскій и нѣмецкій и перечиталъ множество книгъ по словесности и исторіи философіи изъ библіотеки, собранной еще его отцомъ. Въ Москвѣ онъ бралъ уроки у профессоровъ университета: Мерзлякова, Снегирева и др., слушалъ публичныя лекціи о природѣ проф. М. Г. Павлова, послѣдователя нѣмецкаго философа Шеллинга. Въ то же время онъ учился языкамъ англійскому, латинскому и греческому. По окончаніи учебнаго курса Иванъ Васильевичъ поступилъ на службу въ Москвѣ, гдѣ скоро вокругъ него образовался кружокъ серьезной молодежи, жаждавшей просвѣщенія. Въ этотъ кружокъ вошли А. И. Кошелевъ, братья Веневитиновы, Соболевскій, Шевыревъ и др. Впослѣдствіи къ нимъ примкнули М. П. Погодинъ, М. А. Максимовичъ, поэтъ Баратынскій, А. С. Хомяковъ. Вращаясь въ такой средѣ, Иванъ Васильевичъ Кирѣевскій сначала посвятилъ себя изученію полити-

ческой экономіи, а съ 1824 года всецѣло увлекся германской философіей.

Въ 1829 году И. В. Кирѣевскій впервые выступилъ на литературное поприще со статьею о Пушкинѣ, обнаружившею удивительно ясное пониманіе творчества этого поэта. Въ этой статьѣ онъ уже высказываетъ сомнѣніе въ безусловной истинѣ нѣмецкой философіи и указываетъ необходимость самобытнаго развитія русской научной мысли. «Философія нѣмецкая укорениться у насъ не можетъ. Наша философія должна развиваться изъ нашей жизни, создаться изъ текущихъ вопросовъ, изъ господствующихъ интересовъ нашего народнаго и частнаго быта». Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы не должны отвергать и опыта западно-европейской мысли. «Вѣнецъ просвѣщенія европейскаго служилъ колыбелью для нашей образованности; она рождалась, когда другія государства уже доканчивали кругъ своего умственного развитія, и гдѣ онѣ останавливались, тамъ мы начинаемъ. Какъ младшая сестра въ большой дружной семьѣ, Россія прежде вступленія въ свѣтъ богата опытностью старшихъ».

Въ 1834 году Иванъ Васильевичъ женился на Натальѣ Петровнѣ Арбеновой, дѣвушкѣ глубоко вѣрующей и православной, имѣвшей своимъ духовникомъ старца Московскаго Новоспасскаго монастыря Филарета, одного изъ учениковъ архимандрита Паисія. Наталья Петровна познакомила со своимъ духовникомъ и своего мужа Ивана Васильевича, который также сдѣлался духовнымъ сыномъ о. Филарета. Подъ вліяніемъ о. Филарета Иванъ Васильевичъ ближе и глубже сталъ вникать

въ Православіе и изучать его въ твореніяхъ отцовъ и учителей Церкви.

Женившись, Иванъ Васильевичъ зиму проводилъ въ Москвѣ, а на лѣто уѣзжалъ въ свое имѣніе Долбино, находившееся, какъ мы сказали, неподалеку отъ Оптиной Пустыни.

Живя въ имѣніи, онъ вмѣстѣ съ женою посѣщаль Оптину Пустынь и ея Старцевъ, познакомился при этомъ съ о. Макаріемъ, который послѣ смерти о. Филарета сдѣлался съ 1842 года духовникомъ обоихъ супруговъ Кирѣевскихъ, и самъ по ихъ просьбѣ нерѣдко посѣщаль Долбино, гдѣ для него была устроена его заботливыми хозяевами и друзьями келлія въ саду²⁰.

Въ 1845 году И. В. Кирѣевскій, издавая въ то время журналъ «Москвитянинъ», предложилъ о. Макарію помѣстить въ этомъ журналѣ какую-либо статью духовнаго содержанія. Старецъ принялъ это предложеніе съ благодарностью и отвѣтилъ, что если это возможно и удобно, то онъ предлагаетъ помѣстить жизнеописаніе старца Паисія. Иванъ Васильевичъ, раздѣляя мнѣніе о. Макарія объ услугахъ, оказанныхъ блаженнымъ старцемъ Паисіемъ всему православному иночеству и славянской литературѣ вообще (утвержденіемъ въ ней аскетической терминологіи), съ удовольствіемъ согласился на предложеніе украсить эту статью страницы издаваемого имъ журнала. Статья была напечатана въ 12-й книгѣ «Москвитянина» за 1845 годъ и украшена портретомъ старца Паисія. Такъ было положено начало

²⁰ В. Лясковскій. Братья Кирѣевскіе, жизнь и труды ихъ. С. 48 и др.

печатному обнаруженію духовныхъ сокровищъ Оптиной Пустыни.

Въ слѣдующемъ 1846 году, въ бытность свою въ гостяхъ у Кирѣевскихъ въ ихъ имѣніи, Старець, говоря о разныхъ духовныхъ предметахъ, коснулся вопроса о недостаткѣ духовныхъ книгъ, руководствующихъ къ дѣятельной христіанской жизни, и при этомъ упомянулъ, что у него есть довольно рукописей твореній свв. отцовъ-подвижниковъ перевода старца Паисія, исполненныхъ духовнаго разума и силы. Оказалось, что и у Н. П. Кирѣевской сохранилось также нѣсколько подобныхъ рукописей, доставшихся ей въ наслѣдство отъ ея прежняго духовника о. Филарета Новоспасскаго. Тогда самъ собою возникъ вопросъ: почему бы не явить міру эти духовныя сокровища? Старець со свойственнымъ ему смиреніемъ замѣтилъ, что онъ считаетъ себя неспособнымъ заняться такимъ важнымъ дѣломъ, что онъ никогда ничѣмъ подобнымъ не занимался, что, видно, на это еще нѣтъ воли Божіей и т. п., но Кирѣевскіе сказали, что они доложатъ объ этомъ владыкѣ Филарету, митрополиту Московскому, и если онъ благословитъ, то нужно будетъ приступить къ печатанію рукописей. При этомъ Кирѣевскіе стали просить о. Макарія сейчасъ же, не откладывая, написать предисловіе къ предполагаемому изданію.

Помолившись Богу, Старець написалъ первую страницу. Въ тотъ же день Кирѣевскіе обратились съ письмомъ въ Москву къ профессору Московскаго университета С. П. Шевыреву, прося его отъ ихъ имени

испросить у Владыки митрополита благословеніе на изданіе рукописей старца Паисія.

Владыка былъ столь милостивъ, что не только далъ свое благословеніе на это дѣло, но и общалъ съ своей стороны оказать ему поддержку.

Въ Оптиной закипѣла работа. Рукописи были переписаны набѣло и отосланы на цензуру къ профессору Московской духовной академіи протоіерею Ѳ. А. Голубинскому, и до пріѣзда Кирѣевскихъ въ Москву въ сентябрь 1846 года было напечатано С. П. Шевыревымъ 8 листовъ «Жизнь и писанія старца Паисія», а въ началѣ 1847 года вышла въ свѣтъ и вся книга подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Житіе и писанія Молдавскаго старца Паисія Величковскаго (съ портретомъ старца)».

Таково было начало святого дѣла, продолжавшагося до самой кончины о. Макарія въ теченіе 15 лѣтъ при горячемъ содѣйствіи Кирѣевскихъ и подъ высокимъ покровительствомъ владыки митрополита Филарета Московскаго. Ознакомленіе съ переводами святоотеческихъ твореній старца Паисія оказало глубокое вліяніе на ходъ мыслей Ивана Васильевича Кирѣевскаго и привело его къ совершенному уясненію духа истиннаго православно-христіанскаго просвѣщенія въ сравненіи съ просвѣщеніемъ западно-европейскимъ, что и было имъ раскрыто со всею подробностью въ его послѣдующихъ философскихъ сочиненіяхъ.

Его душа, всегда пламенно стремившаяся къ познанію истины, наконецъ нашла себѣ глубокое нравственное удовлетвореніе и успокоеніе, и, соединенный крѣпкими узами любви и благодарности съ Оптиной

Пустынью и ея Старцами, онъ завѣщаль и похоронить себя въ стѣнахъ этой обители, гдѣ его могила, вмѣстѣ съ могилами брата Петра Васильевича и жены Натальи Петровны, расположена у ногъ здѣсь же погребенныхъ старцевъ о. Леонида и о. Макарія. Всѣми занятіями какъ по приготовленію къ печатанію славянскихъ переводовъ старца Паисія (съ подстрочными пояснительными примѣчаніями неудобопонятныхъ словъ и выраженій), такъ и при переводѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ на русское нарѣчіе, – руководилъ непосредственно самъ Старець, а помогали ему его ученики изъ скитской братіи: іеромонахъ о. Амвросій, монахи о. Ювеналій (Половцевъ)²¹, о. Леонидъ (Кавелинъ)²² и о. Платонъ (Покровскій)²³.

Для своихъ занятій всѣ вышеупомянутыя лица ежедневно собирались въ келліи (въ пріемной комнатѣ) старца о. Макарія, который, не прекращая своихъ обычныхъ занятій съ братією и приходящими, посѣщая въ опредѣленное время и гостиницу, тѣмъ не менѣе принималъ самое дѣятельное участіе въ трудахъ своихъ учениковъ; можно утвердительно сказать, что ни одно выраженіе, ни одно слово не было вписано въ отсылаемую въ цензуру рукопись безъ его личнаго утвержденія. Дѣятельность его въ этомъ отношеніи была поистинѣ изумительна: Старець, одаренный отъ природы живымъ, энергическимъ характеромъ, въ этихъ занятіяхъ точно забывалъ себя, почасту жертвуя для нихъ и тѣмъ краткимъ отдыхомъ, который былъ очевидно необхо-

²¹ Впослѣдствіи архіепископъ Литовскій и Виленскій.

²² Впослѣдствіи намѣстникъ Троице-Сергіевой Лавры.

²³ Духовникъ старца о. Амвросія и богомольцевъ Оптиной Пустыни.

димъ его утружденному и немощствующему тѣлу. Хотя и у всѣхъ участвовавшихъ въ сихъ трудахъ не было недостатка въ усердіи, но нельзя не сознаться, что если кто чувствовалъ по временамъ изнеможеніе отъ усиленныхъ занятій, то отнюдь не Старець, – онъ былъ неутомимъ! Но зато какъ щедро были вознаграждаемы имъ его сотрудники! Кто изъ внимающихъ себѣ не отдалъ бы нѣсколькихъ лѣтъ жизни, чтобы слышать то, что слышали ихъ уши: это объясненія Старца на такія мѣста писаній отеческихъ, о которыхъ, не будь этихъ занятій, никто изъ учениковъ его не посмѣлъ бы и спросить его, а если бы и посмѣлъ, то несомнѣнно получилъ бы смиренный отвѣтъ: «Я не знаю сего, это не моей мѣры, можетъ быть, ты достигъ ее, а я знаю лишь: даруй ми, Господи, зрѣти моя прегрѣшенія! Очисти сердце – тогда и поймешь!»

Кто изъ участниковъ работы въ состояніи былъ забыть, съ какою снисходительностью выслушивалъ Старець ихъ дѣтскія замѣчанія и дѣлалъ уступки, въ желаніи изящнѣе или яснѣе выразить мысль тамъ, гдѣ не видѣлъ нарушенія духовнаго смысла, сопровождая свои уступки добродушной шуткой: «Пусть будетъ такъ, я новѣйшей литературы не знаю, а вѣдь вы народъ ученый!» Если возникало разногласіе въ пониманіи, Старець немедленно устранялъ его, или предлагалъ свое собственное мнѣніе, или оставлялъ такое мѣсто вовсе безъ поясненія, говоря: «Это не нашей мѣры, кто будетъ дѣлать, тотъ пойметъ, а то – какъ бы не поставить наше гнилее вмѣсто его (т. е. старца Паисія) высокаго духовнаго пониманія».

При такихъ постоянныхъ совмѣстныхъ занятіяхъ въ концѣ 1847 года вышло въ свѣтъ второе изданіе житія и писаній блаженнаго Паисія, въ концѣ 1848 года изданы «Четыре огласительныя слова къ монахинѣ» Никифора Θεотокіа, вышедшія въ 1849 году вторымъ изданіемъ. Въ томъ же году вышли отдѣльнымъ изданіемъ писанія старца Паисія объ умной молитвѣ и «Толкованіе на Господи помилуй». Въ 1849 году, кромѣ того, отпечатаны: преподобнаго отца нашего Нила Сорскаго «Преданіе ученикомъ своимъ о жительствѣ скитскомъ», съ подстрочными примѣчаніями, и сборникъ изъ отеческихъ писаній подъ заглавіемъ: «Восторгнутые класы въ пищу души» въ переводѣ старца Паисія Величковскаго, съ пояснительными подстрочными примѣчаніями трудныхъ для пониманія мѣстъ.

Въ 1852 году отпечатана книга преподобныхъ отцовъ Варсонофіа Великаго и Іоанна: «Руководство къ духовной жизни, въ отвѣтахъ на вопрошеніе учениковъ» – древній славянскій переводъ, исправленный старцемъ Паисіемъ. Книга эта была вновь свѣрена съ греческимъ подлинникомъ, издана на славянскомъ нарѣчій русскими буквами, снабжена также подстрочными примѣчаніями, служащими къ объясненію неудобопонятныхъ мѣстъ текста, особымъ алфавитнымъ указателемъ и украшена литографированнымъ изображеніемъ преподобныхъ отцовъ Варсонофіа и Іоанна.

21 октября 1852 года начали заниматься составленіемъ пояснительныхъ примѣчаній къ славянскому переводу старца Паисія книги св. Исаака Сирина и сличать его съ греческимъ текстомъ; 29 ноября трудъ этотъ

былъ законченъ, книга переписана съ подстрочными примѣчаніями, и рукопись отослана въ цензуру. Въ томъ же году начали переводъ книги свв. Варсонофія и Іоанна на русскій языкъ, каковой и закончили въ апрѣлѣ слѣдующаго 1853 года.

Въ началѣ этого же года вышелъ изъ печати славянскій переводъ старца Паисія «Оглашеніе» преподобнаго Θεодора Студита, а въ концѣ года – преподобнаго отца нашего Максима Исповѣдника толкованіе на молитву «Отче нашъ» и его же слово постническое по вопросу и отвѣту.

Въ мартѣ 1854 года вышло въ свѣтъ драгоцѣннѣйшее изъ всѣхъ изданій Оптиной Пустыни – св. отца нашего Исаака Сирина, епископа Ниневійскаго, «Слова духовно-подвижническія», переведенныя съ греческаго старцемъ Паисіемъ Величковскимъ. Книга напечатана на славянскомъ нарѣчїи гражданскими буквами, снабжена подстрочными примѣчаніями и алфавитнымъ въ концѣ книги указателемъ, которымъ прилежно занимался самъ старецъ о. Макарій. Первый печатный экземпляръ этой книги былъ присланъ издателями въ обитель на самый свѣтлый праздникъ апрѣля 18 дня и былъ принятъ Старцемъ, какъ самый драгоцѣнный къ великому дню подарокъ. Впрочемъ, не одинъ старецъ о. Макарій, но и всѣ любители духовной литературы были чрезвычайно обрадованы выходомъ въ свѣтъ этой замѣчательной книги²⁴.

²⁴ Было время, когда ревнители иноческой жизни и христіанскаго любомудрія платили за рукописные экземпляры этой книги по 100 и болѣе рублей ассигнаціями, но трудно было достать, тѣмъ болѣе, что

Въ 1855 году изданъ русскій переводъ книги преподобныхъ отцовъ Варсонофія и Іоанна, и въ томъ же году «Преподобнаго отца нашего аввы Ѡалассія главы о любви, воздержаніи и духовной жизни» переложены съ славянскаго перевода старца Паисія на русское нарѣчіе и напечатаны оба текста, славянскій и русскій, гражданскими буквами. Въ 1850 году изданы «Преподобнаго отца нашего аввы Дорофея душеполезныя поученія и посланія, съ присовокупленіемъ вопросовъ его и отвѣтовъ на оныя Варсонофія Великаго и Іоанна Пророка», въ русскомъ переводѣ.

Въ томъ же году напечатано житіе преподобнаго отца нашего Симеона Новаго Богослова на славянскомъ нарѣчіи. Въ 1858 году изданы въ свѣтъ «Преподобнаго и богоноснаго отца нашего Марка Подвижника нравственно-подвижническія слова», въ русскомъ переводѣ. Въ 1859 г. издана переведенная съ латинскаго языка К. К. Зедергольмомъ книга: «Преподобнаго отца нашего Орсісія аввы Тавеннисіотскаго ученіе объ устроеніи монашескаго жительства». Наконецъ, въ 1860 году издана въ русскомъ переводѣ книга – преподобнаго отца нашего аввы Исаіи, отшельника египетскаго, духовно-нравственныя слова.

Подъ руководствомъ же о. Макарія составлялся полуславянскій переводъ Лѣствицы преп. Іоанна, надъ которымъ исключительно потрудился о. Амвросій.

напечатанный въ Нямецкомъ монастырѣ въ 1812 году Паисіевъ переводъ этой книги могъ попадать къ намъ въ Россію только случайно, изъ-за существующаго до сихъ поръ запрещенія ввозить изъ-за границы къ намъ книги славянской печати безотносительно къ ихъ содержанію.

Въ основаніе этого труда былъ положенъ переводъ старца Паисія, какъ мужа, исполненнаго духовнаго разума, прошедшаго опытомъ духовные совѣты святого отца, непостигаемые однимъ книжнымъ обученіемъ, а кромѣ того, принимались во вниманіе, изучались и сравнивались между собою и другіе донынѣ извѣстные печатные изданія и переводы Лѣствицы, напримѣръ, переводъ бывшаго алтайскаго миссіонера архимандрита Макарія, а также и подлинный греческій текстъ книги. Имѣлось въ виду при этомъ дать такой переводъ, который возможно болѣе облегчалъ бы исполненіе заключающихся въ этой книгѣ духовныхъ наставленій, что и удалось, такъ что сдѣланный о. Амвросіемъ переводъ Лѣствицы и до сихъ поръ не имѣетъ равнаго себѣ по ясности, точности и жизненной удобопримѣнимости изложенія заключающихся въ ней нравственныхъ истинъ.

Къ переводу, сдѣланному отцомъ Амвросіемъ, старецъ о. Макарій самъ составилъ алфавитный указатель предметамъ, о которыхъ говорится въ книгѣ, и собственноручно переписалъ его. Впослѣдствіи съ этого полуславянскаго перевода Лѣствицы было сдѣлано переложеніе ея на русское нарѣчіе іеромонахомъ Ювеналіемъ (Половцевымъ). Лѣствица не вошла въ число собственныхъ изданій Оптиной Пустыни, а была отослана въ Св. Синодъ, которымъ и была выпущена въ свѣтъ.

Участіе въ пятнадцатилѣтнихъ литературныхъ трудахъ о. Макарія, соединенное съ постояннымъ, внимательнымъ чтеніемъ и перечитываніемъ святоотеческихъ подвижническихъ твореній подъ руководствомъ мудра-

го старца, явилось завершениѣмъ духовной подготовки о. Амвросія къ самостоятельному подвигу старчества, въ который ему пришлось вступить по кончинѣ о. Макарія, послѣдовавшей 7 сентября 1860 года.

Итакъ, вотъ тѣ ступени, по которымъ совершалось духовное восхожденіе о. Амвросія въ Оптиной Пустыни. Двухлѣтнее пребываніе подъ руководствомъ о. Леонида, продолжительное келейничество у о. Макарія, тяжкое испытаніе долгою и мучительною болѣзнью, участіе въ переводахъ святоотеческихъ твореній, долголѣтнее наблюденіе старческой дѣятельности о. Макарія, содѣйствіе ему въ его духовническихъ трудахъ и, наконецъ, личный постоянный подвигъ молитвы и непрерывнаго вниманія себѣ. По этимъ ступенямъ медленно, но замѣтно для другихъ, восходилъ о. Амвросій къ своему будущему служенію — самостоятельному старчеству.

Глава VIII

ОТЕЦЪ АМВРОСІЙ – СТАРЕЦЪ

Кромъ внѣшнихъ, нападеніе еже по вся дни, и попеченіе всѣхъ церквей. Кто изнемогаетъ, и не изнемогаю; кто соблазняется, и азъ не разжизаюся; аще хвалитися ми подобаетъ, о немощи моей похваляюся.

(2 Кор. 11, 28 – 30)

Чадца моя, имижже наки болѣзную, дондеже вообразится Христосъ въ васъ.

(Гал. 4, 19)

Первые годы старчества

Старчествовать о. Амвросій началъ еще при жизни о. Макарія и, конечно, съ его благословенія и подъ его руководствомъ. Здѣсь мы считаемъ необходимымъ указать, что старчество необходимо различать отъ духовничества. Духовничество есть принятіе исповѣди кающагося христіанина и разрѣшеніе грѣховъ его по власти, данной пастырямъ Церкви Господомъ Іисусомъ Христомъ;

старчество не связано съ таинствомъ покаянія и состоятъ въ томъ, что одинъ человѣкъ открываетъ другому человѣку, болѣе опытному въ духовной жизни, состоянія души своей и получаетъ отъ него полезный совѣтъ и руководство, отнюдь не соединенные съ прощеніемъ грѣховъ его. Духовникомъ можетъ быть только священникъ, старцемъ можетъ быть и не имѣющій священной степени мірянинъ, старицею можетъ быть и женщина. Конечно, старчество можетъ быть совмѣщаемо и съ духовничествомъ, но это не обязательно.

Въ обителяхъ духовники назначаются высшимъ начальствомъ изъ лицъ, заслуживающихъ быть таковыми по своему высоконравственному образу жизни, опытности и, наконецъ, по своему возрасту. Старцы не назначаются. Избраніе старца есть дѣло добровольное. Старецъ – лицо неофіціальное. Бывали печальныя явленія, когда тѣ, кого и братія обители, и богомольцы-міряне единодушно признавали своими старцами, не признавались таковыми и подвергались гоненію со стороны монастырскаго начальства или епархіальной духовной власти. Такъ было со старцами Ѳеодоромъ и Леонидомъ на Валаамѣ, такъ было со старцемъ Леонидомъ въ Оптиной Пустыни, со старицею Анѳіей въ Бѣлевскомъ женскомъ монастырѣ.

Незадолго до своей смерти о. Леонидъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ монахинямъ такъ говоритъ о различіи между старчествомъ и духовничествомъ и о пути «старчества» вообще. «Неужели многократные опыты нашихъ наставленій отъ Божественныхъ писаній и святыхъ богоносныхъ Оотецъ, – писалъ старецъ, – не мог-

ли удостовѣрить васъ въ истинѣ спасительнаго пути, коимъ шествовали преподобные отцы, которымъ мы тщимся подражать по мѣрѣ силъ нашихъ? Хотя недостойны и скудны въ добродѣтеляхъ, но желаемъ вамъ, хотящимъ спастися, шествовать путемъ, указаннымъ намъ ими; а потому не мало огорчаетъ насъ ваше малодушіе... Разсматривая едва не по тонку дѣйствіе врага рода человѣческаго, видимъ, какъ онъ тщится, подъ предлогомъ истины, совратить васъ съ пути избраннаго, съ пути добродѣтели. Спрашиваемъ васъ: можетъ ли учить иностранному языку тотъ, кто онаго не знаетъ? Великое различіе между людьми, дознавшими по опыту и знающими по одному слуху. Кто въ какой чинъ призванъ, тотъ въ немъ да пребываетъ. Опытъ лучшій учитель. Писано есть: *Да будутъ тебѣ друзи мнози, но совѣтникъ единъ отъ тысящъ* (Ср.: Сир. 6, 6). А когда усомнѣваетесь въ совѣтахъ и наставленіяхъ нашихъ, почто прибѣгаете къ намъ? Мы никого къ себѣ не привлекаемъ: вы это знаете. По уставамъ иноческаго преданія, при постриженіи отъ Евангелія предають старицамъ, а не духовнымъ отцамъ, которымъ (т. е. старикамъ) и должны новоначальные открывать свою совѣсть, для полученія совѣтовъ и наставленій, какъ противостоятъ искушеніямъ вражіимъ; но это не есть исповѣдь, а откровеніе; и въ семъ случаѣ исполняется апостольское преданіе: *исповѣдайте другъ другу согрѣшенія ваша* (Ср.: Іак. 5, 16). Таинство же исповѣди совершенно другое и не имѣетъ къ откровенію никакого отношенія; обязанности духовника совершенно другія, нежели отношенія къ старицамъ... Что же касается того,

что будто въ келліи безъ священника нельзя молиться, то это болѣе удивленія достойно, нежели вѣроятія. Сколько видимъ святыхъ женъ, въ пустынѣ жительствовавшихъ, въ постѣ просіявшихъ; чѣмъ онѣ занимались, какъ не молитвою въ уединеніи? Святая Марія Египетская въ пустынѣ безъ пресвитера приносила свои молитвы и токмо въ послѣдній годъ жизни удостоилась узрѣть святого Зосиму и принять отъ него Св. Христовы Тайны. Насчетъ же того, что безъ благословенія старицы ничего не дѣлать, это не только полезно, но и спасительно. Изъ множества примѣровъ, имѣющихся въ патерикѣ и писаніяхъ св. Отецъ, напоминаемъ о томъ ученикѣ, который, будучи посланъ на послушаніе отъ старца въ городъ, едва не впалъ въ любодѣяніе; но, вспомняувъ старца, невидимою силою былъ восхищенъ и очутился въ келліи своей. Что относится до старцевъ, то въ дѣвичьихъ монастыряхъ подразумѣвать должно о старицахъ. Не всѣ старцы были священники, сіе ясно можно видѣть изъ житія преп. Пафнутія, Боровскаго Чудотворца (1 мая), ибо у него въ монастырѣ изъ 700 братій не было ни одного священника, но всѣ были подъ руководствомъ старцевъ. Итакъ, лучше сообразоваться съ уставами иноческаго житія, и быть спокойными. Въ Добротолубіи, въ посланіи св. Кассіана къ Леонтину игумену (IV части листъ 157-й на оборотѣ) напечатано: «Авва Моисей рече: да не точію, яже творимъ, но и яже помышляемъ, открываемъ отцемъ; и да ни въ чемъ же своему помыслу вѣруемъ, но и во всемъ словесемъ старецъ да послѣдуемъ; и оно быти добро вѣруемъ, еже аще они искусятъ. Сіе же дѣланіе не точію

истиннымъ разсужденіемъ и правымъ путемъ инока невреждена пребывати устрояетъ, но и отъ всѣхъ сѣтей діавольскихъ безъ вреда того сохраняетъ».

Старца выдвигаетъ его духовная опытность или дѣйствующая въ немъ сила благодати Божіей. Эта опытность, эта сила благодати чувствуются вѣрующими. Каждое слово старца, совѣтъ, наставленіе сопровождаются очевидными добрыми результатами; иногда въ ихъ словахъ обнаруживается явная прозорливость, иногда они обладают даромъ чудотворенія – все это привлекаетъ къ нимъ людей. И никакія препятствія, никакія запрещенія и угрозы не могутъ остановить это движеніе людей къ тому, отъ кого они получаютъ очевидную для себя духовную пользу, кто заставляетъ ихъ души переживать новыя, невѣдомыя дотолѣ чувства нравственнаго обновленія и живой вѣры въ Бога.

Такимъ-то вотъ именно старцемъ былъ и о. Амвросій, преемственно подготовленный къ этому великому служенію старцами Леонидомъ и Макаріемъ.

Отецъ Амвросій не былъ указнымъ духовникомъ обители; духовниками въ его время были о. Пафнутій, о. Иларіонъ, о. Анатолій. Онъ былъ только старцемъ, хотя, имѣя священную степень, принималъ и на исповѣдь. Первое указаніе на старчество о. Амвросія относятся обыкновенно къ 1846 году, но это мнѣніе требуетъ оговороки. Дѣйствительно, въ Скитской Лѣтописи подъ 1846 годомъ записано, что въ этомъ году 23 августа Скитъ посѣтилъ преосвященный Калужскій Николай, слушалъ въ Скиту бдѣніе и, уходя, остановился у скитскихъ воротъ, окруженный скитскою братією. Обраща-

ясь къ ней, онъ сказалъ: «Спасайтесь, отцы и братія. Имѣйте миръ и любовь между собою. Начальникамъ повинуйтесь». Затѣмъ, обратившись къ здѣсь же стоявшему іеромонаху Амвросію, онъ прибавилъ: «А ты, о. Амвросій, помогай о. Макарію въ духовничествѣ. Онъ уже старъ становится. Вѣдь это тоже наука, только не семинарская, а монашеская». Изъ этихъ словъ преосвященнаго Николая, сказанныхъ, какъ думаютъ, по предварительной просьбѣ о. игумена Моисея и о. Макарія, видно, что уже въ то время о. Амвросій, которому было всего 34 года, отличался большою духовною опытностью, но видѣть въ этихъ словахъ благословеніе на старчество нѣтъ основанія, такъ какъ Преосвященный говоритъ не о старцествѣ, а о духовничествѣ, т. е. о томъ, чтобы о. Амвросій помогалъ о. Макарію исполнять его обязанности духовника братіи, а мы уже знаемъ, что духовничество и старчество совсѣмъ не одно и то же. Впрочемъ, если допустить, что преосвященный Николай употребилъ здѣсь слово «духовничество» не въ собственномъ смыслѣ, а въ смыслѣ духовнаго руководительства, то могутъ быть правы и тѣ, кто съ этого именно случая полагаетъ начало старчеству о. Амвросія. Однако болѣе вѣроятія заключается въ томъ мнѣніи, что о. Амвросій началъ старчествовать лишь съ 1848 года, т. е. послѣ того уже, какъ перенесъ свою тяжкую болѣзнь. Съ этого именно года начинаются вполнѣ ясныя и опредѣленные свидѣтельства о его старцествѣ. Такъ іеромонахъ Геронтій рассказываетъ о себѣ, что онъ поступилъ въ монастырь въ 1848 году, и о. Макарій тотчасъ же благословилъ ему относиться къ о. Амвросію,

какъ къ старцу, за духовными совѣтами. О. Геронтій рассказываетъ и о томъ, какъ старчествовалъ въ эти первые годы о. Амвросій. «Придешь, бывало, къ нему, – такъ говорилъ о. Геронтій, – скажешь, что нужно, а онъ развернетъ книгу и заставитъ меня прочитатъ отвѣтъ на мое недоумѣніе. Въ то время я возымѣлъ было ревность къ высокимъ иноческимъ подвигамъ, но о. Амвросій вразумилъ меня, что ревность моя была не по разуму, и заставлялъ меня прочитывать св. Исаака Сирскаго въ Добротолубіи. Впрочемъ замѣчу, что въ продолженіе пятилѣтняго срока, начиная съ 1848 г., ходили на совѣтъ къ о. Амвросію только немногіе изъ монастырскихъ и скитскихъ братій, и не иначе, какъ по благословенію старца Макарія.

Другой инокъ, схимонахъ Геннадій, также рассказываетъ о себѣ, что не рѣдко навѣщаль о. Амвросія, имѣя нужду просить совѣта по какому-либо дѣлу, и при этомъ упоминаетъ о томъ, что его посѣщали монастырскіе и скитскіе братія для совѣтовъ и откровенія помысловъ. Что въ это время о. Амвросія посѣщали еще немногіе, это само собою понятно, такъ какъ о. Макарій не могъ на первыхъ же порахъ поручать его руководству многихъ и долженъ былъ постепенно пріучать его къ дѣлу старчества.

Особенно подробныя и интересныя свѣдѣнія о старчестве о. Амвросія при жизни о. Макарія сообщаетъ о. игумень Маркъ, поступившій въ Оптину Пустынь въ 1854 году и также получившій отъ старца о. Макарія благословеніе относиться за духовными совѣтами къ о. Амвросію. Онъ говоритъ о своихъ от-

ношеніяхъ къ о. Амвросію слѣдующимъ образомъ: «Сколько могъ я замѣтить, о. Амвросій жилъ въ это время въ полномъ безмолвіи. Ходилъ я къ нему почти ежедневно для откровенія помысловъ, и всегда почти заставлялъ его за чтеніемъ святоотеческихъ книгъ; если же не заставлялъ его въ келліи, то это значило, что онъ находится у старца Макарія, которому помогать въ перепискѣ съ относившимися къ Старцу за духовными совѣтами или трудился въ переводахъ святоотеческихъ книгъ. Иногда же я заставлялъ его лежащимъ на кровати и слезящимъ, но всегда сдержанно и едва примѣтно. Мнѣ казалось, что старецъ Амвросій всегда ходилъ предъ Богомъ, или какъ бы ощущалъ присутствіе Божіе, по слову Псалмопѣвца: *предзрѣхъ Господа предо мною выну* (Пс. 15, 8); а потому все, что ни дѣлалъ, старался Господа ради и въ угодность Господу творить. Чрезъ сіе онъ всегда былъ сѣтованень, боясь, какъ бы чѣмъ не оскорбить Господа, – что отражалось и на лицѣ его. Видя такую сосредоточенность своего Старца, я въ присутствіи его всегда былъ въ трепетномъ благоговѣніи. Да иначе мнѣ и нельзя было быть. Ставшему мнѣ по обыкновенію предъ нимъ на колѣна и получившему благословеніе, онъ, бывало, весьма тихо сдѣлаетъ вопросъ: «Что скажешь, брате, хорошенькаго?» Озадаченный его сосредоточенностью и благоумиленіемъ, я, бывало, скажу: «Простите Господа ради, Батюшка, можетъ быть, я не вовремя пришелъ». – «Нѣтъ, – скажетъ Старецъ, – говори нужное, но вкратцѣ». И, выслушавъ меня со вниманіемъ, преподастъ полезное наставленіе съ благословеніемъ и отпустить съ любовію. Наставленія

же онъ преподавалъ не отъ своего мудрованія и разсужденія, хотя и богатъ былъ духовнымъ разумомъ. Если онъ училъ духовно относившихся къ нему, то въ чинѣ учащагося, и предлагалъ не свои совѣты, а непременно дѣятельное ученіе св. Отцовъ. Для сего, бывало, раскроетъ книгу того или другого отца, найдетъ, сообразно съ устроеніемъ пришедшаго брата, главу писанія, велитъ прочитать и затѣмъ спроситъ, какъ братъ понимаетъ ее. Если кто не понималъ прочитаннаго, то Старець разяснялъ содержаніе святоотеческаго ученія весьма толково. И все это дѣлалось съ безграничною отеческою любовію и благопожеланіемъ. Случалось же иногда и такъ, что неистово воспламенившись гнѣвомъ на ближняго за какое-либо личное оскорбленіе моего самолюбія, приду, бывало, къ нему на откровеніе, еще не успокоившись, и стану высказывать свою безразсудную печаль и огорченіе безъ самоукоренія, вопреки ученію св. отцовъ-подвижниковъ, а напротивъ съ обвиненіемъ ближняго, и даже по причинѣ засѣвшаго въ душѣ непріязненнаго чувства, съ такимъ желаніемъ, чтобы Старець сейчасъ же строго вразумилъ огорчившаго меня брата. Выслушавъ все съ свойственнымъ ему невозмутимымъ спокойствіемъ и сочувствіемъ моему горю, болѣзненный Старець, бывало, скажетъ плачевнымъ тономъ: «Брате, брате! Я человѣкъ умирающій!» или: «Я сегодня-завтра умру. Что я сдѣлаю съ этимъ братомъ? Вѣдь я не настоятель. Надобно укорять себя, смиряться предъ братомъ, – и успокоишься». Выслушавъ такой жалобно произносимый отвѣтъ, оцѣпенѣешь. Вмѣстѣ съ тѣмъ, глубоко сознавъ свою винов-

ность, смиренно падешь въ ноги Старцу, прося прощенья, и получивъ отъ него разрѣшеніе и благословеніе, пойдешь успокоеннымъ и утѣшеннымъ, какъ на крыльяхъ полетишь.

Случалось мнѣ приходить къ Старцу весьма рано — часовъ въ пять утра. По обычной молитвѣ, получивъ позволеніе войти въ келлію, я всегда находилъ его трезвеннымъ и бодрымъ, какъ бы совершенно не спавшимъ, и отечески-любезнымъ сверхъ моего чаянія; неудовольствія же за раннія мои посѣщенія у него почти не проявлялось. Кто былъ внимателенъ къ себѣ и помнилъ его назидательныя слова или наставленія старца Макарія, таковымъ братомъ о. Амвросій оставался всегда весьма доволенъ, оказывалъ къ нему вниманіе и даже приближалъ къ себѣ. Къ согрѣшающимъ, но чистосердечно кающимся и исправляющимся былъ снисходителенъ и милостивъ паче мѣры. Онъ не различалъ богатаго отъ убогаго, достойнаго отъ недостойнаго, по примѣру Господа, ядшаго и пившаго съ мытарями и блудницами, лишь бы заблудившихъ возвратить на путь истины и привлечь къ страху Божию. Никогда не порицалъ онъ чужихъ согрѣшеній, и не терпѣлъ онъ клеветы на ближняго, строго относясь къ клеветникамъ, не разбирая лицъ».

Приведенный нами рассказъ о. игумена Марка о его отношеніяхъ къ о. Амвросію замѣчателенъ не только тѣмъ, что съ несомнѣнностью подтверждаетъ старчествованіе о. Амвросія задолго до кончины о. Макарія, но и тѣмъ, что даетъ намъ живой и яркій образъ о. Амвросія какъ старца. Изъ словъ о. Марка видно, какую са-

моуглубленную и сосредоточенную жизнь проводилъ уже и въ это время о. Амвросій, какъ онъ былъ глубоко погруженъ въ молитву и богомысліе, какъ онъ нерѣдко плакалъ, какъ внимательно изучалъ святоотеческія писанія, какъ онъ всѣ совѣты свои и наставленія обосновывалъ не на своемъ разсужденіи, а на ясномъ свидѣтельствѣ святыхъ Отцовъ, съ какою любовью и вниманіемъ принималъ онъ обращающихся къ нему, какъ обстоятельно давалъ имъ отвѣты на ихъ недоумѣнія и до какой степени нравственно удовлетворенными и утѣшенными отпускалъ ихъ отъ себя. Въ этихъ духовныхъ чертахъ 42-лѣтняго іеромонаха Амвросія мы находимъ всѣ основныя черты и его позднѣйшаго духовнаго облика.

Посылая къ о. Амвросію нѣкоторыхъ изъ братій для духовнаго руководства, о. Макарій поручалъ ему также собесѣдованія и со свѣтскими посѣтителями, собиравшимися въ хибаркѣ, примыкавшей къ келліи о. Макарія съ внѣшней стороны Скита. Отецъ Амвросій ревностно и съ любовью занимался этимъ послушаніемъ, обращаясь въ недоумѣнныхъ случаяхъ къ о. Макарію за совѣтомъ и указаніемъ. Видя о. Амвросія, окруженнаго толпою собесѣдниковъ, о. Макарій шутливо говорилъ: «Посмотрите-ка, посмотрите! Амвросій-то у меня хлѣбъ отнимаетъ, хлѣбъ отнимаетъ». Самому же о. Амвросію замѣтить: «Смотри, помянешь ты это времячко».

По порученію старца Макарія о. Амвросій ходилъ, какъ и самъ о. Макарій, для бесѣды съ посѣтителями и на гостиницу. Мѣшокъ съ рубашками и носками былъ обыкновенно неизмѣннымъ его спутникомъ. Какъ толь-

ко нужно бывало на гостиницу идти, навалить себѣ его на плечо и пойдеть.

Разсказываютъ, что однажды о. Макарій послалъ о. Амвросія на гостиницу къ какой-то пріѣзжей богатой госпожѣ, которая готовилась къ причащенію Св. Таинъ. Наслышавшись объ о. Амвросіи много хорошаго, она стала говорить ему о какихъ-то своихъ неудачахъ, вызывавшихъ въ ней чувство огорченія, и ожидала услышать отъ о. Амвросія слово сочувствія. Но онъ, выслушавъ ея рѣчь, спокойно сказалъ: «По дѣламъ вору и мука». Не понравились эти слова госпожѣ, и она прекратила съ о. Амвросіемъ разговоръ, а онъ немедленно удалился въ свою келлію. На слѣдующій день послѣ обѣдни старецъ Макарій пошелъ въ гостиницу поздравить эту госпожу съ принятіемъ Св. Таинъ, взявъ съ собою и о. Амвросія. Увидѣвъ о. Амвросія, она сказала: «Ну ужъ, батюшка, повозилась я съ вашимъ словечкомъ, – чуть-чуть причастія не отложила, – всю вечерню продумала и утреню: пришла къ обѣднѣ, а сама все никакъ не успокоюсь; только уже во время Херувимской согласилась, что вы правду сказали».

Въ пятидесятыхъ годахъ пріѣхало въ Оптину Пустынь богатое семейство Ключаревыхъ; старики, отецъ и мать, имѣли намѣреніе принять монашество. Это семейство поселилось на гостиномъ дворѣ, въ отдѣльномъ, небольшомъ корпусѣ, и было поручено о. Макаріемъ заботамъ о. Амвросія, который и посѣщалъ Ключаревыхъ почти ежедневно. «Однажды, – разсказывалъ Батюшка, – былъ при этомъ такой случай. Ключарева часто присылала за мной лошадь. Архим. Моисею

это не нравилось, должно быть. Вотъ онъ разъ вышелъ мнѣ навстрѣчу и сталъ, опершись на палку, на перекресткѣ, гдѣ мнѣ нужно было проѣзжать. Дѣлать нечего. я снялъ шапочку и раскланялся. Съ тѣхъ поръ болѣе уже не ѣздилъ, а ходилъ пѣшкомъ».

Въ это же время духовному окормленію о. Амвросія поручены были относившіяся къ Оптинымъ старцамъ монахини Борисовской пустыни Курской губерніи. И потому, когда онъ пріѣзжали въ Оптину, онъ по обязанности немедленно отправлялся къ нимъ на гостиницу.

Такъ постепенно все болѣе и болѣе расширялся кругъ лицъ, пользовавшихся духовными совѣтами и руководствомъ о. Амвросія какъ среди братій обители, такъ и среди пріѣзжавшихъ въ Оптину Пустынь монашествующихъ и свѣтскихъ лицъ. Отецъ Макарій, видимо, подготовлялъ его въ преемники себѣ. Замѣчательно при этомъ, что незадолго до своей кончины онъ предрекъ о. Амвросію его будущую дѣятельность и сказалъ: «Будешь жить въ хибаркѣ по ту сторону воротъ, и смотри – вотъ тебѣ мой завѣтъ – никого изъ приходящихъ не оставляй безъ утѣшеній».

Однако, когда о. Макарій скончался, о. Амвросій не былъ еще такимъ общепризнаннымъ и безспорнымъ его преемникомъ, какимъ въ свое время оказался о. Макарій послѣ кончины о. Леонида. Самъ о. Макарій, умирая, не указалъ прямо на о. Амвросія какъ на своего замѣстителя, и на вопросъ братіи: «Какъ намъ быть безъ васъ, батюшка?» – онъ приказалъ подать ему алфавитный патерикъ и прочитать въ немъ отвѣтъ аввы Исаака

Скитскаго на подобный же вопросъ его учениковъ. Авва Исаакъ отвѣтилъ имъ: «Вы видѣли, какъ я вель себя предъ вами; если хотите подражать сему, сохраняйте и вы заповѣди Божіи, и Богъ пошлетъ благодать Свою, и сохранить мѣсто сіе; если же не будете сохранять заповѣдей, не пребудете на мѣстѣ семъ. И мы также скорбѣли, когда отходили отъ насъ къ Господу отцы наши: но, соблюдая заповѣди Господни и завѣщанія старцевъ, жили такъ, какъ будто они были съ нами. Поступайте такъ и вы, и спасетесь!»

Святитель Московскій Филаретъ, хорошо знавшій дѣла оптинскія, писалъ по поводу кончины о. Макарія: «Оптинскіе лишились о. Макарія. Думаю, остались отъ него добрые духовные наслѣдники; но найдется ли, кто могъ бы поддержать ихъ въ единствѣ духа и возглавить?»

Такимъ образомъ, опредѣленнаго преемника о. Макарію по старчеству послѣ его кончины не было. Обращавшіеся къ о. Макарію при его жизни за наставленіями и руководствомъ избрали себѣ различныхъ руководителей. Отецъ архимандритъ Моисей избралъ своимъ духовникомъ и старцемъ своего брата игумена Антонія; иные обратились къ новому скитоначальнику о. Пафнутію, ставшему вмѣстѣ съ тѣмъ и духовникомъ обители; другіе избрали своимъ старцемъ іеромонаха Иларіона, бывшаго послѣдніе годы келейникомъ о. Макарія; а иные, наконецъ, сдѣлались учениками о. Амвросія. Какъ высоко уже въ это время многіе ставили о. Амвросія, видно изъ слѣдующихъ отзывовъ о немъ.

Одинъ изъ духовныхъ сыновей о. Макарія, К. К. Зедергольмъ, о которомъ мы скажемъ подробнѣ ниже, писалъ 17 ноября 1860 г. своему брату: «Осиротѣли мы съ тобою (послѣ смерти о. Макарія). Доселѣ мнѣ кажется, что съ батюшкою о. Макаріемъ скончалось все утѣшеніе мое. Обращаюсь къ о. Амвросію, истинному ученику Батюшки, проникнутому его духомъ». Въ 1861 году инспекторъ Томской духовной семинаріи іеромонахъ Владимиръ въ письмѣ къ о. архимандриту Моисею выражалъ радость, что его братъ, принятый въ Оптину Пустынь, «удостоился получить въ духовные руководители такого старца, какъ о. Амвросій!» Около того же времени іеромонахъ Антоній (Бочковъ) писалъ объ о. Амвросіи, что обитель Оптинская «отъ него получаетъ укрѣпленіе и назиданіе. Причиною тому служатъ: его кротость, доброта и простота. Его благой примѣръ и совѣты могутъ сотворить чудо... Хвалить его напрасно. Дѣла лучше словъ говорятъ за него... Видно, назначено ему спастись болѣзнями; рѣдкое его незлобіе и младенчество христіанское все переносить благодушно: и Божіе наведеніе, и челоувѣческія неправды». Преосв. Веніаминъ, епископъ Воронежскій, пріѣзжавшій еще при жизни о. Макарія въ Оптину, долго бесѣдоваль съ о. Амвросіемъ, и всегда послѣ того относился къ нему съ глубокимъ уваженіемъ.

Съ теченіемъ времени слухи о духовной опытности и мудрости о. Амвросія все болѣе и болѣе распространялись, и число относящихся къ нему все болѣе возрастало. Относившіеся на первыхъ порахъ, по невѣднію,

къ о. Амвросію съ недовѣріемъ, стали измѣнять о немъ свое мнѣніе.

Такъ одна барыня, глубоко огорченная кончиною о. Макарія, услышавъ, что въ Оптиной Пустыни есть теперь новый старецъ, о. Амвросій, воскликнула: «Какъ! Чтобы я послѣ Макарія пошла къ этому монаху, который все вертѣлся въ батюшкиныхъ келліяхъ и расхаживалъ съ мѣшочкомъ! Это невозможно!» Но спустя нѣкоторое время, случайно побесѣдовавъ съ о. Амвросіемъ, она вышла отъ него растроганная и впоследствии говорила: «Я знала обоихъ, но чувствую, что о. Амвросій еще выше о. Макарія».

Въ 1862 году скончался настоятель Оптиной Пустыни о. архимандритъ Моисей. Преемникомъ ему старшая братія, большинствомъ голосовъ, избрала скитоначальника о. Пафнутія. Однако преосвященный Григорій не утвердилъ этого избранія, такъ какъ былъ осведомленъ отъ о. Амвросія, что преемникомъ о. Моисея, по указанію о. Макарія, долженъ быть скитскій іеромонахъ Исаакій; его-то и назначилъ Преосвященный настоятелемъ обители, пообѣщавъ о. Пафнутію не оставить и его, что и исполнилъ вскорѣ, опредѣливъ его настоятелемъ Малоярославецкаго монастыря.

Съ перемѣщеніемъ о. Пафнутія въ Малоярославецъ многія изъ его духовныхъ дѣтей стали теперь относиться къ о. Амвросію. Въ 1865 году скончался братъ архимандрита Моисея о. игумень Антоній, послѣдній изъ великихъ Оптинскихъ старцевъ – устроителей Скита. Его ученики также въ значительномъ числѣ обратились къ о. Амвросію, – и съ этого времени въ Оптиной Пус-

тыни явилось, такимъ образомъ, два главныхъ духовныхъ руководителя: о. Амвросій, старецъ, и о. Иларіонъ, духовникъ братства.

Къ этому времени о. Амвросій становится уже извѣстнымъ и святителю Московскому Филарету, который въ томъ же 1865 году, съ однимъ бывшимъ въ Москвѣ оптинскимъ монахомъ, прислалъ Старцу на благословеніе образокъ Нерукотвореннаго Спаса.

По вступленіи въ подвигъ старчества о. Амвросій продолжалъ нести свой тяжкій крестъ болѣзней, которыя стали его неразлучными спутницами до самой кончины.

Въ концѣ 1862 года, зимою, о. Амвросій, ѣдучи изъ Скита въ монастырь навѣстить новопостриженныхъ монаховъ, принятыхъ имъ какъ старцемъ отъ Евангелія, какими-то судьбами вывалился изъ саней и вывихнулъ себѣ руку. Вслѣдствіе неудачнаго леченія онъ долго и сильно страдалъ. Здоровье его, и безъ того слабое, еще болѣе ослабѣло, такъ что съ этого времени онъ уже не могъ ходить въ храмъ Божій на церковныя службы и даже причащался Св. Христовыхъ Таинъ у себя въ келліи черезъ каждыя три, двѣ, а иногда и одну недѣли. На воздухъ же въ зимнее время не выходилъ до самой своей кончины.

Какъ бы въ подкрѣпленіе тѣлесной немощи Старца, Господь въ это именно время посылаетъ ему нѣсколько дѣятельныхъ и преданныхъ помощниковъ. Въ 1863 году поступилъ въ Скитъ въ число братіи Константинъ Карловичъ Зедергольмъ, сынъ московскаго реформатскаго суперинтендента, человѣкъ съ университетскимъ обра-

зованіємъ, другъ Т. И. Филиппова и поэта Б. Н. Алмазова, магистръ греческой словесности, бывшій нѣкоторое время чиновникомъ особыхъ порученій при оберъ-прокурорѣ Св. Синода графѣ А. П. Толстомъ, путешествовавшій на Востокъ и хорошо знавшій положеніе восточныхъ церквей, за десять лѣтъ передъ поступленіемъ въ Скитъ присоединенный изъ реформатства въ Православіе въ томъ же Скиту старцемъ іеросхимонахомъ Макаріемъ. Это былъ человѣкъ глубоко вѣрующій и преданный Православію, которое съ самаго дѣтства привлекало его къ себѣ.

Поступивъ въ Скитъ, Зедергольмъ сдѣлался однимъ изъ ближайшихъ учениковъ старца о. Амвросія, помогаль ему въ его обширной перепискѣ, а также и въ книгоиздательствѣ, которое продолжалось и при о. Амвросіи, какъ прежде при о. Макаріи.

Въ монашествѣ Зедергольмъ получилъ имя Климента и, проживъ въ Скиту 15 лѣтъ, скончался въ 1878 году отъ воспаленія легкихъ ²⁵. Почти въ одно время съ о. Климентомъ поступили въ Скитъ взятые Старцемъ къ себѣ въ келейники: изъ Москвы — Максимъ, впоследствии іеромонахъ Михаилъ, около 20 лѣтъ келейничавшій при о. Амвросіи, и изъ Харьковской губ. — Іоаннъ, въ монашествѣ Іосифъ, остававшійся при Старцѣ до переѣзда его въ Шамордино и впоследствии старчествовавшій въ Оптиной Пустыни до самой своей кончины въ 1911 г. На этихъ двухъ лицахъ и на ихъ

²⁵ Его жизнь описана К. Н. Леонтьевымъ въ книгѣ: «Отецъ Климентъ Зедергольмъ, іеромонахъ Оптиной Пустыни», изданной Казанской Амвросіевской женской пустыню.

помощникахъ лежалъ нелегкій трудъ доклада Старцу о посѣтителяхъ, а также и исполненіе тѣхъ или другихъ порученій Старца и уходъ за нимъ. При содѣйствіи о. Климента, а также о. Леонида (Кавелина), о. Анатолія (Зерцалова), о. Агапита и другихъ лицъ, о. Амвросій продолжалъ начатое о. Макаріемъ дѣло книгоиздательства. При немъ и подъ его руководствомъ Оптиною Пустынью въ 60-хъ и 70-хъ годахъ были изданы: 1) Сказаніе о жизни и подвигахъ старца Оптиной Пустыни іеросхимонаха Макарія (составленное архимандритомъ Леонидомъ Кавелинымъ), 2) Собраніе писемъ о. Макарія въ шести томахъ, 3) новое изданіе аввы Дороева, приготовленное къ печати о. Климентомъ и о. Анатолиемъ, 4) Симеона Новаго Богослова 12 словъ въ переводѣ о. Климента и о. Анатолія, 5) Жизнеописаніе игумена Антонія (составленное о. Климентомъ), 6) Преп. отца нашего Θεодора Студита огласительныя поученія въ русскомъ переводѣ – труды о. Климента, о. Анатолія и о. Агапита, 7) Поученія Петра Дамаскина въ переводѣ о. Ювеналія, 8) Жизнеописаніе старца Леонида (составленное о. Климентомъ), 9) Описаніе Козельской Оптиной Пустыни (составленное о. Леонидомъ (Кавелинымъ)), 10) Царскій путь Креста Господня въ переводѣ о. Климента, 11) Жизнеописаніе архимандрита Моисея (составленное архимандритомъ Ювена-ліемъ) и др. Кромѣ того, Оптиною Пустынью въ это же время издано двадцать брошюръ разнаго содержанія и печатались новыя изданія раньше выпущенныхъ книгъ.

Въ августъ 1868 года о. Амвросій снова тяжело заболѣлъ припадками своей обычной жестокой болѣзни –

геморроя. Кровотеченія продолжались ежедневно цѣ-
лыхъ пять недѣль. За отсутствіемъ козельскаго уѣзднаго
врача о. Амвросій девять дней оставался безъ медици-
нской помощи. И только шестого сентября пріѣхалъ изъ
Бѣлева врачъ, который и помогъ нѣсколько страдальцу.
Ввиду того, что болѣзнь все-таки не прекращалась,
бывшій въ это время въ Оптиной Пустыни почита-
тель о. Амвросія и его духовный сынъ графъ А. П. Тол-
стой, а также и другія духовныя дѣти Старца стали про-
сить о. игумена Исаакія послать монаха въ с. Калужен-
ку (въ 70 верстахъ отъ Оптиной) къ тамошнему священ-
нику съ просьбою привезти въ монастырь извѣст-
ную святыню – чудотворную Калуженскую икону Бо-
жіей Матери, чтобы всѣмъ вмѣстѣ духовнымъ дѣтямъ
старца Амвросія помолиться предъ нею объ его исцѣ-
леніи. Святую икону привезли, и въ келліяхъ Старца
отслужень былъ молебенъ съ акаѳистомъ Царицѣ Не-
бесной, а затѣмъ и келейное бдѣніе. Хотя и послѣ этого
болѣзнь Старца продолжалась еще нѣкоторое время,
но у всѣхъ оживилась надежда на его выздоровленіе.
И дѣйствительно, къ концу сентября Старецъ попра-
вился. Но едва ему стало легче, какъ 1 ноября о. Ам-
вросій снова простудился и снова заболѣлъ. Просту-
да бросилась на правый глазъ, въ которомъ сдѣлалось
воспаленіе, такъ что Старецъ мѣсяца два не могъ чи-
тать.

Дорожа молитвеннымъ уединеніемъ и нуждаясь по
временамъ въ отдыхъ, ввиду непрерывнаго наплыва
посѣтителей и своихъ тяжкихъ болѣзней, о. Амвросій
имѣлъ обыкновеніе каждое лѣто проводить нѣкоторое

время на уединенныхъ монастырскихъ дачахъ въ глубинѣ лѣса.

Въ 1869 году его почитатели задумали устроить для него удобное помѣщеніе на одной изъ такихъ уединенныхъ монастырскихъ дачъ. Начало этому дѣлу положено было слѣдующимъ образомъ. Въ сопровожденіи своего секретаря о. Климента, письмоводителя обители о. Михаила (Струкова) и маленькаго сынишки послѣдняго, Евгенія, о. Амвросій прибылъ на мѣсто, назначенное для постройки келліи. Обратившись къ своимъ спутникамъ, Старецъ сказалъ: «Благословите, братіе, келлію здѣсь построить». Всѣ молчали. Тогда Старецъ, взявъ руку мальчика, перекрестилъ ею назначенное мѣсто и заставилъ его повторять за собою слова: «Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа. Аминь. Богъ благословитъ на добро здѣсь пожить».

Къ слѣдующему лѣту лѣсная батюшкина келлія была готова. Тринадцатого іюля вечеромъ о. Амвросій перебрался въ новое помѣщеніе. Первымъ дѣломъ Старца было освятить новое мѣсто пребыванія молитвою. Было совершено всенощное бдѣніе Божіей Матери, св. Іоанну Предтечѣ и св. Амвросію Медиоланскому. На другой день утромъ былъ отслуженъ молебень Спасителю, свт. Николаю Чудотворцу, преп. Макарію Египетскому и св. благовѣрному князю Александру Невскому. Была прочитана молитва на освященіе дома, и все помѣщеніе было окроплено св. водою. Сюда, въ это уединенное мѣстечко, нѣсколько лѣтъ къ ряду, старецъ Амвросій уѣзжалъ изъ Скита, стараясь избирать недѣлю съ будничными днями, и гостилъ здѣсь дней пять-шесть.

Одинъ изъ духовныхъ сыновей о. Амвросія, писатель К. Н. Леонтьевъ, такъ описываетъ это лѣтнее мѣстопробываніе Старца.

«Въ семи верстахъ отъ Оптиной, въ лѣсной глуши, есть дача, на которую ѣздитъ иногда отдыхать отъ многолюдства давно уже изнемогающій оптинскій старецъ отецъ Амвросій. Тамъ на небольшой зеленой лужайкѣ построена простая, чистая и просторная изба; въ ней по нѣскольку дней проводить отъ времени до времени о. Амвросій. Люди, однако, и тамъ находятъ его. Когда я посѣтилъ въ первый разъ Оптину, я долженъ былъ ѣхать на эту дачу, чтобы передать духовнику письма, которыя у меня были къ нему съ Аѳона²⁶. Вокругъ избы на лугу уже было довольно много народа: монахи, крестьяне, крестьянки, монахини, дамы. Длинные жерди на столбикахъ были заложены со всѣхъ сторонъ, чтобы всѣ разомъ не тѣснились къ Старцу и не мѣшали ему бесѣдовать тихо съ тѣмъ, кого онъ уже позвалъ. Всѣ терпѣливо ждали: иные сидѣли на травѣ, другіе стояли, облокотившись на жерди, въ надеждѣ, что Старецъ, проходя мимо, благословить ихъ или скажетъ хоть два какія-нибудь слова. Многіе, имѣя какое-нибудь дѣло, желали только одного, чтобы при началѣ этого дѣла Старецъ молча перекрестилъ ихъ. Больше ничего. Для этого многіе приходятъ издалека. Было очень жарко. Болѣзненный Старецъ въ это время ходилъ тихонько по лугу подъ большимъ полотнянымъ зонтикомъ и разговаривалъ съ какимъ-то мужикомъ. Они бесѣдовали долго. Когда оче-

²⁶ К. Н. Леонтьевъ пріѣхалъ тогда изъ Салоникъ, гдѣ былъ русскимъ консуломъ.

редь дошла до меня, то Старецъ, уже утомленный ходьбой, позвалъ меня въ комнату»...

Съ особеннымъ радушіемъ Старецъ принималъ у себя въ лѣсной келліи приходившихъ навѣстить его близкихъ къ нему монаховъ. Придутъ, бывало, на вечеръ челоуѣка два. Ихъ тамъ угостятъ скромнымъ ужиномъ. Уснутъ усталые путники, и Старецъ уже не велитъ будить ихъ рано, даже и для слушанія утренняго правила. Когда гости встанутъ и, прослушавъ вмѣстѣ съ Старцемъ часы, подойдутъ къ нему подъ благословеніе съ извиненіемъ, что проспали утреню, онъ отечески снисходительно скажетъ: «Ну, ужъ мы гостей не беспокоимъ». Въ другой разъ, когда также пришли къ Старцу на дачу монахи изъ Оптиной, и наутро главный келейникъ сталъ, было, будить ихъ на правило, о. Амвросій съ огорченіемъ сказалъ ему: «Дуракъ! Развѣ къ тебѣ сюда молиться идутъ? Они и въ монастырѣ намолятся; а имъ нужно отдохнуть». Такова была любовь Старца!

Однимъ изъ любимыхъ гостей о. Амвросія въ его лѣсной келліи былъ послушникъ Елисей, пятьдесятъ два года прожившій въ обители и все время отказывавшійся отъ всякихъ монастырскихъ повышеній и отличій. Онъ жилъ въ верстѣ отъ старцевой дачи въ маленькой хаткѣ-караулкѣ, караулилъ лѣсъ. Этому рабу Божию о. игумень Исаакій предлагалъ однажды постричься въ мантию или хотя бы въ рясофоръ, и даже требовалъ этого съ угрозою. «Иначе, – говорилъ онъ, – я пошлю тебя въ кухню!» – «А вотъ мнѣ, – отвѣчалъ Елисей, – и рясофоръ!» – «Я тебя на поклоны поставлю!» – «А вотъ мнѣ и мантия!» Пребывая долгое время

въ лѣсномъ уединеніи, Елисей и самъ сдѣлался какъ бы дитя природы. Лѣсныхъ птичекъ зимою онъ изъ рукъ кормилъ. Выйдетъ на воздухъ, посыплеть себѣ на голову, на бороду, на руки коноплянаго сѣмени, и лишь только проговорить: «Птички, птички, птички!», какъ со всѣхъ сторонъ налетятъ онѣ на него, – какія сядутъ на голову, на бороду, какія на руки, и всего его облѣпятъ. Умеръ онъ въ глубокой старости, въ монастырской больницѣ. Передъ кончиною, когда братія обращались къ нему со словами утѣшенія и ободренія, онъ отвѣчалъ: «Слава Богу! Онъ и здѣсь утѣшалъ меня, – даровалъ мнѣ любить, восхвалять и прославлять Его! Съ Богомъ и здѣсь и тамъ – вездѣ хорошо. Съ нами Богъ, разумѣйте языцы, яко съ нами Богъ!»

Въ февралѣ 1871 года со Старцемъ снова начались тяжкіе геморроидальные припадки. Но вотъ 24 февраля прислали ему съ Аѳона большую икону св. великомученика и цѣлителя Пантелеимона, заказанную духовными дочерьми Старца, монахинями Бѣлевскаго монастыря. Въ тотъ же день было отправлено въ келліяхъ о. Амвросія бдѣніе угоднику Божию, а на другой день отслуженъ ему молебенъ. И съ этого дня болѣзнь Старца, безпокоившая его около недѣли и не уступавшая никакимъ врачевнымъ средствамъ, прекратилась.

Однако 8 августа того же 1871 года болѣзнь снова повторилась въ сильнѣйшей степени и не оставляла Старца до 10 сентября. По желанію Старца въ его келліи 17 августа былъ отслуженъ молебенъ съ акаѳистомъ передъ принесенною Калуженскою иконою Божіей Матери, а 18-го – передъ Ахтырскою иконою

Божіей Матери, доставленною изъ Козельска. Наконецъ 30 августа была привезена изъ Мещовскаго Георгіевскаго монастыря чудотворная икона Божіей Матери «Всѣхъ Скорбящихъ Радость», и предъ этою иконою всѣ окружавшіе страдальца, вмѣстѣ съ нимъ, усердно молились о его выздоровленіи. По поводу этой своей болѣзни Старецъ писалъ одному своему духовному сыну, Томскому епископу Петру: «Здоровье мое въ настоящее время болѣе прежняго неисправно. Лѣтомъ, по примѣру прежнихъ годовъ, уѣзжалъ я нѣсколько разъ въ устроенную мною лѣсную келлію. И хотя тамъ въ утренніе и вечерніе часы имѣлъ свободу отъ посѣтителей, но зато въ остальное время они такъ меня обременяли, что къ концу лѣта я выбился изъ силъ, и въ августѣ заболѣлъ: открылось геморроидальное кровотечение, продолжавшееся цѣлый мѣсяцъ. Потомъ, благодареніе Господу, понемногу сталъ поправляться; но послѣ этой болѣзни я замѣтно сталъ слабѣе прежняго».

Въ декабрѣ мѣсяцѣ геморроидальная болѣзнь снова повторилась, хотя и въ меньшей степени, нежели раньше. Старецъ совсѣмъ обезсилѣлъ. Въ день своего Ангела, 7 декабря, онъ былъ настолько слабъ, что не могъ даже принять и поздравленій. Келейники подъ руки переводили его изъ келліи въ келлію. Однако молитвы духовныхъ дѣтей воздвигли и на этотъ разъ болящаго Старца отъ одра болѣзни, и снова началась его обычная многозаботливая и самоотверженная дѣятельность. Впрочемъ, и послѣ этого Старецъ неоднократно до самой своей кончины подвергался припадкамъ никогда не оставлявшихъ его болѣзней.

Отець Амвросій въ его перепискѣ со свѣтскими и монашествующими

Съ возрастаніемъ числа духовныхъ дѣтей о. Амвросія увеличивается и его переписка съ лицами, искавшими его духовнаго руководства. Къ нему обращались не только монашествующіе, но и свѣтскіе люди самыхъ различныхъ положеній, состояній и даже національностей и вѣроисповѣданій, съ самыми разнообразными вопросами, касающимися вѣры и жизни христіанской. Отець Амвросій считалъ своимъ долгомъ давать отвѣты на обращаемые къ нему вопросы, и въ этихъ отвѣтахъ ярко обнаруживаются личность о. Амвросія, его взгляды на тѣ или другіе вопросы вѣры и жизни и его отношенія къ людямъ.

Ввиду этого считаемъ необходимымъ познакомить читателей съ важнѣйшимъ содержаніемъ переписки Старца.

Отець Амвросій убѣждалъ искавшихъ его совѣтовъ, что никогда, ни при какихъ жизненныхъ затрудненіяхъ и непріятностяхъ не надо унывать, а надо надѣяться на Промыслъ Божій. «Старинные люди давно рѣшили, — пишетъ о. Амвросій, — что вѣкъ безъ притчи не проживешь, и прибавили, что и горшокъ съ горшкомъ сталкиваются, кольми паче людямъ, живущимъ вмѣстѣ, невозможно пребыть безъ столкновенія. И особенно это бываетъ отъ различныхъ взглядовъ на вещи; одинъ о ходѣ дѣлъ думаетъ такъ, а другой иначе; одинъ убѣжденъ въ своихъ понятіяхъ, кажушихся ему твердыми и основательными, а другой вѣруетъ въ свои разумнія. Ежели въ первоначальномъ правилѣ ариѣметики слагается

одинъ и одинъ, то выходитъ два; если же въ третьемъ правилѣ помножить два на два, то выйдетъ уже четыре; если же дѣло дойдетъ до дробей, то окажутся цифры вверху и внизу, а посреди ихъ черта, такъ бываетъ и въ дѣлахъ человѣческихъ. Если ихъ очень раздроблять, то окажется неудобство и вверху и внизу съ какою-либо преградою посреди. Я какъ тебѣ писалъ и говорилъ прежде, такъ и теперь скажу: ежели будешь вѣровать въ Промыслъ Божій и надѣяться на всесильную Божию помощь, то не встрѣтишь такихъ неудобствъ, какія предполагаешь: и сверхъ того будешь всегда пользоваться возможнымъ спокойствіемъ душевнымъ».

Въ другомъ письмѣ о. Амвросій пишетъ: «Получилъ отъ васъ два письмаца отчаянныхъ. Пишете мнѣ: я погибла, потому что лошадей украли на хуторѣ. Опомнитесь, что вы говорите? Что у васъ украли лошадей, это не есть какой-либо грѣхъ смертный, за который надо погибать; и сверхъ того вы не могли бы взять лошадей съ собою на тотъ свѣтъ. Туда пойдутъ съ нами однѣ дѣла наши, или добрыя или злыя. Если не имѣемъ добродѣтелей, то постараемся, по крайней мѣрѣ, избавиться отъ грѣховъ покаяніемъ и терпѣніемъ находящихъ скорбей, которыя посылаются Промысломъ Божиимъ къ очищенію души нашей отъ грѣховъ и пороковъ и всякой неключимой примѣси. Знаю, что у васъ много скорбей и домашнихъ непріятностей; но говорите себѣ и вразумляйте себя тѣмъ, что въ адѣ хуже, и томительнѣе, и безотраднѣе; и оттуда уже нѣтъ надежды избавиться. А если человѣкъ терпитъ скорби съ покорностью воли Божіей, исповѣдаясь во грѣхахъ своихъ, то чрезъ это из-

бавляется отъ тяготы вѣчныхъ мученій. Поэтому лучше потерпимъ здѣсь непріятности, какъ бы онѣ тяжки ни были, возверзая печаль свою на Господа и молясь Ему со смиреніемъ, да избавить насъ отъ малодушія и отчаянія, которыя хуже всѣхъ грѣховъ».

Матери, скорбѣвшей о безбожii и вольнодумствѣ своего сына, о. Амвросій пишетъ: «Вы писали, что, подавъ однажды нищему милостыню о здравіи вашего сына, смутились, когда онѣ сталъ молиться о упокоеніи его. Не смущайтесь этимъ. Отъ ошибки и недоразумѣнія нищаго не могло и не можетъ произойти ничего противнаго для вашего сына. И ничего большаго и лучшаго никому нельзя пожелать, какъ въ свое время сподобиться Царствія Небеснаго. А что вы въ скорби своей о сынѣ иногда думали, что лучше бы было для него умереть, нежели жить такъ, какъ онѣ живетъ, — за это укорите себя и съ полною вѣрою предайте и себя самую, и сына вашего волѣ всеблагаго и премудраго Бога. Если Господь чьи дни сохраняетъ, то благодѣтельствуется; если чью жизнь пресѣкаетъ, паки благодѣтельствуется. И вообще, по слову Св. Церкви, Господь глубиною мудрости человѣколюбно все устраиваетъ и полезное всѣмъ подаетъ. И потому для человѣка нѣтъ ничего лучше и полезнѣе преданности волѣ Божіей; а намъ судьбы Божіи непостижимы. Вы сознаете, что во многомъ сами виноваты, что не умѣли воспитать сына, какъ должно. Самоукореніе это полезно; но, сознавая вину свою, должно смиряться и раскаиваться, а не смущаться и отчаяваться; также не должно очень тревожиться вамъ мыслью, будто вы однѣ — невольною причиною тепе-

решняго положенія вашего сына. Это не совсѣмъ правда: всякій человѣкъ одаренъ свободною волею, и самъ за себя болѣе и долженъ будетъ отвѣчать предъ Богомъ.

Спрашиваете, не написать ли вамъ сыну вашему наудачу въ Москву, и какъ ему написать, чтобы тронуть его сердце? Напишите ему сперва вкратцѣ, чтобы узнать, гдѣ онъ теперь находится, а когда это узнаете, то можете написать ему и подробнее. Можете тогда ему сказать, что онъ теперь, вѣроятно, собственнымъ опытомъ испыталъ, къ чему ведетъ безбожіе и вольнодумство; что, стремясь къ необузданной свободѣ, онъ забылъ, что отъ грѣха, особенно досажденія родителямъ, произошло самое рабство, котораго прежде не было на землѣ и т. п. Помолясь Богу, пишите, какъ Господь положить вамъ на сердце... Вообще же, вамъ должно теперь не столько заботиться вразумлять его, но болѣе молиться за него, чтобы Самъ Господь, имиже вѣсть судьбами, вразумилъ его. Велика сила матерней молитвы. Вспомните, изъ какой глубины зла извлекла блаженнаго Августина молитва благочестивой матери его. А молясь за сына, молитесь и о себѣ, чтобы Господь простилъ васъ, въ чемъ вы по невѣдѣнію согрѣшили».

Другой матери, скорбѣвшей о болѣзни дочери, Старецъ писалъ: «Слышу, что вы скорбите паче мѣры, видя страданія болящей дочери. Дѣйствительно, по-человѣчески нельзя не скорбѣть матери, видя дочь свою малютку въ такихъ страданіяхъ, и страждущую и день и ночь. Несмотря на это, вы должны помнить, что вы христіанка, вѣрующая въ будущую жизнь и будущее блаженное воздаяніе не только за труды, но и за стра-

данія произвольныя и невольныя; и потому не должны неразумно малодушествовать и скорбѣть паче мѣры, подобно язычникамъ, или людямъ невѣрующимъ, которые не признають ни будущаго вѣчнаго блаженства, ни будущаго вѣчнаго мученія. Какъ ни велики невольныя страданія дочери вашей малютки С., но все-таки онѣ не могутъ сравниться съ произвольными страданіями мучениковъ; если же равняются, то она и равное съ ними получить блаженное состояніе въ райскихъ селеніяхъ. Впрочемъ, не должно забывать и мудренаго настоящаго времени, въ которое и малыя дѣти получаютъ душевное поврежденіе отъ того, что видятъ, и отъ того, что слышатъ; и потому требуется очищеніе, которое безъ страданій не бываетъ; очищеніе же душевное по большей части бываетъ чрезъ страданія тѣлесныя. Положимъ, что и не было никакого душевнаго поврежденія. Но все-таки должно знать, что райское блаженство никому не дается безъ страданій. Посмотрите: и самые грудные младенцы безъ болѣзни ли и страданій переходятъ въ будущую жизнь? Впрочемъ, пишу такъ не потому, что желалъ бы смерти страждущей малюткѣ С., но пишу собственно все это для утѣшенія васъ, и для правильнаго вразумленія, и дѣйствительнаго убѣжденія, чтобы вы неразумно и паче мѣры не скорбѣли. Какъ ни любите вы дочь свою, но знайте, что болѣе васъ любить ее всеблагій Богъ нашъ, всякимъ образомъ промышляющій о спасеніи нашемъ. О любви Своей къ каждому изъ вѣрующихъ Самъ Онъ свидѣтельствуетъ въ Писаніи, глаголя: *аще и жена забудетъ исчадіе свое, Азъ же не забуду тебе*. Поэтому постарайтесь умѣрить скорбь

вашу о болящей дочери, возвергая печаль сію на Господа: *якоже бо хочет и благоизволить, такъ и сотворить съ нами по благости Своей*. Совѣтую вамъ приобщать болящую дочь съ предварительною исповѣдью. Попросите духовника, чтобы поблагоразумнѣе разспросилъ ее при исповѣди».

Вступившимъ въ бракъ и начинающимъ семейную жизнь о. Амвросій даетъ слѣдующее наставленіе: «Всегда вы должны помнить и не забывать, что тогда только жизнь наша будетъ проходить мирно и благополучно, когда мы не будемъ забываться и забывать Бога, Создателя нашего и Испытателя, и Подателя благъ временныхъ и вѣчныхъ. Не забывать же Его значитъ стараться жить по Его Божественнымъ и животворнымъ заповѣдямъ, и въ нарушеніи ихъ по немощи нашей искренно каяться и немедленно заботиться объ исправленіи своихъ ошибокъ и отступленій отъ заповѣдей Божіихъ».

«Если бы супруги ровно по-христіански раздѣляли тяготу жизни своей, – пишетъ Старецъ въ другомъ письмѣ, – тогда людямъ и на землѣ было бы хорошо жить. Но какъ супруги часто бываютъ упруги, оба или одинъ изъ двухъ, то наше благополучіе земное и не упрочивается». Съ какою любовью относился о. Амвросій къ своимъ духовнымъ дѣтямъ, видно изъ слѣдующаго. Одной изъ своихъ ученицъ, выразившей опасеніе, что Старецъ оставитъ ее, о. Амвросій писалъ такъ: «Давно собирался я успокоить васъ, многозаботливая Н., касательно боязни вашей, что будто я оставлю васъ и не буду писать вамъ. Ежели я, по слабости моего характера, не отказался отъ васъ, не зная васъ, какъ

должно, а согласился на предложеніе ваше, не желая оскорбить васъ въ крайней нуждѣ духовной находящу-юся: то теперь ли могу оставить васъ, когда я, по недостатку истиннаго разсужденія, презрѣлъ свою душу, и собственное спасение оставилъ на произволъ судьбы, мняся заботиться о душевной пользѣ ближнихъ? Не знаю, есть ли кто неразумнѣ меня?!»

Отчего бываетъ у людей тоска? «Тоска, по свидѣтельству Марка Подвижника, есть крестъ духовный, посылаемый намъ къ очищенію прежде бывшихъ согрѣшеній. Тоска происходитъ и отъ другихъ причинъ: отъ оскорбленнаго самолюбія или отъ того, что дѣлается не по-нашему; также и отъ тщеславія, когда человѣкъ видитъ, что равные ему пользуются большими преимуществами; отъ стѣснительныхъ обстоятельствъ, которыми испытывается вѣра наша въ Промыслъ Божій и надежда на Его милосердіе и всесильную помощь. А вѣрою и надеждою мы часто бываемъ скудны, отъ того и томимся».

«Предъ судомъ Божиимъ имѣютъ значеніе не характеры, а направленіе воли, — говоритъ о. Амвросій. — Знайте, что характеры имѣютъ значеніе только на судѣ человѣческомъ, и потому или похваляются, или порицаются; но на судѣ Божиемъ характеры, какъ природныя свойства, ни одобряются, ни порицаются. Господь взираетъ на благое намѣреніе и понужденіе къ добру, и цѣнить сопротивленіе страстямъ»...

Какъ надо исповѣдываться? «Надобно исповѣдовать, какъ согрѣшили и въ чемъ согрѣшили, — вотъ и все. Хорошо заблаговременно написать не по книгѣ исповѣдь

и прочитать самому передъ духовникомъ. Будеть и ему понятно и незатруднительно, и исповѣдующемуся легко и отраднo».

По вопросу о томъ, что нужно давать читать дѣтямъ, о. Амвросій писалъ: «Мнѣніе мое такое, чтобы прежде всего занимать юный умъ священной исторіею и чтеніемъ житій святыхъ, по выбору, незамѣтно насѣвая въ нихъ сѣмена страха Божія и христіанской жизни; и особенно нужно, съ помощію Божіею, сумѣть внушить дѣтямъ, какъ важно храненіе заповѣдей Божіихъ, и какія бѣдственныя послѣдствія бываютъ отъ ихъ нарушенія. Все это выходитъ изъ примѣра прародителей нашихъ, вкусившихъ отъ запрещеннаго древа, и за то изгнанныхъ изъ рая. Крылова басни можно оставить до времени, а пока занимать ребенка изученіемъ наизусть нѣкоторыхъ молитвъ, символа вѣры и избранныхъ псалмовъ, на примѣръ: «Живый въ помощи Вышняго», «Господь просвѣщеніе мое», и подобныхъ. Главное, чтобы ребенокъ былъ занятъ по силамъ и направленъ къ страху Божію. Отъ этого все доброе и хорошее, какъ и напротивъ, праздность и невнушеніе дѣтямъ страха Божія бываютъ причиною всѣхъ золъ и несчастій.

Безъ внушенія страха Божія, чѣмъ дѣтей ни занимай, не принесетъ желаемыхъ плодовъ въ отношеніи доброй нравственности и благоустроенной жизни. При внушеніи же страха Божія всякое занятіе хорошо и полезно».

Въ другомъ письмѣ о. Амвросій писалъ о воспитаніи дѣтей такъ: «Пишете, что замѣчаете въ сынѣ своемъ сухость, или мало чувства и другіе недостатки. Но въ

дѣтствѣ вообще не у многихъ бываетъ истинное, настоящее чувство: а большей частью оно проявляется въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, уже тогда, когда человѣкъ болѣе начнетъ понимать, и кое-что испытаетъ въ жизни. При томъ, избытокъ внутренняго чувства незамѣтно служить поводомъ къ тайному возношенію и осужденію другихъ; а недостатокъ чувства и сухость невольно смиряютъ человѣка, когда онъ станетъ понимать это. Поэтому много не огорчайтесь тѣмъ, что замѣчаете въ сынѣ вашемъ этотъ недостатокъ; со временемъ, можетъ быть, и въ немъ неизбѣжныя въ жизни испытанія пробудятъ должное чувство; а только позаботьтесь о томъ, чтобы передавать ему по возможности о всемъ здравыя понятія, согласно ученію Православной Церкви. Пишете, что до сихъ поръ сами занимались съ нимъ и прошли съ нимъ священную исторію Ветхаго Завѣта; и спрашиваете, какъ и чему его учить, и кого избрать для этого? Прошедши съ нимъ Ветхій Завѣтъ, вамъ самимъ должно кончить это дѣло, то есть перейти къ Новому Завѣту; а потомъ уже начать катехизическое ученіе. Вы боитесь, что сухость катехизиса не прибавитъ ему теплоты. Катехизисъ никому не прибавляетъ теплоты; а довольно того, чтобы дѣти имѣли правильныя понятія о догматахъ и другихъ предметахъ Православной Церкви. Если желаете, чтобы православное ученіе дѣйствовало и на сердце вашего сына, то читайте съ нимъ «Православное Исповѣданіе» и «Училище Благочестія»; а законоучитель пусть обучаетъ его по катехизису, принятому въ учебныхъ заведеніяхъ. Что касается до выбора учителя, то я, не зная никого изъ московскаго духовенства, вамъ

ни на кого не могу указать; а помнится намъ, что батюшка о. Макарій кому-то совѣтоваль избрать въ законоучителя для дѣтей младшаго возраста не священника, а діакона: это проще, а потому бываетъ удачнѣе; московскіе діакона – все кончившіе курсъ въ семинаріи, и катехизись хорошо знаютъ... Вы затрудняетесь выборомъ и назначеніемъ духовника. Чтобы своего духовника не огорчить, только напередъ сами объясните ему все то, что находите нужнымъ и полезнымъ для вашего сына, съ прибавленіемъ прошенія исполнить это, такъ какъ по вашему сознанію священная обстановка при исповѣди для ребенка нужна, хотя для понимающаго она особеннаго значенія не имѣетъ. Передъ исповѣдью и сами вы займитесь вашимъ сыномъ и приготовьте его къ этому Таинству, какъ сумѣете. Заставьте его предъ исповѣдью прочесть заповѣди съ объясненіемъ. Касательно исправленія его недостатковъ вообще можете ему говорить иногда полушутливымъ тономъ: «Ты вѣдь молодой князь, черезъ такіе поступки не ударяй себя лицомъ въ грязь». Пишете, что вы глубоко увѣрены, что нѣтъ для человѣка иного источника благополучія на землѣ и вѣчнаго блаженства на небѣ, кромѣ Церкви Христовой, и что все внѣ оной – ничто, и желали бы передать это убѣжденіе дѣтямъ своимъ, чтобы оно было какъ бы сокровенной ихъ жизнью: но вамъ кажется, что не имѣете призванія учить и не можете говорить съ должной силой убѣжденія объ этомъ великомъ предметѣ. Какъ мать чадолубивая, сами передавайте свѣдѣнія объ этихъ предметахъ вашимъ дѣтямъ, какъ умѣете. Васъ въ этомъ замѣнить никто не можетъ, потому что другимъ вы

должны бы еще сперва растолковать ваши понятія и желанія, и при томъ другіе не знаютъ вашихъ дѣтей и ихъ душевное расположеніе и потребности; и при томъ слова матери болѣе могутъ дѣйствовать на нихъ, нежели слово посторонняго человѣка. Наставленія другихъ дѣйствуютъ на умъ, а наставленія матери на сердце. Если же вамъ кажется, что сынъ вашъ многое знаетъ, многое понимаетъ, но мало чувствуетъ, то, повторяю, не огорчайтесь и этимъ. А молитесь о семъ Богу, да устроить полезное о сынѣ вашемъ, якоже вѣсть. Вы пишете, что у него прекрасная память; пользуйтесь и этимъ. Передавайте ему, кромѣ наставленій, душеполезныя повѣсти, и по времени спрашивайте его, чтобы онъ вамъ повторялъ, какъ помнитъ и какъ понимаетъ. Все, что онъ отъ васъ услышитъ, будетъ сперва храниться въ его памяти и умѣ, а потомъ, съ помощію Божіею, при содѣйствіи опытовъ въ жизни, можетъ перейти и въ чувство».

О томъ же предметѣ Старецъ еще писалъ одной духовной дочери: «Вѣками утвержденный опытъ показываетъ, что крестное знаменіе имѣетъ великую силу на всѣ дѣйствія человѣка, во все продолженіе его жизни. Поэтому необходимо позаботиться вкоренить въ дѣтяхъ обычай почаще ограждать себя крестнымъ знаменіемъ, и особенно предъ пріятіемъ пищи и питія, ложась спать и вставая, предъ выѣздомъ, предъ выходомъ и предъ входомъ куда-либо, и чтобы дѣти полагали крестное знаменіе не небрежно или по-модному, а съ точностью, начиная съ чела до персей, и на оба плеча, чтобы крестъ выходилъ правильный... Огражденіе себя крестнымъ

знаменіємъ многихъ спасало отъ великихъ бѣдъ и опасностей».

«Пишете – желала бы я, чтобы мы избѣгли съ мужемъ того пагубнаго разногласія въ дѣлѣ воспитанія, которое почти во всѣхъ супружествахъ вижу я. – Да, вещь эта действительно премудренная! Но спорить объ этомъ при дѣтяхъ, вы и сами замѣтили, что не полезно. Поэтому, въ случаѣ разногласія, лучше или уклоняйтесь и уходите, или показывайте, какъ будто не вслушались, но никакъ не спорьте о своихъ разныхъ взглядахъ при дѣтяхъ.

Совѣтъ объ этомъ и разсужденіе должны быть едины, и какъ можно похладнокровнѣе, – чтобы было дѣйствительнѣе. Впрочемъ, если вы успѣете насадить въ сердцахъ дѣтей вашихъ страхъ Божій, тогда на нихъ разныя человѣческія причуды не могутъ такъ зловредно дѣйствовать».

О недопустимости развода Старецъ писалъ одной изъ своихъ духовныхъ дочерей слѣдующее: «Пишете, что ваша мать всячески старается заставить васъ уговорить невѣстку на разводъ съ мужемъ, а вы этому не сочувствуете. И хорошо дѣлаете, что не поддерживаете ихъ въ этомъ. Разводные браки ненавистны Богу. Ежели и допускаются, то это по человѣческой немощи. Защищайте свою невѣстку, какъ можете; уступать въ этомъ матери не должно, хотя бы черезъ это и пришлось понести отъ нея непріятность. Вы не только себя, но и мать свою избавите отъ грѣха... Призывая на васъ, и на мужа вашего, и на скорбящую невѣстку вашу, и на дѣтей ея миръ и благословеніе Божіе, остаюсь

съ искреннимъ благожеланіемъ, многогрьшный І. Амвросій».

Будучи самъ строгимъ подвижникомъ и точнымъ хранителемъ уставовъ Церкви, о. Амвросій былъ въ то же время очень снисходительнымъ къ дѣйствительнымъ немощамъ другихъ людей, поставляя смиреніе и самоукореніе выше всякаго тѣлеснаго подвига.

«Наступающій постъ, – пишетъ онъ одной духовной дочери, – старайтесь проводить разсудительно, соображаясь съ тѣлесными силами. По нездоровью и въ 69 апостольскомъ правилѣ разрѣшается елей въ среду и пятокъ, и даже нѣкоторымъ на Страстной седмицѣ съ покаяніемъ и самоукореніемъ, памятуя мудрое изреченіе св. Отцовъ, что мы не тѣлоубійцы, а страстоубійцы. Св. Исаакъ Сиринъ пишетъ объ одномъ старцѣ, который вкушалъ пищу черезъ два дня. Если же приходилось ему побесѣдовать съ приходящими часъ или два, тогда онъ уже не могъ вкушать пищу обычно, а принуждаемъ былъ сокращать срокъ времени, и вкушалъ болѣе обычной порціи. Вамъ должно помнить, что вы хозяйка дома, окруженная дѣтьми; къ тому же и нездоровье привязывается къ вамъ. Все это показываетъ, что вамъ нужно болѣе заботиться о душевныхъ добродѣтеляхъ; касательно же употребленія пищи и другихъ тѣлесныхъ подвиговъ, у васъ должно стоять впереди всего благое разсужденіе со смиреніемъ. Ежели въ душевныхъ недостаткахъ пріемлется покаяніе, смиреніемъ раство-ренное; то въ тѣлесныхъ немощахъ покаяніе и самоукореніе еще болѣе имѣютъ мѣсто. Св. Лѣстничникъ приводитъ слова: «Не постихся, ни

бдѣхъ, ни на земли возлежахъ; но смирихся, и спасе мя Господь». Начните, помолившись Богу, вкушать пищу въ постѣ съ елеемъ. Если же нужда потребуетъ, по нездоровью вашему, и большаго, то въ видѣ лѣкарства можете употреблять и большее. Представьте со смиреніемъ немощь вашу Господу, и силенъ Онъ устроить все во благое. Во время приготовленія къ Св. Тайнамъ нужно нѣсколько дней употреблять пищу безъ елея, но только совѣтую вамъ придумывать пищу попитательнѣе, изъ сухихъ плодовъ и подобнаго, по желудку вашему, чтобы вы были способны къ службамъ (если это возможно) и присматривать за дѣтьми и въ домѣ».

Облегчая постъ немощнымъ, о. Амвросій строго осуждалъ то предубѣжденіе противъ поста, которое въ настоящее время свойственно многимъ, и не совѣтовалъ полагаться на мнѣнія врачей, отвергающихъ постъ.

«Тебѣ не нравится, что Н. принуждаетъ свою супругу къ скоромному столу въ постные дни. Да и невозможно, чтобы это нравилось кому-либо изъ благонамѣренныхъ, развѣ только однимъ новымъ и моднымъ людямъ. Можешь сказать ему наединѣ, чтобы онъ не принуждалъ къ этому свою супругу; а иначе могутъ быть вредныя послѣдствія, и для него самого непріятныя. Когда жена, изъ угожденія къ нему, сперва невольно обременить совѣсть свою презрѣніемъ святого поста; потомъ уже и добровольно будетъ презирать и то и другое. Зло не стоитъ въ одномъ положеніи, а обыкновенно возрастаетъ и прибавляется».

«Пишешь, что докторъ совѣтуетъ тебѣ и въ постные дни употреблять скоромную пищу...

Думаю я, что если весь Великій постъ прожила безъ скоромной пищи, то какъ же двухъ дней въ недѣлю не поститься? На докторскія слова нельзя очень полагаться, потому что доктора большею частью предубѣждены противъ постной пищи. Слышалъ я, что въ Москвѣ только одинъ и есть докторъ, безпристрастный въ этомъ отношеніи. Хотя онъ лютеранинъ, но и самъ, кажется, почти не употребляетъ мясной пищи, и больныхъ не заставляетъ ѣсть мясо въ постные дни. Если хочешь, можешь съ нимъ посоветоваться».

Обличая нарушителей св. постовъ, о. Амвросій и во всемъ другомъ твердо отстаивалъ истину и чистоту Православія противъ всякаго рода заблужденій. Такъ, онъ писалъ о спиритизмѣ: «Спиритизмъ есть не что иное, какъ новое заблужденіе и новая прелесть вражеская. Это ученіе есть общеніе людей съ духами, но, разумѣется, съ духами не свѣта, а съ духами тьмы. Апостоль Павелъ пишетъ: *аще и ангель съ небесе благовѣститъ вамъ паче, еже благовѣстихомъ вамъ, анаѡема да будетъ* (Гал. 1, 8). Апостоль упоминаетъ это не объ Ангелахъ благихъ, потому что благіе Ангелы не будутъ благовѣститъ ничего противнаго ученію евангельскому и апостольскому; но явно, что говоритъ это объ ангелахъ тьмы, сверженныхъ съ неба, которые принимаютъ на себя видъ Ангеловъ свѣта для обольщенія неразумныхъ... Черезъ спиритизмъ будто бы и безбожники дѣлаются очень религіозными. Но если хорошо вникнуть въ душевное состояніе этихъ мнимыхъ религіозниковъ, то явно откроется, что они въ этомъ положеніи сдѣлались еще опаснѣйшими для имѣющихъ съ ними сно-

шенія, нежели какъ были въ состояніи атеистовъ. Явныхъ безбожниковъ всякій отвращается и удаляется; людей же, прикрывающихся видомъ ложной религіозности, въ душѣ же своей пропитанныхъ старымъ или новымъ заблужденіемъ прелести вражіей, не вдругъ распознаетъ кто-либо и изъ понимающихъ дѣло. Апостоль говоритъ: *Христосъ вчера и днесь тойже, и во вѣки* (Евр. 13, 8). Значить, какое ученіе въ Православной Церкви насаждено въ началѣ Духомъ Святымъ чрезъ Апостоловъ и чрезъ отцовъ вселенскихъ соборовъ, то должно продолжаться до скончанія вѣка. Всѣ новыя ученія суть не что иное, какъ новыя заблужденія, посѣваемые, такъ или иначе, древнимъ врагомъ и ненавистникомъ и навѣтникомъ рода человѣческаго, который, по слову св. апостола Петра, *яко левъ рыкая, ходитъ, искій кого поглотити* (1 Пет. 5, 8). Врагъ этотъ въ ученіи спиритизма прикрывается подъ видомъ вызыванія мертвыхъ душъ, которыя будто бы яснѣе растолковываютъ ученіе евангельское. Но это явное обольщеніе вражіе, и явное заблужденіе людей, которые рѣшаются вѣрить духамъ тмы, являющимся въ видѣ людей умершихъ. Для душъ святыхъ въ Православной Церкви удостовѣреніе совсѣмъ другое. Онѣ удостовѣряютъ о святости своей явнымъ нетлѣніемъ мощей. Души же грѣшныя, по ученію Православной Церкви, заключены во адѣ и не имѣютъ власти не только учить другихъ, но и исходить оттуда, въ страшномъ стенаніи ожидая Страшнаго Суда Божія. Следовательно, вызываются и являются не души умершихъ, а духи тмы грѣховной и обольстители рода человѣческаго».

+

Отца Авраам
исудитъ твоему
же, а все судъ
предде Сынъ Бо
гу; а ты кто
такой!!!

Посит, что судитъ
Дружески значитъ
осудитъ свою
душу по слову и
свидѣнью,

Изъ письма старца Амвросія

По поводу одной предполагавшейся дуэли Старець писалъ: «Вы хотите кончить вражду свою по-язычески, т. е. по примѣру людей невѣрующихъ, которые не вѣрятъ ни будущей жизни, ни будущему вѣчному блаженству, ни будущимъ вѣчнымъ мукамъ, – кончить дуэлью, этимъ адскимъ узломъ двухъ убійствъ или, вѣрнѣе, соединеніемъ убійства съ самоубійствомъ, потому что, хотя одинъ иногда и остается въ живыхъ, но тотъ и другой думалъ убить, и себя самого добровольно подвергалъ умерщвленію, напередъ душевно умирая. Прилично ли все это христианину? Посмотрите на Начальника вѣры и на Совершителя нашего спасенія, Сына Божія, Царя Ангеловъ и Архангеловъ, какъ не отвратилъ Онъ лица Своего отъ заплеванія и заушенія и смиренно перенесъ всякій видъ поношенія и униженія! Мы же, нарицающіеся послѣдователями Его, не хотимъ по-христіански смириться!.. Умоляю васъ именемъ Господа нашего Іисуса Христа – понесите вы благоразсудно, ради своего спасенія, нанесенное вамъ оскорбленіе, не примѣшивая тутъ никого, и ни для кого, и ни для чего. Хорошо пожертвовать своею душою для Господа, для пользы ближняго и для собственнаго своего спасенія. Но не только не хорошо, но и безразсудно и достойно всякаго сожалѣнія пожертвовать собою для гибели другого, и для гибели собственной своей вѣчной, нескончаемой, невозвращаемой никогда. Подражайте Икупителю нашему, молившемуся къ Отцу Своему за распинавшихъ Его: *отпусти имъ, не вѣдятъ бо, что творять*».

Какъ глубоко вѣрующій православный христіанинъ, о. Амвросій не сомнѣвался въ окончательной побѣдѣ

добра надъ зломъ въ мірѣ, но онъ отвергалъ нравственный прогрессъ человѣчества.

Однажды о. Амвросію былъ присланъ на его разрѣшеніе слѣдующій вопросъ: обязанность христіанина – дѣлать добро и стараться, чтобы добро восторжествовало надъ зломъ. При концѣ міра, въ Евангеліи говорится, зло восторжествуетъ надъ добромъ. Какимъ же образомъ можно стараться о побѣдѣ добра надъ зломъ, зная, что старанія эти не увѣнчаются успѣхомъ, и что зло въ концѣ восторжествуетъ? По Евангелію, общество людей передъ концомъ міра представляется въ самомъ ужасномъ видѣ. Этимъ отвергается возможность постоянного совершенствованія человѣческаго. Можно ли послѣ этого трудиться на благо человѣчеству, будучи увѣреннымъ, что никакія средства не въ состояніи въ окончательномъ результатѣ передъ концомъ міра достигнуть возможнаго нравственного совершенства человѣчества?

Старецъ отвѣтилъ: «Зло уже побѣждено – побѣждено не стараніемъ и силами человѣческими, а Самимъ Господомъ и Спасителемъ нашимъ, Сыномъ Божіимъ, Іисусомъ Христомъ, Который ради сего и снисшелъ съ неба на землю, воплотился, пострадалъ человѣчествомъ, и крестными своими страданіями и воскресеніемъ сокрушилъ силу зла и злоначальника – діавола, владычествовавшего надъ родомъ человѣческимъ, освободилъ насъ отъ діавольскаго и грѣховнаго рабства, какъ Самъ сказалъ: *се, даю вамъ власть наступати на змію и на скорпію и на всю силу вражію* (Лк. 10, 19). Теперь всѣмъ вѣрующимъ христіанамъ дается въ Таин-

ствѣ крещенія сила поспирать зло и творить добро, при посредствѣ исполненія евангельскихъ заповѣдей, и никто уже не бываетъ одержимъ зломъ насильно, кромѣ однихъ нерадящихъ о храненіи Божіихъ заповѣдей, и преимущественно тѣхъ, кто добровольно предается грѣхамъ. Хотѣтъ же своими силами побѣждать зло, – которое уже побѣждено пришествіемъ Спасителя, – показываетъ непониманіе христіанскихъ таинствъ Православной Церкви и обнаруживаетъ признакъ горделивой самонадѣянности человѣческой, которая хочетъ все дѣлать своими силами, не обращаясь къ помощи Божіей, тогда какъ самъ Господь ясно говоритъ: *безъ Мене не можете творити ничесоже*. Вы пишете: въ Евангеліи говорится, что при кончинѣ міра зло восторжествуетъ надъ добромъ. Въ Евангеліи этого нигдѣ не сказано; а говорится только, что въ послѣднее время умалится вѣра (Лк. 18, 8), и *за умноженіе беззаконія изсякнетъ любви многихъ* (Мѡ. 24, 12). А св. апостоль Павелъ говоритъ, что предъ Вторымъ Пришествіемъ Спасителя *явится челоувѣкъ беззаконія, сынъ погибели, противникъ и превозносяйся паче всякаго глаголемаго Бога*, т. е. антихристъ. Но тутъ же сказано, что *Господь Іисусъ убіетъ его духомъ устъ Своихъ, и упразднитъ явленіемъ пришествія Своего* (2 Сол. 2, 3–8). Гдѣ же тутъ торжество зла надъ добромъ? И вообще всякое торжество зла надъ добромъ бываетъ только мнимое, временное.

«Съ другой стороны, несправедливо и то, будто челоувѣчество на землѣ постоянно совершенствуется. Прогрессъ, или улучшение, есть только во внѣшнихъ челоувѣческихъ дѣлахъ, въ удобствахъ жизни. Напримѣръ,

мы пользуемся желѣзными дорогами и телеграфами, которыхъ прежде не было; выкапывается каменный уголь, который скрывался въ нѣдрахъ земныхъ, и т. п. Въ христіанско-нравственномъ же отношеніи всеобщаго прогресса нѣтъ. Во всѣ времена были люди, которые достигали высоконравственного христіанскаго совершенства, руководствуясь истинною вѣрою Христовой и слѣдуя истинному христіанскому ученію, согласному съ откровеніемъ божественнымъ, какое Богъ въ Церкви Своей являлъ черезъ мужей богодухновенныхъ, пророковъ и апостоловъ.

Такіе люди будутъ и во время антихристово, которое ихъ ради и сократится, по сказанному: *избранныхъ же ради прекратятся дніе оны* (Мѡ. 24, 22). И опять: во всѣ времена были люди, которые предавались различнымъ порокамъ и беззаконіямъ, или впадали въ различныя ереси и заблужденія, увлекаясь лжеименнымъ разумомъ (1 Тим. 6, 20) и умствуя по земнымъ началамъ, вопреки предостереженію св. апостола Павла, который говорить: *братіе, блюдитесь, да никтоже васъ будетъ прельщая философією и тщетною лестію, по преданію человѣческому, по стихіямъ міра, а не по Христѣ* (Кол. 2, 8)... Нравственное совершенство на землѣ (несовершенное) достигается не всѣмъ человѣчествомъ въ совокупности, а каждымъ вѣрующимъ въ частности, по мѣрѣ исполненія заповѣдей Божіихъ и по мѣрѣ смиренія.

Конечное же и совершенное совершенство достигается на небѣ, въ будущей безконечной жизни, къ которой кратковременная земная жизнь человѣческая служить лишь приготовленіемъ, подобно тому, какъ годы.

проведенные юношею въ учебномъ заведеніи, служить приготовленіемъ къ будущей его практической дѣятельности. Если бы назначеніе человѣчества ограничивалось земнымъ его существованіемъ, если бы для чловѣка все кончалось на землѣ, то почему же *земля и яже на ней дѣла сгорятъ*, какъ говорить св. апостоль Петръ (2 Пет. 3, 10)? Онъ же присовокупляетъ: *нова же небесе и новы земли по обѣтованію Е чаемъ, въ нихъже правда живетъ* (2 Пет. 3, 13). Безъ будущей блаженной, безконечной жизни земное наше пребываніе было бы бесполезно и непонятно. Желаніе трудиться на благо чловѣчества – весьма благовидное, но поставлено не на своемъ мѣстѣ. Царственный пророкъ св. Давидъ говорить: *сперва уклонись отъ зла, а потомъ уже сотвори благо* (Ср.: Пс. 33, 15). У нынѣшнихъ же людей дѣло выходитъ навыворотъ. Всѣ хотятъ на словахъ трудиться на благо ближнимъ, и нисколько или весьма мало заботятся о томъ, что напередъ нужно самимъ уклониться отъ зла, а потомъ уже заботиться о пользѣ ближнихъ. Широкія затѣи молодого поколѣнія о великой дѣятельности на пользу всего человечества похожи на то, какъ если бы кто, не кончивъ курса въ гимназіи, много мечталъ о себѣ, что онъ могъ бы быть профессоромъ и великимъ наставникомъ въ университетѣ. Но, съ другой стороны, думать, что если мы не можемъ двинуть впередъ всего чловѣчества, то вовсе не стоитъ трудиться, – это опять другая крайность. Каждый христіанинъ обязанъ, по силамъ своимъ и сообразно своему положенію, трудиться на пользу другихъ, но съ тѣмъ, чтобы все это было вовремя и въ порядкѣ, какъ выше сказано.

и чтобы успѣхъ нашихъ трудовъ представлять Богу и Его святой волѣ».

Въ одномъ изъ позднѣйшихъ своихъ писемъ (1875 г.) о. Амвросій опровергаетъ рядъ обвиненій, направленныхъ противъ Православія и нерѣдко высказываемыхъ и въ наши дни. Онъ по порядку приводитъ эти обвинения, высказанныя братомъ одной его духовной дочери, и по порядку ихъ разбираетъ. «Братъ вашъ пишетъ вамъ, что евангелистамъ принадлежатъ очень немногіе догматы. Главныхъ догматовъ Православной Церкви только два: догматъ о Св. Троицѣ и догматъ о воплощеніи Сына Божія. Объ этихъ догматахъ говорить все Евангеліе. А кратко и ясно изложено объ этомъ въ предисловіи каждой Псалтири... Сами это прочтите и брату укажите.

Братъ вашъ пишетъ: «Догматы – это положенія, ясно сформулированныя. Догматы выработались вселенскими соборами. Догматъ есть не положеніе человѣческое, ясно сформулированное, а истина Божественная о Богѣ, – истина, которую люди сами по себѣ никакъ не могли бы постигнуть, если бы она не открыта была самимъ Богомъ. Истину можно изслѣдовать, истину можно познавать, истину можно утверждать, а истину полагать нельзя». Братъ вашъ утверждаетъ: «Отъ догматовъ до духа христіанскаго, какъ до звѣзды небесной, далеко». Неправда. Когда воплотившійся Сынъ Божій ученикамъ Своимъ апостоламъ открылъ догматъ о Св. Троицѣ, сказавъ: *шедше убо научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа*, то тутъ же съ симъ догматомъ соединилъ нераздѣльно и ученіе о духѣ

христiанскомъ, говоря: и *учаще ихъ блюсти вся, елика заповѣдахъ вамъ* (Мѡ. 28, 19, 20)...

Братъ вашъ пишетъ: «Ересь есть уклоненiе отъ мнѣнiя большинства». Неправда. Ересь есть уклоненiе отъ истины Божественной, а не отъ мнѣнiя большинства. Не большинству Господь поручилъ истину, сказавъ: *не бойся, малое стадо: яко благоизволи отецъ вашъ дати вамъ царство* (Лк. 12, 32). Римская церковь численностью въ нѣсколько кратъ превосходитъ Церковь Православную, но, уклонившись отъ истины, она уклонилась въ ересь.

Братъ вашъ пишетъ: «Я считаю совершенно возможнымъ челоѡка, признающаго всѣ рѣшительно догматы вѣры, и вмѣстѣ съ тѣмъ очень далекаго отъ духа христiанства». Правда, что иногда, къ сожалѣнiю, такъ бываетъ. Только такiе люди, если захотятъ исправить свою жизнь, очень удобно обрѣтаютъ путь спасенiя. Кто же имѣетъ неправильныя, сбивчивыя и ложныя понятiя о вѣрѣ и истинѣ христiанской, тому неудобно обрѣсти спасенiе, когда бы и захотѣлъ. Кольми паче невозможно ему имѣть духа христiанскаго и духа Христова... Вы пишете, что братъ вашъ кончилъ курсъ въ Петербургскомъ университетѣ. Если бы кто сталъ увѣрять вашего брата, что не нужно учиться ни въ гимназiи, ни въ университетѣ, а только имѣй любовь къ ближнему и получишь хорошую должность въ окружномъ судѣ или даже въ судебной палатѣ, повѣрилъ ли бы братъ вашъ этому? Подобно должно разсуждать и о томъ, что невозможно имѣть духа Христова тому, кто не имѣетъ правильнаго и истиннаго вѣдѣнiя догматовъ

вѣры христіанской. По недосугу и по слабому здоровью болѣе писать не имѣю возможности. А вкратцѣ скажу: если братъ вашъ искренній и добросовѣстный человѣкъ, какъ вы пишете, то пусть съ вѣрою помолится Господу нашему Иисусу Христу, чтобы вразумилъ его въ истинѣ, и послѣ пусть прочтетъ также съ вѣрою «Православное Исповѣданіе» Петра Могилы (книга эта есть въ Задонской книжной лавкѣ, а если не найдется, то я могу вамъ выслать). Какъ Всеблагій Господь устроить о вашемъ братѣ, такъ пусть и да будетъ. *Хощетъ бо Господь всѣмъ спастися и въ разумъ истины пріити*».

Одному студенту-филологу, обратившемуся къ о. Амвросію со своими недоумѣніями, Старецъ писалъ (1871 г.): «Вы пишете, что, сознательно вѣря въ бытіе Божіе, вы доходите почти до убѣжденія, что представленіе Его въ трехъ Лицахъ и раздѣленіе небесныхъ силъ на чины есть не что иное, какъ идеаль государства.

Такое понятіе ваше весьма невѣрно и далеко отстоять отъ истины, особенно по причинѣ какого-то смѣшенія Божества съ тварями, отъ Него созданными. Иное есть Единый Богъ въ трехъ Лицахъ, и иное девять чинъ ангельскихъ, отъ Него созданныхъ, и, наконецъ, совсѣмъ иное – государства земныя и человѣческія. Тріединый Богъ невидимъ и непостижимъ для твари, даже для Ангеловъ, колыми паче для человѣковъ. Отчасти же вѣдомъ по откровенію, сперва черезъ пророковъ, вѣщавшихъ Духомъ Святымъ, а потомъ черезъ Единороднаго Сына Божія, вочеловѣчшагося, какъ говорить св. евангелистъ Іоаннъ Богословъ: *Бога никтоже видѣ*

нигдѣ же, Единородный Сынъ, сый въ лонѣ Отчи, Той исповѣда. Какъ Единый Богъ есть въ трехъ Лицахъ, тому малое подобіе видимъ въ трисолнечномъ свѣтѣ. Иное есть самое солнце, и иное – раждающійся отъ него свѣтъ, и иное – исходящіе отъ солнца лучи. Все это одного существа и нераздѣльно, и съ тѣмъ вмѣстѣ тройственно. Второе подобіе видимъ въ душѣ человѣка. Иное есть умъ въ человѣкѣ, и иное есть внутреннее слово, отъ ума раждающееся, которое передается другому и въ то же время остается внутри насъ, и иное есть духъ, оживляющій человѣка и вѣдушій тайны его, по сказанному: *никтоже вѣсть, яже въ чловѣцѣ, точію духъ чловѣка живущій въ немъ; якоже и Божіе никтоже вѣсть, точію Духъ Божій.* Все это составляетъ одно разумное существо человѣка, и вмѣстѣ съ тѣмъ есть тройственно. О Богѣ Единомъ и вмѣстѣ Тріединомъ твари, особенно люди, могутъ дѣлать только такое заключеніе. Все видимое отъ Невидимаго. Все вещественное отъ Невещественнаго. Все, имѣющее начало, отъ Безначальнаго. Все, имѣющее конецъ, отъ Безконечнаго. Все временное отъ Вѣчнаго. Все, имѣющее предѣлъ, отъ Безпредѣльнаго. Все измѣримое отъ неизмѣримаго. Все постижимое отъ непостижимаго. Нѣкоторые изъ св. Отцовъ любуемудрствуютъ, что сперва были созданы десять чиновъ ангельскихъ... Но десятый чинъ палъ; осталось только девять чиновъ ангельскихъ, по подобію которыхъ существуетъ на землѣ не идеальное какое-либо государство человѣческое, а единая истинная Вселенская Церковь, основанная Сыномъ Божиимъ. Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ и искупленная

дражайшею Его Божественною кровію... Что же касается до государствъ человѣческихъ, то они нисколько не относятся ни къ іерархіи небесной, ни даже къ земной, потому что единая, истинная Церковь не ограничивается никакимъ государствомъ, а существуетъ по всей вселенной, имѣя членами своими истинно вѣрующихъ и истинно благочестивыхъ христіанъ. Для Бога все равно, въ какомъ бы человѣкъ государствѣ ни жилъ, только былъ бы истинно вѣрующимъ и благочестивымъ христіаниномъ. «Единъ благоугождай Богу паче тысящъ нечестивыхъ» – какъ говорить св. Златоустъ. Правда и неоспоримо, что не только Богу пріятно, но и всѣмъ благочестивымъ, если цѣлое государство будетъ процвѣтать благочестіемъ и истинными понятиями о вѣрѣ. Но что же дѣлать, когда пришло такое время, что многіе заботятся о суетномъ, оставляя единое на потребу».

О театрѣ о. Амвросій высказывался слѣдующимъ образомъ: «Вашъ Н. единственною истинною школою нравственности признаетъ театр. А зачѣмъ же самъ онъ ходитъ въ храмъ Божій причащаться Св. Христовыхъ Таинъ? Стало быть – театръ не единственная школа нравственности... Да и нельзя отдавать театру особенное преимущество въ нравственномъ воспитаніи людей. Возьмите для примѣра двѣ картины, – одну духовнаго содержанія, напримеръ распятіе Господа нашего Іисуса Христа, претерпѣвшаго ужаснѣйшія страданія и самую поносную смерть для спасенія погибшаго рода человѣческаго; а другую картину свѣтскую, изъ народной жизни, на примѣръ: какъ разсорились и разошлись мужъ съ женою. Пусть Н. вашъ скажетъ по со-

вѣсти, какая картина будетъ имѣть болѣе благотворное вліяніе на нравственность человѣка. Если у него вкусъ въ отношеніи къ предметамъ нравственности еще не совсѣмъ испорченъ, то, безъ сомнѣнія, онъ долженъ отдать преимущество картинѣ, изображающей распятіе Господа нашего за наши грѣхи. А что представляютъ зрителямъ въ театрахъ, какъ не сцены изъ народной жизни. Прибавить къ этому нужно, что сцены эти по временамъ бываютъ очень грязны. Кромѣ того, какая обстановка въ театрѣ? Свѣтская музыка, не дающая возникнуть въ душѣ человѣка ни одной духовной мысли, ни одному духовному чувству. А эти разсѣянные лица зрителей, переглядывающихся, смѣющихся, иногда пересмѣивающихся другъ друга, а при нѣкоторыхъ сценическихъ представленіяхъ приходящихъ въ негодованіе, выражающееся въ бурныхъ крикахъ, или увлекающихся сладострастными чувствами, сопровождающимися неумолкаемымъ смѣхомъ и азартными рукоплесканіями и прочимъ? Это ли школа нравственности? Наоборотъ, эта школа безнравственности, способная заморить въ душѣ человѣка послѣдніе остатки доброй нравственности, если она въ немъ есть. Оттого теперь и появляются люди, подобные вашему N. – спорливые, упорные, раздражительные – что они учатся нравственности въ театрахъ. Приходилось слышать, что нѣкоторые называютъ театръ порогомъ Церкви. Пожалуй, съ этимъ можно согласиться, что театръ есть порогъ Церкви, только съ задняго крыльца»²⁷.

²⁷ Все письмо очень интересно.

Старца спрашивали, можно ли молиться за казненных государственных преступников? Отец Амвросій, по поводу смерти Каракозова, отвѣтилъ слѣдующее: «Если онъ нелицемѣрно раскаялся и принесъ предъ Господомъ и предъ духовникомъ искреннее сознание и исповѣданіе всѣхъ своихъ согрѣшеній, то справедливо слово Г. А. П., что безъ сомнѣнія можно его поминать, какъ бы его ни похоронили. Вся важность не въ образѣ погребенія, а въ томъ, съ какимъ душевнымъ настроеніемъ отошелъ онъ изъ сей жизни. Если онъ только для виду и изъ какихъ-либо человѣческихъ предположеній принесъ только наружное раскаяніе, то какая ему будетъ польза отъ церковнаго поминовенія. Но намъ совершенно неизвѣстно, раскаялся ли онъ искренно, или нѣтъ, и даже приобщался ли; пусть разужнають тѣ, кто объ этомъ заботится, а потомъ пусть поступаютъ сообразно съ тѣмъ, что узнають. А что онъ лишень погребенія и что получилъ конецъ такою позорною смертію и подобное – все это, при искреннемъ раскаяніи, можетъ послужить ему къ облегченію тяжелой вины преступленія; другимъ же послужить это къ вразумленію, чтобы такъ не забывались и такъ далеко не простирали своей дерзости. Господь всеблагій волею и неволею да вразумитъ насъ всѣхъ и ими же вѣсть судьбами да помилуетъ произволяющихъ».

О власти злыхъ духовъ надъ людьми о. Амвросій писалъ: «Бѣсы имѣють свойство сперва омрачить умъ, а потомъ коснуться сердца, и уже тогда обладаютъ всѣмъ тѣломъ, какъ хищные звѣри, прежде изъ головы высасываютъ кровь, а потомъ жрутъ все тѣло».

Подробнѣ о власти злыхъ духовъ надъ людьми о. Амвросій пишетъ въ слѣдующемъ письмѣ:

«Простите, что по немощи и недосугу до сихъ поръ не могъ отвѣчать вамъ на ваше письмо отъ 3-го іюня.

Вы спрашиваете: «Неужели по желанію, или какъ будто по прихоти какой-нибудь бабы, можетъ бѣсъ взойти въ человѣка и въ кого она захочетъ». Изъ приводимаго вами самими примѣра о свиньяхъ (Лк. 8, 32) видно, что совершенно ошибочно полагать, будто по одному желанію злого человѣка кто-либо можетъ подвергнуться вражьему дѣйствію. – Дѣйствію сему подвергаются лишь тѣ, кому попустить Богъ, а Богъ попускаетъ не просто, но за разные грѣхи: за гордость, за злобу и вражду, за нечистое житіе, какъ сказано и въ письмѣ блаженнаго старца Макарія. Какъ Господь дозволилъ бѣсамъ взойти въ свиней, такъ Онъ попускаетъ иногда вражеской силѣ простираться на тѣхъ, кто проводитъ свинское житіе или порабощенъ другими страстями. А кто какъ должно проводить христіанское житіе, по евангельскимъ заповѣдямъ Божиимъ, на того ни злая старухи, ни самые бѣсы не могутъ имѣть вліянія, по сказанному: *на аспида и василиска наступиши и попереши льва и змія; и аще что и смертное испіють не вредитъ ихъ*. – Далѣе пишете: «Неужели крещеніе, пріобщеніе Таинъ Святыхъ и вообще все освященіе, получаемое нами отъ разныхъ таинствъ, безсильно защититъ насъ отъ подобныхъ дѣйствій». Таинства сіи не только не защищаютъ насъ, если мы недостойно пріобщаемся ихъ, но даютъ вражьей силѣ еще болѣе доступа къ намъ, какъ видно на примѣрѣ Іуды, который, имѣя злоумыш-

леніе предательства, недостойно приобщился св. Вечери; и потому сказано въ Евангеліи: *и по хлѣбъ вниде въ онъ сатана*. – Пишете еще: «Кажется, Церковь наша запрещаетъ, и не только запрещаетъ, но и учить насъ не вѣрить во всякаго рода гаданія, волшебства, приговоры и прочее» – Церковь запрещаетъ прибѣгать къ симъ дѣйствіямъ; но изъ того самаго, что запрещаетъ, видно, что признаетъ ихъ возможность и дѣйствительность. Церковь повелѣваетъ только не вѣрить въ различные суевѣрія, например, примѣты, замѣчанія, различіе дней и подобное. – Спрашиваете: «Почему эти тайны не извѣстны людямъ ученымъ? Вѣдь они еще болѣе могли бы зла надѣлать». Очень извѣстны. Что такое распространенные теперь между образованными людьми спириты и все подобное, какъ не такое же обольщеніе вражіе? Поль-Америки въ настоящее время занимаются этимъ. Сколько пасторовъ въ Голландіи отъ этого помѣшалось? Сколькихъ увлекъ въ Петербургъ магъ Юмъ? И развѣ не по внушенію бѣсовъ люди ученые потрясаютъ въ цѣлыхъ поколѣніяхъ вѣру и добрую нравственность. Чрезъ невѣжественныхъ людей діаволь дѣйствуетъ но невѣжественному и суевѣрному, а чрезъ ученыхъ – по ученому. – Развѣ мало зла надѣлалъ Вольтеръ, распространяя ядъ невѣрія и безбожія, по внушенію бѣса? И что такое вольнодумство и всякіе вымыслы, которыми люди отводятся отъ Бога и Церкви Божіей, какъ не изобрѣтеніе и не внушеніе бѣса? Также и въ дѣйствіяхъ нѣкоторыхъ изъ такъ называемыхъ фокусниковъ сколько есть такого, чего никакъ нельзя объяснить простою ловкостью или обманомъ, и что сами они приписыва-

ють это магіи. Это то же самое, что колдовство въ простомъ народѣ, но тамъ оно обращено на суевѣріе или грубую зловредность, а здѣсь на пріобрѣтеніе денегъ и тонкую зловредность. – Пишете: «Ежели Господу угодно наказать такимъ несчастіемъ, то для чего Ему употреблять орудіемъ такихъ колдуній, и будто безъ нихъ обойтись Онъ не можетъ?» Господь не стѣсняетъ самовластія людей и попускаетъ иногда злымъ людямъ, при содѣйствіи вражеской силы, сотворить зло, когда хочетъ наказъть другихъ; и къ чему же Ему употреблять иныя средства, когда есть на то готовыя орудія? Это видно изъ словъ апостола Павла: *аще неправда наша правду Божию составляетъ, еда неправеденъ Богъ наводяй гнѣвъ?* – Еще пишете: «Законъ Петра I не признаетъ порчи, и, вѣроятно, онъ былъ согласованъ съ Св. Синодомъ». Вѣрно, не былъ согласованъ, – а то бы этого не было. – Далѣе удивляетесь, отъ чего священникъ изъ одной изъ своихъ дочерей не могъ изгнать бѣса, между темъ какъ привозимыхъ къ нему бѣсноватыхъ онъ отчитывалъ всѣхъ почти. Всѣхъ почти – значить не всѣхъ, и, стало быть, причина въ тѣхъ, кого не можетъ отчитывать. – Наконецъ спрашиваете: «Отчего же не всякій священникъ отчитываетъ бѣсноватыхъ?» – Власть дана всѣмъ, а чтобы пользоваться ею, надо имѣть твердую вѣру и благочестивую жизнь, и особое произволеніе.

Желаю вамъ имѣть разумъ евангельски-православный».

Будучи ревностнымъ защитникомъ Православія, отецъ Амвросій еще при жизни старца Макарія написалъ нѣсколько статей и писемъ, заключающихъ въ себѣ

подробное и ясное обличеніе заблужденій лютеранства и папизма.

И когда къ нему обращались за совѣтами лица ино-славныхъ исповѣданій, что бывало нерѣдко, Старець, разрѣшивъ съ любовью ихъ недоумѣнія, всегда указы-валъ имъ ошибочность ихъ исповѣданія и имѣлъ ра-дость многихъ обратить къ Православной Церкви.

Одна француженка-католичка писала о. Амвросію слѣдующее: «Многоуважаемый и добрый отецъ! Простите мою смѣлость, что я рѣшаюсь написать вамъ нѣсколько строкъ. Я слышала объ васъ, что вы истинный человѣкъ Божій, и потому я позволяю себѣ испросить чрезъ это письмо вашихъ добрыхъ совѣтовъ, въ кото-рыхъ я очень нуждаюсь. Бѣсъ гордости владѣетъ мною въ такой степени, что не даетъ мнѣ исполнять обязан-ность, какъ слѣдуетъ. Что должна я дѣлать, чтобы отъ него избавиться? Нѣсколько лѣтъ тому я была опасно больна, и тогда я обѣщала Богу, что, если Онъ сохра-нить мнѣ жизнь и возвратитъ мнѣ здоровье, я буду ве-сти себя такъ, чтобы Господь могъ забыть прошедшіе мои грѣхи. Но уввы! этого обѣщанія, даннаго мною тог-да на смертномъ одрѣ, я не сдержала. Господь сохра-нилъ жизнь, а я, вмѣсто воздаянія, сдѣлалась еще хуже, чѣмъ прежде; и потому Богъ меня наказываетъ и по-ражаетъ меня въ томъ, что мнѣ дороже всего. У меня жилъ другъ, очень дорогой мнѣ; онъ былъ католи-ческій священникъ. И Богъ, который даровалъ мнѣ это-го друга, отнялъ его у меня; онъ умеръ отъ чахотки въ Неаполѣ, – и упреки совѣсти меня преслѣдуютъ. Я не знаю, какая причина его болѣзни, потому что онъ ни-

чего не открылъ мнѣ объ этомъ. Не перехвачены ли были письма мои къ нему? Или не сердился ли онъ на меня? Почему онъ мнѣ ничего не открылъ (о своей болѣзни)? Вотъ вопросъ, который я постоянно предлагаю себѣ, и который меня непрестанно мучить. Иногда я боюсь, что сойду съ ума; потому что какой-то голосъ мнѣ говорить, что онъ мнѣ писалъ. Но гдѣ его письма? Отъ кого ихъ требовать? – Потомъ другая мысль мнѣ приходитъ: не я ли причина его смерти? Не понесъ ли онъ наказаніе за свою вину? Зачѣмъ я его мучила своими письмами? Зачѣмъ бѣсъ избралъ меня, чтобы искушать его? И почему я столько страдала и еще страдаю за него, – почему я рѣшительно не хочу забыть его? – Отецъ мой, помогите мнѣ, дайте мнѣ совѣты, что мнѣ дѣлать? Я желаю умереть, чтобы свидѣться съ нимъ. Въ жизни нѣтъ ничего привлекательного для меня; а я виновна, я очень дурна и не могу явиться предъ Богомъ, ибо я была бы осуждена, и боюсь, что уже проклята. Мученія, которыя я испытываю, имѣютъ свою причину. Почему Богъ посылаетъ мнѣ ихъ? Чтобы я принесла покаяніе, а въ моемъ положеніи это очень трудно. Въ моей должности требуется, чтобы я была здорова, чтобы я была весела. Что я должна дѣлать? Скажите мнѣ. Простите, что я васъ прошу отвѣтить по прилагаемому адресу. Если вы не сочтете меня недостойною вашего отвѣта, то прошу васъ, отвѣтите мнѣ. Если не получу отъ васъ отвѣта, я буду думать, что и вы меня осуждаете».

На этотъ вопль больной, грѣшной и измученной души о. Амвросій отвѣчалъ слѣдующимъ, полнымъ дели-

катности и христiанской любви, письмомъ: «Получилъ я отъ васъ письмо въ декабрѣ прошлаго года, и не мало удивился тому, что вы, не зная меня, отнесли ко мнѣ письменно съ такимъ довѣріемъ. Если вы Бога ради отнесли довѣрчиво ко мнѣ, недостойному, то никакъ не могу оставить безъ отвѣта письма вашего. Но только прежде буду отвѣчать на второй вашъ вопросъ, а на первый, т. е. о гордости, буду отвѣчать послѣ.

Вы пишете, что имѣли друга, который умеръ отъ чахотки. Васъ теперь мучать различные помыслы, сомнѣнія и недоумѣнія: не были ли вы причиною его смерти, потому что мучили его своими письмами, на которыя онъ не отвѣчалъ.

На это я скажу вамъ, что человѣка письмами умирить нельзя. А что онъ не отвѣчалъ вамъ, на это можетъ быть очень простая причина: или не хотѣлъ васъ огорчить извѣстіемъ о своей болѣзни, или надѣялся скоро выздороветь, и тогда вамъ отписать, какъ всѣ чахоточные думаютъ и питаютъ такую надежду. Еще пишете: не понесъ ли онъ наказаніе за свою вину? Если у васъ вина была общая, то вамъ слѣдуетъ принести и покаяніе, и молиться милосердому Господу, чтобы Онъ простилъ эту вину и вамъ и другу вашему; потому что Сынъ Божій во плоти пришелъ на землю для того, чтобы призвать не праведниковъ, но грѣшниковъ на покаяніе. Пишете также, что хотя все страдаю, но друга своего забыть не могу. Такъ бываетъ со всѣми, когда кто любить другого любовью не по Богу, а любовью человѣческою. Впрочемъ, если вы будете поминать друга своего, какъ выше сказано, т. е. съ мыслью покаянія

предъ Богомъ, тогда такое памятованіе будетъ полезно ему и вамъ. Къ такой мысли покаянія обязываетъ васъ и прежде данное вами обѣщаніе исправить жизнь свою и вести оную такъ, какъ было бы угодно Богу. Но вы пишете, что будто бы настоящая ваша должность препятствуетъ такому настроенію духа, такъ какъ она требуетъ здоровья и веселости. Ни внѣшняя веселость, ни тѣлесное здоровье не могутъ препятствовать мысли покаянія, которое хотя и требуетъ внутренняго и духовнаго сѣтованія, но это сѣтованіе можетъ растворяться нѣкоторой радостью, какъ пишетъ апостоль Павелъ: *ко всѣмъ долготерпите, всегда радуйтесь, непрестанно молитесь и о всемъ благодарите. Сія бо есть воля Божія*. Слово апостола показываетъ, что не одни праведные, но и согрѣшившіе могутъ радоваться въ нѣкоторой степени при той мысли, что милосердый Господь даровалъ имъ средство къ полученію милости Божіей вѣчной; и это средство состоитъ въ искреннемъ раскаяніи и въ сильномъ исправленіи своей жизни.

Теперь скажу и о первомъ вашемъ вопросѣ. Вы пишете: «Бѣсъ гордости владѣетъ мною въ такой степени, что онъ не даетъ мнѣ исполнять обязанность мою, какъ слѣдуетъ. Что должна я дѣлать, чтобы отъ него избавиться». На это долженъ я вамъ сказать слово, не всѣми удобопріемлемое, а только истинно благопроизволяющими и искренно ищущими истины и пути истиннаго. И скажу не отъ себя, а какъ пишетъ древній святой отецъ, св. Іоаннъ Лѣствичникъ: что гордость побѣждается смиреніемъ, а добродѣтель смиренія принадлежитъ не всѣмъ людямъ разныхъ вѣроисповѣданій, а

только правовѣрующимъ. Правое же и истинное вѣроисповѣданіе одно, какъ свидѣтельствуеъ св. апостоль Павелъ: *единъ Богъ и едина вѣра*. Слова апостола показываютъ: какъ единъ истинный Богъ, такъ и истинное вѣроисповѣданіе одно, а не многія, въ которыя много привнесено человѣческихъ мнѣній, кромѣ Божественной истины. Вотъ, на примѣръ, въ Евангеліи Самъ Господь говоритъ о Св. Духѣ, что онъ отъ Отца исходитъ, а въ вашей римской церкви, по человѣческому умозаключенію, прибавлено слово: и отъ Сына. Еще Господь говоритъ о св. тайнѣ пріобщенія Кровію Его: *пійте отъ нея вси*. Въ римской же вашей церкви только духовенство присвоило себѣ право пріобщаться Кровію Христовою; а мірянъ пріобщаетъ только однимъ Тѣломъ Христовымъ, говоря въ свое оправданіе мірянамъ, что гдѣ тѣло, тамъ и кровь. Вотъ я вамъ указалъ двѣ неправильности римской церкви, первостоятель которой допустилъ по славолюбію и третью неправильность, присвоая себѣ первенство предъ другими патріархами этой Церкви Христовой. А допуская славолюбіе, мудро и неудобно, и даже невозможно, бороться со страстью гордости. По этой причинѣ предлагаю вамъ разсмотрѣть ученіе, правила и обряды Православной Церкви, которая неизмѣнно соблюдаетъ первоначальное христіанское ученіе, получивши свое начало отъ Іерусалима, гдѣ распятъ былъ Господь и откуда апостолы начали свою проповѣдь. Что вы скажете на мое предложеніе? Отвѣчайте искренно».

Другому католику, сенатору, о. Амвросій писалъ: «Простите меня великодушно, что, получивъ отъ васъ,

через нашего о. игумена, десять рублей для бѣдныхъ, въ свое время не увѣдомилъ васъ и не поблагодарилъ. Получивши еще отъ васъ двадцать пять рублей (десять рублей отъ брата вашего для бѣдныхъ, пятнадцать отъ васъ на мое грѣшное благоусмотрѣніе), приношу обоимъ вамъ искреннее благодареніе за усердіе ваше съ приложеніемъ псаломскаго слова: блаженъ разумѣвая на нища и убога, въ день лютей избавить его Господь (Пс. 40, 2). Также благодарю васъ за присылку мнѣ, грѣшному, Библии въ прекрасномъ переплетѣ и въ маломъ форматѣ. При полученіи этой книги мнѣ пришла такая мысль: Библія одна, а смыслъ оной понимаютъ въ разныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданіяхъ различно. Отъ чего произошла такая разность? Причина этому слѣдующая. Восточная Православная Церковь принимаетъ во всей полнотѣ какъ ветхозавѣтное, такъ и христіанское вѣроученіе, послѣдуя словамъ Самого Господа, рекшаго къ апостоламъ: *шедше убо научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще ихъ блюсти вся, елика заповѣдахъ вамъ* (Мѡ. 28, 19–20). Другія же вѣроисповѣданія не считаютъ обязательнымъ исполнять все, а составили себѣ вѣроученіе по выбору: что имъ нравится – принимаютъ, а что имъ не нравится – отвергаютъ. Отъ такого выбора произошли различныя ереси. Ересь происходитъ отъ греческаго слова αἱρέω – выбираю.

Разнымъ европейскимъ вѣроисповѣданіямъ первый поводъ подала западная римская церковь, къ евангельскому слову Самого Господа приложивъ, по человѣческой логикѣ, прибавленіе, что Духъ Святой исходитъ и

отъ Сына. За прибавленіемъ неминуемо послѣдовало и убавленіе по выбору, вопреки слова Самого Господа, глаголющаго: *прейдесть небо и земля, іота едина, или едина черта не прейдесть отъ закона, чтобы не исполнилось все* (Ср.: Мѡ. 5, 18). Вотъ что, при полученіи отъ васъ Библіи, пришло мнѣ въ голову, то вамъ и написалъ. Простите, если написалъ я не у мѣста и безъ надобности. Св. Іоаннъ Лѣствичникъ пишетъ: «Передъ мудрыми не мудри».

Отъ переписки о. Амвросія со свѣтскими лицами обратимся къ перепискѣ его съ монашествующими. Впрочемъ, ввиду ея болѣе спеціальнаго характера, мы коснемся ея вкратцѣ.

Отецъ Амвросій имѣлъ обыкновеніе къ великимъ праздникамъ Рождества Христова и Свѣтлаго Христова Воскресенія разсылать своимъ духовнымъ дѣтямъ, главнымъ образомъ, монахинямъ, краткія поздравленія съ наступающимъ праздникомъ. Когда число духовныхъ дѣтей значительно возросло, а болѣзненность и слабость Старца увеличились, онъ вынужденъ былъ замѣнить эти частныя, отдѣльныя поздравленія общими поздравительными письмами, которыя и разсылались по всѣмъ относившимся къ о. Амвросію обителямъ. Такія общія поздравленія начались съ 1870 года и продолжались до самой кончины Старца, причемъ они получили характеръ глубокосодержательныхъ бесѣдъ о смыслѣ наступающаго праздника или заключали въ себѣ разъясненія тѣхъ или другихъ не совсѣмъ ясныхъ церковныхъ пѣснопѣній и мѣстъ Священнаго Писанія, а иногда являлись нравственными наставленіями, ка-

сающимися преимущественно монашеских добродѣтелей – смиренія, послушанія и другихъ.

Такъ, къ Рождеству 1870 года Старецъ писалъ своимъ духовнымъ дѣтямъ о высокомъ смыслѣ Боговоплощенія: «Мудрствующимъ о Господѣ. Милостію и долготерпѣніемъ Божиимъ паки и паки достигаемъ времени ежегоднаго празднованія Рождества Христова.

Вмѣсто простого обычнаго поздравленія хочу вамъ сказать нѣсколько словъ о великомъ таинствѣ великаго сего праздника. Церковь въ пѣсняхъ своихъ уже призываетъ вѣрныхъ высокими умы созерцать «Странствіе Владычне и очищенными сердцами таинственно насладиться безсмертныя трапезы во убозѣмъ вертепѣ: како вездѣ Сущій, преклонивъ небеса, сниде на землю, не оставль нѣдръ Отеческихъ; како Невидимый видимъ бысть; како Собезначальное Слово и Соприсносущный Сынъ Божій Сынъ Дѣвы бываетъ; како Предвѣчный и въ вышнихъ Непостижимый отъ Дѣвы рождается днесь, яко младенецъ; како Непрístupный всѣмъ днесь, яко младенецъ, объемлетъ матерними дѣвическими руками; како Покрывая облаками небо днесь, яко младенецъ, пеленами повивается; како вся премудростію Сотворивый днесь, яко повитый младенецъ, въ яслѣхъ скотіихъ полагается, да безсловесія избавить человѣки; како Питай всяческая днесь, яко младенецъ, млеко матернимъ питается. О, таинства страшнаго! О, вещи непостижимыя! Како Богъ непреложно человѣкъ бываетъ, да богомъ человѣка содѣлаетъ, предлагаемый пророкомъ: Азь рѣхъ, бози есте вы, и сынова Вышняго вси! Но, о окаянства нашего! Мы же, яко человѣцы,

умираемъ». О, суетства нашего и нерадѣнія о Божественномъ всыновленіи! Возлюбихомъ паче рабство страстей и злаго ради произволенія нашего, волею и неволею подклоняемъ выю игу сопротивнаго. О, ослѣпленія нашего и омраченія! Блаженны ушеса пастырей оныхъ, слышавшихъ, како на воздухѣ Ангелы, воспѣвая славу Богу въ вышнихъ, благовѣствовали миръ землѣ и Божіе благоволеніе челоѡкамъ. Блаженны ихъ очеса, видѣвшія, яко агнца непорочна, во чревѣ Маріинѣ упасшагося. Блаженны и всѣ тѣ, которые сподобляются Божія благоволенія и мира, всякъ умъ превосходящаго. Блаженны и премудрые волхвы, пришедшіе отъ далекихъ странъ поклониться Рождшемуся отъ Дѣвы, принеся Ему достойные дары: злато, яко Царю, ливанъ, яко Богу, и смирну, яко Мертвецу безсмертному. Блаженны и всѣ, достойно поклоняющіеся Ему духомъ и истиною, принося Ему дары, кійждо по силѣ своей: овъ, яко злато, праведныя лепты милосердія, овъ, яко ливанъ и благовонное кадило – славословіе и чистыя молитвы покаянія и исповѣданія; овъ же, яко благоуханную смирну – благодарное воспоминаніе страданій и благоговѣйное поклоненіе животворящимъ язвамъ Вочеловѣчащагося и плотию Распеншагося за спасеніе наше. Но что сотворимъ мы, унылые и нечувственные, отъ нихъ же первый есмь азъ, не могуще возвышеннымъ отъ земли умомъ и очищеннымъ сердцемъ насладиться безсмертныя сея трапезы во убожѣмъ вертепѣ. Смираясь и зазирая себя, да внемлемъ усердно съ благоговѣніемъ чтенію и пѣнію церковному и отъ нихъ, яко отъ источника жизни и безсмертія, да почерпаемъ себѣ утѣшеніе

и вразумленіе, и спасеніе, милостію и неизреченнымъ челоѡколюбіемъ Воплотившагося насъ ради Сына Божія, Ему же подобаеѡ слава и держава, честь и поклоненіе, со безначальнымъ Его Отцемъ и пресвятымъ и благимъ и животворящимъ Духомъ нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь. Неизреченно Родивыйся отъ Дѣвы, помилуй насъ студныхъ за молитвы Пречистыя Твоя Матери и всѣхъ благоугодившихъ Тебѣ!»

Къ Пасхѣ слѣдующаго 1871 года Старецъ разослалъ своимъ духовнымъ дѣтямъ посланіе, въ которомъ разъяснялъ духовный смыслъ пасхальныхъ священнодѣйствій:

«Мудрствующимъ о Господѣ! Къ празднику Рождества Христова вмѣсто обычнаго поздравленія писалъ я Вамъ о великомъ таинствѣ великаго сего праздника. Желалъ бы и теперь сказать вамъ что-нибудь о таинственномъ значеніи торжества христіанскихъ торжествъ, т. е. праздника Воскресенія Христова. Но по слабости болѣзненной не имѣю къ тому ни силъ, ни возможности. Развѣ только скажу вкратцѣ, что ежегодное торжественное празднованіе Свѣтлаго Праздника Воскресенія Христова, кромѣ собственнаго значенія, служить вмѣстѣ для насъ и напоминаніемъ всеобщаго и всемірнаго воскресенія, что особенно видно изъ знаменательныхъ дѣйствій пасхальной утрени.

Первое. Въ свѣтоносную ночь, послѣ прочтенія полуношницы, бываетъ торжественное исхожденіе и обхожденіе храма священнослужителями и всѣми вѣрными съ возженными свѣщами при несеніи креста, и святыхъ иконъ, и звонѣ колоколовъ. Явно, что это цер-

ковное дѣйствіе прямо указываетъ на Евангельскую притчу о десяти дѣвахъ, въ полунощи возбужденныхъ воплемъ: *Се, женихъ грядетъ, исходите въ срътеніе его! Тогда восташа вся дѣвы тыя и украсиша свѣтильники своя, и изыдоша въ срътеніе жениху (Мѡ. 25, 6–7).* Дѣвы эти – души вѣрующихъ. Женихъ – Христосъ. Ночь – жизнь вѣка сего. Свѣтильники – вѣра и добрыя дѣла. Какъ Евангельская притча, такъ и торжественное обхожденіе храма вѣрующими при звонѣ колоколовъ не изображаютъ ли всеобщее воскресеніе при концѣ міра, когда гласъ трубы архангельской возбудитъ всѣхъ мертвыхъ, и вѣрующіе въ Господа, подобно евангельскимъ дѣвамъ, изыдутъ въ срътеніе Ему со свѣтильники своими, каждый по достоинству своему.

Второе. Когда совершается это торжественное шествіе около храма, двери церковныя затворяются. Вѣрные, идуще, видятъ въ храмѣ свѣтъ, а на пути предъ собою и около себя непроницаемый мракъ, и тако приходятъ въ преддверіе храма къ затвореннымъ дверямъ. Не означаетъ ли симъ, что всѣ воскресшіе во всемірное воскресеніе издали узрятъ чертогъ небесной Славы, но не всѣ внидутъ въ оный, а только одни достойные, у которыхъ свѣтильники, какъ у мудрыхъ дѣвъ, не угаснутъ въ срътеніи Жениха-Христа. Остальные же, у которыхъ, какъ у юродивыхъ дѣвъ, свѣтильники угаснутъ, тщетно будутъ повторять начало церковнаго стиха: *Чертогъ Твой вижду, Спасе мой, украшенный и одежды не имамъ, да вниду въ онь.*

Третье. Въ преддверіи храма, предъ затвореннымъ онаго входомъ, первенствующій служащій, сотворивъ

обычное пасхальное начало прославлениєм Святыя Троицы и пѣніемъ: Христось Воскресе, съ крестомъ въ рукахъ, отверзаетъ двери церковныя и первый входитъ во храмъ, а за нимъ входятъ безразлично и всѣ прочіе христіане, поюще радостную церковную пѣснь: Христось воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ. Повторяя оную многократно, прилагаютъ и другія всерадостныя пѣснопѣнія: *Воскресенія день, просвьтимся, людіе! Пасха, Господня Пасха! Отъ смерти бо къ жизни, и отъ земли къ небеси Христось Богъ насъ приведе побѣдную поющія* и т. д. Не слышно уже обычнаго чтенія, возбуждающаго духъ сокрушенія, а слышно одно лишь непрерывное сладкопѣніе, возбуждающее во всѣхъ радование. Непрестанно являются служители алтаря въ блистающихъ одеждахъ, непрестанно зримъ Крестъ Христовъ и покланяемся сему знаменію спасенія нашего, непрестанно осѣняемся куреніемъ священнаго фиміама; у всѣхъ въ рукахъ возженныя свѣщи; въ устахъ же у всѣхъ и служащихъ, и поющихъ, и предстоящихъ, только и слышится радостное: Христось Воскресе!

Такъ празднуется временная Пасха Христова на землѣ, и къ сему празднованію допускаются всѣ христіане, достойные и недостойные, потому что настоящая жизнь подлежить измѣненію: нерѣдко достойные дѣлаются недостойными, и наоборотъ – недостойные дѣлаются достойными, что явно оказалось на Іудѣ и разбойникѣ. Первый былъ въ ликѣ избранныхъ дванадесяти Апостоловъ Христовыхъ, три лѣта послѣдовалъ за Христомъ,

слушая непрестанно учение Его, и имѣлъ дарованіе изгонять бѣсовъ и исцѣлять многоразличныя болѣзни. Но, наконецъ, обезумѣвши отъ нерадѣнія и сребролюбія, предалъ Христа и погибъ вѣчно. Послѣдній же болѣе 30 лѣтъ былъ въ шайкѣ закоренѣлыхъ разбойниковъ, но, вразумившись на крестѣ, исповѣдалъ волею Распещнаго Сына Божія Господомъ и Царемъ и первый вошелъ въ рай. Примѣры эти да содержимъ всегда въ памяти, чтобы воздержать себя отъ грѣха осужденія, хотя бы мы видѣли кого-либо и при концѣ жизни грѣшащимъ, какъ убѣждаетъ насъ св. Іоаннъ Лѣствичникъ.

Но иной будетъ порядокъ празднованія на небеси Пасхи вѣчной послѣ всеобщаго воскресенія и суда. Къ празднованію оной допустятся только одни избранные, достойные. И кто единожды допущенъ будетъ въ чертогъ небесный къ празднованію Пасхи вѣчной, тотъ вѣчно и останется въ ликѣ празднующихъ оную, во гласѣ радованія. Кто же окажется недостойнымъ участія въ этомъ празднованіи, тотъ уже пребудетъ въ вѣчномъ лишеніи и вѣчномъ отчужденіи.

Но теперь неблаговременно говорить подробно о горькой участи послѣднихъ по причинѣ всерадостнаго праздника. А скажемъ только одно, что всѣ мы, христіане, пока живы, должны быть осторожны и внимательны къ своему спасенію. И мнящіеся изъ насъ стоять, по слову апостольскому, да блюдутся, да не падутъ, памятуя всегда ужасающій примѣръ погибшаго Іуды. Немошныя же изъ насъ и падающіе да возбуждаются надеждою исправленія, видя утѣшительный примѣръ разумнаго разбойника, наслѣдовавшаго рай.

О, Пасха, велія и священнѣйшая Христе! О, мудросте и Слове Божій, и сило! Подавай намъ истѣе Тебе причащатися въ невечернемъ дни Царствія Твоего!»

Въ другомъ родѣ было пасхальное привѣтствіе Старца, разосланное имъ въ 1881 году:

«Сестры о Господѣ и матери! Христось воскресе! Христось воскресе! Христось воскресе! Поздравляю васъ съ свѣтлымъ праздникомъ Воскресенія Христова и сердечно желаю всѣмъ вамъ встрѣтить и провести всерадостное сіе христіанское торжество въ мирѣ и радости, и утѣшеніи духовномъ, если кому не помѣшаетъ несвойственная немощь. Вы спросите, какая же это немощь? Можетъ быть, подумаете, что подъ этимъ разумѣется неисправное проведеніе поста св. Четырехдесятницы. Но св. Златоустъ снисходитъ намъ въ этомъ, говоря: «Постившіися и непостившіися возвеселитесь днесь, воздержницы и лѣнiviи день почитите!» Также, можетъ быть, подумаете, что это относится къ памяти прежнихъ согрѣшеній, которая препятствуетъ радости. Но и объ этомъ онъ же говоритъ: «Никтоже да плачетъ прегрѣшеній, прощеніе бо отъ гроба возсія». Итакъ, спросите, какая же это немощь? Та несвойственная немощь, которая побудила Каина убить незлобиваго Авеля, а іудеевъ побудила распять Христа Спасителя и Избавителя міра.

Сами можете понять, что говорю вамъ о страсти зависти, которая, по Писанію, не вѣсть предпочитати полезная. Страсть зависти ни въ какой радостный праздникъ, ни при какихъ радостныхъ обстоятельствахъ, не даетъ вполнѣ порадоваться тому, къмъ она обладаетъ.

Всегда, какъ червь, точить душу и сердце его смутною печалію, потому что завистливый благополучіе и успѣхи ближняго почитаетъ своимъ несчастіемъ, а оказываемое другимъ предпочтеніе считаетъ для себя несправедливою обидою.

Одинъ греческій царь пожелалъ узнать, кто изъ двухъ хуже, сребролюбецъ или завистливый, потому что оба не желаютъ другимъ добра. Съ этою цѣлью повелѣлъ призвать къ себѣ сребролюбца и завистливаго и говорить имъ: «Просите у меня каждый изъ васъ, что ему угодно; только знайте, что второй получить вдвое, что попросить первый». Сребролюбецъ и завистливый долго препирались, не желая каждый просить прежде, чтобы послѣ получить вдвое. Наконецъ, царь сказалъ завистливому, чтобы онъ просилъ первый. Завистливый, будучи объятъ недоброжелательствомъ къ ближнимъ, вмѣсто полученія обратился къ злоумышленію и говорить царю: «Государь! Прикажи мнѣ выколоть глазъ». Удивленный царь спросилъ, для чего онъ изъявилъ такое желаніе? Завистливый отвѣчалъ: «Для того, чтобы ты, государь, приказалъ товарищу моему выколоть оба глаза».

«Вотъ насколько страсть зависти зловредна и душевредна, но еще и зложелательна. Завистливый готовъ подвергнуть себя вреду, лишь бы только вдвое повредить ближнему. Мы здѣсь выставили самую сильную степень зависти. Но и она, какъ и всѣ другія страсти, имѣетъ разные размѣры и степени, и потому должно стараться подавлять ее и истреблять при первомъ ощущеніи, моляся Всесильному Сердцевѣдцу Богу псалом-

скими словами: *отъ тайныхъ моихъ очисти мя, и отъ чуждыхъ пощади рабу Твою или раба Твоего* (Пс. 18, 13–14). Также со смирениемъ должно исповѣдовать немощь эту предъ духовнымъ отцомъ. А третье средство – всячески стараться не говорить чего-либо противнаго о томъ человѣкѣ, которому завидуемъ. Употребляя эти средства, мы можемъ съ помощію Божіей, хотя не скоро, исцѣлиться отъ завистливой немощи.

Зависть происходитъ отъ гордости и вмѣстѣ отъ нерадѣнія къ исполненію должнаго. Каинъ понерадѣль принести избранную жертву Богу. А когда Богъ за такое нерадѣніе презрѣлъ его жертву, а усердную и избранную жертву Авеля принялъ, тогда онъ, объятый завистью, рѣшился убить и убилъ праведнаго Авеля. Всего лучше, какъ сказано выше, стараться истреблять зависть въ самомъ началѣ смиренною молитвою, смиренною исповѣдію и благоразумнымъ молчаніемъ. Кто съ помощію Божіею возможесть истреблять въ себѣ страсть зависти, тотъ можетъ надѣяться побѣдить и другія страсти, и тогда не только въ Свѣтлый праздникъ Воскресенія Христова и въ другіе христіанскіе праздники онъ можетъ радоваться радостію неизглаголанною, но и въ простые дни всегда будетъ находиться въ благомъ расположеніи духа и въ благомъ устроеніи. Аминь.

А меня простите за непраздничное поздравленіе. Хотѣлъ я въ праздникъ сказать вамъ нѣчто и полезное, а полезное рѣдко сходится съ пріятнымъ. Кому не понравится это поздравленіе, пусть прочтетъ его на Ѳоминой недѣлѣ и да замѣтитъ, что зависть вначалѣ обнаружива-

ется неумѣстною ревностью и соперничествомъ, а затѣмъ рвеніемъ съ досадою и порицаніемъ того, кому завидуемъ. Итакъ, да будемъ благоразумны и осторожны при первомъ появленіи завистливаго чувства, стараясь отвергать оное, прося всесильной помощи насъ ради Распеншагося и въ третій день Воскресшаго Христа Господа. Аминь! Аминь!!!»

Не приводя другихъ праздничныхъ писемъ, изъ коихъ, въ большинствѣ, Старецъ разясняетъ тѣ или другія псаломскія слова и церковныя пѣсни, например, *уста моя возглаголютъ премудрость...* или: *наказуя, наказа мя Господь...* или: *еда забудеть ущедрити Богъ...* или: *покрыла есть небеса добродѣтель Твоя, Христе...* или: *жезлъ изъ корене Іесеова...* или *таинство странное...* и т. д.; скажемъ лишь, что этими своими письмами о. Амвросій создавалъ въ своихъ духовныхъ дѣтяхъ одно общее праздничное высокое настроеніе и, такимъ образомъ, соединялъ ихъ въ одну духовную семью.

Общія письма составляютъ лишь небольшую часть тѣхъ писемъ къ монашествующимъ, которыя были написаны о. Амвросіемъ за 30 лѣтъ его старчества²⁸. Письма эти не такъ разнообразны по своему содержанию, какъ письма къ свѣтскимъ лицамъ; онѣ учатъ все одному и тому же: какъ имѣть страхъ Божій, какъ искоренять страсти, какъ преуспѣвать въ молитвѣ, какъ вообще жить монаху или монахинѣ, избѣгая прелести и обольщеній; тѣмъ не менѣе, онѣ глубоко назидательны и могутъ быть полезны не только для монашеству-

²⁸ Письма о. Амвросія къ монашествующимъ изданы Оптиною Пустынью въ 2-хъ выпускахъ.

ющихъ, но и для мірянъ. Вотъ основныя мысли нѣкоторыхъ изъ нихъ: мудрость христіанская состоитъ въ томъ, чтобы во время искушеній хранить вѣру въ Господа; бодрость – отъ единенія съ Господомъ, уныніе – отъ тщеславія; сознаніе своей немощи, самоукореніе и терпѣніе – три ступени къ смиренію; кратчайшій путь ко Христу – носить тяготы другъ друга; главныя препятствія къ усвоенію святости – похоть плоти, похоть очесъ и гордость житейская; серьезная болѣзнь серьезнѣе обращаетъ къ Богу; духовное возрожденіе начинается освобожденіемъ отъ страстей, а завершается прохожденіемъ добродѣтелей; о томъ, что грѣшнику полезнѣе вспоминать адъ, нежели рай; гордый ученикъ долженъ искать старца строгаго; найти совершенство безъ покаянія – самообманъ; одни правила и посты безъ соблюденій заповѣдей не спасутъ; должно идти среднимъ путемъ; не должно вступаться не въ свои дѣла, а себѣ внимать; умѣренному дѣланію цѣны нѣтъ, о крайности – отъ діавола; объ искушеніяхъ на молитвѣ и т. д.

Отецъ Амвросій въ своей келейной обстановкѣ.

Будничный и праздничный день Старца.

Дни исключительные

Внѣшняя обстановка жизни о. Амвросія была самая скромная. Онъ занималъ, какъ было уже сказано, небольшой корпусъ съ правой стороны отъ Св. скитскихъ врагъ. Небольшое крылечко изнутри Скита вело въ сѣни, а оттуда въ низенькій и темный коридоръ, по обѣимъ сторонамъ котораго стояли скамьи для приходящихъ монаховъ и простыхъ посѣтителей мужескаго

Келлія старца Амвросія въ Скиту

пола. Изъ коридора первая дверь направо вела въ небольшую приѣмную зальцу, куда Старецъ выходилъ также на общее благословеніе. Передній уголь зальцы занятъ былъ св. иконами. Стѣны сплошь увѣшаны картинами духовнаго содержанія и портретами, между которыми можно было видѣть портреты: Государя Императора, митрополитовъ Филарета и Иннокентія Московскихъ, Филарета, Арсенія и Іоаннікія Кіевскихъ, епископовъ – Григорія II, Владимира и Анастасія Калужскихъ, Молдавскаго старца Паисія Величковскаго и другихъ духовныхъ старцевъ, оптинскихъ и не оптинскихъ. Въ зальцѣ стояли диванъ, стулья, столы и этажерка съ книгами духовнаго содержанія, чтобы посѣтителі, въ ожиданіи приѣма Старца, могли на досугѣ заняться чтеніемъ. Рядомъ съ приѣмной маленькая келлія келейника о. Михайла. Противъ приѣмной дверь въ келлію самого старца Амвросія, которая всегда была на крючкѣ и отпиралась только во время служенія келейныхъ бдѣній и еще въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ. Келлія Старца была съ переднею, въ которой висѣла его простая, иногда даже заплатанная одежда: подрясника два ваточныхъ, подрясника два холодныхъ, балахонъ, легонькая мѣховая ряска изъ малороссійскихъ бѣленькихъ смушекъ. Тутъ же хранились его мухояровая мантия, ряска и клобукъ. Самая келлія Старца вся увѣшана была св. иконами и портретами духовныхъ лицъ, большею частью принесенными въ даръ Старцу его почитателями. Между иконами особенное вниманіе обращали на себя: а) маленькая икона (вершка 4 вышины) Божіей Матери именуемая «Тамбовскою», – роди-

тельское благословеніе старца Амвросія. Предъ нею теплилась неугасимая лампада, б) икона Божіей Матери «Скоропослушницы» (вершковъ 12 вышины), присланная въ даръ Старцу изъ Москвы изъ Аѳонской часовни, в) большая икона св. Великомученика и Цѣлебника Пантелеимона, предъ которою также горѣла неугасимая лампада, г) большое изображеніе на полотнѣ Кіево-Печерской Божіей Матери съ колѣнопреклоненными преп. Антоніемъ и преп. Ѳеодосіемъ. Эта икона стояла надъ койкою о. Амвросія въ его изголовьи, д) икона Нерукотвореннаго Спаса художественной работы.

Между портретами духовныхъ лицъ были: Троскуровскаго затворника Иларіона, Вышенскаго затворника – епископа Ѳеофана, протоіерея Ѳеодора Александровича Голубинскаго, Кронштадтскаго протоіерея о. Іоанна Ильича Сергіева и другихъ.

У восточной стѣны келліи стоялъ небольшой письменоводительскій столикъ, гдѣ письменоводитель писалъ письма подъ диктовку Старца. Въ святомъ углу аналой со шкафчикомъ, съ слѣдованною на немъ псалтирью и другими книгами, необходимыми для вычитыванія правила. Вдоль южной стѣны другой столъ, на которомъ стояли нѣкоторыя иконы, подсвѣчники съ восковыми свѣчами и лежало нѣсколько духовныхъ книгъ. Вдоль западной стѣны стояла койка Старца, а около нея печка, въ зимнее время вся заваленная носками и увѣшанная фланелевыми рубашками. Къ сѣверной стѣнѣ приставленъ былъ шкафъ, наполненный святоотеческими и другими духовно-нравственными книгами. Между шкафомъ и печкой дверь. Затѣмъ табуретки три-четыре и

два старинных кресла для почетных посѣтителей. Рядомъ съ келліею Старца келлія другого его келейника, о. Іосифа, тоже вся въ иконахъ и портретахъ.

Противъ входныхъ дверей, въ концѣ коридора, дверь въ хибарку, или пристроенное, довольно просторное помѣщеніе для женскаго пола, состоявшее изъ нѣсколькихъ комнатъ и коридора, который велъ въ заднюю еще хибарку, изъ которой уже былъ выходъ наружу. И здѣсь было множество иконъ, между которыми особенно выдающеюся была большая Аѳонская икона Божіей Матери, именуемая «Достойно есть». Такова была внѣшняя обстановка жизни старца Амвросія.

Будничный день Старца обыкновенно начинался молитвословіемъ. Келейники въ свое время попеременно читали положенное правило, а Старецъ слушалъ или стоя на своей койкѣ или, большею частью, по немощи, сидя на тутъ же устроенномъ для него сѣдалищѣ... Когда же былъ боленъ, во время чтенія лежалъ, а правила все-таки никогда не упускалъ. Для слушанія утренняго правила поначалу онъ вставалъ часа въ четыре утра, звонилъ, къ нему являлись келейники и прочитывали: утреннія молитвы, двѣнадцать избранныхъ псалмовъ и первый часъ. Затѣмъ, послѣ краткаго отдыха, Старецъ слушалъ часы – третій и шестой съ изобразительными и смотря по дню – канонъ съ акаѳистомъ Спасителю или Божіей Матери, каковыя акаѳисты онъ всегда выслушивалъ стоя. Описанныя правила всегда были у Старца съ болѣе или менѣе продолжительными остановками. Прослушавъ, на примѣръ, половину утренняго правила и чувствуя ослабленіе силъ, онъ отпускалъ отъ

себя келейныхъ и, отдохнувши нѣсколько, звалъ опять и дослушивалъ правило. Такъ же было и во время часовъ. Можетъ быть, и другія, болѣе важныя причины, заставляли Старца дѣлать эти перерывы, именно — упражненіе наединѣ въ умной молитвѣ, о чемъ можно предполагать съ вѣроятностью. Выслушавъ положенныя молитвословія, Старецъ начиналъ умываться. Кто-нибудь изъ келейниковъ ставилъ возлѣ его койки мѣдный тазъ на табуретку и начиналъ понемногу лить на руки ему тепловатую воду изъ большого чайника; а онъ на колѣнахъ, нагнувшись надъ тазомъ, умывался. Во время этого дѣйствія со стороны келейниковъ начинались вопросы: «Батюшка! Вотъ тотъ-то въ такихъ-то обстоятельствахъ находится, — что ему благословите дѣлать?» — Или: «Вотъ та-то просить благословенія на такое-то дѣло, благословите или нѣтъ?» И прочее и прочее Старецъ и свое дѣло дѣлалъ и вмѣстѣ отвѣчалъ на вопросы. Послѣ умыванья Старецъ подкрѣплялся чаемъ, среди котораго диктовалъ письма и затѣмъ выходилъ къ посѣтителямъ... Впрочемъ, такъ было до 70-хъ годовъ, когда силы Старца были покрѣпче; а послѣ того, при умножавшемся годъ отъ году числѣ посѣтителей, вслѣдствіе крайняго переутомленія, онъ и на правило утреннее вставалъ позже, часовъ въ пять, и по выслушаніи часовъ, съ канономъ и акафистомъ, нерѣдко ложился на койку для кратковременнаго отдыха. Вставая, онъ, бывало, промолвить: «Охъ! Все больно»... Въ зимнее время онъ весьма часто простуживался. Встанетъ съ опухшимъ лицомъ, съ лихорадочнымъ ознобомъ или ревматическими болями въ тѣлѣ, умоетъ

ся, начнеть растираться спиртомъ или какою-либо мазью. Келейники же все-таки задають вопросы, а Старець едва слышнымъ голосомъ отвѣчаетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ начнутся у Старца переодѣванія и переобуванія, которыя въ продолженіе дня повторялись много разъ. О своемъ нездоровьѣ онъ и въ письмахъ къ близкимъ лицамъ неоднократно писалъ: «Слабость и болѣзненность усиливаются, и переобуванія и переодѣванія утроились; жара и холода равно не выношу. Въ мѣру только одинъ семнадцатый градусъ тепла; а выше и ниже дурно вліяетъ. Вотъ тутъ и умудрайся около одного градуса вертѣться, и какъ одинъ этотъ градусъ удержать, когда постоянно подходятъ натуральныя печки и своими толками умножаютъ жаръ».

Пока Старець, во время своего утренняго чая, диктуетъ письма, къ его жилью мало-помалу подходятъ посѣтители, – съ одной стороны извнутри Скита мужчины, а со внѣ женскій полъ. Не успѣлъ онъ еще окончить нужное письмо, а ужъ народъ началъ и въ дверь стучаться и звонить въ проведенный снаружи колокольчикъ. Выйдетъ келейникъ. Просятъ доложить. Тотъ обыкновенно отвѣчаетъ: «Старець занятъ». Вскорости опять со стороны нетерпѣливыхъ посѣтителей стукъ и звонъ; опять та же просьба, и опять тотъ же отвѣтъ. Но чѣмъ дальше, тѣмъ все болѣе и болѣе нетерпѣніе посѣтителей увеличивалось, и уже доходило до ропота. Стукъ и звонъ все чаще и чаще повторялся. Выходившему келейнику уже безцеремонно говорили: «Что же вы не докладываете?» или: «Вы не хотите доложить» и т. п. – Въ хибаркѣ набьются вмѣстѣ съ мірскими монахини изъ разныхъ

монастырей. Кто говорить: «Я вотъ уже живу здѣсь и хожу къ Старцу цѣлую недѣлю, и никакъ не могу до него дойти», а иная говорить: «А я – двѣ». Лишь только выйдетъ къ нимъ келейникъ, какъ въ сотню голосовъ къ нему: «Доложите, доложите». Желая хоть сколько-нибудь успокоить посѣтительницъ, онъ спросить: «Какъ о васъ доложить?» Каждая, конечно, рассказываетъ, откуда прибыла. Но гдѣ же ему въ такой суматохѣ всѣхъ упомнить? Своеобразно докладывалъ о нихъ о. Михайль. Придетъ къ Старцу и скажетъ: «Въ хибаркѣ васъ, батюшка, ждутъ». – «Кто тамъ?» – спросить Старецъ. – «Московскіе, вяземскіе, тульскіе, бѣлевскіе, каширскіе и прочіе народы». – «Скажи, чтобы подождали». Выйдетъ опять. «Ну, что, спросить, докладывали?» – «Докладывал». – «Что же?» – «Велить подождать». – «Да вы, должно быть, не докладываете». Между тѣмъ болѣзненный Старецъ, подготавливаясь выходить къ посѣтелямъ, переодѣвался, переобувался, занимаясь вмѣстѣ съ тѣмъ съ кѣмъ-либо изъ братій съ однимъ или вдругъ съ нѣсколькими, да велся какой-либо общій разговоръ. Слушая назидательную рѣчь Старца, присутствовавшіе въ то же время помогали ему въ переодѣваніи и переобуваніи. Снимали сапоги и отсырѣвшіе носки, подавали сухіе и проч. Такъ всегда бывало. Наконецъ, можетъ быть, уже около часовъ десяти дня, если не позже, Старецъ выходилъ къ давно уже ожидавшимъ его посѣтелямъ. Пройдется по коридору, гдѣ бывали мужчины; кого на ходу благословить, кому скажетъ нѣсколько словъ; съ особенными же нуждами принималъ въ зальцѣ отдѣльно и занимался по нѣскольку времени. По-

томъ проходилъ въ хибарку и тамъ уже оставался надолго. Нельзя не замѣтить при этомъ, что не всѣ приходили къ болѣзненному Старцу за дѣломъ, а нѣкоторые только отнимали у него время и тѣмъ, въ особенности, отягощали его.

Онъ самъ жаловался на такихъ посѣтителей въ своихъ письмахъ: «Старость, слабость, безсиліе, многозаботливость и многозабвеніе, и многіе бесполезные толки не даютъ мнѣ и опомниться. Одинъ толкуетъ, что у него слабы голова и ноги, другой жалуется, что у него скорби многи; а иной объясняетъ, что онъ находится въ постоянной тревогѣ, ты все это слушаешь, да еще отвѣтъ давай; а молчаніемъ не отдѣлаешься – обижаются и оскорбляются. Недаромъ повторяется иногда поговорка: толкуй больной съ подлѣкаремъ. Больному хочется объяснить свое положеніе, а подлѣкарю скучно слушать; а дѣлать нечего – слушаетъ, не желая еще болѣе раздражить и растревожить больного толкуна».

Инымъ нетерпѣливымъ посѣтителемъ Старецъ ставилъ въ примѣръ великихъ угодниковъ Божіихъ и, совѣтуя имъ потерпѣть, говорилъ имъ со своимъ обычнымъ добродушіемъ: «Терпѣлъ Моисей, терпѣлъ Елисей, терпѣлъ Ілія, такъ потерплю жъ и я».

Но вотъ настаетъ полдень – время обѣдать. Не отпуская посѣтителей, Старецъ шель въ смежную съ своею келліею – келлію о. Іосифа, своего келейника; и тамъ, полулежа около стола отъ утомленія, вкушалъ пищу, которая состояла изъ двухъ блюдъ – ухи изъ свѣжей рыбы, не очень жирной, и клюквеннаго киселя, а въ постные дни вмѣсто ухи ему готовили похлебку или

картофельный супъ на подсолнечномъ маслѣ. Какъ-то пришла ему мысль обойтись безъ масла и, чтобы постная пища была не очень сурова, велѣлъ заправить ее толчеными грецкими орѣхами. Случилась тутъ какая-то знакомая Старцу игуменія, которую онъ и вздумалъ попотчивать этимъ снадобьемъ. «Да это что же у васъ такое, Батюшка? – сказала она. – Это рвотное».

Пищи съѣдалось Старцемъ не болѣе, сколько можетъ съѣсть трехлѣтній малютка. Обѣдъ его длился десять или пятнадцать минутъ, въ продолженіе которыхъ келейники опять-таки задавали ему вопросы о разныхъ лицахъ и получали отъ него отвѣты. Но иногда, чтобы хоть сколько-нибудь дать отдохнуть своей головѣ, Старецъ приказывалъ кому-нибудь изъ близкихъ, во время своего обѣда, почитать что-нибудь легкое. Любилъ иногда прослушать что-нибудь изъ басенъ Крылова. Книга эта всегда почти лежала при немъ на столѣ въ келейной. Доставилъ ему однажды кто-то сочиненіе какого-то господина о русскихъ монастыряхъ, въ которыхъ, къ сожалѣнію, почтенный сочинитель кромѣ грязи ничего не замѣтилъ. Старецъ прослушалъ эту книгу съ грустно-серьезнымъ выраженіемъ лица и никакого своего мнѣнія о ней не высказалъ.

По окончаніи обѣда Старецъ, если былъ слабъ, тутъ же, лежа на койкѣ, принималъ кого понужнѣе, или вдругъ принималъ всѣхъ на общее благословеніе, сначала мужской полъ, а послѣ и женскій. Набьется полная келлія. На этихъ общихъ пріемахъ Старецъ вразумлялъ нуждающихся мѣткимъ словомъ, нерѣдко пословицами, понятными тому, къ кому онъ относились. Или раз-

сказывалъ что-нибудь такое, что служило отвѣтомъ на сокровенную мысль кого-либо изъ присутствовавшихъ. Иногда заставлялъ кого-нибудь изъ посѣтительницъ прочитать болѣе подходящую къ дѣлу басню Крылова; затѣмъ скажетъ нѣсколько назидательныхъ словъ въ шутиломъ тонѣ и, наконецъ, преподавъ всѣмъ благословеніе, направится къ своей келліи. За нимъ во сто голосовъ: «Батюшка! Батюшка! Мнѣ словечко сказать; мнѣ пару словъ». Но усталый, болѣзненный Старецъ кое-какъ, при помощи келейниковъ, протискивался сквозь толпу, уходилъ въ свою келлію и запирался изнутри на крючокъ, чтобы и туда народъ не нахлынулъ.

Если же Старецъ послѣ обѣда имѣлъ довольно силъ, то онъ выходилъ преподавать общее благословеніе въ хибарку. Предварительно появлялся келейникъ и закрывалъ всѣ окна, чтобы не было сквозного вѣтра. Всѣ сидящіе поднимались съ своихъ мѣстъ, становились по обѣимъ сторонамъ, оставляя небольшой проходъ для Батюшки. Наконецъ дверь отворялась, и на порогъ появлялся Старецъ въ бѣломъ балахонѣ, сверху котораго всегда, и зимою и лѣтомъ, носилъ легонькую мѣховую ряску, и въ ваточной камилавкѣ на головѣ. Выйдя изъ двери и остановясь на ступенькѣ, онъ всегда молился передъ поставленною здѣсь иконою Божіей Матери «Достойно есть» и проходилъ далѣе, внимательно вглядываясь въ просившихъ у него благословенія и осѣняя ихъ крестнымъ знаменіемъ. Изъ толпы слышались вопросы, на которые онъ давалъ простые, но мудрые отвѣты. Иногда Старецъ садился, и тогда всѣ присутствовавшіе становились вокругъ него на колѣни, съ глубо-

кимъ вниманіемъ слушая его бесѣду, смыслъ которой всегда заключалъ въ себѣ полезное нравоученіе или обличеніе чьихъ-либо недостатковъ. Чаше всего предлагалъ онъ совѣты о терпѣннѣи, снисхожденіи къ немощамъ ближняго и понужденіи себя къ добру, говоря, что *Царствіе Божіе нудится, что многими скорбѣми подobaетъ намъ внити въ Царствіе Божіе, и претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ*. Иногда эти поучительныя бесѣды, или общія благословенія, застигали часть отдыха, и келейникъ напоминалъ ему объ этомъ. Тогда Батюшка снималъ шапочку, раскланивался и говорилъ по обычаю въ шутиломъ тонѣ: «Очень признателенъ вамъ за посѣщеніе; о. И. говоритъ, что пора...» Въ иной же разъ келейникъ скажетъ: «Батюшка, уже два часа»; а Батюшка отвѣтитъ: «Ты переведи ихъ назадъ, и будетъ часъ». Лѣтомъ въ теплые дни выходилъ онъ благословлять на воздухъ; и появленіе его было истинной радостью для всѣхъ томившихся ожиданіемъ. Отъ самага крыльца хибарки устроены были на столбикахъ жерди, по одну сторону которыхъ стоялъ народъ, а по другую сторону шель согбенный Старецъ, преподавая всѣмъ по ряду благословеніе и временемъ останавливаясь, давалъ по вопросамъ отвѣты. За оградку къ Старцу, безъ его позволенія и благословенія, зайти никто не смѣлъ; а если бы кто отважился на это, долженъ былъ, по назначенію Старца, положить нѣсколько поклоновъ.

Бывали, хотя весьма рѣдко, и такіе дни, когда Старецъ послѣ обѣда вовсе не отдыхалъ, можетъ быть, потому, что чувствовалъ въ себѣ довольно силъ обойтись безъ отдыха; или просто такъ не спалось. Тогда онъ

зваль къ себѣ писаря и диктоваль кому-нибудь письмо. Такимъ образомъ у него минуты одной не проходило въ праздности. Во время отдыха Старца уже никто не безпокоиль. Народъ уходиль на гостиницу. Двери кругомъ запирались, – и въ хибаркѣ, и въ Скиту на парадномъ крыльцѣ. Послѣ краткаго полуденнаго отдыха, часа въ три, Старецъ былъ опять на ногахъ и, если чувствовалъ здоровье свое порядочнымъ, опять шель къ посѣтителямъ толковать; если же былъ слабъ, принималъ народъ въ келліи о. Іосифа, лежа на его койкѣ. Тутъ онъ среди толковъ съ народомъ и чай пиль часовъ въ пять вечера. И опять и опять принималъ и толковаль, толковаль и принималъ. – Иногда Батюшка неожиданно прерываль свою бесѣду съ посѣтителями и уходиль на нѣкоторое время въ свою келлію – это бывали моменты, когда онъ чувствовалъ потребность побыть одному съ Богомъ, въ молитвенномъ самоуглубленіи, чтобы съ освѣженной душой снова возвратиться къ людямъ на дѣланіе свое. Часовъ въ восемь Старецъ ужиналь, – подавалось на столъ то же, что и въ обѣдъ. И среди ужина келейники кое о чемъ и кое о комъ спрашивали Старца, а онъ не переставаль отвѣчать. Или же опять заставляль почитать что-нибудь. Вскорѣ послѣ ужина, если силы Старца окончательно изнемогали, онъ ограничивался преподаніемъ всѣмъ общаго благословенія. Если же силы еще не совсѣмъ оставляли его, то опять начинались обычные пріемы и толки, которые и продолжались иногда до 11 часовъ ночи... Несмотря на крайнее обезсиленіе и болѣзненность Старца, день всегда заключался вечернимъ молитвеннымъ правиломъ, состоявшимъ изъ малаго по-

вечерія, канона Ангелу-хранителю и вечернихъ молитвъ. Отъ цѣлодневныхъ, почти непрерывныхъ докладовъ келейники, то и дѣло приводившіе къ Старцу и выводившіе посѣтителей, едва стояли на ногахъ, однако попеременно читали положенныя молитвословія... По окончаніи правила Старець, по обычаю, испрашивалъ у предстоящихъ прощенія, елика согрѣши дѣломъ, словомъ и помышленіемъ. Въ заключеніе келейники принимали отъ Старца благословеніе и направлялись къ выходу. Зазвонятъ иногда часы. Слабымъ, едва слышнымъ голосомъ спросить Старець: «Сколько это?» – «Двѣнадцать», – отвѣтятъ. «Опоздали», – скажетъ.

Спать ложился Батюшка всегда одѣтымъ – лѣтомъ въ балахонъ, а зимой въ ватный подрясникъ, опоясанный непременно кожанымъ поясомъ. На головѣ имѣлъ всегда шапку монашескую, а въ рукахъ четки. Снималъ только сапоги, оставаясь въ однихъ носкахъ. Богу извѣстно, какъ проводилъ Старець ночные часы. Только по приходѣ къ нему на утреннее правило келейники замѣчали, что во время ночи онъ переѣнилъ нѣсколько фланелевыхъ рубашекъ, изъ чего можно видѣть, что непрерывнаго сна онъ не имѣлъ.

Наканунѣ каждого воскреснаго и праздничнаго дня о. Амвросій выслушивалъ у себя въ келліи бдѣніе. Поначалу, въ шестидесятихъ годахъ, служилъ всегда эти бдѣнія преданный духовный сынъ Старца, іеросхимонахъ Гавріиль. Тутъ же около двери стояли два-три человѣка пѣвчихъ. Будущій скитоначальникъ о. Анатолій, въ то время еще простой монахъ, пѣлъ басомъ. Келейники были чтецами; о. Климентъ – канонархомъ. Со

временемъ обстоятельства измѣнялись. Нездоровые и немощные скитяне, вмѣсто того чтобы идти слушать бдѣніе въ монастырь, испрашивали у Старца благословеніе быть на его келейномъ бдѣніи; и Старець, конечно, благословлялъ. Умножилось, такимъ образомъ, число молящихся. Поэтому, чтобы въ келліи Старца не было тѣсно и душно, пѣвчимъ велѣно было стоять въ передней, а наконецъ, и въ коридорѣ, куда во время службы растворялись двери старцевой келліи. Въ самой келліи оставался одинъ служащій іеромонахъ, да еще, можетъ быть, кто-либо изъ лицъ, близкихъ Старцу. Впослѣдствіи и въ хибаркѣ оставались нѣкоторые, по благословенію Старца, послушать сквозь дверь его келейное бдѣніе и помолиться. Въ лѣтнее время неоднократно пріѣзжалъ въ Оптину Пустынь графъ А. П. Толстой и всегда любилъ присутствовать на келейномъ бдѣніи у Старца. Самъ же Старець и среди бдѣній никогда почти не оставался безъ обычнаго своего дѣла. Во время чтенія паремій, каѳизмъ и канона онъ или кого исповѣдовалъ въ келліи о. Іосифа, или принималъ посѣтителей, кого не успѣлъ принять днемъ, или же, наконецъ, подкрѣплялся вечернею трапезою. Всегда только онъ выслушивалъ шестопсалміе и величаніе праздничное съ чтеніемъ Евангелія, стоя на своей койкѣ, какъ можно было замѣтить, съ глубокимъ вниманіемъ. Величаніе подпѣвалъ. Голосъ у него, несмотря на старость, былъ свѣтлый и пріятный теноро-басъ. Пѣлъ онъ всегда отъ души и, по слову Священнаго Писанія, *разумно*. Если же посѣтителей и исповѣдниковъ у Старца во время его келейнаго бдѣнія не было, то большую часть служ-

бы онъ слушалъ сидя, въ самоуглубленіи, а иногда отъ утомленія и лежа. Нерѣдко можно было видѣть въ это время на лицѣ его слезы. Если Старець со своими дѣлами не успѣлъ управиться, а бдѣніе до шестопсалмія уже отслужили, въ такомъ случаѣ служба на нѣсколько минутъ прерывалась, и Старца дожидались. По окончаніи келейнаго бдѣнія, которое съ промежутками продолжалось часа три и отходило почти вмѣстѣ съ бдѣніемъ, совершавшимся въ храмѣ, усталые келейники для усталаго Старца прочитывали конецъ вечернихъ молитвъ и, получивъ благословеніе, отходили на отдыхъ.

Утромъ, если въ Скиту была своя Литургія, которая обыкновенно начиналась всегда не раньше шести часовъ, Старець съ келейниками вставалъ за полчаса или за часъ передъ службой, прослушивалъ часы съ изобразительными и отпускалъ келейниковъ въ церковь, а самъ оставался одинъ съ Единымъ Богомъ. Только это короткое время и было единственнымъ временемъ, когда онъ могъ побыть въ безмолвіи.

Какъ онъ проводилъ это время, уже никому не извѣстно. А приходившіе изъ церкви келейники, вмѣстѣ съ писаремъ, заставляли его почти всегда сидѣвшимъ на своей койкѣ, съ поджатыми ногами, за чтеніемъ книги или Посланій апостольскихъ, или Псалтири, или Добротолубія, или преподобнаго Максима Исповѣдника, или, наконецъ, св. Исаака Сирина.

Всѣ эти книги онъ читалъ непременно на славянскомъ нарѣчій, которое очень любилъ. На книгахъ онъ иногда дѣлалъ собственноручно замѣтки; напримѣръ, какъ помнится, подъ словами апостола Павла: *дадеся ми*

*пакостникъ плоти аггелъ сатанинъ, да ми пакости дѣ-
етъ*, подписано было Старцемъ: «Александръ ковачъ». Въ Добротолубіи же и въ книгѣ св. Исаака Сирина было очень много для памяти подчеркнутыхъ Старцемъ мѣстъ. Возвратившіеся изъ церкви писарь и келейники предварительно входили съ молитвой къ Старцу и получали отъ него благословеніе; а Старецъ, сидя за книгой, тутъ же иногда укажетъ кому-нибудь изъ нихъ особенно назидательную въ книгѣ коротенькую статейку и дастъ прочитатъ; потомъ отпускалъ всѣхъ ихъ подкрѣпиться чаемъ и самъ подкрѣплялся. Скоро затѣмъ писарь возвращался къ Старцу, и начиналась обычная диктовка писемъ, а тамъ подходили посѣтителі и посѣтительницы. И такъ уже до глубокаго вечера опять все по будничному. Иногда же отъ большого въ праздничный день прилива посѣтителей Старецъ утруждался больше, чѣмъ въ будни.

Съ нѣкоторою особенностью встрѣчались и проводились Старцемъ великіе праздники – Рождества Христова и Св. Пасхи. Недѣли за двѣ до праздника Старецъ продиктовывалъ свое обычное «общее поздравленіе», которое и переписывалось въ немаломъ числѣ экземпляровъ. Удивительно памятливъ былъ Старецъ. Въ продолженіе двадцати одного года онъ диктовалъ эти поздравленія и несмотря на то, что никогда не справлялся о содержаніи продиктованныхъ въ прежніе годы писемъ, всегда говорилъ непременно о разныхъ предметахъ. Но вотъ наставалъ канунъ праздника. Келейники заботились о возможной чистотѣ старцевыхъ келлій. Число постороннихъ посѣтителей сравнительно умень-

шалось, такъ какъ каждый заботился встрѣтить праздникъ у себя дома. Старецъ въ это время больше занятъ былъ исповѣдниками, и притомъ изъ своихъ братій. Иногда неспѣшно переходилъ онъ по какой-либо надобности изъ келліи въ келлію. Лицо такое свѣтлое, свято-лѣпное. Видно было, что благодатный миръ и невозмутимая тишина наполняли его чистую душу. Любящее сердце его отверсто было ко всѣмъ. Отечески-ласковое слово, взглядъ или прикосновеніе рукой вызывали иногда у окружающихъ его слезы умиленія.

Нѣсколько раньше обычнаго Старецъ ложился для краткаго отдыха; а въ самую полночь, когда въ монастырѣ ударяли къ утрени, вставалъ. Служащій іеромонахъ и пѣвчіе были наготовѣ. Зажигались предъ св. иконами свѣчи, и начиналась утренняя, которая отходила нѣсколько раньше монастырской. Затѣмъ болѣзненный Старецъ ложился опять для отдыха, который, впрочемъ, скоро прерывался, потому что монастырскіе пѣвчіе тотчасъ по окончаніи утрени приходили въ Скитъ поздравлять Старца съ праздникомъ, а за ними и всѣ скитскіе братія.

Въ праздникъ Рождества Христова славили Христа, а на Пасху пѣли девятую пѣснь пасхальнаго канона, съ возглашеніемъ задравной ектеніи о Старцѣ. Послѣ этого Старецъ со всѣми пришедшими къ нему, сидя на своей койкѣ, христосовался и одѣлялъ красными яйцами. Предъ Литургіей Старецъ, по обычаю, прослушивалъ праздничные часы и отпускалъ всѣхъ своихъ келейниковъ въ монастырь къ обѣднѣ, которая начиналась порану. Въ Скиту въ первые дни этихъ праздниковъ

своей службы не бываетъ. По окончаніи Литургіи, хотя посѣтителей съ обычными нуждами и скорбями почти не было, зато много было поздравляющихъ съ праздникомъ, а потому Старецъ и въ эти великіе праздники былъ въ непрестанной молвѣ. На другой день праздниковъ Рождества Христова и Пасхи въ Скиту всегда служилъ Литургію настоятель монастыря о. архимандритъ Исаакій соборне. Послѣ Литургіи онъ, вмѣстѣ съ служащими іеромонахомъ и іеродіакономъ, шелъ къ Старцу поздравлять его съ праздникомъ. Старецъ съ любовію принималъ дорогихъ гостей, и самъ, усѣвшись на своей постелькѣ съ поджатыми ногами, кушалъ съ гостями чай. Легкій разговоръ о чемъ-либо съ близкими, въ особенности съ старшими братіями, былъ для него нѣкотораго рода развлеченіемъ. Любилъ онъ послушать новости – церковныя и общественныя, и самъ поразскажетъ, бывало, что-либо. Откушавъ чаю, о. архимандритъ обѣдалъ въ скитской трапезѣ, а Старецъ принималъ у себя поздравителей и простыхъ посѣтителей.

Къ числу особенно торжественныхъ дней въ жизни о. Амвросія надо отнести тотъ день, когда въ его келлію приносили чудотворный Калуженскій образъ Божіей Матери.

Слушая бдѣніе или молебень предъ Нею, Старецъ едва сдерживалъ слезы, которыя иногда противъ его воли буквально текли ручьями... Что-то трогательно-праздничное ощущалось въ это время и въ душахъ всѣхъ окружавшихъ Старца-молитвенника; живѣе вѣрилось въ ходатайство предъ Богомъ Матери Божіей и святыхъ за людей православныхъ.

Торжественностью отличался и день Ангела старца Амвросія, седьмое декабря, празднованіе памяти святи-теля Амвросія Медиоланскаго. Старець глубоко чтить своего небеснаго покровителя. Съ вечера какъ въ мо-настырѣ, такъ и въ Скиту, и особо въ келліи Старца, отправлялось бдѣніе святителю Амвросію. Одинъ изъ иноковъ Оптиной Пустыни въ 70-хъ годахъ составилъ особую службу святителю съ акаѳистомъ, которая всег-да и совершалась въ этотъ день въ келліи Старца. Въ са-мый день Ангела въ монастырѣ и въ Скиту отправля-лись соборныя Литургіи, съ молебнами св. Амвросію и съ приглашеніемъ старцу Амвросію многолѣтія, послѣ чего братія отправлялись въ келлію Старца и тамъ при-носили ему поздравленіе съ днемъ Ангела, а онъ пред-лагалъ имъ съ своей стороны чай и угощеніе. Такъ же радушно принималъ и угощалъ онъ въ этотъ день и по-стороннихъ поздравителей.

Къ особымъ случаямъ въ жизни старца Амвросія можно отнести и посѣщенія его Калужскими владыка-ми, каковыя посѣщенія приходились, большею частью, въ лѣтнее время при обзрѣніи епархіи. Для встрѣчи своего архипастыря Старець одѣвался во все іеромона-шеское облаченіе: рясу, мантию и клобукъ; выходилъ на крылечко своей келліи, при входѣ на которое святителя кланялся ему въ ноги, принималъ благословеніе и вво-дилъ его въ залъ. Здѣсь иногда наединѣ съ архипасты-ремъ проводилось имъ нѣсколько времени во взаимной бесѣдѣ... Особенное благоговѣніе питалъ Старець къ архіепископу Григорію. Всегдашній отзывъ Старца о семъ святителѣ былъ таковъ: «Умень и святъ». Въ 1887

году посѣтилъ Оптину Пустынь Московскій митрополитъ Іоанникій въ сопровожденіи Калужскаго архіерея Владиміра. Старцу сказано было встрѣтить митрополита вмѣстѣ съ скитскою братією въ церкви. Не зная объ этомъ, Владыка митрополитъ, осмотрѣвъ храмъ, сказалъ: «Ну, теперь пойти къ Старцу». Но лишь только обернулся назадъ, какъ тотчасъ увидѣлъ предъ собою самого Старца. Удивленный такою неожиданностью, Высокопреосвященный милостиво изволилъ заметить ему: «Зачѣмъ вы трудились приходить сюда? Я самъ непременно буду у васъ». И попросилъ его тотчасъ же удалиться въ келлію. Дѣйствительно, митрополитъ посѣтилъ его въ келліи, долго бесѣдовалъ съ нимъ наединѣ и, выйдя изъ келліи Старца, почтительно простился съ нимъ. «Благодатный старецъ!» – сказалъ высокопреосвященнѣйшій Владыка, идя по дорожкѣ отъ Старца.

Кромѣ архипастырей Церкви о. Амвросія посѣщали и многіе выдающіяся свѣтскія лица, искавшія у него указанія жизненнаго пути или отвѣтовъ на мучившіе ихъ вопросы жизни. Былъ у него въ 70-хъ годахъ Ѳ. М. Достоевскій, пріѣхавшій къ нему искать утѣшенія послѣ смерти горячо любимаго сына. Старецъ отнесся къ нему съ расположеніемъ и сказалъ о немъ: «Это кающійся».

Вмѣстѣ съ Ѳ. М. Достоевскимъ былъ у него и В. С. Соловьевъ, о взглядахъ котораго Старецъ, какъ передаютъ, отзывался неодобрительно. К. Н. Леонтьевъ жилъ нѣсколько лѣтъ при старцѣ Амвросіи и по его благословенію принялъ въ Оптиной Пустыни монашество.

Въ 1887 году о. Амвросія посѣтилъ Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Константиновичъ, проведеншій нѣкоторое время съ нимъ въ задушевной бесѣдѣ и послѣ съ любовью къ нему относившійся.

Нѣсколько разъ былъ у Старца графъ Л. Н. Толстой, всегда, нужно сказать, относившійся къ Оптиной Пустыни и вообще къ монашеству съ уваженіемъ.

Въ первый разъ Л. Н. Толстой былъ у Старца вмѣстѣ съ Н. Н. Страховымъ въ 1874 году; во второй разъ пришелъ пѣшкомъ въ 1881 или 1882 году въ крестьянской одеждѣ съ своимъ конторщикомъ и сельскимъ учителемъ, а въ третій разъ въ 1890 году пріѣхалъ къ нему со своею семьею.

Духовно-нравственный обликъ Старца и его пастырское попеченіе о людяхъ

Въ то время какъ наша свѣтская художественная литература въ лицѣ своихъ наиболѣе выдающихся писателей, каковы Гоголь, Тургеневъ, Достоевскій и другіе, безуспѣшно усиливается создать художественный типъ идеальнаго человѣка, Православная Церковь въ нѣдрахъ своихъ искони воспитывала и воспитываетъ своими благодатными средствами не воображаемыхъ, а живыхъ людей, проникнутыхъ духомъ истинной, нелицемѣрной и дѣятельной любви къ Богу и ближнимъ.

Говорятъ, что Достоевскій писалъ своего старца Зосиму съ о. Амвросія, но если это и такъ, должно сказать, что изображеніе оказалось гораздо ниже своего подлинника, и Достоевскій далеко не исчерпалъ всей

полноты и величія духа старца Амвросія, не показаль въ надлежащей мѣрѣ ни его самоотверженной любви къ людямъ, ни, тѣмъ болѣе, одушевлявшей его любви къ Богу.

Только дѣйствительная правда жизни даетъ намъ настоящій духовный обликъ Старца, да и то лишь постольку, поскольку сохранилось свѣдѣній о немъ въ памяти знавшихъ его.

Постараемся на основаніи этихъ отрывочныхъ свѣдѣній обрисовать, сколько возможно, внутренній духовный обликъ Старца.

Преобладающею чертою его отношения къ ближнимъ была глубокая сострадательная любовь.

«Любить ближняго такъ, чтобы желать ему всякаго счастья, благословляемаго Богомъ, и стараться доставить ему это счастье — было его жизнью и его дыханіемъ», — говорить лично знавшій о. Амвросія человекъ.

И въ этомъ потокѣ любви, который обливаль всякаго приходившаго къ о. Амвросію, была такая сила, что она чувствовалась безъ словъ, безъ дѣйствій. Къ о. Амвросію довольно было подойти, чтобы почувствовать, какъ сильно онъ любить, и, вмѣстѣ съ этимъ, въ отвѣтъ на его чувство открывалось сердце приходившаго, рождалось полное довѣріе и самая тесная близость.

«Среди общей холодности и равнодушія, при совершенномъ нежеланіи людей видѣть и чувствовать дальше собственнаго существа, многимъ трудно живется. Нужень человекъ, къ которому бы можно было сносить все, что волнуется въ душѣ, которому бы безъ утайки

можно было открыть всѣ думы и надежды, довѣрить всякую тайну, чтобы стало легче и счастливѣе. И нужно, чтобы это чувство было раздѣленное, чтобы за вѣжливымъ словомъ не слышалось удивленія тому, что ищутъ участія, а чтобы это участіе, котораго труднѣе всего добиться въ жизни, свѣтило во всякомъ звукѣ, во всякомъ движеніи. Нуженъ въ жизни сочувственный взоръ, ласковое слово, нужно сознаніе, что насъ любятъ и намъ вѣрятъ, нужно то, что въ мірѣ самое великое и самое рѣдкое сокровище – сердце внимательное. Такое сердце билось въ о. Амвросіи».

«Любовь, которая одушевляла о. Амвросія, была та, которую заповѣдалъ своимъ ученикамъ Христосъ. Она многимъ отличается отъ того чувства, которое извѣстно въ міру. Въ ней не менѣе поэзіи, но она шире, чище и не имѣетъ конца.

«Главное ея отличіе, что она все даетъ и ничего не просить».

«Любовь о. Амвросія шла неразрывно съ его вѣрою. Онъ твердо, непоколебимо вѣрилъ въ человѣка, въ его божественную душу. Онъ зналъ, что въ самомъ сильномъ искаженіи человѣческомъ, тамъ, гдѣ-то далеко, лежитъ искра божественнаго добра, и эту искру чтить о. Амвросій. Какъ бы ни былъ грязень тотъ, кто говорилъ съ нимъ, уже тѣмъ была велика его бесѣда, что она давала грѣшнику сознаніе, что святой Старецъ смотритъ на него, какъ на равнаго, что поэтому онъ не окончательно погибъ и можетъ возродиться. Онъ самымъ падшимъ людямъ подавалъ надежду и бодрость, и вѣру, что они могутъ стать на новый путь».

«Общественную дѣятельность о. Амвросія лучше всего опредѣлить одно очень хорошее русское слово, такое слово, какого не сыскать въ другой землѣ. Отецъ Амвросій жалѣль».

Однако это охватывавшее о. Амвросія чувство широкой христіанской любви, сочувствія и жалости къ людямъ, хотя и имѣло свое основаніе въ его духовной природѣ, упрочилось и развилось въ немъ подѣ вліяніемъ всей его подвижнической жизни. Христіанская любовь, какъ даръ благодати Божіей, стоитъ въ неразрывной и глубокой связи съ христіанскою вѣрою и сердечною молитвою, а вѣра и молитва возможны лишь при истинномъ смиреніи, которое воспитывается въ человѣкѣ непрерывною внутреннею борьбою, самоуничтоженіемъ, скорбями и всякаго рода испытаніями. Весь этотъ длинный путь, ясно указанный Церковью и ея великими подвижниками-отцами, проходили всѣ святые, прошель, подѣ руководствомъ своихъ духовныхъ наставниковъ, и о. Амвросій, прежде чѣмъ онъ пришелъ въ мѣру своего полного возраста духовнаго. Онъ прошель сквозь тѣ духовныя опасности и искушенія, о которыхъ говоритъ въ одномъ изъ своихъ писемъ старецъ о. Макарій: «Почтенная А. вошла къ вамъ въ обитель весьма съ добрымъ расположеніемъ и желаніемъ «искать Іисуса», т. е. стяжать любовь Его. Дѣло сіе очень доброе и благое, но надобно, чтобы имѣло прочное основаніе: ибо любовь противными искушается».

По горячности ея и по чистотѣ души, она увидить скоро въ себѣ утѣшительныя и усладительныя чувства — это ее обнадежить въ обрѣтеніи Іисуса и любви Его. Но

чувство сіе весьма опасно и близко прелести: не имѣвши еще борьбы со страстями, не познавши своей немощи и не смирившись, не надежны и утѣшительныя чувства. Пусть онѣ хотя и приходятъ когда, но чтобы опасаться принимать оныя и не обольщаться ими, не считать себя того недостойною. Св. Исаакъ во 2-мъ словѣ пишетъ: «Дѣяніе креста сугубо есть; одно нарицается дѣяніе и исполняется дѣйствомъ яростныя части: претерпѣніемъ досады креста; а второе нарицается видѣніе и исполняется желательною частью, и обрѣтается тонкимъ дѣланіемъ ума и божественнымъ приснопоученіемъ и пребываніемъ молитвы. И кто начинаетъ второю сею частью, а не первою, на того находить гнѣвъ Божій. Хотя не отъ лѣности сіе творить, но за сладость ея принимается за вторую часть, не очистивши прежде терпѣніемъ скорбей страстнаго устроенія души, т. е. не приѣмши распятія плоти досадою креста, мечтаетъ во умѣ своемъ славу креста» (т. е. утѣшенія), которыя даются уже по исцѣленіи души отъ страстей, и когда смиреніе водружится въ сердцѣ, и тогда бываетъ безопасно, почему мы и предлагаемъ вамъ, дабы вы попеклись предостеречь ее, ежели она будетъ имѣть какія усладительныя чувства, чтобы она не полагалась на нихъ и не считала за велико; онѣ скоро ее оставляютъ. Въ противномъ случаѣ обольстившись и принявъ ихъ не въ свое время, скоро лишится; и когда уже будетъ время — не получить, подобно нерадивому и глупому земледѣльцу, который, на произрастеніи увидя цвѣтъ, счелъ бы его за плодъ и сорвалъ: то уже никогда плода не получить. Это многіе пострадали, идущіе путемъ симъ, и

сбились съ него; вмѣсто смиренія, возмнивъ о себѣ, стяжали возношеніе, по слову того же св. Исаака: «Кто не помышляетъ себѣ грѣшна, молитва его нѣсть благопріятна предъ Богомъ». Напоминайте ей, что любовь Божія противными искушается: возстануть различныя страсти, съ коими надобно имѣть борьбу, и кто смиренное имѣетъ мудрованіе, тому и брань со облегченіемъ бываетъ; а мнящему о себѣ нѣчто, или надѣющемуся на свои чувства утѣшительныя, попускается сильнѣе и брань, дабы, познавъ свою немощь, смирился. Но для нихъ побѣжденіе бываетъ несносно и доводитъ до малодушія; а это и есть знакъ ихъ гордости. Надобно опасаться прелести, которая есть многообразна: или прельстивъ мнимою святостію, ослѣпить душевныя очи, или по вспышкѣ радостныхъ и утѣшительныхъ дѣйствій, лишась ихъ, она впадетъ въ многоразличныя страсти; а когда умѣренно и постоянно вести ее, занимаясь подробнѣе, то изъ нея можно выработать что-нибудь хорошее со временемъ. Прикажите ей читать болѣе дѣятельныя ученія св. Отцовъ: св. аввы Дорофея, св. Іоанна Лѣствичника, св. Симеона Новаго Богослова, и чтобы о всѣхъ своихъ словахъ, дѣлахъ, мысляхъ и дѣйствіяхъ вамъ открывала, ибо являемое свѣтъ, а неявляемое тьма».

Пройдя этимъ скорбнымъ путемъ креста, подъ руководствомъ опытныхъ старцевъ, о. Амвросій пріобрѣлъ истинное смиреніе, истинную вѣру, молитву, чистоту сердца и любовь, т. е. совокупность всехъ евангельскихъ совершенствъ, благодаря которымъ онъ и сдѣлался добрымъ пастыремъ, наставникомъ, руководителемъ,

помощникомъ и утѣшителемъ для всѣхъ еще мятущихся въ тинѣ страстей, еще обуреваемыхъ грѣховными искушеніями и вожделѣніями.

Въ шестидесятихъ годахъ о. Амвросій имѣлъ замѣчательный сонъ, раскрывшій ему неизбѣжность этого скорбнаго пути спасенія. «Казалось мнѣ, – такъ передавалъ впослѣдствіи Старецъ своимъ духовнымъ дѣтямъ, о. Клименту и о. Анатолію, – будто нахожусь въ своей келліи. Вдругъ входитъ ко мнѣ какой-то человѣкъ, по виду лицо начальственное, и со властію повелѣваетъ мнѣ слѣдовать за нимъ. Выхожу изъ келліи. Представляется бурная, темная ночь. Предо мною какъ будто волнуется море или большое озеро. У берега лодка, на которой сидятъ гребцы; но въ темнотѣ невозможно отчетливо рассмотреть ихъ. По манію моего вожатаго я сѣлъ въ эту лодку, и она отчалила отъ берега. Сердитыя волны начали перебрасывать ее, какъ легкое перо. Я былъ въ сильномъ страхѣ за свою жизнь. Но вотъ вдали, черезъ зіяющую бездну, среди непроницаемой тьмы, показался мнѣ необыкновенный свѣтъ, и я увидѣлъ какой-то городъ такой дивной красоты, что во всю свою жизнь нигдѣ и ничего подобнаго не видалъ. Къ нему приковалось все мое вниманіе. Море, волны, буря – все было забыто; и я былъ въ какомъ-то сладостномъ упоеніи до тѣхъ поръ, пока лодка причалила къ берегу. Ея толчокъ бортомъ о землю вывелъ меня изъ забвенія. Вышедши за своимъ вожатымъ на берегъ, я по его указанію вошелъ въ какой-то домъ, гдѣ находились два незнакомыхъ мнѣ человѣка. Одинъ, впрочемъ, принявъ отъ меня благословеніе, самъ назвалъ себя Всеволодом,

княземъ чешскимъ; а другой казался мнѣ русскимъ княземъ Борисомъ Владимировичемъ; затѣмъ я вскорѣ проснулся».

Въ этомъ сновидѣніи Старца заключается глубокой и утѣшительный смыслъ для каждаго ведущаго внутреннюю борьбу подвижника, который всегда долженъ помнить – за испытаніемъ слѣдуетъ и воздаяніе. И чѣмъ тяжелѣе испытаніе, тѣмъ отраднѣе воздаяніе. Безъ испытанія не можетъ быть и воздаянія.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію тѣхъ высокихъ душевныхъ свойствъ, которыя пріобрѣлъ о. Амвросій путемъ пережитыхъ имъ испытаній.

Смирение было основою всей подвижнической жизни о. Амвросія. Объ этой духовной чертѣ онъ такъ писалъ одной своей духовной дочери: «Всегда ты просишь, чтобы Господь даровалъ тебѣ смиреніе. Но вѣдь оно даромъ Господомъ не дается. Господь готовъ помогать человѣку въ пріобрѣтеніи смиренія, какъ и во всемъ добромъ, но нужно, чтобы и самъ человѣкъ заботился о себѣ. Сказано у св. Отцовъ: *дай кровь и прими духъ*. Это значитъ, потрудись до пролитія крови, и получишь духовное дарованіе. А ты дарованій духовныхъ ищешь и просишь, а кровь тебѣ проливать жаль, т. е. все хочется тебѣ, чтобы тебя никто не трогалъ, не беспокоилъ. Да при спокойной жизни какъ же можно пріобрѣсти смиреніе? Вѣдь смиреніе состоитъ въ томъ, когда человѣкъ видитъ себя худшимъ всѣхъ, не только людей, но и безсловесныхъ животныхъ, и даже самыхъ духовъ злобы. И вотъ, когда люди тревожатъ тебя, а ты видишь, что не терпишь сего и гнѣваешься на людей, то

и поневоля́ будешь считать себя плохою. Если при этомъ будешь о плохотѣ своей и неисправности сожалѣть и укорять себя въ неисправности, и искренно каяться въ этомъ передъ Богомъ и духовнымъ отцомъ, то вотъ ты уже и на пути смиренія».

Въ этихъ словахъ о. Амвросій не только учитъ тому, что такое смиреніе, но указываетъ и самый путь къ смиренію, и притомъ такъ определенно, что мы ясно можемъ видѣть, что онъ личнымъ опытомъ своимъ узналъ этотъ путь.

Приведемъ случай, подтверждающій справедливость вышеприведенныхъ словъ Старца.

Одна сестра въ Шамординѣ за невольное ослушаніе подверглась строгому выговору отъ настоятельницы. Сестра не могла поступить иначе и хотѣла объяснить причину, но разгнѣванная настоятельница не хотѣла ничего слушать и грозила тутъ же, при всѣхъ, поставить ее на поклоны. Больно и обидно было ей, но, видя, что нельзя оправдаться, она, подавивъ въ себѣ самолюбіе, замолчала и только просила прощенія. Возвратившись къ себѣ въ келлію, сестра эта, къ великому своему удивленію, замѣтила, что несмотря на то, что она потерпѣла такое незаслуженное обвиненіе, у нея, вмѣсто стыда и смущенія, наоборотъ, на душѣ было такъ свѣтло, отрадно, хорошо, какъ будто она получила что-нибудь радостное. Вечеромъ того же дня она сообщила обо всемъ случившемся батюшкѣ о. Амвросію. Старецъ сказалъ: «Этотъ случай – промыслителень; помни его. Господь захотѣлъ показать тебѣ, какъ сладокъ плодъ смиренія, чтобы ты, ощутивши его, понуждала себя всегда къ

смирению, сначала къ внѣшнему, а затѣмъ и къ внутреннему. Когда человекъ понуждаетъ себя смиряться, то Господь утѣшаетъ его внутренно, и это-то и есть та благодать, которую Богъ даетъ смиреннымъ. Самооправданіе только кажется облегчающимъ, а на самомъ дѣлѣ приносить въ душу мракъ и смущеніе».

Преподавая мудрые совѣты другимъ, Старецъ въ то же время, по своему смирению, самъ искалъ совѣта у другихъ, не полагаясь на свой разумъ и при богатствѣ разсужденія. По кончинѣ своего старца Макарія, не имѣя, къ кому бы обратиться за совѣтомъ въ своей обители, онъ обращался сначала къ своему архипастырю Григорію. А по времени, узнавши отъ достовѣрныхъ людей объ одномъ сокровенномъ, странствующемъ духовномъ старцѣ, тотчасъ постарался съ нимъ сблизиться и уже постоянно писалъ къ нему секретныя письма съ тою цѣлью, чтобы все дѣлать съ совѣтомъ другого, въ чемъ видѣлъ выраженіе воли Божіей, боясь поступать по своей волѣ²⁹.

²⁹ Существует предположеніе, что этотъ таинственный странникъ былъ не кто иной, какъ одинъ изъ епископовъ, отказавшійся отъ каѳедры и избравшій подвигъ странничества. Не этому ли страннику принадлежатъ извѣстные «Откровенные разсказы странника о благодатномъ дѣйствіи молитвы Іисусовой», рукопись которыхъ, послѣ смерти о. Амвросія, была найдена въ его бумагахъ и составленіе которыхъ нѣкоторыми приписывается самому о. Амвросію? (См. предисловіе къ книгѣ: «Изъ разсказовъ странника о благодатномъ дѣйствіи молитвы Іисусовой», изд. Оптиной Пустыни, написанное епископомъ Никономъ.) Кстати, приведемъ здѣсь очень интересный разсказъ духовной дочери Старца объ одномъ также загадочномъ странникѣ, можетъ быть, имѣющемъ отношеніе къ тому страннику, съ которымъ переписывался Старецъ. Одинъ судебный слѣдователь по важнѣйшимъ дѣламъ, человекъ добрый и благочестивый, передавалъ слѣдующее. Однажды, на Пасхѣ, онъ съ

Вотъ еще примѣръ Старцева смиренія: однажды разсматривали портретъ подвижника Василиска, приложенный къ его житію. Кто-то и сказалъ, что вотъ-де у него уста ужъ очень какъ-то свѣтлы; вѣроятно, это потому, что онъ умеръ съ молитвою Іисусовою на устахъ. «Да, это очень можетъ быть. — сказалъ Батюшка. — А вотъ въ Глинской пустыни умеръ одинъ старецъ, — такъ у него часа три послѣ смерти рука все перебирала четки. А я вотъ, грѣшный, и не знаю, когда только ихъ перебиралъ, — добавилъ Батюшка со вздохомъ и печально

женою и дочерью сидѣли вечеромъ на галерее, идущей вдоль ихъ дома, и собирались ужинать. Вдругъ раздается со двора пріятный, звучный голосъ: «Дайте милостынюку Христа ради, я три дня не ѣлъ». Слѣдователь выглянулъ въ окно галереи (галерея была на второмъ этажѣ) и видитъ странника, не похожаго на нищаго, одѣтаго въ подрясникъ, перепоясанный кожанымъ поясомъ и съ ранцемъ черезъ плечо. Лицо у него было замѣчательно пріятное. Слѣдователь сунулъ руку въ карманъ, досталъ оттуда коп. 30 денегъ, сколько попалось въ руку, сунулъ ихъ горничной и говоритъ: «Бѣги, отдай ему». Но тутъ же опомнился: человѣкъ просить ѣсть, а онъ суетъ ему деньги. Кинулся онъ вслѣдъ за горничной и говоритъ ему: «Пойди съ нами поужинай, мы только что съѣли». — «Нѣтъ, — говоритъ тотъ. — ужинать я не буду, а дай мнѣ того квасу, который у васъ стоитъ на табуреткѣ». Слѣдователь тотчасъ же исполнилъ просьбу странника. Странникъ перелилъ квасъ изъ бутылки къ себѣ и ушелъ. Возвращаясь, слѣдователь началъ соображать: «Какъ же онъ, стоя внизу на дворѣ или даже около парадной двери, могъ видѣть, что стоитъ у насъ квасъ въ углу на табуреткѣ? Должно быть, человѣкъ тотъ не простой!» Кинулся онъ обратно за нимъ въ погоню, но ни на дворѣ, ни на улицѣ его уже не было, и никто его не видалъ. Когда духовная дочь рассказала объ этомъ случаѣ Старцу, Батюшка спрашиваетъ: «А не описывалъ ли онъ тебѣ его наружность? Высокій, бѣлокурый, горбоносый?» Разсказчица была поражена. «Да вы-то, Батюшка, какъ же его знаете?» — «Дуракъ! Ну, знаю, что ходить такой. Потребуешь квасу, перельешь къ себѣ. да и уйдешь». — «Но почему же никто изъ другихъ не видалъ его и куда же онъ скрылся?» — «Ну, понимаешь, высокой жизни человѣкъ, съ плотію утонченной», — сказалъ Батюшка. Разспрашивать больше разсказчица не посмѣла.

махнулъ рукою. Я даже и въ монастырѣ-то, пожалуй, всего только одинъ годъ прожилъ. Какъ только взяли къ батюшкѣ о. Макарію въ келейники, такъ съ тѣхъ поръ все и живу на базарѣ».

«Ну, ужъ у васъ, Батюшка, не на рукахъ, а вотъ тамъ – въ сердцѣ-то молитва безостановочно перебирается», – сказалъ кто-то. – «Ну, нѣтъ – на базарѣ не переберешь», – отвѣтилъ Старецъ и перевелъ бесѣду на другой предметъ. Въ другой разъ Старецъ сказалъ: «Прожилъ я въ монастырѣ 40 лѣтъ и не нажилъ 40 рѣпъ; истинно чужія крыши покрывалъ, а своя раскрыта стоитъ; а мнѣ уже доходить 67-й годъ». Въ своихъ письмахъ къ разнымъ лицамъ о. Амвросій часто просилъ помолиться о немъ «глаголющемъ и не творящемъ». Смиреніе о. Амвросія обнаруживалось и въ томъ, что онъ готовъ былъ терпѣть около себя лицъ, обладавшихъ самымъ тяжелымъ, непріятнымъ характеромъ. Много досаждала ему одна пренепріятная монахиня. Его спросили, какъ онъ ее выносить. Онъ отвѣчалъ: «Если здѣсь, гдѣ я стараюсь ее успокоить, ей все-таки такъ тяжело, каково ей будетъ тамъ, гдѣ всѣ ей будутъ перечить! Какъ же ее не терпѣть!»

Глубокое смиреніе Старца было основаніемъ его глубоко-молитвеннаго настроенія. Какъ мы говорили уже, у Старца во время молитвы нерѣдко лились слезы. Онъ плакалъ среди службы и молитвословій, отправлявшихся по какому-либо случаю въ его келліи; въ особенности, когда, бывало, по желанію просителей отправлялся молебенъ съ акаѣистомъ предъ чтимою имъ келейною иконою Царицы Небесной «Достойно есть».

Во время чтенія акаѣиста онъ стоялъ около двери, неподалеку отъ св. иконы, и умиленно взиравъ на благодатный ликъ Богоматери. Всѣмъ и каждому можно было видѣть, какъ слезы струились по его исхудалымъ ланитамъ.

Во время молитвы онъ весь погружался въ созерцаніе неизреченной Славы Небесной, и все лицо его преображалось.

Такъ однажды Старецъ съ вечера назначилъ придти къ нему двумъ супругамъ, имѣвшимъ къ нему важное дѣло, въ тотъ часъ утра, когда онъ не начиналъ еще пріема. Они вошли къ нему въ келлію. Старецъ сидѣлъ на постели въ бѣломъ монашескомъ балахонѣ и въ шапочкѣ. Въ рукахъ у него были четки. Лицо его преобразилось. Оно особенно какъ-то просвѣтлѣло, и все въ келліи его приняло видъ какой-то торжественности. Пришедшіе почувствовали трепеть, и вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ охватило невыразимое счастье. Они не могли ничего промолвить и долго стояли въ забытіи, созерцая ликъ Старца. Вокругъ было тихо. Батюшка молчала. Они подошли подъ благословеніе. Онъ безмолвно осѣнилъ ихъ крестнымъ знаменіемъ. Они еще разъ окинули взоромъ эту картину, чтобы навсегда сохранить ее въ сердцѣ. Старецъ все съ тѣмъ же преображеннымъ лицомъ былъ погруженъ въ созерцаніе небеснаго міра.

Другой случай. Пришель, по обычаю, къ Старцу въ концѣ утренняго правила его письмоводитель іеромонахъ В. Старецъ, отслушавъ правило, сѣлъ на кровать. Отецъ В. подходитъ подъ благословеніе и, къ великому своему удивленію, видитъ лицо Старца свѣтящимся. Но

лишь только получили онъ благословеніе, какъ этотъ дивный свѣтъ скрылся. Спустя немного времени о. В. снова подошелъ къ Старцу, когда тотъ уже перешелъ въ другую келлію и занимался съ народомъ, и по простотѣ своей спросилъ: «Или вы, Батюшка, видѣли какое видѣніе?!» Старецъ, не сказавъ ему ни слова, только слегка стукнулъ его по головѣ рукой. Знакъ особеннаго старческаго благоволенія.

Молитвенный даръ Старца, молитвенное созерцаніе имъ міра духовнаго въ соединеніи съ горячею любовью къ людямъ, видны еще изъ слѣдующаго разсказа одной монахини: «У меня была знакомая семья въ Москвѣ. Мужъ, человѣкъ образованный и умный, былъ совершенно равнодушенъ къ вѣрѣ и нѣсколько лѣтъ не говѣлъ. Въ то же время онъ имѣлъ пристрастіе къ спиртнымъ напиткамъ. Жена скорбѣла о немъ и молилась, но была не въ силахъ повліять на него. Наконецъ, онъ потерялъ должность въ Москвѣ и переѣхалъ на жительство въ В-скую губернію, гдѣ получилъ мѣсто управляющаго имѣніемъ. Однако и здѣсь онъ продолжалъ вести прежній образъ жизни, такъ что однажды его привезли изъ города больнымъ, а черезъ нѣсколько дней онъ неожиданно для всѣхъ скончался, не будучи напутствованъ исповѣдью и причащеніемъ Св. Таинъ. Все это очень огорчило его жену, и она не переставала плакать и молиться о немъ, все думая, что ей нужно сдѣлать для успокоенія души его. Незадолго до 40-го дня она увидѣла своего мужа во снѣ, и онъ сказалъ ей, во-первыхъ, что она неточно опредѣлила 40-й день по его кончинѣ и въ чемъ именно была ея ошибка, а во-вторыхъ, что

Старець Амвросій Оптинскій

успокоить его душу может только милостыня. Вскорѣ послѣ этого разсказчица-монахиня была у о. Амвросія и по просьбѣ жены умершаго просила о. Амвросія по-совѣтовать, какъ нужно молиться объ усопшемъ, и что нужно дѣлать въ память его? Отецъ Амвросій очень разстроился разсказомъ монахини и все сокрушался о томъ, какъ же это допустили человѣку умереть безъ покаянія. Потомъ сказалъ: «Сейчасъ я тебѣ ничего не могу сказать, скажу послѣ». Прошло нѣсколько дней. И вотъ однажды послѣ общаго благословенія о. Амвросій неожиданно присылаетъ за монахиней своего келейника. Она приходитъ къ Старцу и застаётъ его въ такомъ видѣ, въ какомъ никогда еще не видѣла: лице разстроено, изъ глазъ текутъ слезы. Тщательно заперевъ дверь, чтобы никто не слышалъ его словъ, онъ сказалъ: «Скорѣе спасайте несчастнаго изъ ада! Чтобы спасти его, пусть жена продастъ все его имущество и деньги раздастъ бѣднымъ!» Очевидно, Старецъ всѣ эти дни молился о несчастномъ, и ему была открыта участь его и средство къ его спасенію. Сказанныя Старцемъ слова вполне совпадали со словами умершаго, которыя онъ во снѣ сказалъ женѣ, хотя монахиня и не передавала объ этихъ словахъ о. Амвросію.

Жена исполнила совѣтъ Старца: она продала все свое имущество и деньги раздала бѣднымъ, а сама поступила въ учительницы. Къ сказанному прибавимъ, что спустя нѣсколько времени жена снова увидѣла во снѣ своего мужа, который, держа въ рукахъ какую-то тетрадь, весело сказалъ ей: «Вотъ я получилъ аттестатъ, – а затѣмъ, перевернувъ страницу, прочиталъ: Сла-

ва въ вышнихъ Богу... Хвалите имя Господне! – и съ этими словами, скрылся».

Старецъ ни одного своего рѣшенія не принималъ, какъ можно думать, безъ усердной молитвы и безъ яснаго указанія Божія. Одна шамординская монахиня рассказываетъ, что Батюшка назначилъ ей, тотчасъ же по принятіи ея въ монастырь, трудное послушаніе въ трапезной. Не надѣясь на свои силы, она нѣсколько разъ ходила къ Батюшкѣ отказываться, но Старецъ не освобождалъ ее. Наконецъ, онъ ей сказалъ серьезнымъ и проникновеннымъ тономъ: «Вѣдь я же не самъ тебѣ назначилъ это послушаніе, такова воля Царицы Небесной».

На монахиню напалъ страхъ, и она, попросивъ у Старца прощенія, перестала беспокоить его своею просьбою и затѣмъ семь съ половиною лѣтъ провела на этомъ послушаніи вполне мирно и спокойно.

Одна монахиня очень хотѣла перейти изъ какого-то другого монастыря въ Шамордино и усердно просила Старца принять ее. Проживая на гостиницѣ въ Шамординѣ, она ежедневно приходила къ Старцу на общее благословеніе и ежедневно просила Батюшку взять ее въ свою обитель. Старецъ благословлялъ ее, но никогда ни слова не отвѣчалъ на ея просьбу. Такъ прошло много времени. Наконецъ, измученная ожиданіемъ и своимъ неопредѣленнымъ положеніемъ, монахиня со слезами говоритъ Старцу: «Батюшка, скажите же мнѣ что-нибудь, вѣдь я уже три мѣсяца живу здѣсь на гостиницѣ; мнѣ стыдно возвращаться къ своей матушкѣ игуменіи»... Старецъ отвѣчалъ: «Что же я скажу тебѣ, если Царица Небесная ничего мнѣ о тебѣ не возвѣщаетъ?»

Прошло еще нѣсколько дней, и вдругъ Старець самъ присылаетъ на гостиницу за этой монахиней, и, когда она вошла къ нему, онъ веселый и радостный говоритъ ей: «Ну, оставайся, оставайся у насъ!» – словно получилъ объ этомъ извѣщеніе свыше.

Другимъ плодомъ смиренія Старца было его глубоко-сокрушенное сердце какъ о своихъ собственныхъ грѣхахъ, такъ и о грѣхахъ своихъ ближнихъ. О его исповѣди рассказывалъ іеромонахъ Оптиной Пустыни о. Платонъ, бывшій одно время духовникомъ о. Амвросія: «Какъ назидательна была исповѣдь Старца! Какое смиреніе и сокрушеніе сердечное выказывалъ онъ о грѣхахъ своихъ! Да и какихъ грѣхахъ! О такихъ, которые мы и за грѣхъ не считаемъ. Напримѣръ, по болѣзненности своего желудка, слѣдовательно, по крайней необходимости, ему приходилось иногда, вопреки уставу Св. Церкви, въ среду или пятокъ скушать кусочка два-три селедки. И этотъ грѣхъ исповѣдовалъ Старець предъ Господомъ со слезами. Онъ стоялъ въ это время на колѣнахъ предъ св. иконами, какъ осужденникъ предъ страшнымъ и неумолимымъ Судіею, чая милости отъ дающаго милость, думается даже, какъ можно полагать, съ смиреннымъ помысломъ, подастся ли милость, отпустится ли грѣхъ. Посмотрю, посмотрю на плачущаго Старца, да и самъ заплачу».

Имѣя самъ сокрушенное сердце, Старець желалъ видѣть такое же сердце и въ относившихся къ нему. Поэтому, если видѣлъ въ комъ-нибудь изъ своихъ духовныхъ дѣтей разсѣянность и невнимательность къ себѣ, то взглянетъ укоризненно и промолвить: «У, безболѣз-

ненное сердце!» Любилъ онъ также повторять слова преп. Ефрема Сирина: «Боли болѣзнь болѣзненнѣ, да мимо течеша суетныхъ болѣзней болѣзни».

Смирение и постоянное очищение сердца своего искреннимъ покаяніемъ, самоосужденіемъ и молитвою, создавали въ душѣ Старца свѣтлое, мирное, радостное настроеніе, которое не оставляло его даже въ минуты тяжкихъ тѣлесныхъ страданій. Сколько ни приходилось ему испытывать разнаго рода скорбей, напастей и болѣзней, ничто не могло сильно разстроить его; онъ всегда былъ веселъ и покоенъ. Лежа на одрѣ болѣзни, онъ временемъ, по обычаю своему, шутилъ съ окружающими его монахами; самъ пребывая въ крайнемъ изнеможеніи, утѣшалъ малодушныхъ или черезъ силу произнесеннымъ словомъ, или отечески-ласковымъ взглядомъ, или прикосновеніемъ ослабѣвшей руки. Обыкновенно, когда Старецъ находился въ сильной болѣзни, – а это было нерѣдко, – всѣ почти скитскіе братія, въ особенности недавно поступившіе послушники, были въ уныніи. Былъ въ Скиту одинъ инокъ, уже пожилыхъ лѣтъ, съ лысиной на головѣ. По случаю тяжелой болѣзни Старца, разстроенный, пришелъ онъ въ его келейную въ надеждѣ, – нельзя ли хоть молча получить благословеніе отъ Старца. Надежда его не обманула. Съ тугою сердечною онъ подошелъ къ лежавшему на койкѣ страдальцу, поклонился, по обычаю, въ ноги и протянулъ руки, чтобы получить благословеніе. Преподавъ благословеніе, Старецъ слегка ударилъ его по головѣ, шутливо проговоривъ едва слышнымъ голосомъ: «Ну, ты, лысый игумень!» – «Какъ гора свалилась съ плечъ мо-

ихъ, – сказывалъ послѣ инокъ, – такъ легко-легко стало на душѣ!» Пришедши же въ свою келлію, онъ мѣста не находилъ отъ радости. Все ходитъ по келліи, да твердить: «Боже мой! Что же это такое? Батюшка-то, батюшка-то, самъ едва дышитъ, а все шутить»...

Замѣчательнѣйшимъ изъ духовныхъ дарованій о. Амвросія было дарованіе разсужденія, которое у него переходило, по благодати Божіей, въ дарованіе прозорливости. Сейчасъ мы будемъ говорить только о разсужденіи, а о прозорливости скажемъ въ другомъ мѣстѣ.

Дарованіе разсужденія состояло у о. Амвросія въ томъ, что онъ умѣлъ сразу, въ нѣсколько минутъ, опредѣлить духовное устроеніе приходившаго къ нему чело-вѣка, разобраться во всѣхъ его обстоятельствахъ какъ духовныхъ, такъ и матеріальныхъ, самому ему объяснить его состояніе и дать ему самый полезный въ его положеніи совѣтъ. Вотъ этотъ-то даръ разсужденія, эта въ иныхъ случаяхъ прозорливость, эта мудрость и привлекали къ о. Амвросію тысячи людей, запутавшихся въ духовныхъ и жизненныхъ обстоятельствахъ и нуждавшихся въ руководствѣ опытнаго наставника.

Отецъ Амвросій обладалъ всеобъемлющею опытностью, чрезвычайно широкимъ кругозоромъ и могъ дать совѣтъ по любому вопросу не только въ области духовной, но и въ области хозяйственной, торговой и т. д., примѣнительно къ данному лицу и къ даннымъ обстоятельствамъ.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Приходить къ Старцу богатый орловскій помѣщикъ и, между прочимъ, объявляетъ, что хочетъ устроить водопроводъ въ

своихъ обширныхъ яблоневоу садахъ. «Люди говорятъ, – начинается Старецъ съ своихъ обычныхъ въ такихъ случаяхъ словъ, – люди говорятъ, что вотъ какъ всего лучше. И подробно описываетъ водопроводъ. Помѣщикъ, вернувшись въ деревню, начинается читать объ этомъ предметѣ. Оказалось, что Батюшка описалъ послѣднія изобрѣтенія по этой части. Помѣщикъ снова пріѣхалъ въ Оптину. «Ну, что водопроводъ?» – спрашиваетъ Старецъ. Водопроводъ устроенъ по указанию Старца и уже успѣлъ принести большую пользу: у сосѣднихъ садоводовъ урожай яблокъ плохой, а у этого помѣщика богатый, и яблоки прекрасныя.

Одинъ молодой человекъ, часто бывавшій у Старца, сказалъ какъ-то, что хочетъ устроить у себя душъ. Батюшка сочувствуетъ ему. – «Тебѣ, – говоритъ, – нужно, чтобы онъ мало мѣста занималъ? Что жъ, это можно; вотъ какъ сдѣлай»... Проходитъ нѣсколько лѣтъ. Слѣдуетъ объявленіе, что появились новыя усовершенствованныя души. Оказалось, что они устроены такъ, какъ задолго передъ тѣмъ объяснилъ молодому человеку о. Амвросій.

Къ о. Амвросію обращались купцы, прося совѣтовъ и указаній по своимъ торговымъ дѣламъ. Помѣщикамъ онъ рекомендовалъ управляющихъ имѣніями или давалъ сельскохозяйственныя совѣты. Онъ указывалъ, какъ лучше распорядиться капиталами или недвижимою собственностью, какъ вести хозяйство въ обителяхъ, какъ направить дѣло въ судъ и т. д.

Когда происходили постройки въ Шамординѣ, Старецъ, не выходя изъ келліи, зналъ каждый уголокъ Ша-

мордина и всѣ подробности. Приходить монахъ, завѣ-
дующій постройкой, заходить рѣчь о пескѣ. «Ну, отецъ
Іоиль, песокъ у тебя теперь сваленъ; аршина... (Батюш-
ка точно прикидываетъ въ умѣ) аршина два съ полови-
ною глубины будетъ или не будетъ?» – «Не знаю, Ба-
тюшка, смѣрить не успѣлъ». Еще два раза спрашиваетъ
Батюшка о пескѣ, и все не мѣрили, а какъ смѣряютъ, на-
конецъ, то непременно окажется такъ, какъ говорилъ
Батюшка.

Особенно цѣнны и интересны совѣты и наставленія
Старца, относящіеся къ области внутренней, религіоз-
но-нравственной жизни. Надо замѣтить, что Старецъ
свои совѣты и наставленія высказывалъ обычно въ видѣ
отдѣльныхъ мыслей, афоризмовъ или небольшихъ на-
зидательныхъ разсказовъ; это онъ дѣлалъ на общихъ
пріемахъ своихъ посѣтителей или въ отвѣтъ на отдѣль-
ные вопросы. Въ другихъ же случаяхъ онъ являлся руко-
водителемъ и устроителемъ всей жизни обращающихся
къ нему, причемъ эта жизнь нерѣдко устраивалась совер-
шенно вопреки ихъ желаніямъ и ожиданіямъ, но такъ,
какъ это находилъ нужнымъ Старецъ, и всегда, конечно,
къ лучшему. Отдѣльные наставленія и совѣты Стар-
ца частью относились только къ монашествующимъ,
частью же къ монашествующимъ и мірянамъ одинаково.

Приведемъ сначала примѣры наставленій перваго
рода, записанныхъ его духовной дочерью, почившею о
Господѣ настоятельницею Шамординской обители, игу-
менію Евфросинію (Розовой).

«Когда бываетъ бдѣніе, минутъ за восемь надо чи-
тать вечернія молитвы».

«Послѣ всенощной къ тебѣ придуть въ келлію; то ты встань, зажги свѣчку и скажи: ну-ка, сестра Варвара, прочитай-ка вечернія молитвы, – и по очереди. Этимъ отучишь ходить въ келлію».

«Когда ложишься спать, кровать и келлію крестить съ молитвою: Да воскреснетъ Богъ».

«Когда проснешься, сначала перекрестись. Въ какомъ состоянни будешь съ утра, такъ и на цѣлый день пойдешь. У св. Іоанна Лѣствичника объ этомъ написано».

«Утромъ, когда проснешься, говори: Слава Тебѣ, Боже; батюшка о. Макарій всегда это говорилъ. И не должно вспоминать прошедшее и сны».

«Въ праздности время грѣхъ проводить. И службу церковную и правило для работы грѣхъ упускать. А то, смотри, – Господь какъ бы тебя не наказалъ за это».

«Къ началу ходить къ службѣ, – трезвеннѣе будешь».

«Въ церкви не должно говорить. Это злая привычка. За это посылаются скорби».

«Четки даны для того, чтобы не забывать молитву творить. Во время службы должны слушать, что читають, и перебирать четки съ молитвою: Господи помилуй; а когда не слышно (чтенія) то: Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшную (аго)».

«Непремѣнно устами читай молитву (Іисусову), а умомъ не полезно, – повредиться можешь».

«Хотя шепотомъ произноси молитву (Іисусову), а отъ умной многіе повредились».

«Оттого дремлешь въ церкви и не слышишь службы, что помыслы бродятъ туда и сюда».

«Къ службѣ церковной непремѣнно должна ходить, а то больна будешь. Господь за это болѣзнію наказываетъ. А будешь ходить, здорова и трезвеннѣе будешь. Батюшка о. Макарій, случалось, заболить, а все поидеть въ церковь. Посидить, потомъ въ архіерейскую келлію выйти: тамъ мѣста не найдеть, перейдетъ еще въ келлію къ о. Флавіану, – тамъ побудеть; но когда уже увидить, что не въ силахъ быть болѣе въ церкви, перекрестится, да и уйдетъ. А то все не вѣрить себѣ».

«Прежде всего нужно милости просить у Бога и молиться: *имиже вѣси судьбами*, помилуй мя грѣшную (аго)».

«Богородицу» читать 12 разъ или 24 раза въ день. Она у насъ одна заступница».

«Когда усердно молишься, то такъ и смотри, что искушеніе будетъ. Это и со всѣми случается».

«Не должно тебѣ молиться за сестеръ³⁰. Это врагъ подъ видомъ добра подушаетъ. Это дѣло совершенныхъ. А ты только перекрестись и скажи: Господи, помилуй насъ».

«Послѣ приобщенія надо просить Господа, чтобы даръ сохранить достойно, и чтобы подалъ Господь помощь не возвращаться назадъ, т. е. на прежніе грѣхи».

«Когда ударять къ достойно (если находишься въ келліи), нужно встать и положить три поклона Св. Троицѣ: Достойно и праведно покланяться Отцу, и Сыну, и Св. Духу. Просить заступленія Царицы Небесной и чи-

³⁰ Слова эти были сказаны м. Евфросиніи, когда она была еще послушницей Бѣлевскаго монастыря, и должны были послужить ей предостереженіемъ отъ самомнѣнія.

татъ: Достойно есть яко воистину... А если кто чужой будетъ (въ келліи), то только перекреститься».

«Когда бьютъ часы, должно перекреститься съ молитвою: Господи Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшную (аго); какъ пишетъ св. Димитрій Ростовскій: для того помилуй мя, что часъ прошелъ, ближе къ смерти стало. Можно не при всѣхъ креститься, а по разсмотрѣнію, при комъ можно, а то и не надо, въ умѣ же молитву должно сотворить».

«Если что представится – перекреститься».

«Не надо вѣрить примѣтамъ, и не будутъ исполняться».

«Лампаду засвѣчать; а если масла не будетъ, не скорбѣть – пускай не горитъ».

«Свѣчей восковыхъ въ церкви не ставить, а самой свѣчкой быть»³¹.

«Книги читать поутру съ четверть часа до работы; а потомъ цѣлый день жуй – что читала, какъ овца жвачку».

«Списывать съ книгъ, пожалуй, можно: только нужно усвоивать. Что понятно, то читать. Читать надо меньше, но понимать».

«Евангеліе можно сидя читать, только не въ положенное время».

«Предъ причастіемъ читать св. Ефрема Сирина о покаяніи».

«Нужно болѣе читать въ этотъ день (когда причаститься) особенно Новый Завѣтъ, посланіе къ Ефесеямъ и Апокалипсисъ».

³¹ Конечно, Старецъ не отвергалъ православнаго обычая, но наставлялъ, съ какимъ чувствомъ его надо исполнять. (Прим. цензора)

«Оттого не любишь отеческихъ книгъ, что онѣ обличаютъ тебя».

«Книги давай читать, хотя и масломъ зальютъ, запачкаютъ, – ничего; только по разбору, – кто читаетъ».

«По воскресеньямъ не работать. А если праздникъ, напимѣрь, Іоанна Златоуста и т. п., то къ вечеру можно поработать».

«Объясливыя уста – свиное корыто».

«Надо благодарить Господа, что Онъ тебѣ все посылаетъ. Это для трехъ причинъ – чтобы привести въ чувство, въ сознание и въ благодарность».

«Когда будешь кого осуждать, то скажи себѣ: *Лицемере! Изми первѣе бревно изъ очесе твоего!*»

«Гордыхъ самъ Богъ исцѣляетъ. Это значить, что внутреннія скорби (которыми врачуетъ гордость) посылаются отъ Бога; а отъ людей гордый не понесетъ. А смиренный отъ людей все несетъ и все будетъ говорить: достоинъ сего».

«Когда чувствуешь, что преисполняешься гордостью, то знай, что это похвалы другихъ тебя надмеваютъ».

«Когда нападетъ гордость, скажи себѣ: чудачка ходить».

«Домъ души – терпѣніе, пища души – смиреніе. Если пищи въ домѣ нѣтъ, жилецъ лѣзетъ вонъ».

«Когда разворчишься, то укори себя, – скажи: окаянная! что ты расходилась, кто тебя боится?»

«Тщеславіе и гордость одно и то же. Тщеславіе выказываетъ свои дѣла, чтобы люди видѣли, какъ ходишь, какъ ловко дѣлаешь. А гордость послѣ этого начинаетъ

презирать всѣхъ. Какъ червякъ сперва ползаетъ, изгибается, такъ и тщеславіе. А когда вырастутъ у него крылья, взлетаетъ на верхъ, такъ и гордость».

«Тщеславіе, если его тронуть пальцемъ, кричитъ: кожу дерутъ».

«Сказать хвалящей: не хвали, а то послѣ разсоримся. Лѣствичникъ велитъ опасаться такихъ людей. Лучше принять злословившаго человѣка».

«Похвала не на пользу. Ужасно трудна похвала. За прославленіе, за то, что здѣсь всѣ кланяются, тѣло по смерти испортится, – прыщи пойдутъ. У аввы Варсонофія написано: Серидъ какой былъ старецъ, а и то по смерти тѣло испортилось».

«Надо быть ко всѣмъ почтительной. Будь ласкова, но не ласкательна. Поклонись, да скорѣе мимо проходи».

«Надо внизъ смотрѣть. Ты вспомни: земля еси, и въ землю пойдешь».

«Смирение состоитъ въ томъ, чтобы уступать другимъ и считать себя хуже всѣхъ. Это гораздо покойнѣе будетъ».

«Сестра, кайся, смирайся; сестрамъ уступай – что можно, и не осуждай другихъ, – всѣ съ немощами».

«Смирайся, и всѣ дѣла твои пойдутъ».

«Если кто сердится на тебя, то спроси у него причину».

«Если помысль будетъ говорить тебѣ: отчего ты этому человѣку, который оскорбилъ тебя, то и то не сказала? – то скажи своему помыслу: теперь поздно говорить, – опоздала».

«Будь сама къ другимъ снисходительна».

«Смотри на все просто».

«Жить просто значить не осуждать, не зазирать никого. Напримѣрь, идетъ Еликонида. Прошла, да и только. Это значить думать просто. А то, при видѣ проходящей Еликониды, можно подумать о ней съ худой стороны: она такая-то, характеръ у нея такой-то. Вотъ уже это не просто».

«Смѣхъ изгоняетъ страхъ Божій».

«Если придутъ хульные помыслы и осуждающіе другихъ, то укоряй себя въ гордости и не обращай на нихъ никакого вниманія».

«Когда найдеть день, что будто хорошо живешь – весело и покойно; а вдругъ делается безпокойство, и помыслы начнутъ тебя смущать; тогда скажи себѣ: что жъ ты теперь смущаешься? А помнишь, когда была покойна».

Вопросъ: Какъ стяжать страхъ Божій? Отвѣтъ: *«Должно всегда имѣть Бога предъ собою. Предзрѣхъ Господа предо мною выну».*

«Страхъ Божій пріобрѣтается еще исполненіемъ заповѣдей Божіихъ, и чтобы дѣлать все по совѣсти».

Вопросъ: Какъ себѣ внимать, съ чего начинать? Отвѣтъ: «Надо прежде записывать: какъ въ церковь ходишь, какъ стоишь, какъ глядишь, какъ гордишься, какъ тщеславишься, какъ сердишься и проч.».

«Въ келліи не ходить и къ себѣ гостей не водить».

«Если кто скажетъ: зайдите, то скажи: я теперь въ кисломъ расположеніи – не могу».

«Свои грѣхи говори и себя больше вини, а не людей».

«Чужія дѣла не передавай».

«Помыслы тѣ надо говорить, которые беспокоятъ. Иной помысль цѣлый день приражается, и ничего; а другой въ разѣ оцарапаетъ, – тотъ и нужно говорить».

«Уныніе значить та же лѣнь; только хуже. Отъ унынія и тѣломъ ослабѣешь и духомъ. Не хочется ни работать, ни молиться; въ церковь ходишь съ небреженіемъ; и весь человѣкъ ослабѣваетъ».

Вопросъ: Помысль пришелъ: зачѣмъ спастись? Не спасемся все равно, какъ ни жить. Къ тому же теперь нѣтъ спасающихся, какъ написано въ видѣніи Аѥонскаго монаха? Отвѣтъ: «Это сказано къ тому, что теперъ совершенныхъ во всемъ нѣтъ; а спасающіеся есть. Не каждый можетъ быть генераломъ; а иной – генераль, другой полковникъ, маіоръ, капитанъ, солдатъ и простой человѣкъ такой же, какъ они».

Вопросъ: Н. долго не умираетъ, ей все представляются кошки и проч. Отвѣтъ: «Всякій, хоть и маленькій грѣшокъ надо записывать, какъ вспомнишь, а послѣ каяться. Отъ того некоторые долго не умираютъ, что задерживаетъ какой-нибудь нераскаянный грѣхъ, а какъ покаются, такъ облегчаются. У насъ (въ Оптиной) была на скотномъ дворѣ скотница въ чахоткѣ, у которой были три грѣха забыты, и ей представлялось, будто кошки ее царапаютъ, то дѣвка давить, а какъ покаялась, такъ и умерла. Еще въ Скиту былъ рясофорный монахъ больной; ему все казалось, будто за нимъ кто-то лежитъ, и никакъ не могъ припомнить грѣха. Въ продолженіе недѣли вспомнилъ грѣхъ, и какъ покался, такъ и умеръ. Непремѣнно нужно грѣхи записывать, какъ вспомнишь,

а то мы все откладываемъ: то грѣхъ малъ, то стыдно сказать, или послѣ скажу, а придемъ каяться – и нечего сказать».

Вопросъ: Отчего послѣ приобщенія иногда чувствуешь утѣшеніе, а иногда холодность? Отвѣтъ: «У того холодность бываетъ, кто ищетъ утѣшенія отъ приобщенія, а кто считаетъ себя недостойнымъ, у того остается благодать».

Вопросъ: Что значить жить по сердцу? Отвѣтъ: «Не вмѣшиваться въ чужія дѣла и видѣть въ другихъ все хорошее».

Вопросъ: Когда сердита бываю, то молюсь разсѣянно. Отвѣтъ: «Кто сердится, тотъ лишается покрова Божия. Нужно молиться безъ злопамятности».

Вопросъ: Батюшка, помолитесь, чтобы мнѣ успокоивать другихъ. Отвѣтъ: «Успокойся прежде сама, тогда и другихъ будешь успокоивать».

«Ты должна имѣть любовь, а любовь съ крылами, съ одной стороны – смиреніе, а съ другой – милостыня и всякое снисхожденіе къ ближнему».

Вопросъ: Что значить искренно исповѣдоваться? Отвѣтъ: «Ничего не скрывать, говорить прямо, не округлять».

Вопросъ: Что значить: *еще врагъ твой алчетъ, ухлѣби его, угліе огненное собираешь на главу его*? Отвѣтъ: «Угліе огненное на главѣ означаетъ умъ. Когда ухлѣбишь врага, то умъ его согрѣвается къ тебѣ любовію».

Вопросъ: Говорятъ, когда приобщаешься, то въ этотъ день надо постное ѣсть? Отвѣтъ: «Отецъ Леонидъ говорилъ, что надо почитать этотъ день и не ѣсть молочнаго,

а батюшка Макарій снисходилъ къ немощи и говорилъ, что можно ѣсть».

Вопросъ: Въ книгѣ Варсонофія Великаго написано: «Повергни немощь свою предъ Богомъ». Какъ это? Отвѣтъ: «Когда нападуть помыслы и не въ силахъ бороться, тогда сказать: Господи, Ты видишь немощь мою, я не въ силахъ бороться, помоги мнѣ!»

Вопросъ: Батюшка, помолитесь, чтобы мнѣ исправиться. Отвѣтъ: «Самой надо споспѣшествовать. Пророкъ Наѳанъ молился за царя Давида, а онъ ложе обливалъ слезами, молился и за Саула, а тотъ *спаше и храпляше*».

Батюшка говорилъ: «Четыре добродѣтели: мужество, рассужденіе, цѣломудріе и правда. Цѣломудріе въ томъ состоитъ, чтобы наблюдать за собой во всѣхъ дѣйствіяхъ: въ словахъ, въ дѣлахъ, въ помыслахъ, значить соблюдать цѣлыми всѣ добродѣтели. И бѣсы чисты, но имѣють гордость».

«Надо всегда говорить правду, не человѣкоугодничать. У насъ былъ священникъ; я ему всегда правду говорилъ, когда придетъ ко мнѣ. Ему это не нравилось. А когда уходилъ отъ насъ, то сказалъ мнѣ: ежели бы вы не говорили мнѣ правду, то я не могъ бы и жить здѣсь»

Батюшка рассказывалъ, что когда къ старцу Леониду приходили и не сознавали себя грѣшными, то батюшка о. Леонидъ говорилъ: «Ежели ты не грѣшна, то иди, а то тамъ грѣшные ждутъ».

Вопросъ: Въ мірскомъ домѣ стыдилась креститься, чтобы не увидали. Отвѣтъ: «П. В. С-нъ была въ хорошемъ домѣ, ей захотѣлось пить, а батюшка Макарій

благословиль ей креститься. Она и думаетъ: креститься нельзя и не креститься не хочется, – и не стала пить. Такъ и ты, не хочешь креститься, то и не пей чаю».

Вопросъ: Иногда скупость нападаетъ. Отвѣтъ: «Давай что можно, елико рука возможетъ. Какъ одинъ странникъ просилъ милостыню; одна была скупая и дала ему худой платокъ, а другая добрая и, что просилъ у нея странникъ, все ему давала. Только что ушелъ онъ отъ нихъ, какъ сдѣлался у нихъ пожаръ, и все у нихъ сгорѣло. Странникъ воротился и все имъ отдалъ, – той, которая много подавала, много отдалъ, а скупой сказала: на тебѣ твой платокъ».

Вопросъ: Что значить въ Евангеліи: труждающіеся и обремененные? Отвѣтъ: «Труждающіеся – кто добровольно трудится, а обремененные – кто за грѣхи терпятъ скорби съ трудомъ, а все-таки несутъ».

Батюшка рассказывалъ: «Пришелъ къ батюшкѣ Макарію поваръ и говоритъ: рыбу некому чистить. Батюшка Макарій надѣлъ фартукъ и пошелъ самъ; братія увидали и понашли, а батюшка и говоритъ повару: вотъ ты говоришь, что некому чистить».

Помыслы самомнѣнія непременно надо открывать. У насъ былъ одинъ братъ, у котораго были эти помыслы, но онъ батюшкѣ Макарію почему-то ихъ не говорилъ, а кому-то изъ братіи высказалъ, и тѣ тоже батюшкѣ не сказали. Онъ вышелъ изъ монастыря и застрѣлился».

Вопросъ: Когда въ грубыя искушенія впадаю, то прихожу въ уныніе и даже отчаиваюсь. Отвѣтъ: «Когда о. игумень Антоній былъ болѣнъ, то передъ его смертію

мы съ о. Климентомъ приходили къ нему. Отець Климентъ въ это время о комъ-то сомнѣвался, а о. игумень говорилъ: не надо отчаиваться ни за кого, одинъ діаволь отчаился, а прочіе могутъ спастись».

«Приступитъ человекъ, и сердце глубоко. И вознесетъ Богъ, стрѣлы младенецъ быша язвы ихъ. Приступитъ злой врагъ человекъ и съетъ плевелы на нивѣ Господней. Сердце глубоко – кто самъ себѣ внимаетъ и не смотритъ, кто и какъ что дѣлаетъ, а если онъ призоветъ Бога, то молитва побѣдитъ и отгонитъ нападеніе вражіе, и тогда стрѣлы его будутъ, какъ стрѣлы младенцевъ, какъ мухи кусаютъ».

Батюшка еще говоритъ: *«Человекъ яко трава. Кто гордится, тотъ вянетъ, какъ трава, а кто боится Бога, тотъ будетъ помилованъ Господомъ».*

Вопросъ: Какъ это: *возверзи печаль твою на Господа?* Отвѣтъ: «Это значить жить просто и все упованіе возложить на Господа и не разсуждать, что кто сдѣлалъ, что и какъ будетъ. Царь Давидъ когда думалъ и разсуждалъ по-человѣчески, тогда дошелъ до безнадежнаго состоянія, ни въ чемъ не находилъ себѣ отрады: *поглумляшеся и малодушествова духъ мой. А когда возложилъ упованіе свое на Бога, тогда былъ утѣшенъ: помянухъ Бога и возвеселихся».* *«На хребтѣ моемъ дѣлаша грѣшницы. Врагъ нападаетъ на человекъ страстями, и человекъ дѣлаетъ все, что ему врагъ внушаетъ, и все это на его спинѣ отзывается».*

«Будь снисходительна къ другимъ. Симеонъ Новый Богословъ пишетъ: ежели сто человекъ успокоишь, а одного оскорбишь, то все пропало».

Вопросъ: Что значить: *жезль твой и палица твоя, тамя утѣшиста*. Отвѣтъ: «Жезль – крестъ, скорбь, а палица – молитва Иисусова. Жезль – дѣятельная часть добродѣтели, а палица – умная молитва».

Вопросъ: Бываютъ помыслы, что вы мнѣ довѣряете. Отвѣтъ: «А я тебѣ притчу расскажу. Одного пустынника выбрали архіереемъ, онъ долго отказывался, но они настояли. Тогда онъ и подумалъ: я не зналъ, что я достоинъ, вѣрно, есть что-нибудь у меня хорошее. Въ это время явился ему Ангелъ и говорить: рядниче (рядовой монахъ), что ты возносишься, тамъ люди нагрѣшили и имъ нужно наказаніе, вотъ оттого и выбрали, что хуже тебя не нашлось».

Во время смущенія Батюшка никогда не благословлялъ дѣлать замѣчанія или выговора и рассказалъ, какъ у архимандрита Моисея былъ келейникъ о. Нифонтъ; онъ что-то сдѣлалъ недолжное и ждалъ проборки, а архимандритъ будто и не замѣчаетъ ничего. Отецъ Нифонтъ приходитъ къ нему и все ждетъ выговора, а архимандритъ даетъ ему разныя приказанія. Такъ было нѣсколько разъ. Разъ какъ-то о. Нифонтъ пришелъ къ архимандриту очень веселый, а тотъ сейчасъ дверь на крючокъ и началъ его пробирать».

По записямъ другой монахини Батюшка говорилъ: «Дурные сны бываютъ отъ трехъ вещей – отъ осужденія, отъ тщеславія и отъ объяденія.

Нѣкто спросилъ монаха: кто тебя научилъ молиться? Онъ отвѣтилъ: бѣсы. – Какъ бѣсы? – Да такъ! Они меня бороли разными помыслами, а я отбивался отъ нихъ молитвой.

Безъ преданности Промыслу Божию не приобрѣтешь покоя. Не смиряешься, оттого и не имѣешь покоя.

Златоустъ говоритъ: если хочешь узнать истину о себѣ, ищи ее у враговъ – они тебѣ скажутъ.

Три колечка цѣпляются другъ за друга: ненависть отъ гнѣва, гнѣвъ отъ гордости.

Когда говоришь со смиреннымъ, то отдыхаешь, легко съ нимъ; а когда говоришь съ тѣмъ, кто себя оправдываетъ, а другихъ винить, – охъ, куда какъ умариваешься.

Когда бываетъ безчувствіе, тогда наиболѣе нужно упражняться въ молитвѣ устной.

Когда сердце прилѣпляется къ земному, тогда надо вспомнить, что земное не пойдетъ съ нами въ Царствіе Небесное».

О скорбяхъ, вызываемыхъ случающимися въ монастыряхъ сплетнями и пересудами, о. Амвросій высказывалъ и устно, и письменно слѣдующее: «Кто изъ поступившихъ въ монастырь прямо пойдетъ путемъ смиренія въ страхъ Божию, и сохраняя по совѣсти очи, и слухъ, и языкъ, а въ ошибкахъ прибѣгая къ самоукоренію, тотъ мало увидитъ непріятныхъ случаевъ, а слово «сплетня» для него и существовать не будетъ. Ежели Господь ради нашего спасенія перенесъ заплеванія и заушенія и всякій видъ уничиженія, то кто изъ хотящихъ спастися не долженъ знать, если только онъ имѣетъ правильное стремленіе къ спасенію, что и ему должно понести подобное, хотя въ меньшей мѣрѣ, за грѣхи свои и ради своего спасенія. Главная мысль при постриженіи выражена такъ: «имаши досадитися, и уничижитися, и из-

гнаться, и вся скорбная понести». Кто это знает и помнить, для того слово «сплетни» не может имѣть силы. Если кто спросить, для кого же онѣ существуютъ и имѣють силу? Разумѣется – еще для немощныхъ, хотя и благонамѣренныхъ, у которыхъ самолюбіе еще въ силѣ, хотя бы и прикрывалось благовидно какими-либо мнимо благословными предложениями; – для тѣхъ, которые смотрять на вещи, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ, человѣческимъ окомъ, не бывъ еще свободны отъ того, чтобы получать вниманіе и ласку, и привѣтствіе, и нѣкоторое почтеніе, а иногда и предпочтеніе, особенно, когда представляется на это какъ бы нѣкій предлогъ чрезъ бывшія отъ нихъ благотворенія. Св. апостоль Павелъ оба сказанныя состоянія ясно выразилъ упрекомъ: *начение духомъ, нынѣ плотію скончаваютьъ.*

Какъ же быть въ такомъ случаѣ немощнымъ? Очень просто: сознавать свою немощь, прибѣгать къ самоукоренію и смиренію и въ непріятныхъ случаяхъ болѣе обвинять себя, а не другихъ, и прежде всего смотрѣть на вещи просто, что всѣ мы люди, всѣ человѣки, всякій по своему видитъ, по своему разумѣваетъ, по своему судить и толкуетъ. Въ этомъ судить насъ будетъ одинъ Сынъ Божій, Которому Единому дана сія власть отъ Бога Отца. Когда же оставимъ простоту и будемъ думать и толковать, что, и какъ, и зачѣмъ, и для чего, и кто они, и какъ они, тогда и не будетъ просто, а выйдетъ мудрено, паче же безтолково. Пойдутъ недоумѣнія и недоразумѣнія; не обойдется и безъ жалобы; а скорби-то, скорби-то будутъ невыносимыя. Не помню, гдѣ-то написано, что тщеславіе, если дотронуться до него пальцемъ,

кричить: кожу дерутъ. Хотя и не всегда такъ, а бываетъ, не по малой части, только въ различныхъ видоизмѣненіяхъ. Самолюбіе наше корень всему злу. Оно есть начало всѣхъ страстей, оно есть причина всѣхъ нашихъ бѣдствій и страданій, иногда въ настоящее время, а иногда какъ послѣдствіе прежнихъ ошибокъ. Впрочемъ, не одно самолюбіе бываетъ причиною скорби, а часто и благая рѣшимость жить благочестиво, какъ сказано у Апостола: *вси хотящии благочестно жити, гоними будутъ*. И въ другомъ мѣстѣ сказано: *многи скорби праведнымъ*, только съ прибавленіемъ ободренія: *но отъ всѣхъ ихъ избавитъ я Господь*. Блаженъ, кто принадлежитъ къ числу такихъ и терпитъ скорби за правду и жизнь благочестивую. Какъ же быть тѣмъ, о коихъ сказано: *многи раны грѣшному*? И такимъ не должно отчаяваться, а безъ смущенія и съ упованіемъ на милосердіе Божіе благодушно простираться къ покаянію и смиренію, подражая мытарю, который, видя во всемъ свою неисправность, взывалъ ко Господу: *Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному*. Стараясь жить благочестиво, должно помнить и никогда не забывать, что все читаемое и разумываемое должно относить къ себѣ, а не къ другимъ, къ себѣ быть благоразумно строгимъ, а къ другимъ снисходительнымъ. Благоразумно строгимъ быть – значить не смущаться бестолково. Примѣръ сего мы можемъ видѣть въ дѣтяхъ различнаго возраста, которымъ оказывается снисхожденіе по мѣрѣ ихъ понятій. Есть и дѣти духовныя, которыхъ возрастъ считается не по годамъ или бородамъ и морщинамъ, а положительно сказано: *возрастъ старости есть житіе нескверное*. Скоро ли дожи-

вемъ до такого возраста старости? А не доживши, всё мы требуемъ другъ отъ друга снисхожденія, по любви о Бозѣ: снисходительно слышать, снисходительно видѣть, снисходительно судить о видѣнномъ и слышанномъ. Все это сказано лишь къ свѣдѣнію, чтобы неразумно не утрашиться. На самомъ же дѣлѣ придется многое пере-чувствовать, потому что человѣкъ не вдругъ стяжаетъ безстрастіе. А гдѣ страсти, тамъ и скорби со многими недоумѣніями и недоразумѣніями».

Нѣсколько другой характеръ носятъ наставленія о. Амвросія, сказанныя имъ въ своей хибаркѣ не для однихъ только монашествующихъ, но и для мірскихъ лицъ.

Надо вспомнить, какое впечатлѣніе производила эта хибарка уже сама по себѣ! «Какъ радостно забьется сердце, – рассказываетъ одна ея постоянная посѣтительница, – когда, идя по темному сосновому бору, увидишь въ концѣ дорожки скитскую колокольню, а съ правой стороны убогую келлію смиреннаго подвижника! Какъ легко на душѣ, когда сидишь въ этой тѣсной и душной хибаркѣ, и какъ свѣтло кажется при ея таинственномъ полусвѣтѣ! Сколько людей перебивало здѣсь! И приходили сюда, обливаясь горькими слезами скорби, а выходили со слезами радости; отчаянные – утѣшенными и ободренными; невѣрующіе и сомнѣвающіеся – вѣрными чадами Церкви».

«Здѣсь жилъ «Батюшка» – источникъ столькохъ благодѣяній и утѣшеній. Ни званіе человѣка, ни состояніе не имѣли никакого значенія въ его глазахъ. Ему нужна была только душа человѣка, которая настолько была до-

рога для него, что онъ, забывая себя, всѣми силами старался спасти ее, поставить на истинный путь. Съ утра до вечера, удрученный недугомъ, Старецъ принималъ посѣтителей, подавая каждому по потребности. Слова его принимались съ вѣрой и были закономъ. Благословеніе его или особенное вниманіе считалось великимъ счастіемъ; и удостоившіеся этого выходили отъ него, крестясь и благодаря Бога за полученное утѣшеніе».

Свѣтлымъ, благотворнымъ, неисчерпаемымъ потокомъ лились въ хибаркѣ тихія рѣчи благодатнаго Старца и разносились внимательными и умиленными сердцами слушателей по самымъ отдаленнымъ уголкамъ Россіи и передавались изъ устъ въ уста, какъ драгоценные уроки святой, чистой христіанской жизни.

«Какъ жить? – говорилъ Старецъ. – Жить – не тужить, никого не осуждать, никому не досаждать, и всѣмъ – мое почтеніе».

«Нужно жить нелицемѣрно и вести себя примѣрно; тогда наше дѣло будетъ вѣрно, а иначе выйдетъ скверно». «Мы должны жить на землѣ такъ, какъ колесо вертится. – чуть только одной точкой касается земли, а остальными непремѣнно стремится вверхъ; а мы какъ заляжемъ на землю, такъ и встать не можемъ».

«Чтобы идти въ монастырь, надо терпѣнія не возъ, а цѣлый обозъ».

«Чтобы быть монашенкой, надо быть либо желѣзной, либо золотой: желѣзной – значить имѣть большое терпѣніе; золотой – большое смиреніе».

«Иди, куда поведутъ, смотри, что покажутъ, и все говори: да будетъ воля Твоя».

«Что тебѣ за дѣло, что про тебя говорятъ, – сказалъ какъ-то Старець, – если слушать чужія рѣчи, придется взвалить осла на плечи».

«Обѣщаніе безъ исполненія – все равно, что дерево безъ плода».

Еще говорилъ Старець: «Гдѣ просто, тамъ Ангеловъ со сто, а гдѣ мудрено, тамъ ни одного». А иногда прибавлялъ къ этому: «Гдѣ нѣтъ простоты, тамъ одна пустота».

Когда Батюшкѣ говорилъ кто-нибудь: не могу, онъ нерѣдко рассказывалъ на это про одного купца, который все говорилъ: не могу, не могу, – слабъ. А пришлось ему разъ ѣхать по Сибири; онъ былъ закутанъ въ двухъ шубахъ и ночью задремалъ; открылъ глаза и вдругъ видитъ точно сіяніе передъ собою, все какъ будто звѣзды мелькаютъ; глядитъ, волки... Какъ онъ вскочить... Да забывъ про тяжесть шубъ, прямо на дерево...

«Напрошенный крестъ, – говорилъ Старець, – трудно нести, а лучше въ простотѣ предаться волѣ Божіей. *Не попуститъ бо Богъ искушиться выше мѣры, но сотворитъ со искушеніемъ и избытіе*».

О томъ, что безъ смиренія невозможно спастись, о. Амвросій рассказывалъ: «Одна госпожа видѣла во снѣ Господа Іисуса Христа и предъ Нимъ толпу народа. На Его зовъ первою подошла къ Нему дѣвушка крестьянка, а потомъ мужикъ въ лаптяхъ и еще всѣ люди крестьянскаго сословія. Госпожа подумала, что и ее за доброту и вообще за всѣ ея добродѣтели Господь скоро позоветъ. Каково же было ея удивленіе, когда она увиdла, что Господь пересталъ уже и звать. Она рѣшилась

было сама напомнить о себѣ Господу, но Онъ совсѣмъ отвратился отъ нея. Тогда она упала на землю и начала смиренно сознаваться, что она действительно хуже всѣхъ и недостойна быть въ Царствіи Небесномъ». Батюшка затѣмъ прибавилъ: «А вотъ такія-то и годятся; такихъ-то тамъ и надо».

На слова одной, стоявшей около Старца: «гордость мѣшаетъ во всемъ», онъ отвѣтилъ: «А ты закутайся въ смиреніе; тогда если и небо къ землѣ прильнетъ, не страшно будетъ».

Человѣкъ въ счастіи забывается и все приписываетъ себѣ – своей безсильной силѣ и мнимой власти; но лишь посѣтитъ его какое-либо несчастье, просить пощады даже и у воображаемаго врага. Эту истину о. Амвросій такъ изображалъ: «Человѣкъ какъ жукъ. Когда теплый день и играетъ солнце, летитъ онъ, гордится собою и жужжить: всѣ мои лѣса, всѣ мои луга! Всѣ мои луга, всѣ мои лѣса! – А какъ солнце скроется, дохнетъ холодомъ и загуляетъ вѣтеръ, – забудетъ жукъ свою удалъ, прижмется къ листку и только пищить: не спихни!»

Еще разсказывалъ Старецъ, какъ иногда обстоятельства нечаянно смиряютъ человѣка: «Разъ кто-то устроилъ у себя обѣдъ и разослалъ своихъ слугъ приглашать гостей. Одинъ изъ приглашаемыхъ и спрашиваетъ присланнаго къ нему слугу: неужели у твоего господина получше тебя никого не нашлось послать ко мнѣ? На это посланный отвѣчалъ: хорошихъ-то по хорошимъ разослали, а меня ужъ къ вашей милости».

Говорилъ еще о. Амвросій о смиреніи: «Пришелъ, было, къ настоятелю, о. архимандриту Моисею одинъ

посѣтитель, но, не заставъ его дома, отправился къ его родному брату о. игумену Антонію. Среди разговора гость и спросилъ о. игумена: «Скажите, Батюшка, како-го вы держитесь правила?» – Отецъ Антоній отвѣтилъ: «Много было у меня правилъ; жилъ я въ пустынь и по монастырямъ, и все разныя были правила; а теперь осталось одно мытарево: *Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному!*»

«Лишь только смирится человѣкъ, – говариваль Старецъ, – какъ тотчасъ же смиреніе поставляетъ его въ преддверіи Царства Небеснаго». «Разсужденія, – говорилъ Старецъ, – не достигнешь безъ любви и смиренія, а смиренія и любви – безъ послушанія».

«Одна все хотѣла странствовать туда и сюда – и въ Кіевъ, и въ Задонскъ; а одинъ старецъ и говоритъ ей: все это тебѣ не на пользу; а сиди-ка лучше дома и твори мытареву молитву».

О раздражительности Старецъ говорилъ: «Никто не долженъ оправдывать свою раздражительность какою-нибудь болѣзнью, – это происходитъ отъ гордости. А *гнѣвъ мужа*, по слову св. Апостола, *правды Божія не содѣлываетъ*. Чтобы не предаваться раздражительности и гнѣву, не должно торопиться».

Бесѣдуя о зависти и памятозлобіи, Старецъ сказалъ: «Нужно заставлять себя, хотя и противъ воли, дѣлать какое-нибудь добро врагамъ своимъ; а главное – не мстить имъ и быть осторожнымъ, чтобы какъ-нибудь не обидѣть ихъ видомъ презрѣнія и униженія».

Кто-то сказалъ Старцу: «Какъ это вы, Батюшка, только не гнѣваетесь на тѣхъ, кто объ васъ нехорошо го-

ворить, но и продолжаете любить их?» Старець много этому смѣялся и сказалъ: «У тебя былъ маленькій сынъ, сердилась ли ты на него, если онъ что и не такъ дѣлалъ и говорилъ? Не старалась ли, напротивъ, какъ нибудь покрывать его недостатки?»

Старець говорилъ о св. Александрѣ Невскомъ, что онъ былъ и воевода, и государь, и отецъ семейства, и мученикъ, и исповѣдникъ, и монахъ и, наконецъ, схимникъ. Всѣмъ былъ и во всемъ умѣлъ явить образецъ достойный подражанія. Рассказывалъ про него, что когда онъ съ другими явился въ Золотую Орду и, подобно другимъ, съ нимъ бывшимъ, не сталъ кланяться кусту, ханъ, казнивъ его спутниковъ, пощадилъ его за красоту и представительность. «Слѣдовательно, – говорилъ Батюшка, – красота и представительная наружность есть также даръ Божій, есть талантъ, въ употребленіи котораго мы также должны отдать отчетъ Богу».

Батюшка говорилъ: «Кто праздники не почитаетъ, тому нѣтъ удачи».

Еще говорилъ Батюшка: «Григорій Двоесловъ пишетъ о томъ, какою цѣною пріобрѣтается Царствіе Небесное. Для него не существуетъ цѣны определенной. Всякій человѣкъ долженъ отдать за него все, что имѣетъ. Апостоль Петръ отдалъ сѣти и получилъ Царство Небесное, вдовица отдала двѣ лепты; у кого милліоны, пусть дасть ихъ; а у кого ничего нѣтъ, пусть отдастъ произволеніе».

«Если не хочется молиться, надо понуждать себя, – говорилъ Старець; святые отцы говорятъ, что молитва съ понужденіемъ выше произвольной молитвы. Не хо-

чется, но понуждай себя: *нудится бо Царствіе Небесное*».

На книгѣ преп. Варсонофія Великаго и Іоанна Пророка Батюшка написаль: «Кто хочетъ себѣ внимать, тотъ долженъ книгу сію внимательнѣе читать, побольше дома сидѣть, поменьше по сторонамъ глядѣть, по келліямъ не ходить и къ себѣ гостей не водить; другихъ не осуждать, а о своихъ грѣхахъ ко Господу Богу воздыхать, дабы получить милость Божію».

О любви Старець говорилъ: «Любовь, по слову Апостола, *все прощаетъ, долготерпитъ, не осуждаетъ, ничего чужого не желаетъ, не завидуетъ*».

«Любовь покрываетъ все. И если кто дѣлаетъ ближнимъ добро по влеченію сердца, а не движимый только долгомъ, то таковому діаволъ мѣшать не можетъ; а гдѣ только по долгу, тамъ онъ все-таки старается помѣшать тѣмъ или другимъ».

«Трудящемуся Богъ посылаетъ милость, а любящему утѣшеніе».

«Любовь, конечно, выше всего. Если ты находишь, что въ тебѣ нѣтъ любви, а желаешь ее имѣть, то дѣлай дѣла любви, хотя сначала безъ любви. Господь увидитъ твое желаніе и стараніе и вложитъ въ сердце твое любовь. А главное, когда замѣтишь, что погрѣшила противъ любви, сейчасъ же исповѣдуй это старцу. Это можетъ быть иногда отъ дурного сердца, а иногда и отъ врага. Сама ты не можешь этого разобрать; а когда исповѣдуешь, врагъ и отойдетъ».

«Всегда лучше уступить, – говорилъ Батюшка, – если будешь настаивать справедливо – это все равно, что

рубль ассигнаціей, а если уступишь – рубль серебромъ».

«Кто имѣть дурное сердце, не долженъ отчаиваться; потому что съ Божіею помощію человѣкъ можетъ исправить свое сердце. Нужно только внимательно слѣдить за собою и не упускать случая быть полезнымъ ближнимъ, часто открываться старцу и творить посильную милостыню. Этого, конечно, нельзя сдѣлать вдругъ, но Господь долготерпитъ. Онъ тогда только прекращаетъ жизнь человѣка, когда видитъ его готовымъ къ переходу въ вѣчность или же когда не видитъ никакой надежды на его исправленіе».

«Если будешь принимать людей Бога ради, то, по вѣрь, всѣ будутъ къ тебѣ хороши».

«Чтобы человѣку исправить себя, не надо вдругъ налегать, а какъ тянуть барку: тyani-тyani-тyani, – отдай-отдай! – Не все вдругъ, а понемногу. Знаешь рожонъ на корабль? Это такой шестъ, къ которому привязаны всѣ веревки корабля; и если тянуть за него, то потихоньку и все тянется; а если взять сразу, то все испортишь отъ потрясенія».

«Безстрастными вѣдь не сейчасъ можно сдѣлаться; а всякій разъ, чувствуя свою грѣховность, говори: Господи, прости мнѣ! Господь одинъ силенъ вложить въ сердце человѣка любовь».

О милостынѣ старецъ Амвросій говорилъ: «Св. Димитрій Ростовскій пишетъ: если пріѣдетъ къ тебѣ человѣкъ на конѣ и будетъ у тебя просить, подай ему. Какъ онъ употребитъ твою милостыню, ты за это не отвѣчаешь».

Еще: «Св. Іоаннь Златоустъ говорить: начини отдавать неимущимъ, что тебѣ ненужно, что у тебѣ валяется; потомъ будешь въ состояніи давать и больше и даже съ лишеніемъ себя, а, наконецъ, уже готовъ будешь отдать и все, что имѣешь».

«Безбожникамъ, – говорилъ Старецъ, – нѣтъ оправданія. Вѣдь всѣмъ, всѣмъ рѣшительно, и язычникамъ, проповѣдуется Евангеліе; наконецъ, по природѣ всѣмъ намъ отъ рожденія вложено чувство познанія Бога; стало быть, сами виноваты. Ты спрашиваешь, можно ли за такихъ молиться. Конечно, молиться за всѣхъ можно».

«Батюшка, – спросилъ кто-то, – вѣдь не можетъ ощущать въ будущей жизни полного блаженства тотъ, котораго близкіе родные будутъ мучиться въ аду?» Старецъ отвѣтилъ: «Нѣтъ, тамъ этого чувства уже не будетъ; про всѣхъ тогда забудешь. Это все равно, какъ на экзаменѣ. Когда идешь на экзаменъ, еще страшно, и толпятся разнородныя мысли; а пришла – взяла билетъ, про все забыла».

О лѣности и уныніи Старецъ говорилъ: «Скука унынію внука, а лѣности дочь. Чтобы отогнать ее прочь, въ дѣлѣ потрудись, въ молитвѣ не лѣнись, тогда и скука пройдетъ, и усердіе придетъ. А если къ сему терпѣнія и смиренія прибавишь, то отъ многихъ золь себя избавишь».

О нечувствіи и безстрашіи Батюшка сказалъ: «Смерть-то не за горами, а за плечами; а намъ хоть колъ на головѣ теши».

«Если на одномъ концѣ деревни будутъ вѣшать, на другомъ концѣ не перестанутъ грѣшить, говоря: до насъ еще не скоро дойдутъ».

Пришелъ къ Старцу одинъ господинъ, не вѣрующій въ бѣсовъ. Старецъ ему разсказаль: «Пріѣхаль въ одну деревню баринъ въ гости къ своимъ знакомымъ и выбралъ самъ себѣ комнату для ночлега. Ему говорятъ: не ложитесь тутъ, – въ этой комнатѣ неблагополучно. Но онъ не повѣрилъ и только надъ этимъ посмѣялся. Легъ. Но вдругъ слышитъ ночью, что кто-то дуетъ ему прямо въ лысину. Онъ укрылся съ головою одѣяломъ. Тогда этотъ кто-то перешелъ къ его ногамъ и сѣлъ на постели. Гость испугался и со всѣхъ ногъ бросился бѣжать оттуда, увѣрившись собственнымъ опытомъ въ существованіи темной силы». Выслушавъ разсказъ Старца, господинъ сказалъ: «Воля ваша, Батюшка, я даже не понимаю, что это за бѣсы». На это Старецъ отвѣтилъ: «Да вѣдь и математику не всѣ понимаютъ, однако она существуетъ. Какъ же бѣсы не существуютъ, когда знаемъ изъ Евангелія, что Самъ Господь велѣлъ бѣсамъ войти въ стадо свиней?» Господинъ возразилъ: «Но вѣдь это иносказательно?» – «Стало быть, – отвѣтилъ Старецъ, – и свиньи иносказательны, и свиней не существуетъ? А если существуютъ свиньи, значить, существуютъ и бѣсы».

Обличая ложный стыдъ и малодушіе въ вѣрѣ, Старецъ разсказаль: «Одинъ такъ-то не вѣрилъ въ Бога. А когда, во время войны на Кавказѣ, пришлось ему драться, онъ въ самый разгаръ сраженія, когда летѣли мимо его пули, пригнулся, обнялъ свою лошадь, и все время читаль: Пресвятая Богородица, спаси насъ! – А потомъ, когда, вспоминая объ этомъ, товарищи смѣялись надъ нимъ, онъ отрекся отъ своихъ словъ». Сказавъ это, Старецъ прибавилъ: «Лицемѣріе хуже невѣрія».

О покаяніи Старець говорилъ: «Какое нынѣ настало время! Бывало, если кто искренно раскается во грѣхахъ, то уже и перемѣняетъ свою грѣховную жизнь на добрую; а теперь часто бываетъ такъ: человѣкъ и расскажетъ на исповѣди всѣ свои грѣхи въ подробности, а потомъ опять за свое принимается».

«Одинъ разъ сидѣлъ бѣсъ въ образѣ человѣка и болталъ ногами. Видѣвшій это духовными очами спросилъ его: что же ты ничего не дѣлаешь? Бѣсъ отвѣчалъ: да мнѣ ничего теперь не остается дѣлать, какъ только ногами болтать; люди все дѣлають лучше меня».

О силѣ покаянія Старець такъ говорилъ: «Одинъ все грѣшилъ и каялся, – и такъ всю жизнь. Наконецъ, покался и умеръ. Злой духъ пришелъ за его душой и говорить: онъ мой. Господь же говоритъ: нѣтъ, онъ каялся. – Да вѣдь хотъ каялся и опять согрѣшалъ, – продолжалъ діаволь. Тогда Господь ему сказалъ: если ты, будучи золь, принималъ его опять къ себѣ послѣ того, какъ онъ Мнѣ каялся: то какъ же Мнѣ не принять его послѣ того, какъ онъ, согрѣшивъ, опять обращался ко Мнѣ съ покаяніемъ? Ты забываешь, что ты золь, а Я благъ».

Спросили у Батюшки: что значить плачь? Батюшка отвѣчалъ: «Плачь – значить сѣтованіе; неплачь бываетъ отъ слезъ, а слезы отъ плача».

«Грѣхи, какъ грецкіе орѣхи, – скорлупу расколешь, а зерно выковырять трудно».

«Три степени для спасенія. Сказано у св. Іоанна Златоуста: а) не грѣшитъ, б) согрѣшивши каяться, в) кто плохо кается, тому терпѣть находящія скорби».

«Бываетъ, что хотя грѣхи наши черезъ покаяніе и прощаются намъ, но совѣсть все не перестаетъ упрекать насъ. Покойный старецъ о. Макарій для сравнения показывалъ иногда свой палець, который давно когда-то былъ порѣзанъ; боль давно прошла, а шрамъ остался. Такъ точно и послѣ прощенія грѣховъ остаются шрамы, т. е. упреки совѣсти».

«Креста для человѣка Богъ не творить. И какъ ни тяжело бываетъ у иного человѣка крестъ, который несетъ онъ въ жизни; а все же дерево, изъ котораго онъ сдѣланъ, всегда вырастаетъ на почвѣ его сердца».

«Вотъ я, напримѣръ, всегда былъ болтуномъ, любилъ съ людьми поговорить, поразвлечься; Господь и устроилъ такъ, что пришлось мнѣ всю жизнь свою толковать съ народомъ. Теперь и радъ бы помолчать, да не приходится».

«Когда человѣкъ идетъ прямымъ путемъ, для него и креста нѣтъ. Но когда отступить отъ него и начнетъ бросаться то въ ту, то въ другую сторону; вотъ тогда являются разныя обстоятельства, которыя и толкаютъ его опять на прямой путь. Эти толчки и составляютъ для человѣка крестъ. Они бываютъ, конечно, разные, кому какіе нужны».

«Человѣка постоянно смущаютъ грѣховныя помыслы; но если онъ не соизволяетъ имъ, то не бываетъ въ нихъ виновенъ».

«Одна подвижница долгое время обуреваема была нечистыми помыслами. Когда же явившійся ей Господь отогналъ ихъ отъ нея, она воззвала къ Нему: Гдѣ Ты былъ доселѣ, о сладкій мой Іисусе? Господь отвѣтилъ:

быль въ твоємъ сердцѣ. Она же сказала: какъ же это могло быть? Вѣдь сердце мое было исполнено нечистыхъ помысловъ. И сказалъ ей Господь: потому разумѣй, что Я былъ въ твоємъ сердцѣ, что ты никакого расположенія не имѣла къ нечистымъ мыслямъ, а болѣе старалась избавиться отъ нихъ, но не имѣя возможности, болѣзновала о семъ, – и этимъ уготовила Мнѣ мѣсто въ сердцѣ твоємъ». «Иногда посылаются человѣку скорби безвинно для того, чтобы онъ, по примѣру Христа, страдалъ за другихъ. Самъ Спаситель прежде пострадалъ за людей. Апостолы Его также мучились за Церковь и за людей. Имѣть совершенную любовь и значить страдать за ближнихъ».

«Отъ чего люди грѣшатъ? – задавалъ иногда Старецъ вопросъ, и самъ же рѣшалъ его. – Или отъ того, что не знаютъ, что должно дѣлать и чего избѣгать, или, если знаютъ, то забываютъ: если же не забываютъ, то лѣнятся, унываютъ... Это три исполина. – уныніе или лѣность, забвеніе и невѣдѣніе, – отъ которыхъ связанъ весь родъ человѣческій нерѣшимыми узами. А за тѣмъ уже слѣдуетъ нерадѣніе со всѣмъ сонмищемъ злыхъ страстей. Потому мы и молимся Царицѣ Небесной: «Пресвятая Владычице моя Богородице, святыми Твоими и всесильными мольбами отжени отъ меня смиреннаго и окаяннаго раба Твоего уныніе, забвеніе, неразуміе, нерадѣніе и вся скверная, лукавая и хульная помышленія» и прочее.

Многимъ о. Амвросій совѣтовалъ, и въ письмахъ, и устно, не оставлять краткой молитвы Іисусовой: «Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго».

Батюшка о. Амвросій совѣтоваль при козняхъ чelовѣческихъ и вражескихъ прибѣгать къ псалмамъ св. пророка Давида, которыми молился онъ, когда былъ въ гоненіи отъ враговъ, а именно читать псалмы: 3-й, 53-й, 58-й, 142-й. Выбирать изъ этихъ псалмовъ стихи, приличные къ скорби, и почасту прочитывать ихъ, обращаясь къ Богу съ вѣрою и смиреніемъ. А когда будетъ бороть уныніе или томить душу безотчетная скорбь – прочитывать 101-й псаломъ, 36-й (*Не ревнуй лукавнующимъ, ниже завиди творящимъ беззаконіе*), затѣмъ псаломъ 26-й (*Господь просвѣщеніе мое*) и псаломъ 90-й (*Живый въ помощи Вышняго*). Ежели во имя Св. Троицы исправно читать эти псалмы ежедневно по три раза со смиреніемъ и усердіемъ, предавая себя всеблагову Промыслу Божію, *тогда изведетъ Господь яко свѣтъ правду твою и судьбу твою яко полудне, точію повинися Господеву и умоли Его.*

Полезно также читать псаломъ 39-й (*Терпя потерпѣхъ Господа, и внять ми*).

Указывая, что чelовѣку нечѣмъ гордиться, Старецъ прибавлялъ: «Да и чѣмъ въ самомъ дѣлѣ чelовѣку тутъ возноситься? – Оборванный, ошипанный просить милостыни: помилуй, помилуй! – А подается ли милость, это еще кто знаетъ».

Когда Старцу жаловались, что постороннія мысли мѣшаютъ молиться, онъ сказалъ: «Бѣхаль мужикъ по базару; вокругъ него толпа народу, говоръ, шумъ; а онъ все на свою лошадку: но-но! но-но! – такъ помаленьку, помаленьку и пробѣхаль весь базаръ. Такъ и ты, что бы ни говорили помыслы, все свое дѣло дѣлай – молись!»

Чтобы люди не оставались въ безпечности и не возлагали всю свою надежду на постороннюю молитвенную помощь, Старець повторялъ обычную народную поговорку: «Боже-то поможи, – да и самъ мужикъ не лежи». И прибавлялъ: «Вспомни, двѣнадцать Апостоловъ просили Спасителя за жену хананеянку, но Онъ не услышалъ ихъ; а сама стала просить, упростила».

Чтобы показать, что Богъ главнымъ образомъ смотритъ на внутреннее молитвенное расположение челоуѣка, о. Амвросій говорилъ: «Пришелъ какъ-то къ о. игумену Антонію одинъ больной ногами и говоритъ: Батюшка, у меня ноги болятъ, – не могу класть поклоны, и это меня смущаетъ. Отецъ Антоній отвѣтилъ ему: но вѣдь въ Писаніи сказано: сыне, даждь ми сердце, а не ноги».

Одна монахиня сказала Старцу, что видѣла во снѣ икону Божіей Матери и услышала отъ Нея: «Принеси жертву». Батюшка спросилъ: «Что же, ты принесла жертву?» Та отвѣтила: «Что же я принесу? У меня ничего нѣтъ». Тогда Батюшка сказалъ: «Въ псалмахъ написано: *жертва хвалы прославить мя*».

При разговорѣ о Дарьюшкѣ-странницѣ Старець, вздохнувъ, сказалъ: «Да, Господь почиваетъ въ простыхъ сердцахъ. Золото вездѣ видно, и вездѣ проглянеть, несмотря даже на угловатость; а другой, какъ ни кудрявся, все золотомъ не будетъ». На замѣчаніе, что Дарьюшка хорошо умерла, Батюшка сказалъ: «Отъ того и кончина была хорошая, что жила хорошо. Какъ поживешь, такъ и умрешь».

О томъ, какъ трудно искореняются грѣховныя привычки въ человѣкѣ и какъ много значить примѣръ другихъ, Старецъ говорилъ: «Какъ на пойманную въ табунѣ одичалую лошадь, когда накинуть арканъ и поведутъ, она все упирается и сначала идетъ бокомъ; а потомъ, когда присмотрится, что прочія лошади идутъ спокойно, и сама пойдетъ въ рядъ: такъ и человѣкъ».

О сѣтяхъ діавольскихъ о. Амвросій говорилъ: «Паукъ лѣнивый сидитъ на одномъ мѣстѣ, выпустить ниточку и ждетъ – какъ только попадется муха, сейчасъ и голову ей долой! А муха-то жужжить». При этомъ Батюшка многозначительно прибавилъ: «Зажужжимъ! – Такъ и врагъ всегда протягиваетъ сѣти; какъ кто попадется, сейчасъ ему и голову долой». Затѣмъ Старецъ обратился къ кому-то и говорить: «Смотри, – не будь мухой, а то такъ же жужишь».

Сама жизнь нерѣдко направляетъ человѣка на истинный путь. «Какой-то отецъ послалъ своего сына въ лесъ за дѣломъ; а сынъ и говорить: «Батюшка, какъ же я тамъ буду одинъ? Я ничего не знаю». – «Ничего, ступай, – говоритъ ему отецъ. нужна всему научить». Онъ поѣхалъ; но вотъ въ лѣсу сломались у него сани. Вспомнилъ онъ слова отца, – нужна всему научить, – и давай кричать: «Нужда-а!» – А она отвѣчаетъ ему: «А – а!» Ждалъ, ждалъ онъ, кричалъ, кричалъ, никто не пришелъ къ нему на помощь. Тогда онъ слѣзъ, самъ кое-какъ поправилъ сани, пріѣхалъ къ отцу и говорить: «Обманулъ ты меня, батюшка – вѣдь нужда-то не пришла ко мнѣ на помощь». – «Да какъ же ты справился?» – Да такъ ужъ, кое-какъ». – Вотъ это-то самое, что ты кое-

какъ справился, и показываетъ, что нужда тебѣ помогла».

Батюшка любилъ иногда въ риѣму именамъ или фамиліямъ своихъ собесѣдниковъ дѣлать шутливья замѣчанія, въ которыхъ подъ внѣшнею шуткою скрывался глубокій внутренній смыслъ и серьезное наставленіе.

«Смотри, Мелитона, – говорилъ онъ одной монахинѣ, предостерегая ее отъ высокомѣрія, – держись средняго тона; возьмешь высоко, будетъ нелегко, возьмешь низко, будетъ склизко; а ты, Мелитона, держись средняго тона».

Вѣра, будь вѣрой твердой. не будь вѣрой слабой.

Надежда – да не душъ нашихъ.

Любовь терпитъ и до-олго терпитъ, а если немного не дотерпитъ – ничего не будетъ – *претерпѣвый бо до конца, – той спасенъ будетъ.*

Катя! Назадъ не пяти. Или: А что Катя назадъ не пятить? Еще: Катишь! Смотри, куда катишь. Кати туда, гдѣ тишь. да гладъ, да Божья благодать.

Лизокъ! Смотри внизокъ, тамъ находится смиренье и обрѣтается терпѣнье.

Груша просится тпруши, а мы ее притянемъ за уши.

Маня! Мани, мани, да не обмани! Еще: если Маня себя не обманя – будетъ очень, очень хорошо.

Нашъ Ниль всѣмъ милъ, а иногда бываетъ и гниль.

Будь Анна, а не Аннетта – въ Аннеттахъ проку нѣту.

Мать Евменія! Собери свое разумѣніе. Или: Мать Евменія растеряла свое разумѣніе.

Одной особѣ по фамиліи Блохиной: «Когда же блохи бываютъ плохи? Или: Времена стали плохи: блохи и

тѣ испускають неправильные вздохи». (Замѣчательно, что когда она была еще молоденькой дѣвочкой, сестра ея, относившаяся всегда къ Батюшкѣ, разъ высказала ему свое огорченіе по поводу того, что, какъ не уговаривала она сестру поѣхать съ нею къ Старцу, она никакъ не соглашается. Батюшка сказалъ: «Когда ее блоха укуситъ, тогда и она къ намъ пріѣдетъ». Она слово блоха приняла просто за насѣкомое кусающееся, но оказалось, что слово это имѣло иное значеніе. Она вышла замужъ за Блохина, и, когда въ ихъ жизни начались непріятности, она и пріѣхала къ Батюшкѣ.)

Одному скитскому послушнику Максиму Батюшка при каждомъ почти свиданіи повторялъ: «Въ Коломнѣ на кладбищѣ есть такого рода надпись: подъ камнемъ симъ лежитъ Максимъ. Имъ бы жить да веселиться, а они изволили на тотъ свѣтъ переселиться». Вскорѣ Максимъ внезапно скончался.

Маленькой дѣвочкѣ Марѣ: «Марѣа печется на солнцѣ, а вырастетъ – будетъ и другихъ припекать».

Свою любовь къ людямъ и заботливость о нихъ о. Амвросій проявлялъ всѣми возможными способами – и матеріальною помощью, и духовнымъ руководствомъ. Приносимыя ему вещи онъ раздавалъ черезъ келейниковъ нуждающимся монашествующимъ; присылаемыя же деньги дѣлилъ на три части, – одну часть отсылалъ скитоначальнику на нужды Скита и на поминъ благодѣтелей, другую часть опредѣлялъ на бѣдныхъ и, наконецъ, третью, самую малую часть, отдѣлялъ на лампадное масло и восковыя свѣчи для отпращиванія своихъ келейныхъ бдѣній и другихъ молит-

вословій. Милостыня всѣмъ ежедневно приходившимъ къ нему бѣднымъ подавалась имъ также черезъ келейниковъ. Въ исключительныхъ случаяхъ подавалъ Старецъ и самъ. Разъ какъ-то онъ поспѣшно выходитъ изъ хибарки въ келлію и тутъ же, мимоходомъ, обращается къ своему писарю: «Вотъ тамъ пришла женщина съ сиротами, – малъ мала меньше. Всѣхъ сиротъ человѣкъ пять, а ѣсть нечего. Сама горько плачетъ и проситъ о помощи. А самый маленькій ничего не говоритъ, а только смотреть мнѣ въ глаза, поднявъ ручки грабельками. Какъ же не дать ему!» Старецъ сталъ доставать деньги. Руки отъ волненія дрожать, слезы противъ воли просятся изъ глазъ.

Ежегодно къ великимъ праздникамъ Рождества Христова и Св. Пасхи разсылалось Старцемъ по нѣскольку десятковъ денежныхъ писемъ въ разныя мѣста къ не могущимъ явиться къ нему за милостынею лично. Посылалось рубля по три, по пяти и болѣе. Къ концу жизни Старца число такихъ разсылавшихся къ великимъ праздникамъ денежныхъ писемъ возросло до двухсотъ. Бывали, хотя рѣдко, случаи, когда о. Амвросій посылалъ одному лицу рублей по сто и болѣе. Нѣкоторые бѣдныя монахини почти, можно сказать, содержались на его счетъ. Многимъ онъ помогаль и цѣлыя семьи поддерживалъ матеріально при содѣйствіи относившихся къ нему съ довѣріемъ богатыхъ людей.

Наконецъ, многолюдная Шамординская обитель, со множествомъ бѣдныхъ, больныхъ, сиротъ, калѣкъ и безпріютныхъ, получала свое содержаніе отъ Старца или ради него.

Любовь и состраданіе Старца къ людямъ были таковы, что онъ не оставлялъ безъ вниманія, участія и помощи самага, по-видимому, маловажнаго ихъ горя, которое въ глазахъ другихъ людей казалось смѣшнымъ и не заслуживающимъ никакого вниманія. Однажды остановила его крестьянка, которая была нанята помѣщицей пасти индюшекъ. Индюшки у нея не жили, и барыня хотѣла ее расчестъ. «Батюшка, – кричала въ слезахъ баба, – хоть ты помоги мнѣ. Силь моихъ нѣтъ. Сама надъ ними не доѣдаю, пуще глазъ берегу, а колѣютъ онѣ. Согнать меня барыня хочетъ. Пожалѣй, родимый!» Присутствовавшіе тутъ смѣялись надъ ея глупостью, зачѣмъ она съ такими пустяками идетъ къ Старцу. А Старецъ ласково спросилъ ее, какъ она ихъ кормить, и далъ совѣтъ, какъ ихъ содержать иначе, благословилъ ее и простился. Тѣмъ же, которые смѣялись надъ крестьянкой, онъ замѣтилъ, что въ этихъ индюшкахъ вся ея жизнь. Индюшки у бабы перестали колѣть.

Когда Шамордино только что устраивалось и сестеръ было мало, у Батюшки попросилась въ новый монастырь одна пожилая, но здоровая женщина. Батюшка принялъ ее и отправилъ на Рудновскій хуторъ ходить за скотомъ. Съ усердіемъ принялась она за свое послушаніе и трудилась исправно, но затѣмъ, мало-помалу, стала тяготиться тѣмъ, что живетъ она не въ монастырѣ, отъ церкви далеко и молиться некогда, все только о коровахъ да о свиньяхъ думать надо. Уныніе овладѣло ею настолько, что она стала роптать и на Старца, говоря: «Я просилась у Батюшки въ монастырь, а онъ меня послалъ къ свиньямъ», – и, наконецъ, рѣшила уйти со-

всѣмъ куда-нибудь въ другой монастырь, но ни Старцу и никому объ этомъ не сказала. Въ это время случилось, что Батюшка прїѣхалъ въ Рудново, и слѣдомъ за нимъ, по обыкновенію, наѣхало много мірскихъ, между которыми было нѣсколько видныхъ лицъ. Батюшка принялъ всѣхъ на общее благословеніе, и прїѣзжіе стали просить Старца принять ихъ отдѣльно, но Батюшка отвѣтилъ: «Вы люди свободные, а я сюда прїѣхалъ, чтобы заняться съ здѣшними сестрами, которыя постоянно трудятся и рѣдко меня видятъ». Съ этими словами онъ проводилъ всѣхъ изъ своей келліи, а къ себѣ позвалъ унывающую старушку-скотницу. «Дурень, – сказала ей ласково Батюшка, – что же ты скорбишь, что ты мнѣ не нужна, и уходить собираешься; я всѣхъ прїѣзжихъ оставилъ, а тебя принялъ. Ну, рассказывай мнѣ, какъ поживаютъ твои телята и поросята». Этихъ короткихъ, но согрѣтыхъ отеческой любовью словъ было достаточно, чтобы всякая мысль не только объ уходѣ, но и о какомъ бы то ни было недовольствѣ совершенно исчезла безъ слѣда. Не только въ то время, но и впослѣдствіи, когда уже и Старца не стало, въ минуты, когда ослабѣвало терпѣніе, эти слова служили ей одушевленіемъ и ободреніемъ.

Одинъ современный писатель, вообще не расположенный къ монашеству, но очень благоволящій къ старцу Амвросію, сообщаетъ слѣдующіе случаи любвеобильной попечительности Старца.

«Дочь одного именитаго купца, дѣвушка образованная, но скромная, увлеченная однимъ молодымъ профессоромъ, сдѣлалась матерью.

Разъяренный купецъ выгналъ ее изъ дому ни съ чѣмъ, – на всѣ четыре стороны. Переправилась она въ сосѣдній городокъ, передала ребенка какой-то мѣщанкѣ, обѣщаясь платить, а затѣмъ, какъ и всѣ въ этихъ губерніяхъ, т. е. Калужской и сосѣднихъ съ нею, растерянные люди, направилась въ Оптину Пустынь къ старцу Амвросію «за прощеніемъ и совѣтомъ». Къ посѣтителямъ, которыхъ собирались большія толпы, Старецъ выходилъ въ четырехугольникъ, обнесенный жердями: пришедшіе стояли около нихъ, дожидаясь очереди, когда онъ каждого позоветъ, а Старецъ ходилъ внутри ограды, то погруженный въ задумчивость, то заговаривая съ тѣмъ или другимъ, то вызывая къ себѣ внутрь ограды. Въ эту толпу вмѣшалась и молодая женщина. Она готовилась къ тяжелой, стыдливой исповѣди. Каково же было ея недоумѣніе и смущеніе, когда, минуя ближнихъ, онъ позвалъ ее издали; и едва она къ нему подошла и привычно поклонилась до земли, какъ онъ ласково и участливо спросилъ ее, гдѣ она оставила рожденного ею младенца. Она все рассказала въ слезахъ. Тогда онъ ей указалъ немедленно вернуться назадъ, взять отъ женщины ребенка, вернуться въ отцовскій городъ, «а деньги на пропитаніе Богъ пошлетъ»... Она такъ и поступила.

До сихъ поръ я передаю слышанное, а остальное уже видѣлъ своими глазами.

«Во второмъ классѣ гимназіи учился высокій, худенькій и необыкновенно оживленный мальчикъ; вѣчные шалости, но необыкновенно наивныя, невинныя, такъ что безъ его шалостей было бы и скучнѣе въ клас-

сѣ. И всѣ шалости были деликатныя, тихія, скорѣе остроумныя. Онъ былъ очень пугливъ, впечатлителенъ, а вмѣстѣ – открытъ. Въ немъ не было вовсе того маленькаго нахальства и назойливости, безъ которыхъ, къ сожалѣнію, почти не встрѣчается русскихъ дѣтей въ возрастѣ 13-ти лѣтъ. Ставлю я разъ ему баллъ въ журнальчикѣ и вижу, что за предыдущую недѣлю «свидѣтельство въ просмотрѣ балловъ» подписано фамиліей не его, а другою. «Отчего же ты родителямъ не далъ подписать?» спросилъ я машинально. – «Это подпись мамы». – «Какъ мамы?» И я указалъ на разность фамилій. У него выразилось въ лицѣ удивленіе: очевидно, этого никогда ему въ голову не приходило. «Вѣрно, твоя мама второй разъ замужемъ и по второму мужу и носить эту (не сходную съ фамиліей мальчика) фамилію». – «Нѣтъ, я вѣрно знаю, что моя мама не второй разъ замужемъ». Тутъ только я сталъ догадываться, что въ семейномъ положеніи ученика есть ненормальность. Выставивъ ему баллъ и посадивъ на мѣсто, я потомъ, пользуясь веселостью и открытостью ученика и, какъ часто имѣлъ привычку дѣлать почти со всѣми учениками, сталъ его расспрашивать, гдѣ же и какъ, и чѣмъ онъ съ родителями живетъ. Всѣ отвѣты его были, такъ сказать, удивляющи, а вмѣстѣ составили продолженіе приведеннаго мною выше разсказа, слышаннаго мною какъ разъ незадолго до случая съ этимъ мальчикомъ. «Мама моя рисуетъ, только образа пишетъ и больше ничего; вамъ она образа не напишетъ, потому что на постороннихъ людей не дѣлаетъ, а какъ напишетъ, отвозитъ къ батюшкѣ». – «Какому?» – «Батюшкѣ Амвросію, въ Оп-

тину Пустынь». – «Какъ же она его знаетъ?» – «Мы съ нимъ давно знакомы. Онъ такой добрый, какъ никто». – «И ты его видѣлъ?» – «Меня-то онъ особенно и любить. Мы въ годъ раза два къ нему бываемъ. И всякій разъ онъ поведетъ къ себѣ въ келлію и ласкаетъ, ласкаетъ меня и всегда мнѣ даетъ гостинцевъ. И веселый онъ, преселый, постоянно шутить и смѣется, мнѣ же позволяеть все дѣлать у себя, и я у него какъ у себя въ домѣ». Между тѣмъ изъ другихъ разсказовъ мнѣ было извѣстно, что о. Амвросій бываетъ серьезень, наставителень, а временами даже суровъ... Очевидно, здѣсь была связь исключительная. Старецъ спасъ своимъ совѣтомъ молодую женщину, спасъ и мальчика: и возлюбилъ ихъ особенною любовью, какъ свое творенье, усыновилъ ихъ себѣ; а благодарная женщина вся отдалась именно благодарному религіозному чувству, выразившемуся въ писаніи иконъ.

Какъ я распросилъ и узналъ, суровый отецъ ей выдавалъ немного денегъ на содержаніе, но въ домъ ее не впускалъ, и самъ и семья его сношеній съ нею не имѣли»³².

Одной овдовѣвшей женщинѣ, оставшейся съ дочерью и внучкой и вовсе безъ всякихъ средствъ, безъ

³² О томъ, съ какою любовью Старецъ относился къ дѣтямъ, разсказываютъ еще, что въ Оптиной Пустыни, въ его время, по лѣтамъ проживала иногда одна семья, въ которой были маленькія дѣти. Чтобы дѣти не скучали, по приказанію Старца былъ устроенъ для нихъ маленькій домикъ, гдѣ онѣ могли играть. Сами дѣти такъ были расположены къ Старцу, что, рисуя свои картинки, отдавали ихъ ему на сохраненіе. И Старецъ заботливо берегъ ихъ. Когда эти дѣти уже выросли и совершенно забыли о своихъ рисункахъ, Старецъ однажды показалъ имъ ихъ, спрашивая, что съ ними дѣлать? Такъ свято хранилъ онъ все порученное ему даже дѣтьми.

пенсії и помощи, но имѣвшей домъ, Старець сказалъ: «Домъ и думать не смѣй продавать». За домъ можно было получить тысячи двѣ и начать перебиваться; на первое бы время хватило. Но Старець разсчиталъ не первое время, а именно далекое. Запретъ его былъ равенъ закону. Жили три сироты въ холодномъ и голодномъ домѣ: но помогли на первые мѣсяцы родные, а затѣмъ нашелся жилецъ, сталъ «на хозяйскій харчъ», и семья перебивалась десятый уже годъ, съ трудомъ, но не впадъ въ разореніе и нищенство, которыхъ бы безъ дома не избѣжать».

Еще случай: «Взрослый сынъ, уже учительствовавшій въ городской школѣ, пропадалъ отъ пьянства. Пьянство это было такъ неудержимо и вмѣстѣ для всѣхъ несносно, что отецъ и вся родня давно не хотѣли ни видѣть молодого человѣка, ни даже впускать его въ чистый и благообразный домъ. Только одна мать отъ него не отступалась. За выгономъ изъ дома онъ уже ночевалъ на огородѣ, въ банѣ, находили его пьянымъ на улицѣ, и вообще сраму было много. Между тѣмъ въ рѣдкія трезвые минуты несчастный былъ разуменъ, пріятливаго со всѣми обращенія, застѣнчивый и скромный. Пить его пріучили въ юности худые товарищи по семинаріи. Приходившая въ отчаяніе его мать возила его нѣсколько разъ къ «батюшкѣ Амвросію», – и вотъ ее-то, эту заботливѣйшую и неистощимую въ терпѣніи мать, онъ и стучалъ посохомъ по спинѣ (какъ сказано, знакъ особаго старческаго благоволенія, а иногда и особый видъ строго-воспитательнаго воздѣйствія); съ пьянчужкою же обращался непрерывно ласково «и удостоивалъ слова».

Думали сына уже въ солдаты сдать, что можно было и по кроткому его характеру, и потому, что пьянство было очевидная неисправимая болѣзнь. Но это запретилъ Старець, а матери онъ указалъ неизмѣнно беречь его, о немъ же самомъ «предсказалъ дивную судьбу, что онъ священникомъ станетъ возносить молитву передъ Престоломъ Божиимъ». Таковое предсказаніе даже расхолодило желаніе обращаться дальше къ нему за совѣтами: пившій молодой человѣкъ не былъ даже посвященъ хотя бы въ псаломщики, а проходилъ учительскую службу, главное же, былъ въ такомъ безобразномъ видѣ. Но по-прежнему ходила за нимъ мать, а тамъ женила; а тамъ жена свезла пьянаго мужа къ какому-то лѣкарю... Дальше открылось послѣ смерти отца діаконское мѣсто, онъ посвятился и, наконецъ, сталъ священникомъ, а рассказывавшая этотъ случай мать жила у него въ дому и распоряжалась всѣмъ обильнымъ хозяйствомъ и нянчила сыновей и дочь».

Подъ любящимъ и заботливымъ руководствомъ о. Амвросія иногда кореннымъ образомъ измѣнялось направленіе жизни людей, какъ это можно видѣть изъ слѣдующаго разсказа монахини N. «Я поступила въ монастырь по благословенію батюшки Амвросія, а ранѣе мое устроеніе было совсѣмъ не монастырское, хотя я и получила воспитаніе и образованіе въ духовномъ училищѣ. Рядомъ съ нашимъ училищемъ былъ женскій монастырь. Мы часто посѣщали его, знакомились такимъ образомъ съ жизнью монашеской, и она намъ не нравилась, такъ что мы, сверстницы, давали слово никогда не поступать въ монастырь. По окончаніи курса я поступила

домашнею учительницею въ свѣтскіе дома и, живя такъ шесть лѣтъ, еще болѣе втянулась въ свѣтскую жизнь.

О монастырѣ и помину не было. Но Промыслъ Божій, имиже вѣсть судьбами, устраиваетъ наше спасеніе. Одинъ изъ моихъ братьевъ, священникъ, проживши два года съ женою, овдовѣль, остался одинокимъ и просилъ меня пріѣхать къ нему. Я оставила свое учительство и поселилась у брата. Нужно сказать, что братъ мой былъ духовнаго устроенія и, еще будучи семинаристомъ, стремился въ монастырь, но батюшка Амвросій, съ которымъ онъ вель объ этомъ переписку, велѣлъ ему сначала окончить курсъ ученія. По окончаніи курса братъ мой долженъ былъ помогать матери и поддерживать младшихъ братьевъ и потому сначала сдѣлался учителемъ, а потомъ, по желанію матери, и священникомъ. Господь видѣлъ его духовное устроеніе и послалъ ему жену больную, которая скоро и умерла. Во время ея болѣзни братъ черезъ странника, къ которому питалъ большое довѣріе, обращался къ батюшкѣ Амвросію, прося его помолиться о болящей, и получилъ такой отвѣтъ: «Пусть бдитъ, насаждаетъ садъ, чаще поливаетъ, плодовъ будетъ много. Іюль мѣсяцъ будетъ для него скорбень».

Действительно, въ іюлѣ жена его умерла. И вотъ собрались мы къ нему: я, сестра и мать. И задумаль онъ кого-либо изъ насъ устроить на свое мѣсто, а за рѣшеніемъ *кого* – отправились мы съ матерью вдвоемъ въ Оптину, къ батюшкѣ Амвросію, который на общемъ благословеніи, ударивъ меня по головѣ, сказалъ: «А въ монастырь не хочешь?»

Я смутилась и не нашлась, что отвѣтить. Онъ взялъ мать, бесѣдоваль съ нею и велѣлъ черезъ годъ опять явиться къ нему; ни той, ни другой сестрѣ не благословилъ выходить замужъ, а о младшей сказалъ даже, что она больная, куда ей замужъ, хотя не видѣлъ ее ни разу. Пустынная жизнь отшельниковъ и пустынное пѣніе произвели на меня глубокое впечатлѣніе, а пронизательный взоръ Старца, его горячая отеческая любовь ко всѣмъ скорбящимъ и страждущимъ пересоздали меня совсѣмъ, и я стала помышлять о монастырѣ, оставила наряды, увеселенія, выѣзды, пищу употребляла только молочную; такъ провела годъ и снова явилась къ Старцу. Этотъ разъ бесѣдовала съ нимъ, исповѣдовалась и получила благословеніе поступать въ монастырь. Еще черезъ годъ я совсѣмъ пріѣхала, хотя и трудно было преодолѣть всѣ препятствія. Проживя годъ въ монастырѣ, получаю извѣстіе, что братъ заболѣлъ горловою чахоткою, и что московскіе доктора признали его безнадежнымъ. Я пріѣхала съ этою скорбью къ Батюшкѣ, а онъ сказалъ: «Ему надо въ монастырь, а мать держать; поѣзжай, скажи матери, что ей легче – чтобы онъ умеръ или чтобы пошелъ въ монастырь?» Пріѣхавъ домой, я передала эти слова матери. Мать заплакала и сказала: «Богъ благословить! Пусть ѣдетъ!» Наутро началась распродажа имущества. Домъ Батюшка благословилъ забить, а покупателей не дожидаться.

Спустя нѣсколько времени я возвратилась къ себѣ въ монастырь, взявъ съ собою и сестру погостить. Сестрѣ очень понравилась монастырская жизнь, и она осталась у меня. Только постигла ее какая-то болѣзнь, и она два

года болѣла, доктора не могли помочь ей, а Батюшка и ее вылечилъ, поилъ ее лапушнымъ корнемъ. Когда она поправилась, ее одѣли и поставили на клиросъ. Послѣ нашего прїѣзда съ сестрою въ монастырь, и братъ прїѣхалъ въ Оптину. Батюшка принялъ его къ себѣ и далъ послушаніе – письмоводство и пѣть на клиросъ. Братъ усумнился и говоритъ: «У меня горло больное, пѣть трудно». «Ничего, пройдетъ!» – сказалъ Батюшка. И, дѣйствительно, болѣзнь горла прошла безслѣдно. Послѣ этого братъ прожилъ въ Скиту 23 года, былъ духовникомъ шамординскихъ сестеръ, а потомъ былъ назначенъ архимандритомъ въ Боровскій монастырь.

Спустя шесть лѣтъ послѣ моего прїѣзда съ сестрою въ монастырь, прїѣхала къ намъ и мать и осталась съ нами. Она прожила въ монастырѣ десять лѣтъ, два раза была пострижена батюшкою Амвросіемъ и умерла схимницей.

Вотъ какой великій и святой былъ старецъ Амвросій, заканчиваетъ свой безхитростный разсказъ монахиня, – какъ онъ умѣлъ направлять къ лучшему людей и устраивать ихъ душевное спасеніе и тѣлесное благополучіе».

Настоятельница Каширскаго женскаго монастыря игуменія Тихона разсказывала о себѣ, какъ она на себѣ самой испытала силу духовнаго вліянія старца Амвросія и какъ ей было полезно руководство Батюшки:

«Послѣ кончины незабвеннаго Оптинскаго старца отца Макарія, по его благословенію, келлія наша, и я въ томъ числѣ, начали относиться въ скорбяхъ, недоумѣніяхъ и въ духовныхъ нуждахъ къ ученику почившаго

старца, отцу Иларіону, – мужу мудрому, крѣпкому въ вѣрѣ и какъ бы непоколебимому адаманту въ послушаніи, котораго онъ безусловно требоваль отъ своихъ чадъ духовныхъ. Послѣ кончины сего незабвеннаго духовнаго мужа, послѣдовавшей въ 1873 году, я осталась безъ руководителя, имѣя всего отъ роду 25 лѣтъ; по искушенію и по совѣту лукаваго ненавистника пользы и спасенія нашего согласилась съ его внушеніемъ жить по своей волѣ, не стѣсняя себя и не подчиняясь волѣ новаго старца; тѣмъ болѣе, что порою строгость почившаго отца Иларіона казалась тяжелою своенравной и грешной душѣ, уже вкусившей отчасти горькій плодъ своеволія во время продолжительной болѣзни Старца. Между тѣмъ почившая мать игуменія Павлина, зная по опыту, какъ юнымъ опасно самочинное жительство, неоднократно предлагала мнѣ и настаивала, чтобъ я ѣхала въ Оптину и тамъ обратилась бы къ руководству батюшки отца Амвросія. Не желая болѣе противиться волѣ игуменіи, я поѣхала Великимъ постомъ, въ такое именно время, когда особо много народа бываетъ у Старца. Находясь подъ вліяніемъ искушенія, я рассчитывала на то, что за многочисленностью будетъ Батюшкѣ не до меня, и думала такъ: «Посижу, посмотрю и поѣду обратно, тѣмъ самымъ успокою матушку игуменію, такъ настойчиво желавшую меня вновь направить въ Оптину». Вотъ здѣсь-то и проявилась во всей силѣ духовная мощь и благодать, обитающая въ Батюшкѣ. Видѣлъ онъ мое холодное отношеніе къ нему и, сожалѣя о душѣ, близкой къ гибели, особенно внимательно обошелся со мною и, долго не задерживая, взялъ на ис-

повѣдь. Когда я вошла къ нему въ келлію, Батюшка, оставя меня одну, вышелъ въ свою спальню. Темно было совсѣмъ; только одна лампада ярко освѣщала ликъ Богоматери. – Помню, что когда я вошла, холодъ и пустота наполняли мою душу; мало того, я какъ-то озлобленно и съ ироніею относилась ко всему окружающему Старца и съ такимъ-то отвратительнымъ чувствомъ пришла я на исповѣдь. Отъ Батюшки не скрылось это: духовнымъ окомъ проникъ онъ грѣшную душу и, оставя меня, – думаю – пошелъ помолиться въ свою келлію.

Въ эту пору, конечно, не подозрѣвая этого, стояла я въ ожиданіи Старца, и вотъ, передать словами затрудняюсь, что вдругъ произошло въ душѣ моей: свѣтъ какой-то, какая-то теплота согрѣла и освѣтила меня, упала я на колѣна предъ иконою Царицы Небесной; слезы сами обильно полились; это были слезы мирныя, особенныя, радостныя слезы и, когда со свѣчою вошелъ Батюшка, встала я съ молитвы и обратилась къ нему съ словами: «Отецъ мой! Спасайте меня! Душу свою хочу открыть вамъ; искренно говорить хочу, искренно каяться, хочу быть послушной и преданной вамъ; руководите меня ко спасенію, умоляю васъ!» – Съ этого момента точно все во мнѣ преобразилось: страшно отвратительнымъ казалось мнѣ самой мое прежнее настроеніе. Для того, чтобы Старцу открыть душу на исповѣди, я кратко рассказала ему всю жизнь свою и послѣднее искушеніе – желаніе своеволія, такъ сильно опутавшее еще юное сердце! – Что же это, какъ не благодатная сила молитвы о мнѣ Старца?!

Уѣзжая изъ Оптиной, я вполнѣ была покойна и счастлива; все меня приводило въ восторгъ: та же дорога, тотъ же знакомый сосновый лѣсъ! Но другимъ мнѣ казался онъ... сердце чувствовало близость Бога, такъ что и въ твореніяхъ Его познавала я величіе Создателя Бога, и вотъ, съ тѣхъ поръ, стала я искренно преданною, духовною дочерью старца о. Амвросія до самой кончины его. Неоднократно испытывала я на себѣ благодатную силу молитвъ и вліянія Старца; сравнительно онъ много снисходительнѣе былъ почившихъ о. Макарія и о. Иларіона. Помню, слышала я такой отзывъ людей опытныхъ въ духовной жизни, что если къ почившимъ вышеупомянутымъ старцамъ подходило наименованіе отцовъ, мудрыхъ руководителей, – то къ батюшкѣ о. Амвросію къ этому наименованію слѣдовало добавить названіе нѣжной, любвеобильной матери. Мягкостью Батюшка дѣлалъ очень много; оставляя другихъ, скажу о себѣ, – что я готова была идти на все, чтобы только исполнить желаніе Старца. Приходилось многимъ жертвовать, отказывать себѣ во всѣхъ мнимыхъ удовольствіяхъ и самыхъ малыхъ развлеченіяхъ, не всегда допускаемыхъ въ монастырѣ. Если можно такъ выразиться, особая какая-то тактика была у Батюшки; никогда онъ строго не взыскивалъ и не запрещалъ; бывало, каешься ему, что разрѣшаю на рыбу мясоѣдомъ въ среду или пятокъ, именно въ такіе дни, когда уставъ сего не дозволяетъ. И скажетъ только Батюшка: «Вижу я, что тебѣ наскучило быть здоровой; вотъ ты и ѣшь рыбу, когда это не должно!» – Конечно, послѣ этихъ словъ, изъ страха прогнѣвать Бога и не навлечь наказанія бо-

лѣзни, и не станешь болѣе разрѣшать на рыбу, и внушеніе такое остается памятнымъ на всю жизнь.

Такимъ образомъ и въ другихъ случаяхъ Батюшка дѣйствовалъ мягкостью, но вмѣстѣ дѣйствовалъ такъ сильно, что слово его оставалось какъ бы закономъ и болѣе не нарушалось. Однажды каялась я на исповѣди Старцу, что покупая въ лавкѣ разные предметы, при расчетѣ съ купцомъ, – послѣдній ошибся и отпустилъ мнѣ одну вещь вмѣсто другой, болѣе цѣнную, – здѣсь я не замѣтила, а когда дома узнала, то подумала, что не стоитъ возвращать и оставила такъ у себя. Однако поступокъ этотъ тяготилъ совѣсть, и я, сознавая грѣхъ свой, каялась Старцу. На это Батюшка рассказалъ мнѣ случай изъ своей жизни. «Когда еще учился я въ семинаріи, – говорилъ Старецъ, – зашли мы, нѣсколько товарищей, въ лавку купить различныя учебныя принадлежности; при расчетѣ купецъ обчелся, сдалъ намъ лишнее, что-то больше рубля. Въ то время мы, школьники, рады были случаю и подѣлили между собою эти деньги. Совсемъ позабывъ объ этомъ, я уже въ Оптиной вспомнилъ, и совѣсть слегка начала тревожить; затѣмъ, все дальше больше и больше стало тяготить и чтобы успокоить ее, сколько дѣлалъ? Сколько подавалъ бѣднымъ, – въ послѣдствіи сколько жертвовалъ на храмы, на разныя богоугодныя учрежденія, и все съ цѣлью выплатить неправильно присвоенное, хотя въ сущности и пустяки, но вотъ и до сихъ поръ это обстоятельство томить меня, и дорого бы далъ я, если бы кто могъ мнѣ указать хоть бы наслѣдниковъ того купца, котораго и фамиліи не помню, чтобы я могъ имъ вернуть захвачен-

ное неправдою. Вотъ поэтому совѣтую тебѣ, продолжай Батюшка, возвратясь домой, немедля отнеси въ лавку и скажи купцу, что по ошибкѣ у тебя оказалось «то-то и то-то». — Еще говорилъ Батюшка, что долги послѣ смерти тяжело ложатся на душу, надо избѣгать ихъ! Богъ безгранично милостивъ, прощаетъ кающихся грѣшниковъ, но люди всѣ — не таковы; другіе прощаютъ, а есть, которые долговъ и не прощаютъ, но жалуются и негодуютъ на умершихъ своихъ должниковъ, и тѣмъ самымъ тяготится душа послѣ смерти!»

Еще говорилъ: «Большой отвѣтъ отдадутъ Богу за нехраненіе уставовъ Церкви въ отношеніи несоблюдения постовъ, отвѣтятъ же именно за то, что за грѣхъ не считаютъ постомъ ѣсть скоромное; во всемъ другомъ сознаютъ себя грѣшными и каются, но въ нарушеніи постовъ и каяться не думаютъ, а между тѣмъ преступаютъ завѣщаніе Св. матери Церкви и, по ученію св. Апостолъ, уподобляются за преслушаніе язычнику и мытарю».

Помню: разъ пришли къ Старцу на благословеніе молодыя свѣтскія барыни, ихъ привело одно любопытство. Дожидаясь съ нами въ хибаркѣ выхода Батюшки, онѣ негодовали на всю обстановку и, говоря между собою по-французски, все подшучивали и надъ нами, и надъ Старцемъ, — и говорили между прочимъ: «Чего мы ждемъ? Что интереснаго можемъ услышать отъ о. Амвросія? Что онъ понимаетъ?» Тутъ вдругъ отворилась дверь хибарки, и вышелъ Батюшка съ обычною ему улыбкою и прежде всѣхъ остановилъ свое вниманіе на вновь пріѣзжихъ вышеупомянутыхъ посѣтительницахъ.

Благословивъ ихъ, ничего не спрашивая, кто онѣ и откуда, онѣ прямо занялся ихъ туалетомъ, сталъ перебирать зонтики, кружева и перья шляпъ и повелъ съ ними разговоръ на эту тему дамскихъ нарядовъ. Такъ говорилъ онѣ долго; мы слушали, а барыни тѣ конфузились, сознавая пустоту своихъ обычныхъ разговоровъ, въ которыхъ такъ мудро обличилъ ихъ Старецъ, что онѣ присмирѣли, и сами послѣ съ большимъ уваженіемъ относились къ Старцу, отъ котораго раньше не ждали ничего особаго.

Живя въ монастырѣ въ Бѣлевѣ, проходила я клиросное послушаніе, и меня неоднократно посылали на монастырскую дачу для обученія пѣнію живущихъ тамъ сестеръ, ибо на дачѣ устроенъ былъ храмъ, и по временамъ совершалось богослуженіе.

Такъ три года подрядъ пришлось мнѣ Великій постъ и Пасху встрѣчать на дачѣ, и былъ такой случай: разъ пришла одна бѣдная деревенская женщина попросить творогу на пасху; экономка же дачная хорошая монахиня, но была слишкомъ экономна и отказала просительницѣ. Затѣмъ вскорѣ пошли сестры брать себѣ творогъ для пасхи и были поражены, когда увидали, что большую полную кадку творога всю до дна перерыла крыса, и сама тутъ же околѣла въ кадкѣ.

При свиданіи съ Батюшкой я рассказала ему этотъ случай, и онѣ мнѣ весьма знаменательно отвѣтилъ: «Помни и знай: тебѣ это пригодится и будетъ урокомъ, когда сама будешь игуменіей. Въ томъ монастырѣ, гдѣ экономка щедрая, тамъ всегда все въ изобиліи; и обратно, гдѣ скупаются и экономятъ, то всегда такія-то пости-

гаютъ наказанія отъ Бога, какъ это случилось на вашей дачѣ съ творогомъ».

Неоднократно и послѣ Батюшка предрекалъ мнѣ игуменство, что и сбылось впослѣдствіи; только при этомъ говорилъ мнѣ Старецъ: «Если когда будутъ приходить эти мысли, или желаніе начальствовать, то надо какъ можно стараться сопротивляться этимъ помысламъ».

Говорилъ Батюшка: «По опыту знаю я, что тяжелый начальническій крестъ вдвое тяжелымъ становится тѣмъ, кто желалъ начальства, и вовсе бываетъ неудобоносимъ для тѣхъ, кто добивается онаго».

Разъ пріѣхавши въ Оптину въ санѣ уже игуменіи, я просила наставленія Старца, какъ держать себя съ сестрами въ монастырѣ? Батюшка сказалъ мнѣ такъ: «Въ душѣ своей глубже сознавай свое ничтожество; мысленно повергай себя къ ногамъ сестеръ, но виду имъ не показывай; помни, что врученъ жезлъ тебѣ, не игрушка какая-нибудь, потому берегись шутокъ, берегись фамиллярнаго съ ихъ стороны обращенія; избѣгай имѣть особо приближенныхъ; дѣлай такъ, чтобы тебя боялись и любили, и слушали. Знай, что не только за себя, но и за сестеръ своихъ дашь отвѣтъ Богу; главное, старайся не столько словами, сколько собственнымъ примѣромъ внушать имъ страхъ Божій и въ храмѣ, и въ трапезѣ, и въ рукодѣльныхъ послушаніяхъ».

Действительно, тяжелое иго начальническое порою мнѣ, немощной, было не подъ силу, унывала я духомъ, находясь вдалекѣ отъ Старца, по неопытности нуждаясь постоянно въ его совѣтахъ и наставленіяхъ.

Помню, какъ я горько плакала у Батюшки, говорила ему, что боюсь, погибну сама и другимъ не послужу ко спасенію, а на это Батюшка, утѣшая, говорилъ: «Такъ же и нашъ о. архимандритъ Исаакій плакалъ цѣлый годъ и унывалъ, тоже боялся за себя и за свое спасеніе, а ему на это почившій о. Иларіонъ разъ и сказалъ: «Что это ты малодушествуешь, врага веселишь?! Посмотри-ка въ святцахъ, кто тамъ святые?! Архіереи все да игумены; вѣдь за нихъ молятся всѣ, и паства, и братія; за молитвы-то ихъ они и спасаются». Такъ и ты не робѣй! За молитвы сестеръ спасешься и ты; только больше смирайся, считай себя мысленно подъ всѣми, недостойною всѣхъ».

Въ началѣ моего поступленія на игуменство, при постройкѣ соборнаго храма и по другимъ дѣламъ обители много ѣздить, хлопотать приходилось мнѣ, иногда очень трудно доставалось — во всякую погоду и далеко на лошадахъ приходилось ѣхать подъ дождемъ. Бывши у Батюшки, я со слезами и горемъ жаловалась на свою долю, прося его св. молитвъ; на это Старецъ отвѣчалъ: «Много разъ замѣчалъ я, всякій человекъ, имѣющій какую-либо особо выдающуюся слабость въ молодости, — подъ старость ею же наказуется». И тутъ же, приводя себя въ примѣръ, продолжалъ: «Когда былъ я молодъ, любилъ поговорить, пошутить; былъ я келейникомъ у старца отца Макарія. Бывало, по дѣлу пошлютъ меня, а я заговорюсь и забуду; — меня ждутъ, ждутъ, да за мною еще другого пошлютъ. — Теперь подъ старость что же? Языкъ не ворочается, лыка не вяжетъ порою, а тутъ кругомъ люди ждутъ, ропщутъ и поневолѣ надо гово-

рить. Вотъ такъ и ты, – молодая все рвалась куда-нибудь проѣхаться; вспомни, какая была охота къ путешествію! Зато теперь по неволѣ приходится странствовать». – Такъ Батюшка, ободряя, всегда приводилъ какой-нибудь примѣръ либо изъ своей жизни, либо притчу какую-нибудь скажетъ и такъ утѣшить, что точно печаль или скорбь рукою сниметъ!

Памятнымъ на всю жизнь осталось руководство старцевъ Оптинскихъ: теперь никакое дѣло, никакое начинаніе не дерзаю предпринимать, не призвавши на помощь молитвы и благословеніе почившихъ св. Отцовъ и руководителей нашихъ.

Да хранить насъ и обитель нашу и впередъ ихъ сильныя, могучія молитвы у престола Господа славы!»

До знакомства съ старцемъ Амвросіемъ нѣкоторые по невѣдѣнію и предубѣжденію относились къ нему иногда недоброжелательно. Инымъ даже казалось страннымъ, когда имъ совѣтовали поѣхать въ Оптину. «Что у насъ съ нимъ можетъ быть общаго? Навѣрное, какой-нибудь лицемѣръ, который ищетъ славы. Знакомая удочка; да только попадутъ на нее одни простецы». Такъ нѣкоторые разсуждали и не хотѣли ѣхать въ Оптину; а для успокоенія своей совѣсти не хотѣли вѣрить тому доброму, что рассказывали о Старцѣ. Кто же изъ такихъ по любопытству заѣжалъ въ Оптину, начиналъ большею частью съ осужденія. Въ Оптиной принято между монахами ради смиренія становиться предъ Старцемъ на колѣна. По доброй волѣ поступали такъ и нѣкоторые міряне. Самъ же Старецъ незнакомыхъ мірскихъ посѣтителей всегда приглашалъ садиться про-

тивъ него на стулъ; иногда даже упрасивалъ не стоять предъ нимъ на колѣнахъ. А сколько насчетъ этого бывало нехорошихъ рѣчей! – «Съ какой стати мнѣ предъ всякимъ монахомъ на колѣна становиться! Вотъ гдѣ ихъ смиреніе!» Точно кому-то было досадно, что люди идутъ къ Старцу, и кто-то старался сѣять смуту.

И когда приходила минута перваго свиданія, нѣкоторые смотрѣли на Старца съ недовольнымъ сердцемъ и съ желаніемъ разоблачить стараго монаха. Но иногда это недовѣріе разомъ разсѣивалось и уступало мѣсто самому теплomu чувству.

У Старца въ лѣтній день множество народа. Одна молодая женщина, которую уговорили посѣтить Батюшку, находится въ раздраженномъ состояніи, что ее заставляютъ ждать. Вдругъ дверь широко отворяется. Старецъ съ яснымъ лицомъ появляется на порогѣ и громко говоритъ: «Кто здѣсь нетерпѣливые, подойдите ко мнѣ». Приближается къ молодой женщинѣ и ведетъ ее къ себѣ. Послѣ бесѣды съ нимъ она становится частой гостьей Оптиной и посѣтительницей о. Амвросія.

Одна сестра изъ большой помѣщичьей семьи, часто бывавшая у Старца, долго умоляла свою любимую сестру, съ очень живымъ и нетерпѣливымъ характеромъ, поѣхать вмѣстѣ съ ней въ Оптину. Та, наконецъ, соглашается, чтобы доставить удовольствіе сестрѣ, но всю дорогу громко ворчить; а пришедши къ Старцу и сидя въ пріемной, чѣмъ-то возмущается: «Я не стану на колѣни, къ чему это униженіе?» Она быстро ходитъ по комнатѣ изъ угла въ уголь. Отворяется дверь, такъ что ее совсѣмъ закрываетъ въ ея углу. Всѣ опускаются на

колѣни. Старець подходитъ прямо къ двери, откидываетъ ее и весело спрашиваетъ: «Что это за великанъ тутъ стоитъ?» И затѣмъ говоритъ молодой дѣвушкѣ: «Это – Вѣра пришла смотрѣть лицемѣра!» Знакомство сдѣлано. Вѣра выходитъ замужъ, вдовѣтъ и возвращается подъ крылышко Батюшки въ Шамордино.

Одна молодая дѣвушка съ хорошимъ образованіемъ, съ хорошими стремленіями, но измученная своею внутреннею раздвоенностью, сомнѣніями, пустотою жизни и интересовъ окружающей ее среды, безотчетно, подъ вліяніемъ разказовъ о Старцѣ, поѣхала къ нему въ Оптину, не имѣя въ виду никакой опредѣленной цѣли. У Старца въ келліи шло всенощное бдѣніе. Было много народа. Стоя въ числѣ другихъ, дѣвушка почувствовала какое-то неизъяснимое волненіе. Благодатная теплота охватила ея сердце. Глядя на большой образъ Богоматери «Достойно есть», она какъ бы почувствовала на себѣ ласку Самой Царицы Небесной и, не замѣчая сама, стала горько плакать. Вдругъ изъ своей келліи выходитъ Старець и съ лицомъ, полнымъ сострадательной любви и участія, спрашиваетъ: «Кто здѣсь такъ горько плачетъ?» Ему отвѣтили: никто, Батюшка, не плачетъ. «Нѣтъ, – повторилъ Старець, – здѣсь плачетъ кто-то». Видя эту чуткую, искреннюю любовь Старца, отзывчивую на всякое человѣческое страданіе, дѣвушка была глубоко поражена, и сама полюбила Старца. Съ этого момента ея судьба была рѣшена. Она просила Старца принять ее въ Шамордино. Ея мать пріѣхала, по ея словамъ, вырвать свою дочь изъ «этого ужаснаго монашескаго міра». Со скорбью и упреками вошла она къ

Батюшкѣ. Старець предложилъ ей стулъ. Прошло нѣсколько минутъ разговора, и огорченная мать невольно, не понимая сама, что съ нею дѣлается, встаетъ со стула и опускается около Старца на колѣни. Бесѣда длится. Въ скоромъ времени съ дочерью – монахиней соединяется и мать – монахиня.

Одна молодая дѣвушка жила съ своей матерью, женщиной очень религіозной и благочестивой; вѣровала она, какъ говорится, «по старинному», твердо и неуклонно: въ такомъ же духѣ воспитывала и дочь, которая въ раннемъ возрастѣ была также очень религіозна, но затѣмъ, уже находясь въ гимназіи, она поддавалась вліянію своихъ подругъ и совершенно охладѣла къ вѣрѣ. Окончивъ курсъ и сдѣлавшись учительницей, она познакомилась съ однимъ молодымъ человѣкомъ, за котораго и собралась выходить замужъ. Человѣкъ онъ былъ хорошій, но онъ былъ католикъ, и этого было достаточно, чтобы мать ея наотрѣзъ отказала. Взаимное расположеніе молодыхъ людей было настолько глубоко, что они не хотѣли остановиться передъ этимъ препятствіемъ, и молодая дѣвушка уговорила его принять Православіе, что онъ вскорѣ и исполнилъ. Но въ простотѣ вѣрующая мать не признала этого перехода и вторично отказалась дать свое согласіе на этотъ бракъ. Положеніе дочери было очень тяжелое: съ одной стороны, личная привязанность и неловкость передъ невольно обманутымъ женихомъ, а съ другой – боязнь оскорбить мать. Хорошіе ея знакомые, зная, какую душевную борьбу она переживаетъ, посовѣтовали ей обратиться къ о. Амвросію. Дѣвушка, и раньше слыхавшая о муд-

рости и святости о. Амвросія и отчасти на себѣ испытывавшая уже силу его молитвъ (она страдала сильными головными болями и писала о. Амвросію, послѣ чего боли навсегда исчезли), согласилась принять этотъ совѣтъ, рѣшивъ въ душѣ подчиниться въ точности рѣшенію Старца. Вскорѣ она получила отвѣтъ, въ которомъ Старецъ совѣтовалъ ей по возможности удалиться отъ жениха, но совсѣмъ ему не отказывать. Прошло послѣ этого девять мѣсяцевъ. Неопредѣленность и неловкость положенія тяготили дѣвушку, и она снова написала Старцу, прося его рѣшить чѣмъ-нибудь этотъ вопросъ. Старецъ написалъ ей, чтобы она пріѣхала сама. Отецъ Амвросій жилъ въ то время въ Шамординѣ, и когда она вошла въ пріемную и увидѣла Батюшку сидящимъ на диванѣ, то была поражена его видомъ: онъ весь былъ какъ бы въ лучахъ. Пораженная, она бросилась передъ нимъ на колѣна и зарыдала. Сказать она ничего не могла, и Старецъ отпустилъ ее, тоже ничего не сказавъ. Молодая дѣвушка живетъ въ Шамординѣ нѣсколько дней, видитъ Старца только на общихъ благословеніяхъ, причемъ Старецъ не обращаетъ на нее вниманія. Между тѣмъ въ ея душѣ идетъ усиленная работа и совершается непонятный ей переломъ. У нея складывается опредѣленное рѣшеніе идти въ монастырь, она чувствуетъ, что никуда не можетъ отсюда уѣхать, но она рѣшаетъ молчать объ этомъ. Наконецъ срокъ ея отпуска кончается, и Старецъ зоветъ ее къ себѣ. Окинувъ ее пронизательнымъ и глубокимъ своимъ взглядомъ, онъ быстро и рѣшительно задаетъ ей вопросъ: «Ну, говори свое желаніе?» Не ожидавшая такого прямого вопроса,

она говорить: «Батюшка, въ настоящее время у меня одно желаніе – остаться въ монастырѣ». – «Ну и оставайся», – отвѣтилъ ей Старецъ просто, какъ и всегда просто онъ рѣшалъ сложные вопросы. «Точно тяжесть какая спала съ меня, – говорить она, – мнѣ такъ стало легко и отрадно, только я не могла понять, какъ меня, такую неподготовленную, Старецъ беретъ въ монастырь. Да еще смущала меня мысль, что я недобросовѣстно поступаю противъ человѣка, который ради меня даже отказался отъ своей вѣры. Когда я высказала это Батюшкѣ, то онъ отвѣтилъ: «А развѣ ты этимъ ему зло причинила?»

Такъ она осталась въ монастырѣ вполнѣ спокойная и, несмотря на то, что не имѣла рѣшительно никакихъ средствъ къ жизни, по молитвамъ Старца, никогда не видала нужды.

Вотъ Старецъ ходитъ по Скиту, опираясь на свою палку; много мужчинъ подходятъ къ нему. Нѣсколько сзади идетъ келейникъ. Одинъ іеромонахъ подводитъ къ Батюшкѣ двухъ молодыхъ людей. Они очень хорошо одѣты и имѣютъ очень воспитанный видъ. Но старшій совершенно равнодушенъ относительно вѣры въ Бога; а другой почему-то очень осуждалъ его, когда о немъ рассказывали; а теперь очень недоволенъ, что нѣсколько дней подрядъ Старецъ не могъ ихъ принять. Онъ усиленно слѣдитъ за Старцемъ и старается отгадать, что это за человѣкъ. Іеромонахъ проситъ благословить ихъ. Батюшка скоро, не глядя, благословляетъ и идетъ дальше. Нѣсколько крестьянъ изъ дальней губерніи поджидаютъ его. «Мы къ тебѣ съ поклономъ, – говорятъ они. – Прослышали, что у тебя ножки болятъ; вотъ

тебѣ мягкіе сапожки сдѣлали, – носи ихъ на здоровье». Старецъ беретъ ихъ сапоги и говоритъ съ каждымъ. А второй изъ молодыхъ людей все это видитъ. И вдругъ ему представилась трудовая жизнь Старца, и всѣ чужія бремена, которыя онъ подъемлетъ, и вѣра, съ которою на него смотрятъ всѣ эти люди, и любовь крестьянъ, принесшихъ ему сапожки; и сомнѣнія, лежавшія камнемъ у него на сердцѣ, исчезли. Онъ опять близъ Батюшки и робко говоритъ: «Батюшка! Благословите меня!» Старецъ обертывается, весело смотреть на него и начинаетъ съ нимъ говорить о его учебныхъ занятіяхъ и о жизни. Онъ всю дорогу думаетъ о Батюшкѣ; и на слѣдующее лѣто опять пріѣзжаетъ къ нему, уже по влеченію сердца.

Подходитъ къ о. Амвросію измученный человѣкъ, потерявшій всѣ устои и не отыскавшій цѣли жизни. Онъ искалъ ее въ обширномъ трудѣ, въ бесѣдѣ Толстого – и отовсюду бѣжалъ. Онъ говоритъ Батюшкѣ, что пришелъ его посмотреть. – «Что жъ, смотрите!» – отвѣчаетъ Старецъ. Онъ встаетъ затѣмъ съ своей кровати, выпрямляется во весь ростъ и вглядывается въ человѣка своимъ яснымъ взоромъ. Отъ этого взора какое-то тепло, нѣчто похожее на примиреніе, льется въ наболѣвшую душу. Невѣрующій поселяется близъ Батюшки и всякій день ведетъ съ нимъ долгую бесѣду. Проходитъ много времени. Въ одно утро онъ говоритъ Батюшкѣ: «Я увѣровалъ».

Какъ неотразимо было вліяніе личности старца Амвросія, видно еще изъ очень интереснаго разсказа одного москвича В. В. Ящерова: «Мое знакомство съ о. Ам-

вросіемъ, – пишетъ онъ, – произошло при довольно своеобразныхъ обстоятельствахъ. Въ 1882 году, во время своего отпуска изъ Южной Болгаріи, я, живя въ Москвѣ, встрѣтился и познакомился съ одной женщиной, родственницей очень близкаго мнѣ семейства. Эта женщина и была причиною моего знакомства и сближенія съ праведнымъ Старцемъ; ибо онъ былъ ея постояннымъ духовнымъ отцомъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Надо замѣтить, что это была замѣчательно религіозная особа; въ посты, например, она ежедневно посѣщала всѣ церковныя службы, являясь въ церковь ранѣ всѣхъ и уходя послѣдней. Мнѣ, человѣку тогда съ другимъ совсѣмъ направленіемъ, все это казалось не чѣмъ инымъ, какъ ханжествомъ и даже недугомъ душевнымъ. Но вскорѣ мнѣ пришлось перемѣнить свой образъ мыслей.

Между прочимъ, моя знакомая до такой степени увлекалась послушаніемъ еще тогда мнѣ неизвѣстному какому-то оптинскому старцу, что была готова исполнить всякое его малѣйшее требованіе и желаніе. Въ одинъ октябрскій день эта особа показала мнѣ полученную ею чрезъ какую-то монахиню записку отъ о. Амвросія, писанную карандашомъ, въ которой ей приказывалось немедленно бросить все и пріѣхать къ нему въ Оптину. Что особенно ее беспокоило, – это приписка – взять съ собою пенсіонную книжку. «Видно, Батюшка надолго вызываетъ меня», – говорила она съ грустью. Напрасно я убѣждалъ ее не вѣрить никакимъ «старцамъ» или «юродивымъ» и оставаться дома. На слѣдующее утро я получилъ отъ нея по городской почтѣ за-

писку, что, не смѣя ослушаться Батюшки, она уѣзжаетъ въ Оптину; а чрезъ восемь дней ко мнѣ пришло отъ нея увѣдомленіе, что о. Амвросій приказываетъ ей остаться въ Оптиной на весь Рождественскій постъ; а пока отсылаетъ ее въ женскій монастырь въ Бѣлевъ.

Это письмо меня сильно раздражило, чтобы не сказать болѣе. Считая поведеніе моей знакомой плодомъ окончательнаго душевнаго разстройства и обвиняя въ этомъ исключительно старца Амвросія, я взялъ два большіе листа почтовой бумаги и написалъ ему длиннѣйшее письмо, въ которомъ въ самыхъ вѣжливыхъ и почтительныхъ выраженіяхъ высказалъ много рѣзкостей, приправляя каждую текстами Св. Писанія и толкуя эти тексты на свой ладъ. Не прочитавъ написаннаго, я тотчасъ отправилъ письмо по почтѣ. И что же? Чрезъ пять дней моя знакомая возвратилась; рассказала мнѣ, что, къ ея изумленію, о. Амвросій не только остался доволенъ моимъ письмомъ, но приказалъ ей немедленно возвратиться въ Москву; прислалъ мнѣ профессору и просилъ передать мнѣ его желаніе видѣть меня въ Оптиной. Я былъ тронутъ такимъ результатомъ моего посланія и решилъ исполнить желаніе Старца при первой возможности, чувствуя себя виноватымъ предъ нимъ за необузданность моего пера.

На четвертой недѣлѣ Великаго поста 1883 года я выѣхалъ въ Оптину черезъ Тулу и Калугу; изъ послѣдняго города пришлось ѣхать верстъ 60 на почтовыхъ³³. Я вы-

³³ Желѣзной дороги тогда въ Оптину Пустынь еще не было. Теперь ѣдутъ до станціи Козельскъ Рязанско-Уральской жел. дороги въ трехъ верстахъ отъ Оптиной Пустыни.

бѣхаль изъ Калуги въ понедѣльникъ утромъ и въ Оптину пріѣхаль уже позднимъ вечеромъ. Утомленный дорогою, я наскоро напился чаю и легъ спать. Когда я сидѣлъ на другой день утромъ за чаемъ, ко мнѣ явился келейникъ о. Амвросія съ приглашеніемъ «пожаловать къ Батюшкѣ». Я нисколько, впрочемъ, не удивился этому, предполагая, что ему доносятъ о каждомъ пріѣзжемъ. Оптинская Пустынь состоитъ изъ двухъ частей: собственно монастыря съ храмами, корпусами монашескихъ келлій, скотнымъ и коннымъ дворами, которые, кстати сказать, содержатся въ образцовомъ видѣ какъ по постройкамъ, такъ и относительно животныхъ, гостиницами и разными хозяйственными зданіями, – и Скита, гдѣ въ то время жили только строгіе подвижники. Въ ограду Скита женщины не допускаются. Мы съ послушникомъ пошли мимо собора, чрезъ фруктовый садъ, пересѣкая всю площадь монастыря, и вышли, наконецъ, за ограду. Передъ нами во всѣ стороны густо раскинулся оголенный зимою лѣсъ, а прямо убѣгала тропинка, протоптанная среди высокихъ сугробовъ снѣга массою почитателей преподобнаго Старца. Она-то и вела, чрезъ лѣсъ, къ Скиту, отстоящему отъ монастыря на полверсты. Мы вышли на поляну, – и предъ нами открылась бѣлая ограда. Вправо отъ входныхъ воротъ видѣлся небольшой, бѣлый, каменный флигелекъ, одною половиною выходившій наружу, а другою прятанный внутри ограды. Предъ крылечкомъ наружной части домика, который женщины почему-то называютъ «хибаркою», стояла толпа человѣкъ въ пятьдесятъ женщинъ и высокородныхъ, и простого званія, въ ожиданіи

Св. врата Предтеченскаго скита
и «хибарка» старца Амвросія

увидѣть о. Амвросія. Большая часть изъ нихъ пришли или прїѣхали издалека, и во всѣхъ ихъ царила твердая вѣра, что у него онѣ найдутъ и утѣшеніе въ горѣ, и добрый совѣтъ въ трудныхъ обстоятельствахъ, и даже исцѣленіе въ болѣзняхъ. Но случилось, что, походивши безуспѣшно къ завѣтному крылечку нѣсколько дней подрядъ, иная богомолка, не принятая Старцемъ, въ сильномъ смущеніи должна была уѣзжать ни съ чѣмъ домой, такъ и не видавъ его.

Войдя въ ограду (Скита), мы повернули направо къ внутреннему крыльцу флигеля, который оказался обширнѣе, чѣмъ представлялось снаружи. Прямо съ крыльца дверь отворялась въ коридоръ, раздѣлявшій флигель пополамъ: направо первая комната небольшая, но чисто меблированная, – пріемная для мужчинъ, налево собственное помѣщеніе о. Амвросія; а далѣе комнаты для послушниковъ и пріемная для женщинъ. Послушникъ, принявъ отъ меня пальто, пригласилъ меня въ пріемную направо, пока доложить Батюшкѣ. Черезъ минуту онъ вышелъ и сказалъ, что Батюшка проситъ меня подождать немного, пока окончить бесѣду съ посѣтителемъ. Я принялся осматривать пріемную. Приглашеніе послушника пожаловать къ Батюшкѣ прервало мой осмотръ, и я отправился вслѣдъ за нимъ по коридору, уставленному по обѣ стороны скамьями, на которыхъ ожидали съ десятокъ посѣтителей.

Повернувъ налево, чрезъ маленькую переднюю я прошелъ въ узенькую дверь и очутился въ каморкѣ аршина четыре въ длину и около трехъ въ ширину, съ довольно низкимъ потолкомъ. Прямо противъ двери было

небольшое окно, и подъ нимъ маленькій столикъ съ выдвигнымъ ящикомъ и шкафчикомъ; правой стороны я не помню, ибо лѣвая сторона каморки привлекла все мое вниманіе. На постелѣ аршинъ двухъ съ половиною длины и четверти три ширины, сдѣланной изъ досокъ, покрытыхъ тонкимъ, дюйма въ два ковромъ или матрацемъ (не разглядѣль), полулежалъ на лѣвомъ боку въ черномъ поношенномъ подрясникѣ и такой же скуфейкѣ, облокотясь лѣвою рукою на ситцевую подушку и перебирая правою зерна четокъ, маленькій старичокъ съ небольшою клинообразною бородкой, съ проницательными добрыми глазами и чрезвычайно симпатичнымъ лицомъ, – рѣшительный контрастъ старцу, рисовавшемуся въ моемъ воображеніи! Я остановился, ожидая приглашенія приблизиться. Старичокъ, внимательно и не шевелясь, вглядывался въ меня съ минуту. Наконецъ онъ немного приподнялся, улыбнулся и сдѣлалъ мнѣ знакъ рукою подойти. Я подошелъ и поневолѣ долженъ былъ опуститься на колѣна, чтобы принять его благословеніе. Благословивъ меня, о. Амвросій взялъ мою руку, еще пристально посмотрѣль мнѣ въ глаза и мягкимъ и веселымъ голосомъ произнесъ: «Такъ вотъ онъ какой, этотъ свирѣпый защитникъ своего счастья!» Я пробормоталъ что-то вродѣ извиненія, но онъ остановилъ меня и, указавъ на лежащее на столѣ мое письмо, продолжалъ: «Нечего извиняться! Я очень доволенъ этимъ письмомъ, чему доказательствомъ служить мое желаніе васъ видѣть. Какая это на васъ форма?» – Я отвѣтилъ, что я команду Южно-Болгарской дружиной, и что это форма Восточно-Румелійскихъ войскъ. – «Пер-

вое названіе хорошо, а второму и быть бы не слѣдовало!» – серьезно произнесъ онъ. «Мнѣ очень пріятно, Батюшка, слышать, что вы совершенно согласны въ нашемъ взглядѣ съ покойнымъ Скобелевымъ и со всѣми истинно-русскими!» – отвѣтилъ я съ почтительнымъ поклономъ. «Вы вѣдь были и въ Сербіи добровольцемъ, какъ мнѣ говорила С. Кстати, какъ ея здоровье? Я слышалъ, что она была больна послѣ поездки въ Петербургъ». – «Слава Богу, поправилась», – сказала я. Старецъ опять улыбнулся и сказалъ: «Я васъ не удерживаю болѣе; вы видѣли, сколько людей ожидаютъ слова утѣшенія. Ступайте, мы потомъ поговоримъ. Да, вы надолго пріѣхали сюда?» – «Я думаю еще съѣздить взглянуть на вашъ знаменитый Козельскъ и выѣхать изъ Оптиной въ четвергъ». – «Вотъ и прекрасно! Значитъ, вы можете и отговѣтъ здѣсь». – «Отецъ Амвросій! Сегодня вторникъ, когда же я успѣю отговѣтъ? Четвергъ послѣ завтра!» – возразилъ я немного удивленнымъ тономъ. – «Для истиннаго покаянія нужны не годы и не дни, а одно мгновеніе, – замѣтилъ онъ серьезно, почти строго, – сегодня вы будете у вечерней службы, завтра у заутрени и Преждеосвященной Литургіи, а послѣ вечерни придете ко мнѣ на исповѣдь; въ четвергъ пріобщитесь Св. Таинъ и вечеромъ можете выѣхать въ Москву».

Выйдя изъ огады, я обратилъ вниманіе на какое-то особое движеніе въ группѣ женщинъ. Любопытствуя узнать, въ чемъ дѣло, я приблизился къ нимъ. Какая-то довольно пожилая женщина, съ болѣзненнымъ лицомъ, сидя на пнѣ, рассказывала, что она шла съ больными ногами пѣшкомъ изъ Воронежа, надѣясь, что старецъ

Такъ обычно старецъ Амвросій принималъ посетителей

Амвросій исцѣлитъ ее, что, пройдя пчельникъ, въ семи верстахъ отъ монастыря, она заблудилась, выбилась изъ силъ, попавъ на занесенныя снѣгомъ тропинки, и въ слезахъ упала на сваленное бревно; но что къ ней подошелъ какой-то старичокъ въ подрясникъ и скуфейкѣ, спросилъ о причинѣ ея слезъ и указалъ ей клюкой на правленіе дороги. Она пошла въ указанную сторону и, повернувъ за кусты, тотчасъ увидала монастырь. Всѣ рѣшили, что это монастырскій лѣсникъ или кто-либо изъ келейниковъ; какъ вдругъ на крылечко вышелъ уже знакомый мнѣ служка и громко спросилъ: «Гдѣ тутъ Авдотья изъ Воронежа?» Всѣ молчали, переглядываясь. Служка повторилъ свой вопросъ громче, прибавивъ, что ее зоветъ Батюшка. – «Голубушки мои! Да вѣдь Авдотья изъ Воронежа я самая и есть!» – воскликнула только что пришедшая рассказчица съ больными ногами, приподымаясь съ пня. Всѣ молча разступились, и странница, проковылявъ до крылечка, скрылась въ его дверяхъ. Мнѣ показалось страннымъ, какъ успѣлъ о. Амвросій узнать такъ быстро объ этой странницѣ и откуда она пришла. Я рѣшился дожидаться ея возвращенія. Минуть черезъ пятнадцать она вышла изъ домика вся въ слезахъ и, на посыпавшіеся на нее вопросы, чуть не рыдая, отвѣчала, что старичокъ, указавшій ей дорогу въ лѣсу, былъ не кто иной, какъ самъ о. Амвросій, или кто-либо ужъ очень похожій на него. Въ большемъ раздумьѣ вернулся я въ гостиницу. Что же это такое, думалось мнѣ. Положимъ, сходство; но, во-первыхъ, въ монастырѣ нѣтъ никого похожаго на о. Амвросія, а во-вторыхъ, два такія странныя совпаденія:

о. Амвросій, какъ всѣмъ извѣстно было, по болѣзненности въ зимнее время до теплыхъ лѣтнихъ дней не могъ выходить изъ келліи, а тутъ вдругъ въ холодное время явился въ лѣсу указателемъ дороги странницѣ, и затѣмъ, черезъ какіе-нибудь полчаса, почти въ минуту ея прихода къ его «хибаркѣ», онъ уже знаетъ о ней подробно. Я рѣшился исполнить обрядъ моего короткаго говѣнья по всѣмъ правиламъ религіи: выдержалъ постъ по-монастырски и всѣ церковныя службы также. Въ среду вечеромъ, послѣ вечерни, я прямо изъ церкви отправился въ Скитъ. Старецъ принялъ меня только чрезъ полчаса послѣ моего прихода. Войдя въ каморку, я засталъ его въ томъ же положеніи, какъ и въ первый разъ и, ставъ на колѣна, принялъ благословеніе. «Ну, теперь я могу поговорить съ тобою подолѣе, подвинься сюда поближе», – сказалъ мнѣ ласково Старецъ. Я предполагалъ, что мнѣ порядкомъ достанется на исповѣди, ибо не говѣлъ цѣлыхъ шесть лѣтъ, и приготовился вынести грозу. Отецъ Амвросій началъ меня разспрашивать о моемъ дѣтствѣ, воспитаніи, службѣ, болѣе замѣчательныхъ лицахъ, съ которыми мнѣ приходилось сталкиваться въ жизни, о моемъ несчастномъ бракѣ, о Сербіи, Болгаріи и Турціи, пересыпая завязавшійся разговоръ замѣчаніями и улыбками. Я, который и въ церкви-то не могъ стоять на колѣнахъ отъ боли въ ногахъ, не замѣтилъ, что нашъ разговоръ продолжался часъ и семь минутъ, – до того разговоръ Старца былъ милъ, увлекателенъ и разумно-наставителенъ! Съ каждой его фразой мнѣ казалось, что я болѣе и болѣе сродняюсь съ нимъ и душою и сердцемъ.

«Передай мнѣ епитрахиль и крестъ», – сказалъ мнѣ вдругъ о. Амвросій, помолчавъ минуты двѣ. Я подаль то и другое. Надѣвъ на себя епитрахиль, онъ приказалъ мнѣ нагнуться и, накрывъ епитрахилью, началъ читать разрѣшительную молитву. Я живо выдернулъ голову изъ подъ епитрахили и воскликнулъ: «Батюшка! А исповѣдь? Вѣдь я грѣшникъ великій!» Старецъ взглянулъ на меня, если можно такъ выразиться, ласково-строгимъ взглядомъ, накрывъ опять епитрахилью и, докончивъ молитву, далъ поцѣловать крестъ. «Можешь идти теперь, сынъ мой! Завтра, послѣ Литургіи, зайди ко мнѣ!» И ласково отпустилъ меня.

Никогда въ жизни не совершалъ я такой чудной прогулки, какъ въ этотъ разъ, отъ Скита до монастыря. Точно какое-то громадное облегченіе чувствовалось во всемъ существѣ моемъ; а вокругъ меня лучи полного мѣсяца такъ и играли мириадами алмазныхъ искръ по снѣгу полянъ и фантастическимъ хлопьямъ, причудливо лѣпившимся кой-гдѣ по вѣтвямъ оголенныхъ деревьевъ. Я и не замѣтилъ, какъ дошелъ до своего номера и какъ затѣмъ заснулъ.

На слѣдующій день, пріобщившись Св. Таинъ, послѣ Литургіи, я отправился къ моему новому духовному отцу. Старецъ ласково встрѣтилъ меня, благословилъ просфорою и подарилъ получасовую бесѣдою, въ которой высказалъ мнѣ нѣсколько наставленій и указаній въ пути моей жизни, которыхъ я никогда не забуду и которыя понынѣ служатъ часто мнѣ и утѣшеніемъ, и поддержкой въ трудныя минуты. Прощаясь, онъ опять благословилъ и поцѣловалъ меня, и

далъ завернутую въ бумагу просфору для передачи его духовной дочери...

Вернувшись въ гостиницу, я засталъ приготовленный для меня прекрасный грибной обѣдъ. Распорядившись относительно лошадей, я потрапезовалъ въ обществѣ о. гостиника и, отслушавъ вечерню, помчался на почтовой тройкѣ по направленію къ Калугѣ, унося съ собой самое лучшее воспоминаніе о привѣтливой Оптиной Пустыни, а въ сердцѣ своемъ – любовь и уваженіе къ старцу о. Амвросію, этому великому наставнику и цѣлителю душъ и сердець человѣческихъ».

Вотъ еще примѣръ замѣчательнаго вліянія личности Старца. Отецъ одной шамординской монахини, по ея собственнымъ словамъ, былъ человѣкъ невѣрующій. Пріѣхавъ въ Оптину и остановившись на гостиницѣ, онъ вдругъ почувствовалъ въ душѣ такую тревогу и противленіе противъ о. Амвросія, что рѣшилъ сейчасъ же вернуться обратно. За позднимъ временемъ гостиникъ уговорилъ его подождать до утра, обѣщая послать за лошадьми. Утромъ пріѣзжій, находясь въ томъ же раздраженномъ настроеніи, торопился уѣзжать, а опытный въ подобныхъ случаяхъ гостиникъ предложилъ ему, въ ожиданіи лошадей, осмотрѣть монастырь и Скитъ. Отъ нетерпѣнія гость согласился. Въ Скиту гостиникъ, между прочимъ, предложилъ ему заглянуть въ хибарку Старца, но господинъ рѣшительно запротестовалъ, говоря, что онъ Старца видѣть не желаетъ. «Да я васъ не зову къ Старцу, а только предлагаю вамъ взглянуть на его келлію, обстановку», – отвѣтилъ гостиникъ... Вошли въ пріемную; тамъ вошедшій случайно разговорилъ

ся съ однимъ посѣтителемъ, а въ это время Старець вышелъ на общее благословеніе. Всѣ присутствующіе приблизились къ Старцу, но пріѣзжій, застигнутый врасплохъ, намѣренно отошелъ въ противоположный уголь и непріязненно посматривалъ на Старца. Между тѣмъ прозорливый Старець, минуя всѣхъ остальныхъ, прямо подошелъ къ нему и молча положилъ ему на голову свою руку. «Я ничего не могу сказать и объяснить, какъ и почему это случилось, но знаю только одно, что я опустился передъ Старцемъ на колѣни», – рассказывалъ онъ потомъ, – затѣмъ Батюшка, взявъ меня за руку, повелъ въ свою келлію и, сѣвъ на кровать, спросилъ меня: говѣю ли я? Я отвѣтилъ, что ни во что не вѣрю, и потому говѣть считаю лишнимъ. Послѣ этого совершилось чудо, отъ котораго у меня, какъ говорится, волосъ дыбомъ сталъ. Старець началъ задавать мнѣ вопросы, проходя, такимъ образомъ, послѣдовательно шагъ за шагомъ всю мою жизнь, вникая и открывая со властію всѣ тайники моего сердца, обнаруживая все, что было извѣстно только мнѣ одному. Исповѣдь эта была настолько своеобразна, что она потрясла меня до глубины. Окончивъ ее, Старець благословилъ меня и велѣлъ идти домой; вечеромъ того же дня я уже самъ пошелъ къ о. Амвросію и сказалъ ему, что я хочу вѣровать и хочу говѣть». Два мѣсяца отпуска, взятые имъ для поправленія здоровья, онъ провелъ безвыѣздно въ Оптиной, посѣщая всѣ службы и подолгу бесѣдуя со Старцемъ. Съ тѣхъ поръ онъ сдѣлался глубоко вѣрующимъ христіаниномъ, до конца питая благоговѣйную любовь къ Старцу, и умеръ мирной христіанскою кончиной.

Сильное впечатлѣніе произвелъ о. Амвросій и на графа Л. Н. Толстого, о прїѣздѣ котораго въ Оптину Пустынь сказано нами выше.

Свое впечатлѣніе отъ разговора со Старцемъ Толстой передавалъ такъ: «Этотъ о. Амвросій совсѣмъ святой человѣкъ. Поговорилъ съ нимъ, и какъ-то легко стало и отрадно у меня на душѣ. Вотъ когда съ такимъ человѣкомъ говоришь, то чувствуешь близость Бога». Это было сказано графомъ Толстымъ въ 1881 г. А въ 1890 г., выйдя отъ Старца, онъ сказалъ окружающимъ его лицамъ: «Я растроганъ, растроганъ».

И не только при жизни, но и по смерти Старца – его личность производила неотразимое впечатлѣніе на многихъ.

Одна молодая дѣвушка, очень религіозная и серьезная, стремилась всей душой въ монастырь. По окончаніи гимназіи она сдѣлалась учительницей, а сама между тѣмъ стала присматриваться и прочитывать всевозможныя описанія разныхъ женскихъ обителей, но никакъ не могла остановиться въ выборѣ. Много прочла она очень пространныхъ и интересныхъ описаній монастырей и ихъ основательницъ, но все что-то говорило ей, что это не ея мѣсто, что не здѣсь ей быть, а гдѣ – она не могла дать себѣ яснаго отчета. Въ 1891 г., перелистывая полученный журналъ «Нива», она увидала портретъ о. Амвросія Оптинскаго и очень коротенькую при немъ замѣтку о томъ, что Старецъ этотъ скончался въ устроенной имъ Казанской женской общинѣ. Несмотря на то, что изображеніе старца Амвросія въ журналѣ было довольно плохое, оно поразило молодую дѣвушку.

Взглядъ его проникательныхъ и вмѣстѣ безконечно добрыхъ глазъ даже съ картинки проникъ прямо ей въ душу, и она тутъ же почувствовала, что должна быть въ обители, основанной этимъ старцемъ. Въ журнальной замѣткѣ ни о самомъ Старцѣ, ни объ обители ничего особеннаго сказано не было, но въ душѣ ея уже сложилось твердое рѣшеніе. Вскорѣ она тайно отъ матери уѣхала въ Оптину Пустынь, а оттуда въ Шамордино, гдѣ и осталась навсегда.

Обращеніе о. Амвросія со всѣми приходившими къ нему было, какъ мы уже показали, самое привѣтливое. Но каждому онъ давалъ то и столько, что и сколько каждый могъ вмѣстить по своему душевному устроенію. Люди, которые не нуждались въ его духовныхъ совѣтахъ, а должны были видѣть его по какому-либо дѣлу, отзывались о немъ: очень умный человѣкъ! Старецъ могъ говорить о всякомъ вопросѣ, поддерживалъ бесѣду столько времени, сколько требовало приличіе, и разставался съ такими посѣтителями. Тутъ онъ былъ очень выдержанъ, въ высшей степени вѣжливъ, и только... Зато съ преданными ему людьми Батюшка былъ совершенно другой. Онъ всегда оставался добрымъ и ласковымъ, но въ такія отношенія влагалъ самую искреннюю задушевность. Старецъ не имѣлъ обыкновенія прямо и рѣзко обличать кого-либо предъ людьми; но такъ искусно обличалъ, что обличеніе его, несмотря на присутствіе множества народа, понятно было только одному тому, къ кому оно относилось. И не столько угрозою, сколько любовію умѣлъ Батюшка вести людей къ исправленію, вселяя въ души ихъ вѣру, что не все по-

теряно, и можно, при помощи Божіей, одолѣть врага. До конца Старець сохранилъ свою природную живость, которая была выраженіемъ разносторонности, доброты и заботливости его характера. Когда люди, знавшіе Батюшку, входили къ нему со своими скорбями и невзгодами, душамъ ихъ становилось вдругъ легко и свободно. Все какъ-то прояснялось и было невыразимо утѣшительно. Ничто не могло сравниться съ тѣмъ счастьемъ, какое испытывали духовныя дѣти Старца при свиданіи съ нимъ послѣ долгой разлуки. Это однѣ изъ тѣхъ минутъ, которыхъ описать нельзя, а нужно пережить. Скажемъ еще нѣсколько словъ о внѣшности о. Амвросія.

Это былъ благообразный Старець, немного выше средняго роста и нѣсколько отъ старости сутуловатъ. Будучи съ молодю очень красивымъ, какъ передавали знавшіе его въ то время лично, онъ и въ старости не потерялъ пріятности въ своемъ лицѣ, несмотря на его блѣдность и худобу. На головѣ спереди имѣлъ небольшую лысину, которая, впрочемъ, нисколько его не безобразила и даже какъ будто шла къ его лицу, а назади нѣсколько прядей короткихъ, темно-русыхъ, съ просѣдью волосъ; на лбу двѣ-три морщины, которыя при случаѣ совершенно сглаживались; глаза свѣтло-каріе, живые, пронизательные, видящіе душу насквозь; губы обыкновенныя; борода довольно длинная, редкая, сѣдая, въ концѣ раздвоенная.

Отъ живости Батюшки выраженіе лица его постоянно мѣнялось. То онъ съ лаской глядѣлъ на васъ, то смѣялся съ вами молодымъ одушевленнымъ смѣхомъ, то

радостно сочувствовалъ, если вы были довольны, то тихо склонялъ голову, если вы рассказывали ему что-нибудь печальное, то на минуту погружался въ размышленіе, когда вы хотѣли, чтобы онъ сказалъ вамъ, какъ поступить въ какомъ-либо дѣлѣ, то рѣшительно принимался качать головой, когда отсовѣтовалъ какую-нибудь вещь, то разумно и подробно, глядя на васъ, все ли вы понимаете, начиналъ объяснять, какъ надо устроить ваше дѣло.

И вы чувствовали, что эти глаза видятъ все, что въ васъ есть дурного и хорошаго; и васъ радовало, что это такъ, и что въ васъ не можетъ быть для него никакой тайны.

Глава IX

ПОСЛѢДНІЙ ПОДВИГЪ ЛЮБВИ СТАРЦА О. АМВРОСІЯ – УЧРЕЖДЕНИЕ ШАМОРДИНСКОЙ КАЗАНСКОЙ ЖЕНСКОЙ ОБЩИНЫ И ЗАБОТА О НЕЙ

*Аще бо и мнози пѣстуны имате о
Христѣ, но не мнози отцы: о Христѣ
бо Иисусъ благовѣствованіемъ азъ вы
родихъ. Молю же васъ: подобни мнѣ
бывайте, якоже азъ Христу.*

(1 Кор. 4, 15, 16)

*Встѣхъ насъ заступи, о Госпоже,
Царице и Владычице!*

(Тропарь Богородицѣ. 22 октября)

кую, думаешь ты, можетъ получить мзду тотъ, кто ста дѣвамъ, собравшимся въ обитель для служенія Богу, дать возможность не разсѣяться по разнымъ мѣстамъ или обратиться въ міръ? Хорошо помочь и погорѣвшимъ, но тутъ одна лишь скорбь, по большей части приносящая пользу людямъ, для какой причины пожаръ и попускается отъ Провидѣнія свыше; но стократно выше то, ес-

ли сохранить, или дать возможность сохраниться многимъ отъ явнаго душевнаго вреда»... Такъ писалъ о. Амвросій одной своей духовной дочери, убѣждая ее не отказываться пожертвовать нѣкоторую сумму на устройство одной женской обители, и въ этихъ своихъ краткихъ словахъ указалъ высокій жизненный и духовный смыслъ подобной жертвы³⁴.

³⁴ Кстати, приведемъ здѣсь отрывокъ изъ недавно найденнаго и нигдѣ еще не напечатаннаго письма Старца къ К. Н. Леонтьеву, въ которомъ онъ высказываетъ свое сужденіе о монашествѣ по поводу появившихся тогда въ печати нападокъ на это древнее учрежденіе.

...Мнѣніе, что въ монастыряхъ монахи и іеромонахи должны быть образованные, имѣло бы нѣкоторую вѣроятность, если бы двѣнадцать избранныхъ учениковъ Христа Спасителя были образованные. Но Господь, чтобы посрамить гордость и надменность человѣческую, избралъ Себѣ учениковъ простыхъ рыбаковъ, которые просто и скоро увѣровали въ Его ученіе. А чтобы обратить и привести къ вѣрѣ образованнаго Савла, нужно было его прежде наказать слѣпотою. Потому что образованные неудобно вѣруютъ и нелегко смиряются, надымаясь научнымъ знаніемъ.

Правда, что и въ монастыряхъ бываютъ плохія личности. Но зло всегда и вездѣ мѣшалось съ добромъ и какъ бы еще забѣгало всегда впередъ. Каинъ родился прежде Авеля, Исавъ прежде Іакова. Между тремя сыновьями Ноя, видѣвшими потопъ, явился опять ненавистный Хамъ. Между избранными учениками Христа Спасителя оказался Іуда предатель. Злые всегда гнали добрыхъ, но не одолевали, а всегда были постыжены и унижены. Всего хуже, если злые изъ образованныхъ, какковы, напримѣръ, еретики аріане. Сколько они сдѣлали зла и оскорбленій правовѣрующимъ христіанамъ и вообще Церкви Христовой.

Если бы велегрѣшныи проповѣдникъ противъ монашества хоть мѣсяца три пожилъ бы въ какомъ-либо пустынномъ монастырѣ и походилъ бы на всѣ церковныя службы, вставая ежедневно утромъ въ два часа и ранѣе, тогда бы онъ опытомъ узналъ, какъ монахи въ монастыряхъ ничего не дѣлаютъ.

Какъ ни плохо монашество, а лукавому сатанѣ всячески желается уничтожить и плохое монашество. Видно, оно солоно ему и много препятствуетъ его кознямъ и злоухищреніямъ. Потому онъ покорныхъ себѣ образованниковъ и возбуждаетъ противъ монашествующихъ.

Со всѣхъ концовъ Россіи прибѣгали къ старцу Амвросію за совѣтами и письменно, и словесно и монашествующіе и міряне. Кто искалъ духовнаго утѣшенія, кто просилъ разрѣшенія сомнѣній въ вѣрѣ; кто – наставленія, какъ вести жизнь. Желавшіе посвятить себя иноческой жизни просили у Старца благословенія, въ какую обитель поступить, и какъ тамъ жить, какъ относиться къ роднымъ, и какъ устроить домашнія свои дѣла. Но въ особенности много было заботъ у Старца о женщинахъ – вдовахъ, бѣдныхъ дѣвицахъ и дѣтяхъ сиротахъ. Ибо очень-очень много было такихъ женщинъ и дѣвицъ, которыя, желая проводить благочестивую жизнь, не имѣли средствъ поступить въ женскую обитель и не знали, гдѣ главу приклонить.

Почти всѣ женскіе монастыри въ Россіи принимаютъ въ число сестеръ только такихъ, которыя въ состояніи купить для себя келлію, сдѣлать хотя небольшой взносъ въ обитель и содержать себя своими средствами

Монахи, по слову св. Димитрія Ростовскаго, сухіе колья, которыми поддерживается виноградъ Церкви Христовой. Виноградъ, не поддерживаемый колыями, не можетъ приносить плодовъ, будучи заглушаемъ травами снизу.

Велерѣчивые толкуны толкуютъ, что въ монастырѣ ничего не дѣлаютъ, а даромъ хлѣбъ ядятъ. Однако никто изъ нихъ не изъявляетъ охоты и усердія поступить въ монастырѣ на даровой хлѣбъ. Многіе лучше желаютъ побираваться по міру, нежели поступить въ монастырѣ. Есть анекдотъ про цыгана, которому пришлось пожить въ монастырѣ на первой недѣлѣ Великаго поста. Откуда онъ тайно бѣжалъ и, увидѣвши мужика, который вель въ лѣсъ собаку удавить, сказалъ ему: «Отведи въ монастырѣ, и такъ околѣть».

Во всякомъ обществѣ потребны люди образованные, средніе и простые. Если бы всѣ были образованные, то кто бы исполнялъ дѣла меньшія...

или трудами, такъ какъ монастыри эти не имѣютъ возможности доставлять полное содержаніе монашествующимъ. И рѣдко-рѣдко гдѣ примутъ въ монастырь женщину безъ взноса денегъ, рассчитывая на одну ея тѣлесную силу и здоровье, какъ могущую исполнять тяжелыя монастырскія послушанія. Поэтому многія изъ женщинъ, не имѣющихъ возможности попасть въ монастырь, живутъ въ селахъ по келліямъ и трудятся, чтобы только пропитать себя, а успѣвшія помѣститься въ обители живутъ въ непрерывныхъ трудахъ. Для здоровыхъ, впрочемъ, такая жизнь еще не очень обременительна; да и сами онѣ твердо убѣждены, что Богъ труды любить, и что ихъ труды исходатайствуютъ имъ вѣчное спасеніе. Иное дѣло – женщина съ плохимъ здоровьемъ. Ее нигдѣ въ женскомъ монастырѣ не примутъ, – даже если бы она и средства небольшія имѣла, изъ опасенія, что въ случаѣ продолжительной болѣзни и неспособности къ трудамъ она можетъ обременить монастырь. Вотъ такихъ-то бѣдныхъ и обездоленныхъ старецъ Амвросій и принималъ на свое попеченіе, стараясь какъ-нибудь ихъ пристроить.

Для этого онъ склонялъ нѣкоторыхъ благочестивыхъ состоятельныхъ людей къ устройенію женскихъ общинъ, и самъ, сколько могъ, содѣйствовалъ этому святому дѣлу. По его совѣту и указаніямъ устроена была въ 1879 году Предтеченская женская община въ г. Кромахъ Орловской губерніи. Особенно много заботъ употреблялъ онъ въ 70-хъ годахъ на устройство Ахтырской Гусевской женской общины въ Саратовской губерніи. По его же благословенію устроились благотворителями – Ко-

зельщанская община въ Полтавской губерніи, Николо-Тихвинская въ Воронежской. Старцу приходилось не только разсматривать планы, давать совѣты и благословлять людей на дѣло; но и защищать какъ благотворителей, такъ и насельницъ общинъ отъ различныхъ злоключеній и препятствій со стороны нѣкоторыхъ недоброжелательныхъ мірянъ. По этому случаю входилъ онъ иногда даже въ переписку съ епархіальными архіереями и членами Св. Синода.

Но во всѣхъ этихъ случаяхъ Старецъ только другихъ благословлялъ на дѣло, только другими руководилъ при устройствѣ общинъ, самъ же не принималъ въ этомъ дѣлѣ непосредственного участія.

Настало время, когда, по особымъ путямъ Промысла Божія, ему самому пришлось принять на себя близкое его сердцу дѣло попеченія о безпріютныхъ въ матеріальномъ и духовномъ смыслѣ лицахъ женскаго пола, желавшихъ проводить благочестивую жизнь и искавшихъ ея помощи и поддержки. Обстоятельства этого дѣла складывались медленно и постепенно. Все шло какъ будто бы случайно.

Началось съ того, что одинъ состоятельный петербургскій господинъ просилъ Старца купить для него неподалеку отъ Оптиной Пустыни небольшую дачку, чтобы ему можно было тамъ проживать со своимъ семействомъ. Верстахъ въ двенадцати отъ Оптиной, по большой Калужской дорогѣ, нѣсколько влѣво стоитъ деревня Шамордино. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ деревни жилъ старичокъ помѣщикъ, нѣкто Калыгинъ, вдвоемъ съ своею женою старушкою. При личномъ сви-

даніи съ Калыгинымъ (посѣщавшимъ иногда Скитъ), о. Амвросій среди разговора спросилъ его, не продасть ли онъ свое имѣніе. Калыгинъ согласился съ тѣмъ условіемъ, если ему съ женою позволять дожить остатокъ жизни въ Оптиной Пустыни, на гостиницѣ. Однако петербургскій господинъ вскорѣ, по какимъ-то своимъ соображеніямъ, отказался отъ покупки Калыгинскаго имѣнія; тогда его съ радостью оставила за собой духовная дочь Старца г-жа Ключарева, въ монашествѣ м. Амвросія, также желавшая пріобрѣсти имѣніе поблизости отъ Оптиной. Старецъ сказалъ ей при этомъ: «Вотъ, мать, жребій выпадаетъ тебѣ взять это имѣніе для себя. Будешь жить тамъ, какъ на дачѣ, со своими внуками, а мы будемъ ѣздить къ тебѣ въ гости». Нужно замѣтить, что у Ключаревой былъ единственный сынъ, первая жена котораго, родивши двухъ дочерей – близнятъ, вскорѣ послѣ этого скончалась. Отецъ ихъ женился на другой, а эти полусироты остались на попеченіи бабушки и жили вмѣстѣ съ ней. Крестнымъ отцомъ ихъ, по желанію бабушки, былъ отецъ Амвросій, который о нихъ чрезвычайно заботился. Въ будущее обезпеченіе этихъ внучекъ Ключарева и купила Калыгинское имѣніе.

Покупка Калыгинскаго имѣнія совершена была осенью 1875 года. Замѣчательно, что за годъ до продажи имѣнія старику Калыгину было особое видѣніе, – ему представлялась въ его имѣніи церковь въ облакахъ. Имѣніе Калыгина состояло изъ пятидесяти десятинъ земли. На верху крутой высокой горы стоялъ болѣе чѣмъ скромный одноэтажный деревянный домъ Калы-

гиныхъ, въ 26 аршинъ длины и 12 аршинъ ширины. Одну половину дома занимали старики хозяева, другая же часть безъ пола служила вмѣсто амбара. Крыша на домѣ соломенная отъ времени почернѣла, углы кое-гдѣ погнили... Зато видъ отсюда на окрестности былъ прекрасный.

Весь огромный склонъ горы покрытъ густымъ листовнымъ лѣсомъ. А тамъ глубоко-глубоко, у подошвы горы въ ложбинѣ, среди изумрудной зелени, серебряной лентой изгибается небольшая рѣчка Серена. За нею луга, а далѣе вправо – къ юго-западу – холмистая мѣстность, сливающаяся съ голубымъ небомъ. Все это лѣтомъ зеленѣетъ и пестрѣетъ отъ множества мелкихъ цвѣтовъ, разсыпанныхъ щедрою рукою Творца. Лѣвѣе, на юго-востокъ, глазъ любопытнаго наблюдателя, чрезъ крестьянскія поля, засѣянные разнымъ зерновымъ хлѣбомъ, пробѣгаетъ пространство верстъ въ десять, если не болѣе. И тамъ, въ конечной дали, виднѣется Оптиный хуторъ надъ р. Жиздрою, а за нимъ вѣковой боръ, отуманенный прозрачною воздушною синевою.

Въ первое же лѣто послѣ покупки имѣнія, въ іюлѣ 1876 года, старецъ о. Амвросій пріѣхалъ въ Шамордино посмотреть мѣстность. При входѣ въ домъ онъ сказалъ присутствующимъ: *миръ имѣйте и святыню со всѣми, кромѣ же сихъ никтоже узритъ Господа*. Осматривая мѣсто, онъ благословилъ построить здѣсь для матери Амвросіи и ея внучекъ новый домъ, какъ разъ на томъ мѣстѣ, надъ которымъ, какъ передаютъ, Калыгинъ когда-то видѣлъ церковь въ облакахъ, и сказалъ при этомъ: «У насъ здѣсь будетъ монастырь!» Домъ этотъ былъ

оконченъ въ слѣдующемъ году, и самъ Старецъ окропилъ его святою водою.

Замѣчательно, что въ домѣ большой залъ, по указанію Старца, занималъ восточную часть, а комнаты внучекъ Ключаревой приходились на сѣверъ, несмотря на то, что такое расположеніе дома самой Ключаревой и не нравилось. Не разъ послѣ Батюшка вспоминалъ объ этомъ, говоря: «Она строила дѣтямъ домъ, а намъ нужна была церковь». Въ приготовленный такимъ образомъ домъ Ключарева помѣстила на жительство своихъ внучекъ, а съ ними вмѣстѣ и сестеръ, послушницъ (бывшихъ ея крѣпостныхъ), которыя ей долго служили. Къ этимъ женщинамъ по времени стали присоединяться ихъ родственницы, даже и молодыя, искавшія тишины и молитвы, потому что благочестивое настроеніе самой Ключаревой отражалось на всемъ, что было къ ней близко. Въ новомъ имѣніи и тогда уже текла жизнь, близкая къ монашеской. Сама же Ключарева продолжала жить по-прежнему на гостинѣмъ дворѣ при Оптиной Пустыни, впрочемъ такъ, что со своими внучками она была почти неразлучна; то сама подолгу гостила въ имѣніи, то ихъ брала къ себѣ. Заботясь объ обезпеченіи своихъ внучекъ, Ключарева, по благословенію о. Амвросія, приобрѣла поблизости къ Калыгинскому имѣнію еще дачу – Руднево, а также опредѣлила на внучекъ и часть своего капитала съ тѣмъ условіемъ, что, въ случаѣ неожиданной ихъ кончины, въ Калыгинскомъ имѣніи будетъ устроена женская община; а купленная поблизости дача и капиталъ пойдутъ на ея обезпеченіе. Хорошо было жить обитательницамъ Калыгинскаго до-

ма въ тишинѣ и молитвѣ. Одного не доставало – храма Божія, такъ какъ сельская церковь была далеко отъ Шамордина. И вотъ по благословенію Старца м. Амвросія стала хлопотать о разрѣшеніи ей выстроить у себя въ домѣ церковь. Это было въ 1881 году. Архіепископъ Григорій сочувственно отнесся къ просьбѣ Ключаревой, но наступившія событія – мученическая кончина Императора Александра II и послѣдовавшая вскорѣ затѣмъ смерть самого архіепископа Григорія – помѣшали осуществленію этой просьбы. Между тѣмъ заболѣла и сама Ключарева и, проболѣвъ все лѣто, скончалась 23 августа 1881 года.

Внучки Ключаревой со своими нянями и воспитательницами продолжали нѣкоторое время жить въ Шамординѣ, гдѣ главною распорядительницею по смерти м. Амвросія стала, по благословенію Старца, одна изъ ближайшихъ къ ней сотрудницъ, старушка монахиня Алипія. Но здѣсь онѣ жили недолго. По благословенію Батюшки онѣ были помѣщены въ Орловскій пансіонъ, состоявшій въ вѣдѣніи одной духовной дочери Старца, гдѣ и оставались до 1883 года. Въ этомъ году, весною, по окончаніи учебныхъ занятій, дѣвочки пріѣхали въ Оптину Пустынь для свиданія со старцемъ Амвросіемъ, котораго горячо любили, и здѣсь вдругъ обѣ заболѣли дифтеритомъ въ одинъ и тотъ же день – 31 мая. Дѣвочекъ разъединили. Болѣзнь ихъ быстро развивалась. Ихъ напутствовали исповѣдію и причастіемъ Св. Христовыхъ Таинъ. Пока онѣ были въ силахъ, онѣ постоянно писали Батюшкѣ записочки, прося его св. молитвъ и благословенія. 4 іюня скончалась одна изъ нихъ – Вѣра.

Ходившія за больными послушницы не сказали объ этомъ оставшейся въ живыхъ Любви, чтобы не растрезожить ее. Но бывшая въ дремотѣ больная, вдругъ очнувшись, спросила сидѣвшую подлѣ нея сестру: «Вѣра умерла?» Та начала было говорить, что жива, но она быстро возразила: «Какъ жива? Мнѣ сейчасъ няня сказала, что умерла». А няни тутъ вовсе и не было. 8 іюня скончалась и Любовь. Обѣ сестры, нѣжно любившія другъ друга, погребены рядомъ на Оптинскомъ кладбищѣ около могилы ихъ бабушки, м. Амвросіи, и недалеко отъ того мѣста, гдѣ былъ погребенъ въ послѣдствіи старецъ Амвросій. Замѣчательна жизнь и судьба этихъ дѣвочекъ. Родившись въ одинъ день, получивъ имена Вѣра и Любовь, онѣ всю свою краткую жизнь жили вѣрою и любовію. Тихія и кроткія, онѣ горячо были привязаны другъ къ другу и никогда не разлучались; никогда не шалили; одѣвались просто; любили выслушивать долгія монастырскія богослуженія, любили тихую, уединенную жизнь иноческую. Смерти онѣ не боялись. Не разъ онѣ говорили окружающимъ: «Мы не хотимъ жить дольше 12-ти лѣтъ; что хорошаго въ этой жизни». И дѣйствительно, смерть постигла ихъ въ 12-лѣтнемъ возрастѣ, и какъ вмѣстѣ онѣ вошли въ жизнь, такъ вмѣстѣ и ушли изъ нея, въ свѣтломъ ореолѣ дѣтской чистоты, нѣжной взаимной любви и глубокой вѣры³⁵.

³⁵ Для характеристики одной изъ этихъ дѣвочекъ, Любви, приведенъ слѣдующій рассказъ ея няни. нынѣ живущей въ богадѣльнѣ Шамординскаго монастыря, 80-лѣтней старушки Александры: «Когда Любѣ было еще четыре года, однажды, на Страстной недѣлѣ, въ среду, когда въ монастырѣ еще не отошла Литургія Преждеосвященныхъ Даровъ (жили мы тогда при Оптиной Пустыни), захотѣлось мнѣ попить кофейку

По смерти дѣвочки Ключаревыхъ, согласно духовному завѣщанію м. Амвросіи, въ бывшемъ Калыгинскомъ имѣніи должна была возникнуть женская община. Тотчасъ по кончинѣ дѣтей-наслѣдницъ, еще до открытія общины, въ имѣніи закипѣла работа, и Старцемъ снова было возбуждено ходатайство о разрѣшеніи построить въ Ключаревскомъ имѣніи церковь, а также и объ открытіи женской общины. Ходатайство было удовлетворено. Для устройства церкви потребовалось сдѣлать немного. Къ большому залу, обращенному на востокъ, пристроенъ былъ алтарь; а иконостасъ поновленъ былъ старый изъ Оптинской церкви, во имя праведной Анны и преп. Маріи Египетской, гдѣ о. Амвросіемъ устроенъ былъ новый иконостасъ.

Когда въ половинѣ семидесятыхъ годовъ о. Амвросій въ первый разъ вошелъ въ новоотстроенный Ключаревскій домъ, онъ увидѣлъ въ залѣ большую Казанскую икону Божіей Матери; остановившись передъ нею, онъ долго на нее смотрѣлъ и наконецъ сказалъ: «Ваша Казанская икона Божіей Матери несомнѣнно чудотворная: молитесь ей и храните ее». Во имя этой-то святой иконы и была освящена первая домовая церковь въ Ключаревскомъ домѣ; почему и открытая здѣсь женская община стала называться Казанскою.

Незадолго передъ тѣмъ, именно въ 1882 году, пріѣхала къ Старцу тульская помѣщица, вдова среднихъ лѣтъ

(а обычно мы до окончанія Литургіи ничего не ѣли и не пили чаю). Ста-
ла я варить себѣ кофе, приготовила чашку. Люба сидитъ и смотритъ, ни-
чего не говоритъ. Сварила я кофе, стала наливать, а Люба вдругъ и гово-
рить: «Нянечка, а вѣдь грѣхъ». Такъ у меня и руки опустились».

Софья Михайловна Янькова, урожденная Болотова, вступившая вскорѣ затѣмъ, по благословенію Старца, во второй бракъ съ жившимъ вблизи Оптиной Пустыни пожилымъ помѣщикомъ Николаемъ Ивановичемъ Астафьевымъ, тоже вдовцомъ. Астафьевъ скоро послѣ брака заболѣлъ, а потомъ черезъ годъ съ двумя мѣсяцами и скончался. Софья Михайловна, видя въ этомъ указаніе Божіе, съ этихъ поръ всецѣло посвятила себя на служеніе Богу, сдѣлавшись во всемъ преданною послушницею старца Амвросія. Ее-то, какъ женщину умную, способную, имѣвшую прекрасный даръ слова, о. Амвросій всюду посылалъ съ порученіями по дѣламъ открывающейся общины, она-то назначена была потомъ и первою ея настоятельницею. Освященіе храма и открытіе общины совершены были 1 октября 1884 года Калужскимъ преосвященнымъ Владимиромъ.

Старецъ на весь этотъ день затворился въ своей келліи и молился.

Мать Софія была незамѣнимой помощницей Старца по устроенію юной обители, его, что называется, правой рукой. Къ сожалѣнію, ея управленіе продолжалось недолго. Разумная, хорошо понимавшая и жизнь духовную и дѣла хозяйственныя, всею душою преданная Старцу, она, подъ его непосредственнымъ руководствомъ, вступивъ на путь иноческой жизни и принявъ самое тяжелое въ обители послушаніе начальницы, стала подвизаться съ великою ревностью. Съ малолѣтства жившая всегда въ нѣгѣ и вовсе незнакомая съ тѣлесными трудами, она теперь неустанно трудилась и совсѣмъ не жалѣла себя. Въ мокрую, холодную осеннюю пого-

ду, случалось по цѣлому дню, съ утра до вечера, ходила она сама по всей обители, слѣдя за всѣми монастырскими работами, и уже къ ночи возвращалась въ свою келлію, вся промокшая и прозябшая. Эти труды и заботы, въ соединеніи съ строгою подвижницею жизнью, вскорѣ сломили ея крѣпкое здоровье. Она постепенно стала чахнуть и мало-помалу таяла, какъ свѣча; наконецъ, 24 января 1888 года уснула вѣчнымъ сномъ праведницы, получивъ отъ Господа воздаяніе, соотвѣтствующее ея великой святой ревности и трудамъ. Впослѣдствіи старецъ Амвросій, при воспоминаніи о ней, говариваль нерѣдко съ особеннымъ чувствомъ умиленія: «Ахъ, мать! Обрѣла милость у Бога».

По кончинѣ матушки Софіи, по указанію старца Амвросія, начальницею въ Шамординской общинѣ была назначена монахиня Бѣлевскаго монастыря м. Евфросинія (Розова), бывшая съ 1860 года и до самой кончины Старца его преданною и искреннею ученицею и помощницею.

Избирая начальницами Шамординской общины ревностныхъ и опытныхъ подвижницъ и своихъ преданныхъ духовныхъ дочерей, о. Амвросій не переставаль быть главнымъ руководителемъ и вдохновителемъ всей жизни юной обители. Онъ изыскиваль средства для ея существованія, что было не легко, при громадномъ числѣ принятыхъ имъ сестеръ; безъ его совѣта и благословенія ничего не предпринималось въ обители, по его указанію принимались сестры... Вслѣдствіе громаднаго стеченія сестеръ, онъ, правда, не имѣль возможности быть духовнымъ отцомъ каждой изъ нихъ и потому пе-

редадь ихъ въ руки одного изъ своихъ ближайшихъ учениковъ, скитоначальника о. іеросхимонаха Анатолія, который относился къ нимъ съ самою заботливою отеческою любовью, какъ это видно и изъ его «Писемъ къ монахинямъ».

Между тѣмъ въ новой общинѣ строились корпусъ за корпусомъ. Но желавшихъ поступить въ открывающуюся общину столько вдругъ нахлынуло, что едва построятъ домъ, какъ уже вдвое болѣе ждутъ новаго помѣщенія. А кого Старецъ принималъ и помещалъ въ устрояемую имъ общину? Большею частью находившихся въ крайней бѣдности, вдовъ и сиротъ, а еще слѣпыхъ, хромыхъ, болѣзненныхъ и вообще самыхъ обездоленныхъ судьбою женщинъ и дѣвицъ. Приходитъ, напримѣръ, къ Батюшкѣ молодая женщина, оставшаяся больною вдовою въ чужой семьѣ. Свекровь ее гонитъ и говоритъ: «Ты бы, горемычная, хотъ удавилась, – тебѣ не грѣшно». Старецъ внимательно выслушиваетъ ее, всматривается и наконецъ говоритъ: «Ступай въ Шамордино». Или вотъ примѣръ. Разсказывалъ бывший благочинный Оптиной Пустыни іеросхимонахъ Иларіонъ: «Замужняя моя сестра подверглась тяжкому недугу, и мужъ оставилъ ее на произволъ судьбы. Привезли ее, больную, въ Оптину къ Старцу. Было лѣто. Батюшка вышелъ къ больной; посмотрѣлъ на нее и, благословивъ, шутливо промолвилъ мнѣ: «Ну этотъ хламъ-то у насъ сойдетъ; отвезти ее въ Шамордино!» Около десяти лѣтъ прожила она тамъ въ богадѣльнѣ и скончалась, бывъ пострижена предъ кончиною келейно въ схиму ». – Или еще. Приходитъ одинъ бѣднякъ изъ

Сибири и отдасть Батюшкѣ свою малолѣтнюю дочку: «Возьмите, – говорить онъ, – у нея нѣтъ матери, – что я съ ней буду дѣлать?» Старецъ и эту отправляетъ въ Шамордино. Изъ такихъ-то дѣвочекъ-сиротъ образовался тамъ дѣтскій пріютъ. Среди пріютянокъ была одна, принятая Старцемъ съ двухъ лѣтъ. Батюшка тогда спросилъ ее: «Кѣмъ ты будешь?» Ребенокъ, еле умѣвшій говорить, ясно произнесъ: «Истинной монашкой». – «Смотри не обмани», – заключилъ Батюшка. Изъ убогихъ же дѣвицъ и женщинъ образовалась богадѣльня человѣкъ на пятнадцать. А сколько такихъ было по келліямъ, сколько еще по дачамъ общины! – «Батюшка, у васъ именно, что монастырь», – говорилъ иногда Старцу его духовникъ о. Ѳеодоръ. – «А что?» – «Да въ какую келлію не войдешь – тамъ слѣпая, тамъ хромая, а тутъ и вовсе безъ ногъ, – поневолѣ всѣ уединенныя»³⁶. Кстати сказать, у старца Амвросія и въ Козельскѣ былъ особый домъ для призрѣнія тѣхъ изъ женскаго пола, которыя не имѣли полнаго разсудка.

Впрочемъ, не однѣ только простыя, нуждающаяся, больныя и убогія женщины и дѣвицы находили себѣ убѣжище у Старца.

Подъ его кровъ приходили и женщины состоятельныя, образованныя, съ высокимъ иногда общественнымъ положеніемъ, приходили потому, что жизнь не давала имъ нравственнаго удовлетворенія, а здѣсь, подъ руководствомъ Старца, онѣ начинали понимать и истинный смыслъ жизни, и истинное счастье души.

³⁶ Монахъ – значить уединенный, одинъ.

Съ 1888 года Старець ежегодно въ теплую лѣтнюю пору имѣлъ обыкновеніе пріѣзжать въ Шамордино, чтобы самому лично посмотреть, что есть въ обители и чего еще ей недостаетъ. Посѣщенія эти были для сестеръ большимъ праздникомъ. Вотъ какъ онѣ сами описываютъ одно изъ этихъ посѣщеній, бывшее именно въ 1888 году. Приводимъ это описаніе полностью, какъ рисующее картину жизни батюшки о. Амвросія въ Шамординѣ.

«Еще въ первыхъ числахъ іюля пронесся слухъ у насъ, что Батюшка собирается къ намъ послѣ Казанской погостить; но намъ казалось это такой несбыточной мечтой, что мы боялись и радоваться, боялись даже и говорить объ этомъ. Наконецъ, уже за недѣлю такъ до пріѣзда Батюшки, слухъ этотъ сталъ все чаще и чаще повторяться слышавшими отъ него самого. А мы все еще не смѣли этому вѣрить. Наконецъ, въ понедѣльникъ 18-го начали стекаться къ намъ для встрѣчи Батюшки съ разныхъ сторонъ посѣтителі. Тройка за тройкой такъ и мчится къ Шамордину. На гостиницѣ номера всѣ были заняты. Пришлось помѣстить нѣкоторыхъ пріѣзжихъ изъ монашествующихъ въ особыхъ келліяхъ. — Здѣсь ужъ сомнѣнія наши прекратились, и мы стали убѣждаться, что точно ожидаетъ насъ великая радость...

Наконецъ, насталь и вторникъ. Тотчасъ послѣ обѣдницы, часовъ въ 7 утра, начали устраивать для Батюшки помѣщеніе въ церковномъ домѣ, въ большой комнатѣ, откуда ему можно было слышать и даже видѣть службу и выходить въ церковь, когда ему вздумается. Къ 9 часамъ комната для Батюшки была готова. Ее устлали всю

коврами, сдѣлали небольшой иконостасецъ, вставили въ окно жалузи, – и все это менѣе, чѣмъ въ два часа, такъ какъ дѣлалось все сообща, дружно и живо...

Церковь также преобразилась. Полъ въ ней устлали коврами, столбы и колонны разукрасили гирляндами папоротника и живыхъ цвѣтовъ. Но еще болѣе праздничный видъ придавали ей радостныя, сіяющія лица сестеръ, которыя то и дѣло забѣгали туда узнать, – не пріѣхалъ ли кто изъ Оптиной, не слышно ли что-нибудь о родномъ Батюшкѣ. Въ 4 часа пріѣзжаетъ, наконецъ, одна изъ нашихъ сестеръ съ радостною вѣстью, что въ 3 часа Батюшка намѣренъ выѣхать изъ Оптиной, и что нужно ожидать его съ минуты на минуту. Вѣсть эта въ одинъ мигъ облетѣла весь монастырь, и всѣ уже были наготовѣ. Въ 5 часовъ прискакалъ верховой съ извѣстіемъ, что Батюшка проѣхалъ уже Полошково. Тотчасъ собрались всѣ въ церковь; зажжено было паникадило; отъ паперти до Святыхъ монастырскихъ воротъ разостлали коверную дорожку, по обѣимъ сторонамъ которой разставлены были сестры, всѣ въ полной формѣ. Въ Святыхъ воротахъ ожидали Батюшку священникъ о. Іоаннъ съ св. крестомъ, матушка настоятельница съ нашимъ чудотворнымъ образомъ Казанской Божіей Матери, казначея м. Елеверія съ большимъ хлѣбомъ и просфорой на блюдѣ, украшенномъ живыми цвѣтами, и всѣ пѣвчія.

«Сестры! Матушка проситъ васъ не разговаривать!» – повторяла приказаніе матушки наша благочинная, устанавливая сестеръ въ линію. Да и не до разговоровъ тутъ было. Каждой хотѣлось сосредоточиться въ

себѣ, собраться, какъ говорится, съ своими чувствами. Воцарилась глубокая благоговѣйная тишина. Чувствъ, которыя наполняли каждую изъ насъ, которыя переживались нами въ эти минуты, никогда уже не испытать намъ болѣе; онѣ не повторяются, рѣдкія они гости на землѣ; ихъ и не передать. Раздался благовѣстъ, трезвонъ, наконецъ появилась и давно ожидаемая карета, подкатила къ воротамъ, но дверца оставалась запертою, и Батюшка не показывался. Прошло минуты 3–4, появился, наконецъ, и Батюшка съ противоположной стороны кареты въ полной формѣ – въ мантии и крестахъ. – Запѣли: «Днесъ благодать Святаго Духа насъ собра, и вси взявше крестъ Твой глаголемъ: благословенъ грядый во имя Господне!» Батюшка между тѣмъ сдѣлалъ три земные поклона и, приложившись къ кресту и образу Царицы Небесной, взявъ икону на руки и, въ сопровожденіи матушки, помогавшей ему нести образъ, двинулся къ церкви. Всѣ мы поклонились ему до земли, но никто не подходилъ къ нему и не тѣснилъ его. На глазахъ у Батюшки были слезы. Да и большинство присутствовавшихъ плакали, но тихо, чтобы не нарушать тишины и стройнаго пѣнія встрѣчнаго гимна. Когда вошелъ Батюшка въ церковь, запѣли «Достойно есть», затѣмъ слѣдовала ектенія и т. д., какъ вообще принято встрѣчать высокихъ посѣтителей. Батюшка между тѣмъ ходилъ въ алтарь, прикладывался къ образамъ и затѣмъ черезъ южныя двери прошелъ на могилу дорогой покойной матушки Софіи. Нужно было видѣть только выраженіе лица Батюшки въ то время, когда онъ прикладывался къ образу Царицы Небесной въ Св. воротахъ,

шелъ съ иконой къ церкви и молился на могилкѣ, чтобы оно никогда не изгладилось изъ памяти! Серьезное, сосредоточенное, какое-то вдохновенное, и взоръ его, казалось, такъ и проникалъ небеса. По возвращеніи въ церковь и по окончаніи многолѣтія ему Батюшка возшелъ на возвышенное мѣстечко, нарочно для него приготовленное, сѣлъ въ кресло и сталъ благословлять всѣхъ присутствовавшихъ. Послѣ благословенія Батюшка нѣсколько времени отдыхалъ, а затѣмъ въ тотъ же день нѣсколько разъ выходилъ въ церковь, осматривалъ ее и благословлялъ всѣхъ, кто случался тамъ въ это время. Вечеромъ была всенощная, а на другой день обѣдня и молебенъ... Послѣ молебна былъ крестный ходъ вокругъ церкви и вокругъ всего монастыря... Батюшка самъ участвовалъ въ крестномъ ходѣ и благословилъ, чтобы всѣ наши больныя, разслабленныя и калѣки также принимали въ немъ участіе. Такъ что за толпой сестеръ и мірскихъ слѣдовалъ еще поѣздъ больныхъ, калѣкъ и разслабленныхъ, кто въ линейкѣ, кто въ повозкѣ, кто въ чемъ... Когда все было кончено, Батюшка вышелъ прикладываться къ образамъ; потомъ ходилъ на могилку и на колокольную и вездѣ долго молился съ земными поклонами. Въ тотъ же день ѣздилъ Батюшка въ корпусъ матушки, въ часовню св. Амвросія, ходилъ даже на террасу, откуда проѣхалъ въ Тихоновскую часовню, а оттуда пѣшкомъ пришелъ въ хибарку. Вездѣ Батюшка молился съ земными поклонами и внимательно все осматривалъ. Въ хибаркѣ, остановившись предъ большимъ портретомъ матушки Софіи (въ схимѣ), Батюшка сказалъ: «Мать все видитъ, что тутъ дѣлается, —

и затѣмъ, взглянувъ на шкафы съ книгами, прибавилъ: – Читать и разумѣвать читаемое!» Изъ хибарки Батюшка вышелъ въ дверь на террасу, прошелъ по галерейкѣ, посидѣлъ на ступенькахъ, гдѣ любила сидѣть дорогая матушка Софія, и, спустившись затѣмъ съ лѣстницы, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ внизъ, по скату горы. «А какое мѣсто-то выбрала мать для своей хибарки!» Изъ хибарки прошелъ Батюшка въ «молчанку». Все ему здѣсь очень понравилось: «Я и не ожидалъ, что у васъ тутъ такъ хорошо, – говорилъ онъ, – просто самъ остался бы, кажется, жить тутъ съ вами». Потомъ, подошедши къ окну и заглянувъ черезъ него внизъ къ оврагу, сказалъ: «Да, у васъ просто лучше Аѳона здѣсь, лучше Аѳона». Изъ молчанки Батюшка возвратился домой и больше никуда въ этотъ день не ѣздилъ.

Въ четвергъ послѣ обѣдни была панихида по матушкѣ Софіи и матери Амвросіи, и затѣмъ общее благословеніе. Въ то время какъ благословлялъ Батюшка, пѣвчія пѣли ему обыкновенно различныя церковныя пѣсни: «Заступнице усердная», тропарь св. Амвросію и т. д. Пѣли также и: «Торжествуй, наша обитель». Въ этотъ же день, послѣ нѣсколькихъ другихъ священныхъ пѣсней, запѣли пасхальный канонъ. Между тѣмъ Батюшка кончилъ уже благословлять; слушалъ и молился. Когда кончили канонъ, Батюшка самъ благословилъ пропѣть: «Да воскреснетъ Богъ» – и по окончаніи этой пѣсни быстро поднялся съ своего мѣста и скрылся за дверью. Пѣніе всегда слишкомъ сильно дѣйствовало на Батюшку... Въ тотъ же день утромъ, послѣ краткаго отдыха, Батюшка ѣздилъ на скотный дворъ, осматривалъ построй-

ки, заходилъ и въ «маленькій пріютъ» и долго тамъ оставался. Заходилъ въ каждую комнатку, благословлялъ всѣхъ дѣтей и бесѣдовалъ съ ними. «Большая» сказала Батюшкѣ стихи сочиненія ихъ надзирательницы, и сказала ихъ очень мило. Батюшку тронули они до слезъ. Вотъ эти стихи.

Отецъ родной, отецъ святой!
Какъ благодарить тебя, не знаемъ.
Ты насъ призрѣлъ, ты насъ одѣлъ,
Ты насъ отъ бѣдности избавилъ.
Быть можетъ, мы теперь бы всѣ
Скитались по міру съ сумою,
Не знали бъ крова мы нигдѣ,
И враждовали бы съ судьбою.
А здѣсь мы молимъ лишь Творца,
И за тебя Его мы славимъ;
Мы молимъ Господа Отца,
Чтобъ насъ, сиротокъ, не оставилъ!

Стихи эти впослѣдствіи положены были какою-то сестрою на ноты. И послѣ того, каждый разъ какъ Старецъ посѣщалъ въ общинѣ пріютъ, дѣти пѣли для него этотъ кантъ. Серьезно, задумчиво слушалъ Старецъ эти дѣтскія моленія, и часто крупныя слезы катились по его впалымъ щекамъ. Что думалъ онъ въ эти минуты – неизвѣстно. Но можно предполагать, что онъ въ это время обращался сердцемъ къ Царицѣ неба и земли съ молитвою не оставить, послѣ его смерти, собранныхъ имъ сиротъ Своимъ всемошнымъ покровомъ.

Отношеніе Старца къ дѣтямъ всегда было самое нѣжное, отечески-ласковое. Одна изъ его близкихъ ду-

ховныхъ ученицъ пишетъ: «Я была свидѣтельницею того, какъ Батюшка ежедневно, несмотря на свою слабость, ѣздилъ въ больницу провѣдывать больныхъ дѣтей; какъ баловалъ ихъ, – дать то конфетку, то пряникъ, приласкаетъ ихъ, пошутить».

Изъ пріюта Батюшка ѣздилъ внизъ къ огородамъ. Заходилъ въ сторожку, гдѣ живутъ наши огородницы, гулялъ по горамъ, благословлялъ всѣ колодцы; зашелъ на водокачку, заставлялъ при себѣ накачивать воду, осматривалъ устройство ея и возвратился домой прямо ко всеношной. На другой день послѣ обѣдни и общаго благословенія Батюшка, отдохнувъ немного, пошелъ на могилку. Помолившись и благословивъ ее три раза, какъ всегда, онъ прошелъ на мѣсто водоосвященія и на колокольню и опять всюду усердно и долго молился. Съ колокольни же прошелъ прямо въ трапезную. Помолившись здѣсь предъ образомъ Царицы Небесной, онъ прошелъ прямо къ настоятельскому мѣсту, сѣлъ тамъ и благословилъ подавать ему весь обѣдъ по порядку. Каждое кушанье онъ благословлялъ и, отвѣдавъ немного, звонилъ въ колокольчикъ, какъ это дѣлаетъ обыкновенно матушка, давая этимъ знакъ трапезницамъ подавать слѣдующее блюдо. Кушанье изъ чашекъ, благословленныхъ Батюшкой, вылили потомъ въ котлы и ведра, откуда разливали по чашкамъ всѣмъ сестрамъ за трапезой. Изъ трапезной Батюшка прошелъ въ кухню, осматривалъ устройство печки, плиты и котловъ, и дѣлалъ распоряженіе насчетъ различныхъ измѣненій, которыя нашелъ нужнымъ сдѣлать, а именно – насчетъ расширенія трапезной, а также и хлѣбни, куда онъ заходилъ прямо

изъ трапезной. Осмотрѣвъ всѣ эти хозяйственныя учрежденія наши и посидѣвъ нѣсколько минутъ среди дворика, вокругъ котораго расположены эти постройки, Батюшка сѣлъ въ пролеточку свою и доѣхалъ въ ней до крыльца, чтобы избавить матушку отъ великихъ хлопотъ, ежеминутно повторяемыхъ просьбъ и приказаній не напирать на Батюшку, не тѣснить его, которыя она принуждена была бы употреблять, чтобы доставить Батюшкѣ свободный проходъ отъ хлѣбни до церкви. Самъ Батюшка, сидя близъ хлѣбни и осматривая расположеніе зданій, не разъ обращался къ сестрамъ съ просьбою стоять поодаль, чтобы ему лучше можно было осмотрѣть все. «Васъ-то я не разъ видѣлъ, а постройки-то еще не видалъ», – говорилъ онъ... Въ тотъ же день послѣ обѣда Батюшка ѣздилъ въ гостиницу, посѣтилъ нѣкоторыхъ лицъ и возвратился домой уже въ седьмомъ часу вечера. Во все время, пока былъ у насъ Батюшка, въ тѣ дни, когда не положено всенощной, утрени бывали у насъ съ вечера, вслѣдъ за вечерней, чтобы не прерывать покоя Батюшки поутру. День же проводилъ Батюшка такъ: послѣ обѣдни выходилъ онъ прикладываться къ образамъ, затѣмъ шелъ на могилку или же начиналъ всѣхъ благословлять... Отдохнувъ нѣсколько времени, Батюшка начиналъ принимать пріѣзжихъ посѣтителей, иногда въ своей комнатѣ, иногда же въ церкви, гдѣ садился для этого на скамеечкѣ близъ свѣчнаго ящика. Часовъ въ 11 подавали Батюшкѣ лошадь, и онъ отправлялся объѣзжать корпуса и постройки, въ сопровожденіи особо ѣхавшей матушки, которая помогала ему выходить изъ экипажа, ограждала его отъ толпы, и съ

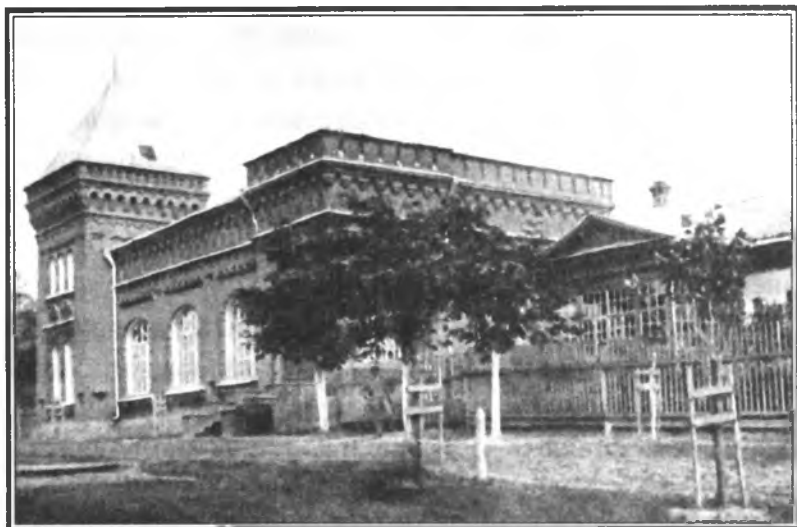
которую онъ нерѣдко тутъ же и занимался насчетъ перемѣщенія сестеръ, передѣлокъ, перестроекъ и т. д., и въ сопровожденіи толпы сестеръ и мірскихъ, бѣжавшихъ за батюшкиной пролеткой... Возвращался Батюшка домой часу во второмъ, кушалъ, отдыхалъ, а послѣ отдыха снова отправлялся объѣзжать корпуса до все-нощной или вечерни. За время своего пребыванія у насъ Батюшка посѣтилъ всѣ корпуса, не пропустилъ ни одной келліи, былъ во всѣхъ сараяхъ и амбарахъ... Принесли Батюшкѣ носилки, приготовленныя сестрамъ для ношенія камней на постройку храма. Батюшка благословилъ ихъ, и самъ пробовалъ, ловки ли онѣ. Насталъ, наконецъ, день отъѣзда Батюшки... Послѣ обѣдни, молебна и общаго благословенія Батюшка принималъ многихъ сестеръ и мірскихъ; затѣмъ подали ему кушать. Мы же всѣ почти разошлись по келліямъ съ тою мыслью, что Батюшка, вѣроятно, будетъ теперь отдыхать, а тамъ мы снова отправимся въ церковь караулить выходъ его, чтобы хоть лишній разокъ взглянуть на него; какъ вдругъ прибѣгаетъ кто-то и говорить: скорѣе, скорѣе собирайтесь въ церковь, и въ формѣ, сейчасъ будетъ напутственный молебенъ для Батюшки. Собрались мы всѣ, и узнать нельзя, что это тѣ же лица, которыя наканунѣ еще можно было видѣть такими сіяющими. Головы опущены; кто плачетъ, кто едва удерживается отъ слезъ. Молчаніе глубокое. Начался молебенъ Царицѣ Небесной и для путешествующихъ... Послѣ молебна Батюшка, серьезный, сосредоточенный, приложился къ образамъ, вышелъ на могилку, въ послѣдній разъ три раза ее благословилъ и возвратился въ свою комнату.

Переодѣвшись тамъ, онъ снова вышелъ и пешкомъ прошелъ въ «молчанку», гдѣ, по его благословенію, сооружалась какая-то постройка, очень его интересующая. Здѣсь нѣсколько минутъ бесѣдоваль Батюшка съ счастливецемъ нашимъ Кузьмою и, переодѣвшись и благословивъ насъ, снова прошелъ въ церковь. Здѣсь въ послѣдній разъ онъ всѣхъ благословилъ и прошелъ въ свою комнату.

Сестеръ снова разставили въ два ряда, отъ церковной паперти до Святыхъ воротъ, гдѣ снова, какъ при встрѣчѣ, ожидали Батюшку матушка съ образомъ Царицы Небесной и пѣвчія. Настала вновь тишина, столь же благоговѣйная, какъ и прежде, но съ оттѣнкомъ скрытой грусти... Когда же появился Батюшка, и пѣвчія запѣли «Достойно есть», заплакали почти всѣ. Батюшка шелъ быстро и благословлялъ на обѣ стороны. Тамъ, гдѣ онъ проходилъ, кланялись ему въ ноги. Когда же, сдѣлавъ три земные поклона предъ иконой Царицы Небесной и приложившись къ ней, Батюшка взялъ ее на руки и, стоя въ Святыхъ воротахъ, въ послѣдній разъ благословилъ ея сестеръ и обитель, какъ бы поручая ихъ Божественному Покрову нашей Заступницы усердной, всѣ вмѣстѣ поклонились мы въ землю и горько заплакали. Батюшка же, между тѣмъ давши матушкѣ приложиться къ иконѣ, вновь передалъ ее ей въ руки и быстро скрылся въ каретѣ. Дверца захлопнулась, и карета помчалась. Долго, долго еще, стоя у Святыхъ воротъ, глядѣли мы вслѣдъ удалявшейся каретѣ и не могли тронуться съ мѣста. Какая-то тихая грусть наполнила душу, и жаль было разстаться съ нею. Какъ пусто стало вдругъ въ

Шамординѣ, и долго не могли мы свыкнуться съ этою пустотою, пока снова не вошли въ свою обычную колею».

Лѣтомъ слѣдующаго 1889 года Старецъ снова провель нѣсколько дней въ Шамординѣ. Какъ и въ предыдущемъ году, онъ былъ занятъ здѣсь цѣлые дни то хозяйственными распоряженіями и осмотромъ различныхъ построекъ и помѣшеній, то приѣмомъ монашествующихъ и мірскихъ. О его образѣ жизни и занятіяхъ здѣсь въ этомъ году можно судить по слѣдующему разсказу одной посѣтившей его въ это время мірянки... «По приѣздѣ въ Шамордино, – пишетъ она въ журналѣ «Душеполезное чтеніе» за 1899 годъ, – я прежде всего была поражена огромными толпами народа, которыя съ ранняго утра окружали то помѣщеніе, въ которомъ находился Батюшка, въ надеждѣ увидѣть его и получить его благословеніе. И такъ велика была любовь къ нему народа, такъ сильно желаніе видѣть его и получить его наставленіе и утѣшеніе, что въ числѣ этого, не знавшаго утомленія и пришедшаго изъ дальнихъ странъ, народа были и такіе, которые ждали по двѣ недѣли и не теряли надежды быть принятыми имъ, батюшкою о. Амвросіемъ. Когда я подошла ближе, узнала, что ждуть выхода Батюшки, – онъ поѣдетъ сейчасъ посѣтить богадѣльню, сиротскій пріютъ и другія благотворительныя учрежденія, устроенныя имъ при содѣйствіи благотворителей. Не имѣя возможности протискаться къ выходу, я стала поодаль. Вотъ растворились двери: народъ заволовался, – послышались восклицанія: «Батюшка, ты нашъ, Батюшка!»... Вотъ и онъ, возлюбленный батюшка

Келлія старца Амвросія и игуменскій корпусъ
въ Шамордино

отецъ Амвросій, уже согбенный, но благолѣпный старецъ, простой, ласковый, доступный; только его прозорливые глаза свѣтились мудростію и проникали въ самую глубину души. Благословивъ ближайшихъ изъ толпы, Старецъ сѣлъ въ экипажъ и шагомъ поѣхалъ вдоль монастыря. Народъ не отставалъ, – по бокамъ и впереди и сзади бѣжали, ловя его взглядъ, благословляющую руку, и, радостные, уступали мѣсто другимъ. Я издали слѣдила за этимъ умиляющимъ душу и совершенно новымъ для меня зрѣлищемъ.

Въ тотъ же день вечеромъ въ небольшой домовой церкви Шамординской обители совершалось всенощное бдѣніе. Стройно, благоговѣйно пѣли и читали монахини. Усердно молились богомольцы. А въ прилегающемъ къ церкви темномъ коридорчикѣ опять тѣснились пришельцы, томясь съ раннего утра и терпѣливо ожидая, когда отворится завѣтная дверь въ батюшкину келлію, освѣщенную горѣвшею предъ иконою лампадою. Кто стоялъ, кто сидѣлъ здѣсь. А у самой двери, прислонясь отъ слабости къ стѣнѣ головкой, сидѣла молоденькая больная монахиня, и здѣсь же какая-то молодая женщина, истерично рыдающая. Вотъ отворилась дверь. Всѣ встрепенулись. Батюшка весь въ бѣломъ, зорко окинувъ взглядомъ всѣхъ, взялъ за руку больную монахиню и ввелъ ее за собою. Дверь опять затворилась. Въ это время плачущая женщина вскрикнула: «Батюшка, возьмите же и меня! А то я умру съ горя», – и зарыдала еще сильнѣе. Вдругъ опять отворилась дверь. Батюшка съ доброю улыбкою взглянулъ на нее и сказалъ: «Кто это тутъ умирать собирается? Еще, пожалуй, хоронить придется.

Ну, иди, иди». Дверь снова затворилась за ними. И когда вышла эта скорбящая душою женщина, лицо ея просвѣтлѣло. Слезы хотя катились еще по лицу, но это были уже не прежнія слезы, и что-то радостное, спокойное свѣтилось въ ея глазахъ. Когда я съ участіемъ спросила ее, утѣшилъ ли ее Батюшка, она сказала: «О, какъ еще утѣшилъ-то! Точно отецъ родной! Только очень велико мое горе-то, – не скоро излѣчишь его!»

Въ этотъ моментъ изъ церкви неслось пѣніе: «Хвалите имя Господне, хвалите раби Господа!» Глубоко растроганная всѣмъ видѣннымъ мною, я молилась, прося великой милости у Бога – быть принятой великимъ Старцемъ. Прошло нѣсколько минутъ, опять отворилась келлія. Самъ Батюшка показался въ ней и назвалъ меня по имени... Я вздрогнула отъ радости и, творя крестное знаменіе, вошла вслѣдъ за нимъ въ его небольшую, полуосвѣщенную заходящимъ солнцемъ келлію»...

Открывъ Старцу свое горе – ожиданіе предстоящей страшной операціи и получивъ его благословеніе – ничего не бояться, операціи не дѣлать и молиться Богу, причемъ Старецъ напомнилъ ей забытые ею тяжкіе грѣхи, рассказчица продолжаетъ: «Невозможно описать и выразить словами того, что чувствовалось тогда на душѣ. Это былъ и благоговѣйный трепетъ предъ праведникомъ, проникнувшимъ своею прозорливостію въ мою грѣшную и настрадавшуюся душу, и какая-то неземная, восторженная радость отъ общенія, вѣянія этого міра духовнаго... Когда, поздно вечеромъ, собрались мы въ монастырской гостиницѣ, въ коридорѣ столпились въ кружокъ люди, съѣхавшіеся изъ разныхъ и даль-

нихъ сторонѣ, незнакомые, чужіе доселѣ другъ другу, а здѣсь перезнакомившіеся и откровенно, по-братски, дѣлившіеся своею радостью и своими впечатлѣніями по поводу сказаннаго Батюшкою утѣшенія, вразумленія или мудраго совѣта»...

Утромъ рано, едва я открыла глаза, какъ опять то же радостное настроеніе охватило мою душу, то же благоговѣніе къ благодѣльному Старцу и горячая беззавѣтная любовь къ нему. Вышедши изъ гостиницы, я съ умиленіемъ глядѣла на окна той скромной смиренной келліи, гдѣ находился тогда нашъ дорогой Батюшка; земно поклонилась я ему, заочно прося его святыхъ молитвъ о грѣшной душѣ моей; и радостная, счастливая выѣхала изъ этой юной еще обители, которую не промѣняла бы тогда на всѣ сокровища міра. На возвратномъ пути я свято исполнила все, что приказано было мнѣ Батюшкою. По молитвамъ Старца, болѣзнь моя не возвращалась ко мнѣ съ тѣхъ поръ, и этому уже девять лѣтъ».

Наступило лѣто 1890 года, послѣднее лѣто пребыванія о. Амвросія въ Скиту и въ Оптиной Пустыни, такъ какъ именно этимъ лѣтомъ онъ совершилъ свою послѣднюю поѣздку въ Шамордино, откуда уже не возвращался въ Оптину до самой своей кончины.

Много было въ свое время толковъ и предположеній разнаго рода по поводу этого послѣдняго пребыванія старца Амвросія въ Шамординѣ. По слову его жизнеописателя о. архимандрита Агапита, «о Старцѣ каждый толковалъ по своему, – его судили и осуждали многіе. По всѣмъ мѣстамъ Россіи, гдѣ только было извѣстно имя старца Амвросія, пронесся о немъ золь глаголь».

Осуждали его и за оставленіе скита, и за пребываніе въ женской обители. Указывали лицъ, изъ-за которыхъ будто бы Старецъ долженъ былъ покинуть Оптину Пустынь. Всѣ эти толки и предположенія не заслуживаютъ, конечно, никакого довѣрія. Проживъ въ скиту Оптиной Пустыни 50 лѣтъ, Старецъ за это долгое время испыталь, конечно, не мало всякаго рода скорбей и непріятностей и, однако, не находилъ нужнымъ удаляться изъ обители. Теперь ли, на склонѣ лѣтъ своихъ, достигнувъ высшей опытности и мудрости въ различеніи всевозможныхъ путей Промысла Божія въ жизни человѣческой, привыкнувъ всецѣло полагаться во всемъ на благую и всесовершенную волю Божию, теперь ли не потерпѣлъ бы онъ новыхъ скорбей и рѣшился бы малодушно уходить отъ нихъ?! Это представляется намъ совершенно невѣроятнымъ, несогласнымъ со всею жизнью, со всѣми наставленіями Старца, съ завѣтами старчества, которыхъ онъ былъ бдительнымъ охранителемъ. Такое предположеніе могло возникнуть въ умахъ только тѣхъ людей, которые совсѣмъ не знали и не понимали великаго Старца.

Болѣе вѣроятно то предположеніе, что Старецъ перемѣстился въ Шамордино съ цѣлью болѣе близко и непосредственно наблюдать за ходомъ тамошнихъ дѣлъ и производимыми тамъ постройками и работами, также для руководства духовною жизнью новоустраивающейся обители.

Въ Шамординѣ, съ самаго открытія общины, производились большія постройки; поэтому тамъ было множество рабочихъ, а хорошаго присмотра за ними не бы-

ло. Сама новая настоятельница была здоровья слабаго и не имѣла надлежащей опытности въ дѣлахъ хозяйственныхъ. Не было у нея и достаточно опытныхъ помощниковъ. Затѣмъ – матеріальныхъ средствъ ни въ строящейся обители, ни у самого Старца не было никакихъ, хотя этого никто не зналъ. Всѣ были увѣрены, напротивъ, судя по производимымъ работамъ, что средства Старца неисчерпаемы.

Да какъ было и не быть въ этомъ увѣренными, когда въ довершеніе вѣхъ шамординскихъ построекъ Старець задумалъ воздвигнуть въ общинѣ огромный каменный храмъ, къ сооруженію котораго и было приступлено въ 1889 году.

Всѣ эти сложныя и разнообразныя хозяйственныя и духовныя начинанія и заботы и побудили Старца, какъ полагають нѣкоторые, перемѣститься въ Шамордино для личнаго распоряженія на мѣстѣ.

Какъ бы то ни было, нужно, однако, думать, что и самый переѣздъ Старца въ Шамордино, и его продолжительное пребываніе здѣсь зависѣли не столько отъ воли самого Старца, сколько отъ «особеннаго промышленія Божія», какъ говорилъ Старець.

Есть основаніе думать, что Старець, уѣзжая изъ Скита, предчувствовалъ, что онъ уже не возвратится въ него обратно. Въ предыдущіе годы, уѣзжая лѣтомъ въ Шамордино, онъ всегда бралъ туда съ собою своего старшаго келейника іеромонаха Іосифа; теперь же онъ оставилъ о. Іосифа въ Скиту, какъ бы предуказывая его будущее назначеніе, а съ собою взялъ своего младшаго келейника о. Исаію.

Преподобный старец іеросхимонахъ Іосифъ
(† 9/22 мая 1911 г.)

Быль и еще замѣчательный случай. Незадолго до отъѣзда о. Амвросія изъ Скита ему была прислана большая, прекрасно написанная икона «Споручница грѣшныхъ», которая и была помѣщена въ келліи о. Іосифа, смежной со старцевой.

Уѣзжая въ послѣдній разъ въ Шамордино, Старецъ велѣлъ о. Іосифу помѣстить эту икону надъ своимъ изголовьемъ и затеплить предъ нею неугасимую лампаду, что и было исполнено о. Іосифомъ по отъѣздѣ Старца. Такимъ образомъ, покидая Скитъ, о. Амвросій какъ бы поручалъ его, а съ нимъ и всю Оптинскую обитель Матери Божіей! Еще одно обстоятельство. Въ самый день отъѣзда, поручивъ братіи служить напутственный молебенъ предъ Казанской иконою Божіей Матери въ соборѣ, о. Амвросій послалъ одну изъ своихъ духовныхъ дочерей въ Козельскъ отслужить и тамъ путевой о немъ молебенъ предъ чудотворной Ахтырской иконою Божіей Матери, чего прежде также не дѣлалось.

Настало, наконецъ, 2-е число іюля, и Старецъ выѣхалъ изъ Скита, направляясь на Шамординскую дачу – Руднево³⁷. Въ день отъѣзда Старца погода была самая благопріятная. День стоялъ ясный и теплый. Проводы были многочисленные.

Хотя Старца, по его благословенію, сопровождалъ только одинъ его келейникъ о. Исаія, который и собиралъ его въ дорогу и везъ все необходимое для него, но уже на другой день появились въ Рудневѣ толпой почи-

³⁷ Руднево отстоитъ отъ Шамордина по проѣзжей дорогѣ въ семи верстахъ, а по ближайшей пѣшеходной – въ трехъ верстахъ.

татели и въ томъ числѣ оптинскіе монахи со своими духовными нуждами.

Вообще во время пребыванія Старца въ Шамординѣ братія Оптиной, отъ старшихъ до младшихъ, ежедневно посѣщали его: они не могли оставаться безъ его духовнаго окормленія и, помимо переписки, спѣшили при первой возможности лично въ Шамордино. Не обходили Шамордина и монахи, шедшіе помолиться въ Тихонову обитель, чтобы предварительно испросить благословеніе Старца.

Почему, однако, Старецъ выѣхалъ не прямо въ Шамордино, какъ это дѣлалось раньше, а въ Руднево? На это была слѣдующая причина. Незадолго до отъѣзда Старца изъ Скита было ему доставлено письмо отъ неизвѣстнаго «любителя благочестія». Въ этомъ письмѣ говорилось, что много лѣтъ тому назадъ, въ помѣщицѣмъ имѣніи, которое теперь принадлежитъ Шамординской общинѣ подъ именемъ Рудневской дачи, былъ вырытъ какими-то подвижниками колодецъ, утолявшій жажду многихъ путниковъ, а теперь это мѣсто находится въ пренебреженіи. Еще до полученія этого письма, осенью 1889 года, настоятельница Шамординской общины м. Евфросинія, находясь однажды въ Рудневѣ и наблюдая тамъ за работами около сажелки почувствовала, что нога ея проваливается въ землю... Она рассказала объ этомъ Старцу, по распоряженію котораго противъ того мѣста, гдѣ провалилась настоятельница, стали рыть землю и скоро напали на срубъ колодца. Былъ открытъ источникъ воды; но странно – всѣ говорили одно: когда стали давать эту воду бѣсноватымъ, страданія ихъ увеличивались.

Отправляясь 2 іюля 1890 года въ Шамордино, Старець рѣшилъ лично побывать сначала въ Рудневѣ. Прибывъ туда, Старець самъ осматривалъ мѣсто вблизи вырытаго колодца, нѣсколько ниже. Онъ предварительно сталъ на молитву, приказалъ и всѣмъ, бывшимъ съ нимъ, молиться. Послѣ молитвы самъ началъ рыть землю, а потомъ приказалъ рыть и другимъ. Когда показалась вода, Старець приказалъ устроить здѣсь второй колодець.

Колодець былъ приведенъ въ благоустроенный видъ, и къ нему посылалъ потомъ Батюшка нѣкоторыхъ больныхъ обдаваться изъ него водою; также раздавалъ изъ него воду и глину, которыя оказались цѣлебными. Послѣ близъ цѣлебнаго колодца построень былъ сарайчикъ, приспособленный къ тому, чтобы обдаваться водою. Проведя въ Рудневѣ одинъ день, Старець прибылъ отсюда въ Шамордино.

Прибытіе о. Амвросія въ Шамордино вызвало здѣсь обычную радость сестеръ, встрѣтившихъ его, какъ своего дорогаго отца. Дни проходили за днями. Пребываніе Старца въ обители затягивалось. Вмѣсто десяти дней, предположенныхъ Старцемъ, онъ живетъ въ Шамординѣ уже недѣли четыре.

Батюшка, по словамъ близкихъ къ нему лицъ, постоянно собирался уѣзжать, но то одно дѣло его задерживало, то другое. Батюшка, видимо, торопился: неутомимо былъ самъ на всѣхъ постройкахъ и принималъ народъ, стекавшійся въ Шамордино въ огромномъ количествѣ: монаховъ, монахинь и мірскихъ. Гостиниць для посѣтителей не хватало; народъ по ночамъ занималъ всю площадь противъ гостиниць.

Въ послѣднихъ числахъ іюля Батюшка, наконецъ, собрался уѣзжать въ Оптину и распорядился, чтобы въ назначенный день съ утра все готовили къ его отъѣзду. Это стало извѣстно и въ Оптиной. И потому къ шести часамъ вечера народъ уже сталъ собираться около Скита, другіе ушли къ парому, а нѣкоторые отправились даже за рѣку встрѣчать Батюшку.

Однако къ 8 часамъ вечера получено было извѣстіе изъ Шамордина, что Батюшка сегодня не пріѣдетъ, что къ его отъѣзду уже все было готово, но онъ внезапно почувствовалъ такую слабость, что не только ѣхать, да же и принимать никого не могъ. Ожидали Батюшку въ Оптину Пустынь на другой день. Но и въ этотъ день повторилось то же самое: утромъ Старецъ принималъ въ Шамординѣ посѣтителей, собирался ѣхать, а къ вечеру, въ тѣ же часы, что и вчера, почувствовалъ себя очень нехорошо. Пришлось отложить отъѣздъ на неопредѣленное время.

Наступилъ Успенскій постъ, во время котораго Старецъ исповѣдовалъ всѣхъ безъ отказа, начиная съ архимандрита и монаховъ оптинскихъ и кончая множествомъ мірскаго народа. Къ 29 августа, скитскому празднику, Старецъ опять сталъ собираться въ Скитъ. Стали служить ему напутственный молебенъ. Однако ему снова сдѣлалось такъ дурно, что пришлось оставить всякую мысль объ отъѣздѣ. Говорили даже, что Старца нашли лежавшимъ на полу въ крайнемъ изнеможеніи.

Замѣчательно при этомъ, что Старецъ, приходившій въ крайнее болѣзненное изнеможеніе при попыткахъ ѣхать въ Оптину, совершалъ въ то же время неоднократ-

ныя поѣздки въ Руднево и чувствовалъ себя при этомъ совершенно бодрѣмъ.

Послѣ послѣдней неудачной попытки Старца вернуться въ Скитъ къ празднику Усѣкновенія Главы Іоанна Предтечи, всѣмъ стало ясно, что Старцу придется остаться на всю зиму въ Шамординѣ. Погода въ это время уже мѣнялась на осеннюю, а Старецъ не могъ выходить, когда было меньше 15 градусоѡ тепла.

Оптинскіе иноки тревожились и волновались долгимъ отсутствіемъ Старца. Настоятель, о. архимандритъ Исаакій, сильно скорбѣлъ. Старецъ утѣшалъ его, убѣждая смириться подѣ крѣпкую руку Божию, а оптинской братіи послалъ собственноручное письмо, въ которомъ, между прочимъ, было сказано: «Я доселѣ задержался въ Шамординѣ по особенному промышленію Божию; а почему – это должно означиться послѣ». Письмо это было прочитано въ монастырской трапезѣ вслухъ всѣхъ братіи.

Между тѣмъ въ Шамординѣ подготавливали для Старца зимнее помѣщеніе. Убѣдившись, что Старецъ останется у нихъ на всю зиму, сестры были въ восторгѣ.

Оставшись въ Шамординѣ на неопредѣленное время, о. Амвросій установилъ здѣсь у себя такой же образъ жизни, какъ и въ Скиту. Такъ же, какъ и въ Скиту, ежедневно выслушивалъ положенныя молитвословія. Такъ же подѣ праздники бывали у него всенощныя бдѣнія, которыя первое время служилъ онъ самъ, т. е. произносилъ возгласы и въ свое время читалъ Евангеліе, а сестры пѣли и читали положенное. Чудныя были эти минуты, замѣчаютъ шамординскія очевидицы,

когда на средину комнаты выходилъ согбенный Старець, въ коротенькой мантии и епитрахили, съ открытой сѣдой головой, и какимъ-то дѣтски-старческимъ, слабымъ голосомъ читалъ внятно слова благовѣстія Христова, которыхъ самъ былъ ревностнымъ исполнителемъ и проповѣдникомъ... Впрочемъ, такъ было недолго. Болѣзненный Старець не въ силахъ былъ самъ служить. Для этого большею частью пріѣзжалъ изъ Скита бывшій его письмоводитель іеромонахъ о. В.

Особенное благоговѣніе всегда имѣлъ старецъ Амвросій къ Божіей Матери, почему ни одного Богородичнаго праздника не пропускалъ безъ того, чтобы не отпраздновать предъ Ея св. иконою келейнаго бдѣнія.

Въ 1890 году прислана была ему въ Скитъ настоятельницаю Болховскаго женскаго монастыря особенная икона Божіей Матери, написанная по указанію Старца. Царица Небесная представлена сидящею на облакахъ. Руки Ея простерты на благословеніе. А внизу, среди травы и цвѣтовъ, стоятъ и лежатъ ржаные снопы. Ржаные снопы написаны были по желанію и назначенію о. Амвросія, который и далъ этой иконѣ наименованіе «Спорительницы хлѣбовъ». Горячія молитвы возносили Старець предъ этою иконою; училъ и понуждалъ молиться предъ нею и собранныхъ имъ въ общинѣ духовныхъ чадъ своихъ. Въ послѣдній же годъ своей жизни онъ дѣлалъ снимки съ этой иконы и раздавалъ и разсылалъ многимъ и изъ постороннихъ своихъ почитателей. А незадолго до послѣдней своей болѣзни онъ составилъ въ честь этой иконы особый припѣвъ къ обычному богородичному акаѳисту: «Радуйся, Благодатная, Господь

съ Тобою! Подаждь и намъ, недостойнымъ, росу благодати Твоя и яви милосердіе Твое!» Припѣвъ этотъ сестры пѣли по благословенію Старца, когда въ келліи его читался акаѣистъ Божіей Матери. Празднованіе этой иконѣ Старець заповѣдалъ своимъ чадамъ духовнымъ 15 октября. Усердная молитва предъ этою иконою Божіей Матери не разъ сопровождалась чудесами милости Пресвятой Богородицы. Такъ снимокъ съ этой иконы посланъ былъ въ Пятницкую женскую общину Воронежской епархіи. По случаю сильной засухи, грозившей неминуемымъ голодомъ, тамъ было совершено молебствіе передъ нею; послѣ чего вскорѣ пошелъ дождь, и обитель съ окрестностями была спасена отъ голода. Сказываютъ еще, что весною 1897 года, или около того, священникъ с. Озерскаго пріѣхалъ въ Руднево, какъ приходскій пастырь, и тамъ, по случаю бездождія, служилъ на поляхъ молебенъ Божіей Матери предъ Ея св. иконою «Спорительницы хлѣбовъ», съ акаѣистомъ. Во время служенія молебна давно не бывшій дождь сталъ накрапывать. Когда же послѣ молебна отслужена была еще панихида по старцѣ Амвросіи, то пролилъ обильный дождь.

Съ неумолкаемою молитвою Старець соединялъ разнообразныя заботы о водвореніи внутренняго порядка въ юной своей обители: о благочинномъ отправленіи службъ церковныхъ, о разумномъ и внятномъ чтеніи и пѣнніи, о должномъ отношеніи сестеръ къ своей начальницѣ и между собою и т. п. Затѣмъ Старець по-прежнему входилъ во всѣ хозяйственныя дѣла. Всѣ постройки производились по его плану и указанію. Вызывавъ изъ

Скита нѣкоторыхъ монаховъ, понимающихъ строительное дѣло и вообще хозяйство, Старець черезъ нихъ дѣлалъ свои распоряженія. Кромѣ того, Старець по-прежнему же съ утра и до вечера принималъ народъ и занимался перепиской съ просившими у него совѣтовъ и наставленій.

Такъ незамѣтно прошло время до 7 декабря, – дня Ангела Батюшки. Этотъ день Шамординская обитель отпраздновала съ особенною торжественностью. Наканунъ этого дня пріѣхали изъ Оптиной нѣсколько іеромонаховъ, въ главѣ которыхъ былъ настоятель Оптиной Пустыни архимандритъ Исаакій. Отслужили бдѣніе и на слѣдующій день соборомъ Литургію съ молебномъ святому, съ возглашеніемъ многолѣтія имениннику. Затѣмъ всѣ служившіе пришли поздравить Батюшку съ днемъ Ангела. Лицо у него въ это время казалось очень блѣдное и истомленное. Принимая съ благодарностью поздравленія отъ монаховъ, онъ только смиренно все повторялъ: «Ужъ очень много параду сдѣлали». Послѣ братіи приходили поздравлять дорогого именинника и всѣ сестры. Каждая изъ нихъ поднесла ему какой-нибудь подарокъ своей работы, кто – четки, кто – носки, кто – фуфайку, кто – икону... Батюшка съ веселымъ лицомъ принималъ отъ нихъ подарки, благодарилъ всѣхъ, шутилъ и одѣлялъ пирогами и лакомствами.

Несмотря, однако, на видимую веселость, о. Амвросій внутренне глубоко скорбѣлъ.

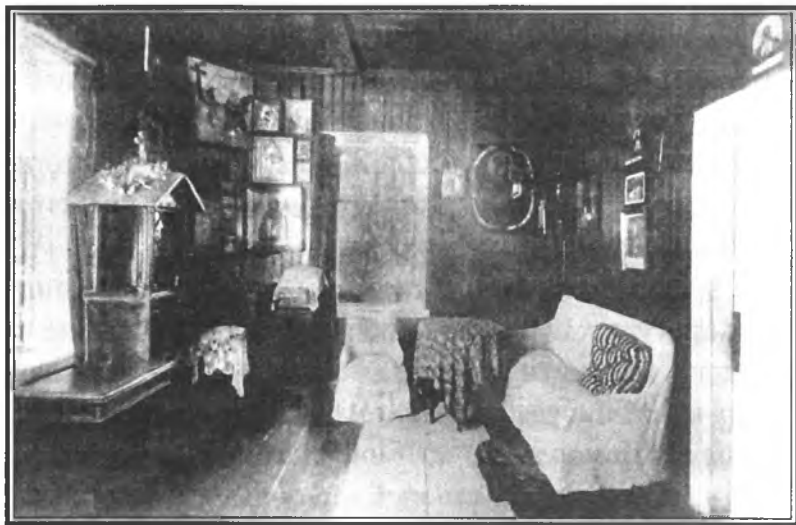
На новый годъ, когда пришли его поздравить, онъ долго не выходилъ и никого не принималъ. Наконецъ,

всѣхъ позвали въ пріемную, Батюшка сидѣлъ на диванчикѣ и вмѣсто поздравленія и привѣтствія заставилъ пріѣхавшую изъ Оптиной Пустыни свою духовную дочь прочитать Троицкій листокъ, который кончался молитвою пастыря о своихъ чадахъ, гдѣ онъ говоритъ ко Господу: се азъ и дѣти мои... и прощается со своею паствою. Всѣмъ присутствующимъ стало грустно. У многихъ навернулись слезы. Самъ Старецъ плакалъ.

На Страстной недѣлѣ 1891 года одна близкая къ Старцу особа привезла ему образъ Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ, отысканный ею по его указанію. Батюшка съ великою радостью принялъ образъ и сказалъ: «Ну что же лучше этого терноваго вѣнца!» – и поцѣловалъ образъ. Затѣмъ прибавилъ: «Хорошо быть у креста Спасителя, но еще много лучше пострадать за Него на этомъ крестѣ».

Когда Старецъ произносилъ эти слова, лицо его было какое-то особенное: что-то неземное свѣтилось въ его глазахъ.

Настала Св. Пасха. На первый день праздника, послѣ Литургіи, настоятельница по обычаю пришла поздравить Старца съ свѣтлымъ праздникомъ; а за нею уже и всѣ сестры и нѣкоторые міряне приходили «христосоваться» съ Батюшкой, который всѣмъ подавалъ по красному яйцу и по куску кулича и пасхи. Поистинѣ, замѣчаютъ шамординскія сестры, свѣтлый былъ праздникъ. У всѣхъ на душѣ было радостно. Да и какъ же могло быть иначе? Пасха – и великій Старецъ раздѣляетъ вмѣстѣ это великое торжество. Каждый день, во всю Свѣтлую седмицу, сестры пѣли у него утреню, часы и

Приемная старца Амвросия в Шамордино

вечерню. Батюшка самъ подпѣвалъ; иногда задавалъ пѣвчимъ тонъ, поправлялъ ошибки и дѣлалъ разныя замѣчанія. По окончаніи же седмицы, когда пѣвчія стали благодарить Старца за то утѣшеніе, какое онъ имъ доставилъ въ эту Пасху, онъ ласково имъ сказалъ: «Спаси, Господи!» А потомъ прибавилъ: «Будете вы вспоминать эту Святую». Никто не понялъ и не могъ понять тогда этихъ словъ, которыми Старецъ намекалъ на предстоящую свою кончину.

Съ наступленіемъ лѣта о. Амвросій возобновилъ свои прогулки. Онъ ходилъ по постройкамъ и ѣздилъ въ Руднево, гдѣ гостилъ иногда недѣли по двѣ. Если случался какой-нибудь праздникъ, онъ непременно возвращался въ Шамордино – «домой», какъ онъ говорилъ.

Въ это лѣто прибылъ къ Старцу въ Шамордино челоуѣкъ Божій, именемъ Гаврюша, лѣтъ сорока отъ роду, одинъ изъ тѣхъ, которыхъ Господь уподобилъ дѣтямъ, сказавъ, что таковыхъ есть Царствіе Божіе. Онъ жилъ въ Ливенскомъ уѣздѣ Орловской губерніи, былъ разслабленъ, трясся всѣмъ тѣломъ и еле могъ говорить и принимать пищу. Ноги его не дѣйствовали; онъ лежалъ и молился Богу. Примѣчали, что ему многое открыто. Послѣднею весною ему явился старецъ Амвросій и сказалъ: «Приходи ко мнѣ въ Шамордино, я тебя успокою». Въ то же время онъ всталъ на ноги и объявилъ, что идетъ въ Шамордино. Но такъ какъ ноги его были весьма слабы и походка неровная, то его хотѣли везти по желѣзной дорогѣ, но онъ отказался отъ этой услуги. Старца онъ встрѣтилъ подъ Шамординымъ. Тотъ тихо ѣхалъ откуда-то. Вокругъ него былъ народъ. «Батюш-

ка! – закричалъ Гаврюша своимъ малопонятнымъ языкомъ, – ты меня звалъ, я пришелъ». Батюшка тотчасъ вышелъ изъ экипажа, подошелъ къ нему и сказалъ: «Здорово, гость дорогой! Ну, живи тутъ». И прибавилъ окружавшимъ: «Такого у меня еще не было». Батюшка очень ласкалъ Гаврюшу. Онъ устроилъ ему уголокъ въ Шамординѣ, а впослѣдствіи и въ Рудневѣ, и Гаврюша все порывался туда ѣхать. «Батюшка! Не хочу въ Шамординѣ; поѣдемъ въ Руднево; въ Руднево хочу». А Батюшка все успокоивалъ его, что когда приготовить для Гаврюши въ Рудневѣ помѣщеніе, они туда и поѣдутъ. Было умилительно смотрѣть, какъ Батюшка занимался бесѣдой съ Гаврюшей, и какъ они ходили по келліи: одинъ ковыляя на кривыхъ ногахъ, а другой, согбенный, опираясь на свою палочку.

Мы уже говорили выше, что о. Амвросій переживалъ въ Шамординѣ великую душевную скорбь, о которой и высказывался окружающимъ иногда намеками, косвенно, а иногда и прямо, какъ, напримѣръ, однажды окружавшимъ его сестрамъ: «Матери и сестры! Я у васъ здѣсь на крестѣ!» И дѣйствительно, жизнь его, по словамъ близкихъ лицъ, была въ это время невозможно трудная. Ни днемъ ни ночью онъ не имѣлъ покоя и по неудобству помѣщенія (которое до самой его кончины все только устраивалось и подготавлилось), и отъ множества дѣлъ и окружавшаго его народа. Болѣло сердце его и за оптинцевъ, оставшихся безъ своего духовнаго руководителя. Когда являлся къ нему кто-нибудь изъ нихъ, Батюшка уже не заставлялъ его долго ждать, – а съ особенною любовью принималъ и утѣшалъ.

Но очень часто послѣ такихъ посѣщеній онъ дѣлался чрезвычайно озабоченнымъ и разстроеннымъ. Принесуть, бывало, ему обѣдъ, – постоятъ въ келліи, такъ и унесуть назадъ, – ни къ чему и не дотронется.

Притомъ и здоровье Старца съ теченіемъ времени стало ослабѣвать до послѣдней крайности, а ропотъ на него посѣтителей увеличивался; такъ какъ въ особенности теперь, при огромномъ стеченіи народа, многимъ изъ нихъ приходилось очень долго ждать его приѣма. А Старецъ и радъ былъ бы удовлетворить всѣхъ, но силы совсѣмъ оставляли его. Часто приходилось видѣть его, какъ передаютъ Шамординскія сестры, лежащимъ навзничъ въ полномъ изнеможеніи. Блѣдное, истомленное лицо его выражало страданіе; голосъ совершенно покидалъ его, и глаза были закрыты. При взгляде на полуживого Старца сердце сжималось отъ жалости. Самъ онъ нерѣдко со скорбію говорилъ: «Вѣдь не вѣрятъ, что я слабъ, – ропшутъ». И однако же этотъ полуживой семидесятидевятилѣтній Старецъ не только никогда не терялъ присутствія духа, но также всегда былъ спокоенъ и веселъ, какъ и при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, и своею веселостью и шутливыми разсказами умѣлъ разгонять въ окружавшихъ его самое мрачное уныніе. Въ эту послѣднюю зиму пребыванія его въ Шамординской общинѣ всѣ сестры обители, отъ чрезмерной слабости Старца и отъ другихъ разныхъ непріятностей, были однажды въ особенно мрачномъ настроеніи духа. Болѣзненный Старецъ собралъ послѣднія свои силы и съ веселымъ видомъ вышелъ въ комнату, куда собрались и сестры. Сначала онъ кое-ко-

му изъ нихъ поодинокѣ говорилъ что-нибудь въ утѣшеніе, отъ чего всѣ лица мало-помалу прояснялись; а наконецъ, вообще предъ всѣми такъ насмѣшилъ, что разогналъ и послѣдніе остатки унынія. А въ другой разъ окружавшія Старца сестры стали говорить ему со скорбію: «Какое намъ счастье жить при васъ и имѣть васъ, Батюшка! А придетъ время, – не станетъ васъ съ нами. Что мы тогда будемъ дѣлать?» – Батюшка улыбнулся, оглянулъ всѣхъ присутствующихъ съ такою любовью, съ какою умѣлъ глядѣть онъ одинъ и, покачавъ укоризненно головою, сказалъ имъ: «Ужъ если я тутъ съ вами все возился, то тамъ-то отъ васъ ужъ вѣрно не уйдешь».

Послѣ Пасхи 1891 года Старца постигла новая неожиданная скорбь. Избранная имъ настоятельница обители м. Евфросинія, его ближайшая помощница и исполнительница его предначертаній, тяжело заболѣла. Войдя однажды въ его келлію по какому-то дѣлу, она вдругъ почувствовала себя очень нехорошо. Лицо ея помертвѣло, дыханіе прекратилось, она едва не упала. Смутился Старецъ. Самъ, еле передвигая ноги, подошелъ къ видимо умиравшей, затѣмъ позвалъ сестеръ, которыя и уложили ее на стоявшій вблизи диванъ; тогда Старецъ, глядя на нее и какъ бы прося ее не покидать его, удрученнаго болѣзнями и скорбями, сказалъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ: «Мать, подыши еще!» И скоро, по молитвамъ Старца, дыханіе ея возобновилось, и она была пріобщена Св. Христовыхъ Таинъ. Послѣ этого случая м. Евфросинія стала слѣпнуть. Къ срединѣ лѣта она уже ничего не могла видѣть, – могла

только различать бѣлый цвѣтъ отъ чернаго. Тяготясь, вслѣдствіе потери зрѣнія, должностью настоятельницы, она просила Старца позволить ей подать прошеніе объ отставкѣ, но Старецъ не благословилъ, сказавъ: «Сама не подавай, а если велить подать начальство, то подай». При этомъ онъ старался всячески утѣшать ее и ободрять, говоря: «Мать! Претерпѣвай и не унывай!»

Въ довершеніе всѣхъ скорбей Старца обрушилось на него и неблаговоленіе епархіальнаго начальства, особенно обострившееся къ концу его жизни. Въ 1890 году въ Калугу былъ назначенъ новый архіерей, перемѣщенный изъ Тамбова, преосвященный Виталій. Прибыль онъ на епархію осенью, когда старецъ Амвросій уже имѣлъ свое пребываніе въ Шамординской общинѣ. Преосвященному Виталію очень хотѣлось видѣть извѣстнаго всему православному міру старца Амвросія, но, узнавъ, что Старецъ живетъ въ женской обители, медлил ѣхать въ Оптину Пустынь, ожидая возвращенія Старца въ Скитъ. Между тѣмъ время шло, а Старецъ не возвращался. Это было непріятно Владыкѣ, тѣмъ болѣе, что Старецъ перемѣстился въ Шамордино безъ разрѣшенія своего епархіальнаго начальства.

Распространявшіеся недоброжелателями о. Амвросія нелѣпые о немъ слухи по поводу его пребыванія въ Шамординѣ доходили и до Владыки и смущали его еще болѣе, такъ что онъ даже говорилъ съ тревогою: «Что это у нихъ тамъ дѣлается», – и нѣсколько разъ поручалъ благочинному монастырей потребовать отъ Старца немедленнаго возвращенія въ свой Скитъ. Болѣзненный, умирающій Старецъ, конечно, не могъ исполнить этого

распоряженія, но въ Калугѣ не вѣрили этому и принимали его слова за одну пустую отговорку. Старцу стали угрожать, что его силою отвезутъ въ Оптину, на что онъ отвѣчалъ: «Я знаю, что не доѣду до Оптиной; если меня отсюда увезутъ, я на дорогѣ умру».

Собственно говоря, епархіальному начальству не было никакого основанія волноваться и можно было бы относиться къ Старцу съ тѣмъ же довѣріемъ и благоговѣніемъ, съ какимъ относился къ нему, напримѣръ, великій молитвенникъ о. Іоаннъ Кронштадтскій, говорившій пріѣзжавшимъ къ нему шамординскимъ сестрамъ: «А, это отъ старца Амвросія; о, великій Старецъ! Земной поклонъ ему отъ меня!» Но, очевидно, кому-то нужно было омрачить послѣдніе дни земной жизни о. Амвросія, увеличить тяжесть несомато имъ креста, такъ что на немъ исполнялись слова Господа: *Блажени изгнани правды ради: яко тѣхъ есть Царствіе Небесное. Блажени есте, егда поносятъ вамъ и ижденуть и рекутъ всякъ золь глаголь на вы лжуще, Мене ради. Радуйтеся и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесѣхъ: тако бо изгнаша пророки, иже бѣша прежде васъ* (Мѡ. 5, 10–12). Возлюбивъ свое послѣднее и любимѣйшее дѣтище, Шамординскую обитель, своею послѣднею и сильнѣйшею любовью, Старецъ, претерпѣвая за эту обитель великія скорби, тѣмъ самымъ показалъ, что возлюбль своя сущія въ міръ, до конца возлюби ихъ (Ін. 13, 1), возлюбиль не словомъ ниже языкомъ, но дѣломъ и истиною (1 Ін. 3, 18). Весною разнесся слухъ, будто Владыка, разстроенный разными толками и сообщеніями, сказалъ: «Я самъ поѣду въ Шамордино, посажу Старца въ

карету и увезу въ Оптину!» Когда одна изъ духовныхъ дочерей Старца передала ему эти слова Преосвященнаго, о. Амвросій отвѣтилъ: «Живъ Господь Богъ мой, и жива будетъ душа моя; а ты знай, что надъ всѣми владыками есть Вышній Владыка; ѣхать въ Оптину я не собираюсь; да и куда я теперь поѣду?! Развѣ только...» И Старецъ послѣднія слова сказалъ такъ тихо, что ихъ невозможно было разслышать. Другая монахиня, также встревоженная ходившими слухами, обратилась къ Старцу: «Батюшка! Говорятъ, Владыка сюда ѣдетъ; что вы ему скажете?» – «Я скажу, – тихо отвѣтилъ Старецъ, – я скажу: ищите прежде воли Божіей...»

Въ это время о. Амвросій сталъ уже многимъ намекать, хотя они и не понимали или не хотѣли, боялись понять это, о своей близкой кончинѣ.

Пріѣхалъ къ нему проживавшій въ Оптиной Пустыни его духовный сынъ К. Н. Леонтьевъ, чтобы получить отъ него благословеніе поѣхать въ Москву для леченія. Прощаясь съ нимъ, Старецъ неоднократно обнималъ его, говоря: «Прости, прости меня!» Такое прощаніе показалось Леонтьеву знаменательнымъ. И дѣйствительно, оно было послѣднее.

Все лѣто 1891 года въ Шамординѣ ожидали своего новаго архипастыря. Настоятельница и сестры тревожились и волновались, и обращались къ Старцу съ разными вопросами. «Батюшка! Какъ намъ встрѣчать Владыку?» Старецъ отвѣчалъ: «Не мы его, а онъ насъ будетъ встрѣчать!» – «Что для Владыки пѣть?» – Старецъ сказалъ: «Мы ему аллилуіа пропоемъ!» Еще какъ-то сказали ему: «Говорятъ, Владыка хочетъ много спрашивать у

вась». Онъ отвѣтилъ: «Мы съ нимъ потихоньку будемъ говорить, – никто не услышитъ!» Такими отвѣтами Старецъ, очевидно, намекалъ на свою близкую кончину, но этихъ намековъ никто изъ окружавшихъ его въ то время не понималъ. У нѣкоторыхъ сестеръ даже было предчувствіе близкой кончины Батюшки, но ему не хотѣлось вѣрить, думалось, напротивъ, что Старцу невозможно такъ скоро умереть. Вотъ какія строки читаемъ мы въ дневникъ одной близкой къ Старцу сестры: «Несмотря на великое счастье, что Батюшка у насъ, все предчувствіе чего-то страшнаго не давало мнѣ покоя; и мысль – не послѣдніе ли дни Батюшка нашъ проводить съ нами, – все отравляла. Я боялась съ кѣмъ-нибудь заговорить объ этомъ, чтобы не слышать отъ другихъ, что и имъ приходится тѣ же мысли. Какъ-то въ разговорѣ съ матушкой я рѣшилась спросить, какъ она думаетъ объ этомъ. Матушка мнѣ на это тоже сказала, что она боится очень радоваться, – Богъ знаетъ, надолго ли такъ будетъ. Вѣроятно, и многимъ приходила эта мысль. Отъ Батюшки мы никогда не слыхали прямого указанія на его близкую кончину. Нѣкоторыя распоряженія его какъ будто указывали на это; но тогда все какъ-то иначе объяснялось, и только послѣ кончины Старца стало все понятнымъ».

За нѣсколько мѣсяцевъ до кончины Батюшки одинъ петербургскій художникъ, который иногда обращался къ Старцу за денежною помощію, прислалъ ему Казанскую икону Божіей Матери, копію съ чудотворнаго Ея образа, и при ней имена своей семьи, прося Батюшку помолиться за нихъ. Батюшка велѣлъ положить записку въ кіотъ за икону и сказалъ: «Царица Небесная Сама бу-

деть молиться за нихъ». Одинъ бѣдный семейный человекъ, которому Батюшка много разъ помогалъ, предъ послѣднею его болѣзнью письменно обратился къ Старцу, съ просьбою помочь ему купить теплую одежду. Батюшка послалъ ему, сколько было нужно, и при этомъ прибавилъ въ концѣ своего письма: «Помни, что это тебѣ послѣдняя отъ меня помощь». Монахиня, которой пришлось писать эту записку, говорить, что «послѣднія слова ея меня нисколько не смутили. Я объяснила ихъ себѣ такъ, что нужно было написать это ему въ предупрежденіе, чтобы не слишкомъ надѣялся».

Разъ одна пріѣзжая игуменія, сидя въ пріемной келліи въ ожиданіи пріема Батюшки, увидѣла на иконѣ Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ, которая долгое время стояла у него въ пріемной на столѣ, выступившія капли наподобіе мѣры, и сообщила о семъ матушкѣ. Когда принесли икону къ Батюшкѣ, рассказавъ ему о появившихся на ней чудесныхъ капляхъ, то онъ долго смотрѣлъ на нее и сказалъ: «Будутъ скорби и тому, кто первый увидѣлъ это, и живущимъ здѣсь». Черезъ нѣсколько дней послѣ отъѣзда этой игуменіи Батюшка получилъ отъ нея письмо, въ которомъ она увѣдомляла его, что тотчасъ по возвращеніи въ свой монастырь ей пришлось перенести неожиданно большую скорбь. Это было въ началѣ сентября; а черезъ мѣсяцъ и Шамординской обители пришлось переживать потерю незабвеннаго великаго старца, отца и благодѣтеля.

Въ ту же осень Старецъ говорилъ въ шутиливомъ тонѣ окружавшимъ его сестрамъ: «Смотрите, – будетъ осень и тамъ и сямъ, достанется и уткамъ и гусямъ». За-

тѣмъ, усмѣхнувшись, прибавилъ: «І уси поташуть, а утки поплачуть».

О внѣшнемъ видѣ Старца въ это послѣднее время его жизни можно судить по слѣдующему отрывку изъ письма одного кандидата Московской духовной академіи, посѣтившаго Старца въ концѣ августа, за полтора мѣсяца до кончины: «Когда я вошелъ въ комнату и — надо признаться — не безъ нѣкотораго трепета и замиранія сердца, то увидѣлъ маленькаго старичка (когда-то онъ былъ высокъ ростомъ), лѣтъ подь восемьдесятъ, въ простенькомъ тепломъ подрясникѣ и въ монашеской шапочкѣ, сидящаго въ креслѣ, блѣднаго и слабаго до послѣдней степени. Кожа едва облегаетъ кости, нижняя губа трясется, такъ и думаешь, что онъ вотъ-вотъ сейчасъ умереть. Если что живо въ этомъ почти мертвомъ тѣлѣ, такъ это глаза — небольшіе, свѣтло-каряго цвѣта, лучистые, добрые, наблюдательные и проникательные. Въ нихъ будто сосредоточивается вся жизнь, и они представляютъ удивительный контрастъ съ мертвенною блѣдностью лица и поразительною слабостью тѣла. Подлинно — духъ бодръ, плоть же немощна».

И действительно, какую надо было имѣть бодрость духа, чтобы выносить то тяжелое положеніе, въ которомъ тогда находился Старецъ! Въ устроенной имъ общинѣ было болѣе 300 сестеръ, пріютъ, богадѣльня, больница. Годъ голодный, хлѣбъ поэтому дорогой. На обители накопился большой долгъ. Настоятельница слѣпая. Самъ Старецъ въ опалѣ у начальства, обезславленъ, на краю гроба... Только благодать Божія и поддерживала Старца при такихъ обстоятельствахъ!

Глава X

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ ЖИЗНИ СТАРЦА ІЕРОСХИМОНАХА АМВРОСІЯ, ЕГО КОНЧИНА И ПОГРЕБЕНІЕ

*Азъ бо уже жрень бываю, и время
моего отшествія наста. Подвигомъ
добрымъ подвизахся, теченіе скончахъ,
вѣру соблюдохъ.*

(2 Тим. 4, 6–7)

послѣднихъ дняхъ жизни о. Амвросія мы будемъ говорить, руководствуясь записками и рассказами шамординскихъ сестеръ, по возможности – подробнее, день за днемъ.

21 сентября была суббота. По обыкновенію, пріѣхаль изъ Скита іеромонахъ служить у Старца бдѣніе; но Батюшка съ утра чувствовалъ себя слабѣе обыкновеннаго, а къ концу дня такъ ослабѣлъ, что не могъ слышать пѣнія и чувствовалъ ознобъ. «Батюшка ослабѣлъ, Батюшка захвораль», – слышалось во всѣхъ концахъ монастыря. Всѣ сильно встревожились, хорошо понимая, что для слабого, почти восьмидесятилѣтняго Старца нужно немного, чтобы подкосить его жизнь. Съ другой

стороны, мысль о томъ, что Батюшка можетъ умереть, была такъ ужасна и казалась такой невѣроятной, что никто на ней не останавливался. Всѣ успокоивали себя тѣмъ, что «Богъ милостивъ; да Батюшкѣ и нельзя умирать, — онъ такъ еще нуженъ».

22-го, въ воскресенье, Батюшка сталъ жаловаться на боль въ ушахъ; несмотря на то, онъ продолжалъ заниматься монастырскими дѣлами, даже принимать нѣкоторыхъ посетителей, шутилъ и вообще былъ веселъ.

На слѣдующій день, 23-го, боль въ ушахъ Старца усилилась; онъ сталъ плохо слышать и очень мало принималъ посѣтителей, такъ какъ говорить ему было трудно. И всѣ просили его дать себѣ отдыхъ, но Батюшка вставалъ, ходилъ по келліи и бралъ по нѣсколько челоуѣкъ на благословеніе. Вечеромъ Старецъ велѣлъ читать ему вслухъ. Когда его спросили, не трудно ли будетъ ему слушать при боли въ ушахъ, онъ ничего не отвѣтилъ, задумался на нѣсколько минутъ и сказалъ: «Это послѣднее испытаніе — потерялъ слухъ и голосъ». Голосъ у Старца, впрочемъ, давно уже сталъ ослабѣвать, такъ что къ вечеру онъ говорилъ иногда совсѣмъ шепотомъ. Слѣдующіе за тѣмъ два дня Старецъ былъ все въ томъ же положеніи и почти не принималъ, такъ какъ совершенно потерялъ слухъ и голосъ. Народъ съ утра до вечера не отходилъ отъ крыльца его келліи. Сколько было скорби, сколько пролито слезъ! Нѣкоторымъ нельзя было долго ждать; просили черезъ келейника заочно благословенія и отвѣта на свои вопросы. Чтобы не утруждать Батюшку разговорами, въ крайнихъ случаяхъ вопросы предлагали ему письменно.

26-го, въ четвергъ, Старець чувствовалъ себя еще хуже – жаловался на сильную боль въ ушахъ, головѣ, лицѣ и во всемъ тѣлѣ. Въ одномъ его ухѣ оказался нарывъ. Ухудшеніе здоровья Старца всѣхъ очень смутило. Рѣшено было вызвать телеграммой изъ Москвы доктора Бабушкина, раньше лечившаго о. Амвросія. Батюшка согласился на это. 27-го нарывъ въ ухѣ прорвался, и боль понемногу утихла. Вечеромъ пріѣхалъ московскій докторъ и, осмотрѣвъ больного, успокоилъ всѣхъ, сказавъ, что ничего опаснаго нѣтъ, что это инфлуэнца. Онъ предписалъ больному полнѣйшее спокойствіе и далъ нѣкоторыя успокоительныя средства. Кстати сказать, бывая и раньше у Старца, этотъ врачъ всегда говорилъ: «Я бываю здѣсь для формы; если бы это былъ обыкновенный больной, то я сказалъ бы, что ему жизни на полчаса; но вѣдь это о. Амвросій – онъ можетъ и годы прожить».

28-го въ состояніи здоровья о. Амвросія продолжалось улучшеніе. 29-го, въ воскресенье, Батюшка вдругъ вышелъ изъ своей келліи и сказалъ, что онъ забылъ помолиться предъ иконою Царицы Небесной «Всѣхъ скорбящихъ Радости». По его желанію былъ отслуженъ предъ этою иконою въ его келліи молебенъ. Сестры и мірскіе толпились у дверей, чтобы помолиться о выздоровленіи дорогого отца, 1 октября одной изъ своихъ духовныхъ дочерей Старець сказалъ: «Устроить для васъ я больше уже ничего не могу; я васъ отдалъ Царицѣ Небесной». Докторъ, пробывъ при Старцѣ до 2 октября, уѣхалъ на время. Старець самъ провожалъ доктора въ другую комнату и много говорилъ съ нимъ. Первые два

дня послѣ того больной чувствовалъ себя порядочно. И хотя боль въ ушахъ не уменьшалась, и появлялись малые нарывчики то въ томъ ухѣ, то въ другомъ, но лихорадочнаго состоянія не было. Батюшка продолжалъ употреблять прописанныя докторомъ средства, и въ обители всѣ были спокойны.

4-го, въ пятницу, Старецъ сказалъ, что боль въ головѣ у него усиливается, а къ вечеру былъ жаръ. Всѣ послѣдующіе за тѣмъ дни у него была лихорадка черезъ день, приче́мъ большую часть дня онъ проводилъ какъ бы въ забытіи. Впрочемъ, несмотря на свою крайнюю слабость, онъ по временамъ могъ безъ посторонней помощи вставать съ постели, ходилъ по комнатѣ и даже призывалъ нѣкоторыхъ нужныхъ ему людей и дѣлалъ распоряженія по постройкамъ. Въ этотъ день одинъ изъ ближайшихъ учениковъ Старца, іеромонахъ Іосифъ, бывши въ Шамординѣ, пожелалъ у него исповѣдоваться; но видя, что Старецъ очень слабъ, боялся беспокоить его. Между тѣмъ лишь только онъ сдѣлалъ маленькій намекъ, что желалъ бы исповѣдоваться, Батюшка сейчасъ же надѣлъ епитрахиль и поручи и самъ подаль ему исповѣдную книжку. И отецъ Іосифъ имѣлъ счастье поисповѣдоваться у него въ этотъ день въ послѣдній разъ; послѣ чего, простившись съ Старцемъ, уѣхалъ въ Скитъ. Въ наступившую затѣмъ ночь, по разсказу о Іосифѣ, долго онъ почему-то не могъ заснуть и въ это время слышалъ, что будто кто-то проговорилъ: «Старецъ умереть». Слова слышались явственно. Подъ 6 октября у Старца было бдѣніе. Въ половинѣ всенощной Батюшка почувствовалъ себя дурно и сталъ тяжело ды-

шать. Отворили всѣ двери настежь. Всѣ перепугались. Началось тяжелое время. Духовныя дѣти Старца не выходили изъ пріемной и молча, затаивъ дыханіе, ожидали извѣстій. Почти все время по очереди читали акаѳисты. Шестого октября произошелъ слѣдующій замѣчательный случай. Послѣ обѣда Старецъ позвонилъ и вошедшему келейнику сказалъ: «Пойди, посмотри, кто тамъ на крыльцѣ просится опять въ монастырь». Когда келейникъ сказалъ, что тамъ много народа, Старецъ опять строго сказалъ ему: «Пойди сейчасъ, узнай». Черезъ нѣсколько минутъ келейникъ возвратился и говорить, что дѣйствительно тамъ стоитъ бывшій оптинскій послушникъ братъ М., который ушелъ изъ Оптиной на Афонъ, а теперь, уже въ мірскомъ платьѣ, пришелъ просить у Батюшки совѣта, въ какой монастырь ему опять поступить. Батюшка сейчасъ же велѣлъ позвать его, нѣсколько минутъ говорилъ съ нимъ и благословилъ ему идти въ Глинскую пустынь».

Седьмого октября настоятельница обители испытывала невыносимую тоску. Душа ея находилась въ такомъ безотрадномъ состояніи, что нигдѣ и ничто не могло ей дать ни малѣйшаго утѣшенія. Это, какъ она выражалась, было какъ бы предошущеніемъ адскихъ мученій. Вошедши въ келлію болящаго Старца, она объяснила ему свое страшно тяжелое состояніе. Оказалось, что и самъ Старецъ переживалъ такое же невыразимо-томительное искушеніе. Вѣроятно, ему промыслительно было попущено испытать, на нѣкоторое время, какъ бы оставленіе его Богомъ, дабы дать ему вполне уразумѣть бѣдность и немощь человѣческаго

естества. Выслушавъ настоятельницу, Старець сказалъ: «Я чувствую то, чего во всю жизнь мою не испытывалъ».

По объясненію старца о. Іосифа, Батюшка въ это время томился скорбями и грѣхами своихъ многочисленныхъ духовныхъ дѣтей. Въ одинъ изъ предсмертныхъ дней Старца духовникъ его, о. Ѳеодоръ, сказалъ ему: «Батюшка, вотъ вы умираете, на кого обитель свою оставляете?» Старець отвѣтилъ ему слѣдующими словами: «Обитель оставляю Царицѣ Небесной; а я свой крестъ позолотилъ».

Восьмого октября, въ шесть часовъ утра, Старець сказалъ, что его очень знобитъ, и въ лицѣ онъ очень измѣнился. Спустя нѣсколько минутъ съ больнымъ сдѣлался жаръ, и онъ забылся. Черезъ часъ попросилъ ухи, но вдругъ такъ ослабѣлъ, что съ трудомъ могъ назвать — чего хотѣлъ. Жаръ усилился, и начался бредъ. Тотчасъ же послали въ Скитъ за скитона начальникомъ о. іеромонахомъ Анатоліемъ и за о. іеросхимонахомъ Іосифомъ. Послѣдній вскорѣ пріѣхалъ и по пріѣздѣ тотчасъ же торопливо прошелъ къ Старцу. Выйдя отъ него черезъ нѣсколько минутъ, онъ сказалъ присутствующимъ: «Напрасно вы здѣсь толпитесь: вѣдь Старець не говорить, и нѣтъ надежды на его выздоровленіе». Вскорѣ пріѣхалъ и о. Анатолій. Весь этотъ день больной все болѣе и болѣе слабѣлъ, такъ что уже и говорить не могъ. Жаръ у него усиливался, доходя до 40°. Вѣроятно, Старець испытывалъ въ это время мучительныя въ тѣлѣ боли, не дававшія ему спокойно лежать въ постели, потому что онъ то и дѣло подавалъ знакъ бывшимъ при

немъ о. Іосифу съ келейникомъ о. Александромъ, чтобы его подняли; но лишь только поднимуть, онъ опять давалъ знакъ, чтобы его положили въ постель. Въмѣстѣ съ тѣмъ его трясло, какъ въ лихорадкѣ. Къ вечеру возвратился московскій докторъ, но уже нашель Старца безнадѣжнымъ. Ему вдругъ сдѣлалось такъ плохо, что думали – онъ уже кончается, и потому о. Іосифъ прочиталъ для него отходную. Рѣшено было, наконецъ, Старца особоровать. Пока шли приготовленія къ соборованію, было уже 11 часовъ вечера. И вотъ скитоначальникъ о. Анатолій съ о. Іосифомъ и духовникомъ Старца о. Ѳеодоромъ начали чинъ елеосвященія, во время котораго Батюшка лежалъ уже безъ сознанія. Тяжелое, хриплое дыханіе его, вѣроятно отъ скопившейся мокроты, которую Старецъ не имѣлъ силы откашлянуть, слышно было за двѣ комнаты. Сестры стояли въ пріемной и молились. Когда кончилось соборованіе, стоявшія тутъ молитвенницы входили къ Старцу по три, чтобы взглянуть на свое угасавшее свѣтило и навѣки проститься съ дорогимъ, любвеобильнымъ отцомъ, къ которому онѣ привыкли прибѣгать во всякой скорби, и который всегда такъ утѣшалъ ихъ и ободрялъ. Едва сдерживая рыданія, боясь нарушить тишину, сестры молча кланялись Старцу въ ноги и цѣловали безъ движенія лежавшую его руку, которая горѣла огнемъ; заглядывали въ лицо, желая яснѣе запечатлѣть въ себѣ дорогія черты; затѣмъ тотчасъ же выходили въ противоположную дверь. У нѣкоторыхъ таилась еще слабая надежда, что, быть можетъ, это еще не конецъ, быть можетъ, снова откроются эти глаза и будутъ ласково

смотря на них, быть может, рука эта еще не раз осѣнить ихъ крестнымъ знаменіемъ или съ отеческою любовью похлопаетъ по головѣ виновную. Но нѣтъ, — то была напрасная надежда.

Послѣ 12 часовъ ночи у Старца показалась испарина, и жаръ началъ спадать. Это нѣсколько ободрило всѣхъ. Потомъ онъ пришелъ въ сознаніе, и этимъ моментомъ воспользовались, чтобы приобщить его Св. Христовыхъ Таинъ. Это было около двухъ часовъ ночи. Приобщалъ о. Іосифъ.

Въ эту ночь одна изъ близкихъ ученицъ Старца нѣсколько разъ входила вмѣстѣ съ другой монахиней въ комнату Батюшки посмотреть на больного, и ихъ обѣихъ поражало необыкновенно свѣтлое выраженіе лица Старца. Глаза его были пристально устремлены вдаль, и онъ какъ будто бы бесѣдовалъ съ кѣмъ-то видимымъ только одному ему. Весь слѣдующій день Старецъ не терялъ сознанія, выпилъ нѣсколько глотковъ кофе, всталъ съ постели, когда понадобилось отодвинуть отъ стѣны его кровать, сдѣлалъ даже нѣсколько шаговъ къ своему столику. Но это было самое короткое время. Когда подошла къ нему настоятельница, онъ уже опять лежалъ и, ласково посмотрѣвъ на нее, тихо промолвилъ: «Плохо, мать!» Всѣмъ окружавшимъ его и ухаживавшимъ за нимъ, или особенно потрудившимся по исполнению его распоряжений, онъ выражалъ въ эти дни самую трогательную признательность. Такъ, будучи еще въ силахъ, онъ однажды съ любовію обнялъ помогавшаго ему по устройству обители о. Іоила и долго что-то говорилъ ему, но уже такъ тихо, что тотъ ничего не могъ понять.

Узнавши о чрезмѣрной слабости Старца, оптинскій настоятель о. архимандритъ Исаакій съ іеромонахомъ Макаріемъ прїѣхали въ этотъ день (9 октября) проститься съ нимъ. При видѣ крайне изнемогшаго больного оба они плакали. Батюшка узналъ ихъ и, устремивъ на нихъ глубокій, пристальный взглядъ, поднялъ руку и снялъ съ себя шапочку. Весь этотъ день, какъ и въ предыдущіе дни, сестры непрерывно со слезами молились въ храмѣ предъ чудотворнымъ ликомъ Богоматери. Безостановочно служились молебны съ колѣнопреклоненіемъ, и всѣ почитатели Старца, какъ одинъ человекъ, съ воплями просили выздоровленія своему дорогому Батюшкѣ. Но Господь судилъ иначе!..

И вотъ въ этотъ столь прискорбный для Шамордина день вдругъ получается отъ Калужскаго губернатора телеграмма о томъ, что 10 октября Калужскій преосвященный Виталій выѣзжаетъ изъ Калуги въ Шамординскую обитель. Всѣмъ въ обители была извѣстна цѣль этого прїѣзда, и потому это извѣстіе привело всѣхъ сестеръ обители въ крайнее смущеніе.

А Старцу становилось все труднѣе. Къ вечеру у него опять появился сильный жаръ, а съ шести часовъ онъ уже не поднималъ головы и лежалъ въ одномъ положеніи. Всю ночь дыханіе его было тяжелое. Глаза были устремлены кверху, а уста быстро шевелились. Какъ видно было, больной вплоть до утра шепталъ молитву. Наступило 10 октября. Къ утру этого дня силы Старца совсѣмъ оставили его. Онъ лежалъ безъ движенія. Глаза опустились внизъ и остановились на какой-то точкѣ. Уста перестали шевелиться. Пульсъ

Келлія въ Шамординской обители,
где скончался старецъ Амвросій

становился все слабѣе и слабѣе. Дыханіе было рѣдкое, но спокойное.

Видя, что Старецъ совсѣмъ приблизился къ исходу, о. Іосифъ поспѣшилъ отправиться въ Скитъ, чтобы взять оттуда хранившіяся въ келліи Старца для его погребенія вещи, – мухояровую старую мантию, въ которую онъ нѣкогда былъ облеченъ при постриженіи, и власяницу, да еще холщовую рубашку старца Макарія, къ которому батюшка о. Амвросій во всю свою жизнь питалъ глубокую преданность и уваженіе. На этой рубашкѣ была собственноручная надпись старца Амвросія: «По смерти моей надѣть на меня неотмѣнно».

Нечего и говорить, что въ эти послѣдніе дни жизни Старца братія Оптиной, встревоженная ухудшеніемъ въ болѣзненномъ положеніи Старца, собиралась въ еще большемъ количествѣ, нежели раньше. Многіе готовы были оставаться безотлучно, если бы не послушанія и краткость отпуска. Когда Старецъ уходилъ, то въ келліи, гдѣ лежалъ умирающій, находились: о. Исаія (нынѣ ризничій въ Оптиной), о. Александръ (нынѣ о. Анатолій – духовникъ Оптиной и Шамордина), о. Іоиль и другіе. Когда въ Оптиной получено было извѣстіе о выѣздѣ Преосвященнаго, то для встрѣчи его былъ назначенъ о. Ксенофонтъ, тогда казначей, а нынѣ настоятель обители. Выѣхавъ изъ Оптиной, онъ узналъ на пути, что Владыка остановится на ночлегъ въ Троицкомъ Лютиковомъ монастырѣ. Пользуясь свободнымъ временемъ, о. Ксенофонтъ поспѣшилъ въ Шамордино. Здѣсь ожидали его самыя безотрадныя вѣсти: Старецъ кончался. Присоединившись къ своимъ оптинскимъ собратіямъ,

о. Ксенофонтъ не отходилъ до самой послѣдней минуты отъ умирающаго Старца и удостоился быть свидѣтелемъ его блаженной кончины.

Въ 11 часовъ дня духовникъ Старца о. Ѳеодоръ въ послѣдній разъ прочиталъ канонъ Божіей Матери на исходъ души и осѣнилъ Старца крестомъ. Лицо Старца покрылось мертвенною блѣдностью. Дыханіе становилось все короче и короче. Наконецъ, онъ сильно потянулъ въ себя воздухъ. Минуты черезъ двѣ это повторилось. Затѣмъ, по словамъ очевидцевъ, Старецъ поднялъ правую руку, сложивъ ее для крестнаго знаменія, донесъ ее до лба, потомъ на грудь, на правое плечо и, донеся до лѣваго, сильно стукнулъ объ лѣвое плечо, видно потому, что это ему стоило большого усилія. Потомъ онъ еще вздохнулъ въ третій и послѣдній разъ... Было ровно половина 12-го часа дня... Земная жизнь Старца кончилась.

Долго еще стояли окружавшіе одръ мирно почившаго Старца, боясь нарушить торжественную минуту разлученія праведной души съ тѣломъ. Всѣ находились какъ бы въ оцѣпенѣніи, не вѣря себѣ, не понимая, что это – сонъ или правда. Но святая душа его уже отлетѣла въ иной міръ, дабы предстать престолу Всевышняго въ сіяніи той любви, которою онъ полонъ былъ на землѣ. Свѣтель и покоень былъ его старческій ликъ. Неземная улыбка озаряла его.

Едва только всѣ опомнились, какъ поднялся страшный вопль и рыданіе. Вѣсть о кончинѣ Старца съ быстротою молніи облетѣла весь монастырь, и раздирающіе душу крики шамординскихъ насельницъ слились въ

Преподобный старецъ іеросхимонахъ Амвросій
(† 10/23 октября 1891 г.)

одинъ какой-то общій ужасающій стонъ безпомощности и безнадежности. Потомъ этотъ первый взрывъ страшнаго горя немного поутихъ и перешель въ тихую скорбь.

Отець Ксенофонть тотчасъ по кончинѣ Старца, выйдя въ сосѣднія комнаты и едва слышнымъ отъ волненія голосомъ сообщивъ о великомъ горѣ толпившимся тутъ почитателямъ Старца, поспѣшилъ съ этимъ печальнымъ извѣстіемъ, не мѣшкая, въ Оптину. Печальный гулъ большого колокола возвѣстилъ оптинцамъ о горестномъ для нихъ событіи, и повергнутая въ несказанное горе братія потянулась въ соборъ на первое «аллилуіа» по новопреставленномъ старцѣ Амвросіи; а о. Іосифъ, взявъ все необходимое для опрятанія, сейчасъ же выѣхалъ, спѣша поспѣть къ неостывшему тѣлу дорогого наставника, чтобы въ послѣдній разъ послужить ему и облобызать, если возможно, его еще теплую руку.

Между тѣмъ въ Шамординѣ началось приготовленіе тѣла Старца къ погребенію. Какъ разъ къ этому времени возвратился изъ Скита іеромонахъ Іосифъ съ нужными для опрятанія старцева тѣла вещами и съ монахомъ Гавріиломъ, обязаннымъ за послушаніе опрятывать тѣла покойниковъ. Сначала, по завѣщанію Старца, надѣли на него холшовую рубашку старца Макарія, потомъ сверхъ этой рубашки власяницу, а затѣмъ уже, по обычаю, прочія монашескія одежды и схиму. Пока монахи опрятывали тѣло, тутъ же рядомъ читали Псалтирь. Опрятанное тѣло на тюфякѣ руками старцевыхъ учениковъ вынесено было въ залъ настоятельницы. При видѣ безжизненнаго, холоднаго тѣла дорогого отца, сестры

снова разразились громкими рыданиями. Въ залѣ тѣло было положено на приготовленный столъ, и сейчасъ же совершена была первая панихида о упокоеніи новопреставленнаго Старца іеросхимонаха Амвросія.

Тотчасъ же, по случаю кончины Старца, разослано было множество телеграммъ въ разные концы Россіи ко всѣмъ особенно близкимъ къ нему почитателямъ и духовнымъ его дѣтямъ.

Отправлена была телеграмма и въ Калугу къ мѣстному епископу, преосвященному Виталию, но она уже не застала его въ Калугѣ. Въ самую минуту кончины старца Амвросія Владыка выѣжалъ изъ Калуги, направляясь въ Шамординскую общину. Какъ болѣзненный человѣкъ, отѣхавъ отъ Калуги только 28 верстъ, онъ остановился для отдыха и ночлега въ находящемся на пути Перемышльскомъ Троицкомъ Лютиковомъ монастырѣ. Здѣсь и было получено имъ извѣстіе о кончинѣ Старца. Преосвященный съ настоятелемъ монастыря сидѣли въ залѣ, бесѣдуя о разныхъ предметахъ; между прочимъ, Преосвященный высказывалъ неудовольствіе, что Старецъ, по его выраженію, не имѣетъ послушанія высшей власти. Какъ разъ въ это время келейникъ подаль о. настоятелю телеграмму. Тотъ, ничего особеннаго не подозрѣвая, тутъ же въ присутствіи Владыки раскрылъ телеграмму. Но лишь только прочиталъ онъ, что старецъ іеросхимонахъ Амвросій скончался, руки у него задрожали и слезы полились изъ глазъ. Глядя на него, Преосвященный спросилъ: «Что тамъ такое?» – «Грустное извѣстіе, ваше Преосвященство!» – «Да что такое?» – Въмѣсто отвѣта настоятель подаль Преосвящен-

ному телеграмму. Взглянувъ въ нее, епископъ сказалъ: «Это что же такое? Старецъ скончался?» – «Какъ видите», – отвѣтилъ настоятель. Владыка былъ пораженъ. Онъ обратился къ св. иконамъ, всплеснулъ руками и воскликнулъ: «Боже мой! Что же это такое? Неисповѣдимы судьбы Господни!»

Наутро вмѣсто Шамординской общины Преосвященный выѣхалъ въ Оптину Пустынь. Здѣсь онъ узналъ, что Старецъ скончался въ половинѣ 12-го часа дня, въ то самое время, когда онъ садился въ экипажъ для того, чтобы выѣхать изъ Калуги.

«Теперь я вижу, что это Старецъ пригласилъ меня на отпѣваніе. Простыхъ іеромонаховъ епископы не отпѣваютъ; но этотъ Старецъ такъ великъ, что его непременно долженъ отпѣть епископъ. Меня доктора отпустили съ условіемъ, чтобы я нигдѣ не служилъ; но теперь я считаю обязанностью отпѣть Старца», – сказалъ Владыка.

Между тѣмъ въ Шамординѣ тѣло старца Амвросія было переложено іеромонахами въ простой, обитый простою черною матеріею гробъ и покрыто до половины также простымъ, общимъ для всѣхъ монастырскихъ покойниковъ покровомъ. Сестры попеременно читали Псалтирь, и всякій разъ, когда произносилось имя «новопреставленнаго отца нашего, старца іеросхимонаха Амвросія», всѣ находившіеся въ залѣ клали земные поклоны. На слѣдующій день, 11 октября, какъ въ Шамординской общинѣ, такъ и въ Оптиной Пустыни, и во многихъ другихъ мѣстахъ совершены были по старцѣ Амвросіи заупокойныя Литургіи. Во второмъ часу дня отслужили послѣднюю надъ тѣломъ въ келліи панихи-

ду, и затѣмъ гробъ съ тѣломъ почившаго былъ вынесенъ изъ настоятельскаго корпуса въ церковь, гдѣ продолжалось чтеніе Псалтири, и неумолчно пѣлись панихиды, при неутѣшномъ плачѣ наполнявшихъ храмъ духовныхъ чадъ и почитателей Старца.

Вслѣдствіе разосланныхъ телеграммъ и распространившихся извѣстій со всѣхъ сторонъ начинали прибывать въ Шамордино почитатели Старца, желавшіе присутствовать на его погребеніи, такъ что всего ко дню погребенія скопилось въ Шамординѣ до восьми тысячъ человѣкъ.

Между тѣмъ изъ любви и уваженія къ почившему Старцу между Оптиной и Шамординымъ возникло недоразумѣніе по вопросу о томъ, гдѣ погребсти тѣло дорогого для обѣихъ сторонъ покойника, въ Оптиной или въ Шамординѣ. По распоряженію Св. Синода тѣло должно было быть предано землѣ въ Оптиной Пустыни.

Всю слѣдующую на 12 октября ночь у гроба почившаго, по желанію сестеръ и посѣтителей, непрерывно совершались панихиды. Народъ во все время, пока открыто было тѣло почившаго, приносилъ платки, куски холста и другія вещи, прося приложить ихъ къ тѣлу Старца, и принималъ ихъ обратно съ вѣрою и благоговѣніемъ, какъ святыню. Нѣкоторыя матери прикладывали къ нему своихъ маленькихъ дѣтей.

12 октября, въ субботу, настоятелемъ Лихвинскаго Покровскаго Добраго монастыря игуменомъ Агапитомъ ³⁸, прибывшимъ къ погребенію Старца, его быв-

³⁸ Нынѣ архимандритъ, живущій на покой въ Оптиной Пустыни.

шимъ письмоводителемъ и ученикомъ, отслужены были соборне молебень съ акаѳистомъ предъ чудотворною Казанскою иконою Божіей Матери³⁹, Литургія и панихида надъ гробомъ Старца. Затѣмъ опять продолжались весь день и ночь частныя панихиды.

13 октября, въ воскресенье, назначено было преосвященнымъ Виталиемъ отпѣваніе въ Бозѣ почившаго старца іеросхимонаха Амвросія. День былъ ясный и теплый, какіе рѣдко бываютъ въ октябрѣ. Яркіе лучи утренняго солнца обливали блескомъ тихую Шамординскую обитель и, проникая черезъ окна въ церковь, весело играли на золотыхъ украшеніяхъ иконостаса и на большихъ подсвѣчникахъ, стоявшихъ около гроба. Вся церковь и площадь передъ церковью были заполнены густою толпою народа. Все имѣло видъ не присутствія въ храмѣ покойника, а какого-то необыкновенно свѣтлаго, духовнаго торжества.

Наконецъ въ половинѣ девятого звонъ колоколовъ возвѣстили приближеніе архипастыря, имѣвшаго ночлегъ въ Оптиной Пустыни. Подѣхавъ къ корпусу, гдѣ ему приготовлено было помѣщеніе, онъ спросилъ: «Гдѣ находится тѣло почившаго Старца?» Узнавъ же, что оно находится въ церкви, Владыка пожелалъ прежде всего поклониться ему и, не входя въ домъ, пошелъ пѣшкомъ въ церковь. Между тѣмъ въ церкви не ожидали въ это время Преосвященнаго и пѣли панихиду. Владыка неожиданно вошелъ въ храмъ какъ разъ въ то время, когда по окончаніи непорочныхъ пѣли «аллилуіа», и, такимъ

³⁹ Этотъ молебенъ совершается въ обители еженедѣльно по субботамъ, по заповѣди Старца.

образомъ, исполнились слова почившаго Старца, отвѣтившаго на вопросъ сестеръ о томъ, что пѣть Владыкѣ при входѣ его въ церковь: «Мы споемъ ему аллилуіа».

Сестры, увидѣвъ Преосвященнаго въ церкви, не выдержали натиска воспоминаній и громко разрыдались.

Потомъ, придя въ себя, онѣ начали пѣть Владыкѣ входное. Владыка прошелъ въ алтарь, приложился къ св. престолу и къ св. иконамъ, подошелъ ко гробу, низко поклонился, трижды осѣнилъ усопшаго крестнымъ знаменіемъ и удалился изъ храма.

Спустя нѣсколько времени Преосвященный снова прибылъ въ церковь для служенія Божественной литургіи и на этотъ разъ былъ встрѣченъ установленнымъ порядкомъ: двумя архимандритами, двумя игуменами и четырьмя іеромонахами, готовившимися къ сослуженію съ нимъ. За Литургіей на правомъ клиросѣ пѣлъ хоръ архіерейскихъ пѣвчихъ, а на лѣвомъ – сестры общины. Послѣ причастнаго стиха, съ благословенія Преосвященнаго, на амвонѣ вышелъ студентъ Московской духовной академіи іеромонахъ Григорій (Борисоглѣбскій), нарочито прибывшій изъ Сергіева Посада на погребеніе старца Амвросія, и произнесъ прекрасное слово, ясно обрисовавшее значеніе покойнаго Старца какъ въ частности для Оптиной Пустыни и Шамординской общины, такъ и вообще для монашества и для всей Россіи. Слова проповѣдника нерѣдко заглушались рыданіями слушателей.

Проповѣдникъ говорилъ: «Не удивляйтесь сему многочисленному стеченію молящагося народа... Въ этой бѣдной обители жилъ человѣкъ, котораго знала вся

святая Русь, къ которому издавна еще шли несмѣтныя толпы народа со всѣхъ ея концовъ... Имя этого чѣловѣка было извѣстно и въ царскихъ палатахъ, и въ деревенскихъ избахъ. Это – батюшка, старецъ Амвросій, великій пастырь-печальникъ Русской земли. Онъ-то и привлекъ сюда нынѣ сей великій сонмъ его почитателей... Въ чемъ же заключились заслуги этого челоуѣка? Онъ возвращалъ падшимъ людямъ образъ Божій, училъ покаянію. Печальникъ Русской земли умѣлъ заставить плакать тѣхъ, которые забыли слезы съ самага дѣтства, плакать слезами умиленія, слезами покаянія, слезами возрожденія къ новой духовной жизни... И потому скорби, святая Русь! Ты лишилась въ этомъ нищемъ духомъ и тѣломъ отшельникѣ, своего великаго печальника, любившаго тебя всею силой христіанской любви, отдавашаго тебѣ всю свою жизнь и, можно сказать, принесшаго тебѣ ее въ жертву. Ужъ больше ты не придеши къ о. Амвросію со своими скорбями и горестями за утѣшеніемъ, не пошлешь къ нему своихъ Достоевскихъ и Толстыхъ поучиться у простаго монаха высшей наукѣ: умѣнію жить по-человѣчески, по-христіански. Возрыдай горько, святая Оптинская обитель! Ты лишилась своего Старца, который былъ носителемъ святыхъ преданій старчества, издавна украшавшимъ тебя...

Ужъ больше вы, оптинскіе иноки, въ минуты, когда тяжесть иноческаго креста сильнѣе сдавить силы вашего духа, когда душа возскорбитъ и востоскуетъ глубже обыкновеннаго, не пойдете за вѣрнымъ облегченіемъ къ дорогому батюшкѣ о. Амвросію. Плачь горькими слезами и ты, здѣшняя Шамординская община! Въ почив-

шемъ ты лишилась своего духовнаго отца, который любилъ тебя всею силою своей,самоотверженной пастырской любви. Онъ тебя родилъ рождениемъ духовнымъ на свѣтъ Божій; онъ, какъ нѣжная мать, лелѣялъ тебя во дни твоего младенчества; онъ отдавалъ тебѣ всѣ стекавшіяся къ нему пожертвованія; онъ устроилъ тебѣ сей храмъ святой; онъ отдалъ тебѣ всѣ послѣдніе дни своей многострадальной жизни, которые провелъ въ твоихъ стѣнахъ, чтобы на закатѣ своихъ дней, своимъ присутствіемъ, своимъ глазомъ и словомъ сильнѣе вдохновить трудящихся надъ твоимъ устроениемъ духовнымъ и тѣлеснымъ».

Далѣе проповѣдникъ напоминалъ слушателямъ завѣты Старца и убѣждалъ ихъ слѣдовать имъ. Обращаясь къ православнымъ мірянамъ, онъ говорилъ: «Итакъ, забывающій Бога христіанскій міръ! Приди сюда и посмотри, какъ нужно устроить свою жизнь. Опомнись! Оставь суету мірскую и познай, что на землѣ нужно жить только для неба... Не думай, что жить на землѣ только для Бога – нельзя. Се гробъ, который обличить тебя...

Оставивъ міръ, родныхъ и знакомыхъ, о. Амвросій еще смолоду пошелъ въ монастырь, гдѣ, живя въ убогой келліи, питаясь самою скудною пищею, когда достаточно окрѣпъ въ борьбѣ съ плотскимъ челоувѣкомъ, всего себя отдалъ на служеніе ближнему. Съ утра до вечера онъ жилъ только на пользу ближнихъ. Онъ никому и никогда не отказывалъ въ совѣтахъ. Со всѣми обращался ласково. Часто къ вечеру у больного Старца до того утомлялся языкъ, что онъ не могъ даже и говорить. А

сколько онъ благотворилъ. Сколькихъ людей онъ под-
нялъ на ноги не однимъ только совѣтомъ, но и денеж-
ною помощью. А посмотрите на эту обитель: ее создала
и воспитала его любовь. Онъ жилъ жизнью другихъ, ра-
довался и печаловался радостями и печалями ближ-
нихъ. У него, можно сказать, не было своей личной
жизни. Итакъ, христіанинъ, приди къ этому гробу и на-
учись тому, что на землѣ надо жить только для неба, что
такое жизнеустройство возможно и осуществимо, и что
основаніе этой жизни – въ полномъ, дѣятельномъ само-
отреченіи во благо ближнихъ».

Обращаясь затѣмъ къ инокамъ, проповѣдникъ сначала изображаетъ старца Амвросія, какъ высокаго под-
вижника и молитвенника. «Его тѣсная келлія, – гово-
ритъ онъ, – расскажетъ вамъ, какъ этотъ постоянно
болѣющий, почти всегда умирающій Старецъ, утомлен-
ный непрерывно тянувшейся дневной бесѣдой съ по-
сѣтителеми, съ измученной грѣхами каявшихся пас-
тырской совѣстью, бывало, ставъ на постели, внима-
тельно, слезно выслушивалъ всенощную. А сколько
одинокихъ теплыхъ моленій, горькихъ слезъ, глубокихъ
поклоновъ видѣли эти стѣны! Это ихъ тайна! Да, это
былъ подвижникъ, какихъ можно рѣдко найти. И теперь
его мертвые уста вслухъ всего иночества вѣщаютъ объ
усиленно строгомъ храненіи иноческихъ обѣтовъ и
уставовъ.

Но въ отцѣ Амвросіи была еще одна черта, высшая
черта христіанскаго подвижничества, которая нѣсколько
забыта въ послѣднее время, но которой иноки долж-
ны поучиться у почившаго. Живя внѣ міра и бѣгая его,

онъ умѣлъ жить для него... Повѣрьте, что ни въ одной пріемной комнатѣ любого мірскаго человѣка, пастыря или сановника, не перебивало столько мірянъ, сколько побывало ихъ въ тѣсной, убогой келліи этого отшельника. Повѣрьте, что этотъ весь во злѣ лежащій міръ ни отъ кого не получилъ столько совѣтовъ и наставленій, и письменныхъ и устныхъ, сколько далъ ихъ ему усопшіи... Онъ умѣлъ силою своей вѣры и любви раздвигать тѣсныя стѣны своей келліи на необъятныя пространства. Онъ, какъ пастырь, зналъ, что тамъ, въ грѣшномъ, но ищущемъ Бога мірѣ много алчущихъ и жаждущихъ Христова слова любви и вѣры, любилъ этотъ міръ и отдалъ ему всю свою жизнь... Къ нему шли изъ міра всѣ труждающіеся и обремененные, и онъ успокоивалъ ихъ».

Въ этомъ служеніи любви иноки должны подражать Старцу... «И ты, иночество, служи, служи искренно и беззавѣтно, какъ служилъ покойный о. Амвросій мірскому люду. Благоговѣйно, съ чувствомъ горячей, слезной любви совершай службы Божіи. Гдѣ мірянину, какъ не въ монастырѣ, послушать настоящей службы, справляемой по уставу? Гдѣ ему послушать настоящаго, истинно-церковнаго, древнерусскаго пѣнія, какъ не въ храмахъ святыхъ обителей? И ты, иночество, свято храни уставы и церковное пѣніе и служи симъ міру. Гдѣ мірянинъ настраивается особенно религіозно? Опять въ монастырѣ. Идетъ онъ въ стѣны св. обители, гдѣ почиваютъ ли мощи св. угодника, пребываетъ ли чудотворная св. икона, идетъ, и благоговѣйнаго страха полна его душа. Онъ прислушивается къ каждому звуку, онъ нази-

дается каждою надписью, каждой священной картиной. Знай это, иночество, и благоговѣнно храни эту религіозную настроенность мірянина. Служи ему въ обители всѣмъ, чѣмъ можешь, проповѣдуй ему неустанно; повѣрь, что монастырскую проповѣдь онъ сохранить надолго, пройди съ нимъ по всѣмъ своимъ святынямъ, по всѣмъ церквамъ, все покажи и Расскажи ему. Прими подъ свой кровъ убогаго, больнаго, сироту. Когда ты, инокъ или инокия, станешь на молитву, то не забудь усердно помолиться и за грѣшный міръ: ему нужна твоя молитва. Итакъ, русское иночество, помни и свято блюди посмертный завѣтъ Старца Амвросія: люби и грѣшныхъ людей и служи имъ, чѣмъ можешь».

Обращаясь, наконецъ, къ пастырямъ Церкви, проповѣдникъ и ихъ приглашаетъ поучиться у Старца, поучиться прежде всего его высокому духовному настроенію, которое не всегда можно найти у современныхъ пастырей. «Сравните вы отношеніе пасомыхъ къ любому священнику и приходящихъ къ покойному Старцу. Тамъ они – каждый – твердо помнятъ свое положеніе и званіе: мужикъ подходитъ послѣ барина, богатый прежде бѣдняка. Придите вы къ священнику въ семью, какъ знакомый; зачастую вы просидите цѣлый вечеръ и не услышите ни слова о духовномъ, о Церкви, о небѣ; все тѣ же разговоры о мірскомъ, что и у васъ.

Не такъ у Старца. Предъ нимъ всякій человѣкъ чувствовалъ себя только міряниномъ; княжескіе титулы и графскія достоинства, слава и богатство, и знатность, преимущества образованія – все оставалось за порогомъ его келліи... Всѣ говорили съ нимъ, и онъ всѣмъ

говорилъ лишь о духовномъ; сказанное имъ что-либо и житейское непремѣнно истолковывалось, какъ рѣчь о чемъ-либо духовномъ... На Батюшку смотрѣли только, какъ на слугителя Бога... Онъ былъ врачъ больной совѣсти.

Но еще больше надо поучиться у Старца его всеобъемлющей пастырской любви, той любви, которая, по Апостолу, *долготерпитъ, милосердствуетъ, не завидуетъ, не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своего, не раздражается, не мыслитъ зла, не радуется неправдѣ, а сорадуется истинѣ*».

Сказавъ еще нѣсколько утѣшительныхъ словъ шамординскимъ сестрамъ по поводу того, что у нихъ не будетъ могилы столь любимаго ими Старца, и посоветовавъ имъ «бережно хранить въ цѣлости и чистотѣ духовный образъ почившаго, что будетъ и ему пріятно, и имъ полезно», проповѣдникъ закончилъ свое слово, произведшее на всѣхъ слушателей сильное впечатлѣніе.

По окончаніи Литургіи преосвященный Виталій и съ нимъ 28 священнослужителей, всѣ въ бѣлыхъ облаченіяхъ, выступили на средину храма для отпѣванія... Величественно и трогательно было это священное зрѣлище. Благоговѣйное служеніе архипастыря, стройное пѣніе обоихъ хоровъ, трогательныя пѣнопѣнія погребальнаго монашескаго чина, множество молящихся съ горящими въ рукахъ свѣчами, и, наконецъ, среди блестящей обстановки, бѣдный гробъ съ лежащимъ въ немъ, повитымъ схимою, дорогимъ для всѣхъ присутствующихъ покойникомъ, – все это производило на всѣхъ

потрясающее впечатлѣніе. Многие плакали навзрыдь. Предъ пѣніемъ «Со святыми упокой» студентъ Московской духовной академіи іеромонахъ Трифонъ ⁴⁰, лично знавшій почившаго и бывшій его послушникомъ и ученикомъ и вмѣстѣ съ іеромонахомъ Григоріемъ нарочито прибывшій къ погребенію Старца, произнесъ краткую, но глубоко прочувствованную рѣчь. Отмѣтивъ удивительное, поистинѣ чудесное обстоятельство, какъ постоянно умирающій Старецъ непрерывно воскрешалъ омертвѣлый духъ своихъ ближнихъ, и указавъ нѣкоторые случаи своихъ личныхъ отношеній къ усопшему, проповѣдникъ живо и задушевно обрисовалъ основную черту настроенія Старца – его христіанскую ко всѣмъ любовь.

Это – «не та пристрастная, языческая любовь, любящая только любящаго его и дѣлающая добро только тѣмъ, которые почему-нибудь полезны или пріятны для нея.

Но та любовь, которая во всѣхъ людяхъ видитъ прежде всего образъ и подобіе Божіе, – и любить его, и плачетъ объ его искаженіяхъ, если замѣчаетъ ихъ. И не гордымъ словомъ упрека встрѣчаетъ слабости и немощи человѣческія, но всѣ ихъ несетъ на себѣ. Та любовь, которая душу свою кладетъ за ближнихъ своихъ, выше которой, какъ засвидѣтельствовано словомъ Божиимъ, ничего не можетъ быть. Та любовь, которая заставила одного святого въ молитвахъ съ дерзновеніемъ воззвать къ Богу: «Господи, если я приобрѣлъ благодать предъ Тобою, если я достигъ Царства Небеснаго, то вели и

⁴⁰ Нынѣ епископъ Дмитровскій, старшій викарій Московской митрополіи.

братьямъ моимъ войти со мною: а безъ нихъ и я не пойду туда»... Вотъ этою-то любовью было проникнуто все существо Батюшки»...

Какъ на одну изъ особенностей нравственнаго облика старца Амвросія, о. Трифонъ указаль на его любовь къ дѣтямъ. «Пусть близко стоявшіе къ дѣлу расскажутъ, въ какомъ иногда ужасномъ видѣ поступали дѣти въ основанный имъ дѣтскій женскій пріютъ. Всѣхъ принимали и всѣмъ давали истинно-христіанское воспитаніе, и нѣкоторыя изъ нихъ содѣлались уже невѣстами Христовыми.

Надо было видѣть нашего Батюшку посреди дѣтей, окружавшихъ его, обнимающихъ и ласкающихъ, – какъ былъ онъ тутъ особенно трогателенъ, какъ часто видѣли мы тутъ его слезы душевнаго умиленія»... Свою рѣчь о. Трифонъ заключилъ поклоненіемъ гробу Старца.

Насталь, наконецъ, часъ обычнаго прощанія съ покойнымъ. Раздались печальные, стройные звуки дивно высокой священной пѣсни «Пріидите, послѣднее цѣлованіе дадимъ, братіе, умершему»... Снова вопли и рыданія огласили храмъ.

Первымъ подошелъ ко гробу Преосвященный. Онъ взялъ лежавшую на аналоѣ предъ гробомъ Казанскую икону Божіей Матери и съ глубокимъ молитвеннымъ чувствомъ трижды благословилъ ея усопшаго, низко поклонился ему, облобызаль его главу и руки и еще троекратно благословилъ его своимъ святительскимъ благословеніемъ. За Владыкой стали прощаться духовенство, настоятельница, сестры и народъ.

Долго длилось это искреннее, слезное послѣднее цѣлованіе. Наконецъ, уже около трехъ часовъ пополудни,

Преосвященный сдѣлалъ отпустъ. Провозглашена была Старцу вѣчная память. На тѣло почившаго о Господѣ возлить былъ Владыкою крестообразно елей съ виномъ, освященный во время соборованія, и посыпана была, по чину Св. Церкви, земля. Затѣмъ тотчасъ же наглухо прибита была гробовая крышка. Въ три часа все окончилось. Священнослужашіе во главѣ съ Владыкою и прочіе гости отправились въ покои настоятельницы, а гробъ остался на прежнемъ мѣстѣ, и опять начались непрерывныя панихиды...

Всю ночь съ воскресенья на понедѣльникъ Шамординскій храмъ былъ полонъ народа. Около гроба почившаго Старца, какъ и прежде, горѣло множество свѣчей. То и дѣло клубился ѳиміамъ, пѣлись панихиды, а въ сторонѣ продолжалось чтеніе Псалтири. Почитатели Старца безостановочно прикладывались къ гробу.

14-го, въ понедѣльникъ, заупокойную Литургію совершилъ скитоначальникъ іеромонахъ Анатолій соборне. По окончаніи Литургіи и панихиды, въ 11-мъ часу дня, гробъ былъ поднять руками сестеръ, поставленъ на носилки и, въ преднесеніи св. иконъ и хоругвей, сначала обнесенъ былъ вокругъ церкви, а затѣмъ черезъ монастырь, мимо настоятельскаго корпуса и заложеннаго Старцемъ каменнаго собора, направился въ Оптину Пустынь.

Погода въ этотъ день была ненастная. Холодный осенній вѣтеръ насквозь пронизывалъ путниковъ, а непрерывный дождь, то стихая, то усиливаясь, совершенно растворялъ землю.

Гробъ несли попеременно то сестры общины, то оптинскіе монахи, то мірскія лица, желавшіе до самаго конца оказать свою любовь и преданность къ своему почившему наставнику. Тысячи народа, на протяженіи болѣе версты, шли и ѣхали за гробомъ. Шествіе было медленное. Часто, несмотря на дождь и холодъ, оставались для совершенія заупокойныхъ литій. Когда подходили къ лежащимъ на пути селамъ, въ церквахъ начинался погребальный колокольный перезвонъ. Священники въ облаченіяхъ, съ хоругвями и иконами, выходили навстрѣчу. Выступали поселяне, молились, многіе изъ нихъ цѣловали гробъ покойнаго и затѣмъ присоединялись къ погребальному шествію.

Такимъ образомъ, по мѣрѣ приближенія къ Оптиной Пустыни, толпа все росла и росла. Замѣчательно, что горѣвшія свѣчи, съ которыми несли тѣло покойнаго Старца, во все продолженіе пути, несмотря на сильный дождь и вѣтеръ, не угасали.

Наступалъ вечеръ, и уже нѣсколько стемнѣло, когда гробъ Старца проносили черезъ послѣднюю деревню Стенино, находящуюся въ верстѣ отъ Оптиной.

Уныло гудѣлъ большой семисотенный оптинскій колоколъ, рѣдкими мѣрными ударами потрясая воздухъ и далеко разнося печальную вѣсть о наступленіи момента послѣдняго прощанія съ усопшимъ великимъ Старцемъ. Изъ города Козельска навстрѣчу погребальному шествію выступило мѣстное духовенство и многіе горожане. Высоко надъ головами народа, сквозь вечерній полумракъ, виднѣлся черный гробъ, таинственно освѣщаемый яркимъ пламенемъ горѣвшихъ свѣчей. Колеб-

лясь отъ шествія несшихъ его, онъ точно плыль по воздуху. Поистинѣ, это трогательное печально-торжественное перенесеніе тѣла почившаго Старца, по замѣчанію многихъ, скорѣе походило на перенесеніе мощей и производило на всѣхъ присутствовавшихъ умилительно-благодатное впечатлѣніе.

На неширокой рѣкѣ Жиздрѣ, протекающей подъ самымъ монастыремъ, черезъ которую обычно переѣзжаютъ на паромѣ, на этотъ разъ временно устроенъ былъ мостъ.

Сюда-то, навстрѣчу усопшему Старцу, вышелъ изъ монастыря крестный ходъ во главѣ съ двумя архимандритами и въ сопровожденіи множества монашествующихъ и мірянъ. Величественное было зрѣлище, когда перенесенный черезъ мостъ гробъ Старца внесень былъ въ ряды многочисленнаго сонма священнослужителей въ блестящихъ облаченіяхъ, и несмѣтныя толпы народа съ той и другой стороны соединились вмѣстѣ. Похоронный перезвонъ колоколовъ, пѣніе пѣвчихъ, развѣвавшіяся хоругви, и это необозримое множество народа и впереди и сзади, далеко-далеко за рѣкой, и, наконецъ, этотъ бѣдный гробъ, къ которому устремлены взоры всѣхъ присутствующихъ, къ которому неслись со всѣхъ сторонъ сердечные вздохи, съ горячей мольбой о упокоеніи души почившаго въ небесныхъ обителяхъ, съ тайною скорбью сердца о потерѣ дорогого отца и съ прошеніемъ его ходатайства у престола Всевышняго Отца Небеснаго, – все это поражало сердца всѣхъ, собравшихся отдать послѣдній долгъ Старцу.

Было пять часовъ вечера. Шествіе направилось къ Святымъ вратамъ обители. Внесенный въ обитель гробъ съ тѣломъ почившаго Старца поставленъ былъ въ холодномъ Введенскомъ соборѣ, который блисталъ праздничнымъ освѣщеніемъ. Настоятель обители о. архимандритъ Исаакій, въ сослуженіи нѣсколькихъ іеромонаховъ, совершилъ панихиду надъ почившимъ. Спустя немного времени началось торжественное всенощное бдѣніе въ тепломъ Казанскомъ храмѣ, между тѣмъ какъ въ Введенскомъ храмѣ, гдѣ оставалось тѣло Старца, непрерывно всю ночь совершались панихиды и шло прощаніе народа съ почившимъ.

На слѣдующій день, 15 октября, гробъ перенесенъ былъ въ Казанскій храмъ. Въ десятомъ часу началась Литургія, которую, несмотря на свое слабое здоровье, совершалъ опять самъ преосвященный Виталій, въ сослуженіи двухъ архимандритовъ Моисея и Исаакія, трехъ игуменовъ и пяти іеромонаховъ. На правомъ клиросѣ пѣлъ хоръ архіерейскихъ пѣвчихъ, а на лѣвомъ – монастырскихъ.

Въ концѣ Божественной литургіи Владыка, обратясь къ народу, произнесъ прекрасную, трогательную рѣчь, въ которой изобразилъ сущность старчества и живо обрисовалъ нравственный обликъ доблестнаго хранителя завѣтовъ старчества – о. іеросхимонаха Амвросія.

По окончаніи Литургіи Преосвященнымъ отслужена была панихида, въ которой участвовали сорокъ священнослужителей, всѣ въ бѣломъ парчевомъ облаченіи. Въ концѣ панихиды, послѣ 9-й пѣсни, еще разъ выступилъ съ краткимъ прощальнымъ словомъ къ Старцу іеромо-

нахъ Григорій (Борисоглѣбскій). Въ этомъ словѣ онъ выразилъ Старцу послѣднее привѣтствіе отъ лица Московской духовной академіи, съ которой Старецъ имѣлъ живыя, духовныя отношенія, и для которой онъ всегда былъ высокимъ примѣромъ вѣры и жизни и духовнымъ руководителемъ. «Мы, питомцы духовныхъ школъ, – говорилъ о. Григорій, – готовящіеся къ пастырству, и наши руководители смотрѣли на тебя, какъ на образецъ и примѣръ пастырствованія. Начальники, наставники и питомцы нашей Московской академіи, всѣ были при твоей жизни проникнуты чувствомъ благоговѣйнаго уваженія къ тебѣ, многіе изъ нихъ пользовались твоими совѣтами, и ты, любя духовное юношество, умѣлъ поселять въ обращающихся къ тебѣ истинный духъ пастырства – аскетическій, самоотверженный, дышавшій любовью. Повѣрь же, что память о тебѣ русское духовенство, русское духовное юношество сохранить всегда свято и благоговѣйно».

Свое слово юный проповѣдникъ-студентъ заключилъ земнымъ поклоненіемъ усопшему Старцу.

Послѣ панихиды гробъ почившаго поднять былъ на руки священнослужителями, и, въ преднесеніи св. иконъ и хоругвей, погребальное шествіе направилось къ приготовленной могилѣ. За гробомъ шествовалъ Преосвященный въ полномъ архіерейскомъ облаченіи съ прочими священнослужителями. Печальный похоронный перезвонъ, сливаясь съ пѣніемъ погребальныхъ пѣснопѣній, сопровождалъ тѣло святопочившаго Старца къ мѣсту его послѣдняго земного упокоенія. Могила для старца Амвросія была приготовлена рядомъ съ мо-

гилой его великаго учителя, старца іеросхимонаха Макарія, близь юго-восточной стѣны лѣтняго Введенскаго собора.

Послѣ заупокойной литіи, совершенной Владыкой, и по возглашеніи почившему вѣчной памяти, гробъ былъ опущенъ въ могилу.

Когда Батюшку схоронили, замѣчаетъ одинъ наблюдатель изъ свѣтскихъ лицъ, кто-то изъ ближайшихъ къ нему монаховъ⁴¹ стоялъ у могилы, сложивъ руки на груди крестообразно и опустивъ глаза. Всѣ отправились въ трапезу. Прошло часа два времени. Тотъ же монахъ все еще стоялъ въ томъ же самомъ положеніи у могилы Батюшки.

Удивительно при этомъ, говорить тотъ же наблюдатель, что въ обоихъ монастыряхъ (Оптинскомъ и Шамординскомъ) скорбь о Батюшкѣ, хотя и глубока и искренна, но вмѣстѣ съ тѣмъ свѣтла и не безнадеежна.

Съ самымъ близкимъ къ Батюшкѣ лицомъ можно говорить о немъ. Всѣ спокойны, сдержанны и дѣлаютъ свое дѣло. Только иногда какъ-то съ болью передернется лицо монаха, или застанешь его въ тяжелой задумчивости. А иногда, среди разговоровъ о Старцѣ, кто-нибудь вдругъ тихо промолвить со вздохомъ: «Эхъ, Батюшка, Батюшка!» И столько покорной скорби послышится въ этихъ короткихъ словахъ. Съ кѣмъ ни заговоришь о немъ, всѣ его любятъ, всѣ имъ облагодѣтельствованы... «Да кого онъ-то не любилъ?» – Вотъ общій, единокдушный голосъ.

⁴¹ То былъ о. Исаія – келейникъ Старца.

Кстати, приведемъ здѣсь отрывокъ изъ стихотворенія, посвященнаго памяти почившаго Старца, одной изъ монахинь Шамординской обители:

Почилъ нашъ Старецъ! Смолкло слово!

Угасъ свѣтильникъ на землѣ!

Погасъ, чтобъ возгорѣться снова

Въ далекой горней сторонѣ...

Сложилъ тяжелое онъ бремя

Великихъ пастырскихъ трудовъ,

Настало радостное время –

Свобода отъ земныхъ оковъ...

.....

О, горе намъ! Какъ одиноко,

Какъ мрачно стало на землѣ!..

.....

Кто въ усыпленьи насъ пробудить?

Въ смятеньи кротко утишить?

Мысль непокорную осудить,

А покаянную простить?..

Но вѣримъ мы: ты не оставишь,

Ты не покинешь до конца,

И души чадъ своихъ представишь

Престолу Вѣчнаго Отца!..

Не твой ли голосъ раздается

Въ душѣ покинутыхъ дѣтей?

Теперь призывомъ онъ несется

Изъ горней родины своей...

Не то же ль бдительное око

Насъ зрить съ твердыни голубой,

Что проникало здѣсь глубоко

Въ изгибы совѣсти больной...

Такъ закончилось земное странствованіе приснопамятнаго Оптинскаго Старца, о. іеросхимонаха Амвро-

сія! Закончилось земное странствованіе, но не закончилась, а только началась его истинная, вѣчная и, вѣруемъ, блаженная жизнь на небѣ.

Вѣруемъ въ это потому, что уже здѣсь на землѣ въ немъ очевидно для всѣхъ свѣтился отблескъ небесной блаженной славы, свѣтился въ чертахъ его нравственнаго облика, свѣтился въ той невыразимой отрадѣ и душевномъ мирѣ, которые онъ проливалъ въ душу каждого человѣка, приходившаго съ нимъ въ близкое или отдаленное духовное соприкосновеніе, свѣтился въ томъ глубокомъ нравственномъ обновленіи и возрожденіи, которое совершалось въ людяхъ иногда подъ вліяніемъ одного только слова или взгляда о. Амвросія, свѣтился, наконецъ, въ тѣхъ особенныхъ, благодатныхъ дарованіяхъ прозорливости и чудотворенія, которыя, по общему единодушному свидѣтельству очевидцевъ, были присущи старцу Амвросію. Вотъ объ этихъ-то его дарованіяхъ мы и хотимъ сказать теперь, когда мы уже закончили наше повѣствованіе о земномъ странствованіи Старца, ибо онѣ вводятъ насъ въ область уже не временной, земной, а вѣчной и небесной жизни Старца и съ особенною ясностью удостовѣряютъ насъ въ томъ, что Батюшка о. Амвросій, согрѣвавшій столь многихъ своею любовію здѣсь на землѣ, не перестаетъ и не перестанетъ заботиться о насъ и по своемъ переселеніи въ небесныя обители, почему тѣмъ съ большимъ упованіемъ и дерзновеніемъ мы и можемъ просить его святыхъ молитвъ о насъ предъ Престоломъ Божиимъ, особенно же въ тѣхъ или другихъ скорбныхъ и трудныхъ обстоятельствахъ нашей жизни!

Глава XI

ОСОБЫЯ ПРОЯВЛЕНИЯ БЛАГОДАТНОЙ СИЛЫ БОЖІЕЙ ВЪ СТАРЦѢ О. АМВРОСІИ

*И рече ми: довлѣтъ ти благодать
Моя: сила бо Моя въ немощи совершается.
(2 Кор. 12, 9)*

сѣ знавшіе батюшку о. Амвросія единогласно говорятъ о свойственномъ ему дарованіи прозорливости. Для него не существовало тайнъ. Незнакомый человѣкъ могъ придти къ нему и молчать, а онъ зналъ его жизнь и ея обстоятельства, его душевное состояніе и зачѣмъ онъ сюда пришель. Отецъ Амвросій спрашивалъ своихъ посѣтителей, но внимательному человѣку, по тому, какъ и какіе вопросы онъ ставилъ, было ясно, что Батюшкѣ извѣстно дѣло. Такъ, однажды къ нему подошелъ молодой человѣкъ изъ мѣщанъ съ рукой на перевязи и сталъ жаловаться, что никакъ не можетъ ее вылѣчить. У Старца былъ еще одинъ монахъ и нѣсколько мірянъ. Не успѣлъ тотъ договорить: «Все болить, шибко болить», – какъ Старецъ его перебилъ: «И будетъ болѣть, зачѣмъ мать обидѣлъ?»

Калужскій преосвященный Макарій передавалъ о себѣ слѣдующее. Когда онъ былъ еще мірскимъ священникомъ, законоучителемъ въ Орловскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ, пришлось ему вмѣстѣ съ ректоромъ Орловской духовной семинаріи быть въ Оптиной Пустыни у старца Амвросія. Побесѣдовавъ съ гостями, Старецъ на прощаніе подарилъ имъ обоимъ по книжкѣ одинаковаго содержанія, именно о монашествѣ. «Я, какъ священникъ, – говорилъ Владыка, – подумалъ тогда: къ чему мнѣ такая книга?» И Старецъ, какъ бы опомнившись, сказалъ: «Да, вамъ бы не то, – но затѣмъ присовокупилъ. Ну да, такъ и быть». По времени, овдовѣвъ, бывшій священникъ и законоучитель, какъ извѣстно, принялъ монашество.

Иеромонахъ Оптиной Пустыни Дорожей разсказывалъ, что однажды пришелъ онъ къ Старцу и долго дожидался его пріема. Было уже десять часовъ вечера. Сидитъ онъ и думаетъ: «Вотъ всѣ называютъ Старца святымъ. А какая это святость, когда заставляетъ такъ долго дожидаться своего выхода. Придется изъ-за этого и правило вечернее опустить, и утрению проспять. За всѣхъ ему грѣхъ будетъ». Вдругъ слышитъ онъ въ эту минуту голосъ Старца изъ его келліи: «Сейчасъ, сейчасъ!» Смотритъ, выходитъ Батюшка. Благословивши его, беретъ его за бороду и, слегка ударяя по щекѣ, говоритъ: «Вотъ монахини иногда по мѣсяцу живутъ въ гостиницѣ, дожидаясь, пока мнѣ придется ихъ принять. Другая, можетъ быть, пріѣхала за тысячу верстъ и тоже терпитъ и дожидается. Ихъ нужно впередъ отпустить. Изъ-за нихъ я отказываю иногда и братіямъ въ пріемѣ.

Всѣхъ сразу я не могу принять. А ты и немного не хочешь подождать! Мнѣ одному за всѣхъ грѣхъ будетъ!» Вразумленный словами Старца, о. Дороевъ спокойный и радостный пошелъ отъ него въ свою келлію и уже никогда не дерзаль роптать на него, если иногда и подолгу приходилось дожидаться его выхода.

Отецъ иеромонахъ В. рассказывалъ о себѣ слѣдующее: «По окончаніи курса въ Смоленской духовной семинаріи, я занялъ мѣсто священника въ с. Чеботовѣ Дорогобужскаго уѣзда. Имя мое было Викторъ Дьяконовъ. Вскорѣ заболѣла моя жена, по-видимому, впрочемъ, не опасно. Заходить въ это время къ намъ въ домъ странникъ, который держалъ путь въ Оптину Пустынь. Я послалъ съ нимъ рубль денегъ для передачи батюшкѣ о. Амвросію, прося его помолиться о болящей. По приходѣ странника въ монастырь Старецъ, при свиданіи съ нимъ, спрашиваетъ его: «Ты тѣмъ же путемъ назадъ пойдешь?» Тотъ отвѣчаетъ: «Тѣмъ же». – «Зайди же опять къ о. Виктору, – говоритъ ему Батюшка, – и благодари его, что онъ меня помнитъ. Скажи, что и я его не забылъ». Замѣчу при этомъ, что, будучи еще воспитанникомъ средняго отдѣленія семинаріи, я былъ у о. Амвросія лично на благословеніи. Поступивъ же во священника, всегда поминалъ его на проскомидіи. Старецъ это и припомнилъ. «Подвигъ его ждетъ», – продолжалъ Старецъ. Пусть возвращаетъ садъ и чаще поливаетъ, – плодовъ много будетъ. Іюль мѣсяцъ будетъ для него скорбный; мы увидимся съ нимъ». – 29 іюля того же года скончалась моя жена, и я отправился въ Оптину Пустынь. Прихожу къ Старцу, а онъ подаетъ мнѣ

четки и книгу «Царскій путь Креста Господня» и велить готовиться къ монашескому чину, – продать всѣ пожитки, какія у меня были, и подать прошеніе Владыкѣ объ увольненіи въ заштатъ по болѣзни, что я и исполнилъ. Прибывъ затѣмъ къ Батюшкѣ въ Скитъ, я въ непродолжительномъ времени былъ постриженъ въ мантию.

Тотъ же іеромонахъ В. рассказывалъ о другомъ окончившемъ курсъ Смоленской духовной семинаріи Павлѣ Семеновичѣ Соколовѣ. По окончаніи семинаріи онъ занялъ мѣсто сельскаго учителя и нѣсколько разъ лично просилъ у старца Амвросія благословенія поступить въ священники. Но Батюшка всегда отклонялъ его просьбу, совѣтуя подождать. Прошло такъ два года. Павелъ Семеновичъ вновь обратился къ Батюшкѣ письменно, выражая желаніе занять мѣсто священника въ городѣ Вязьмѣ. Старецъ на этотъ разъ отвѣчалъ ему: «Надъ тобою терновый вѣнецъ виситъ, и скоро онъ на тебя низойдетъ, – подожди». Такъ и случилось. Спустя мѣсяца два Павелъ Семеновичъ заболѣлъ и скончался.

Монахъ І. рассказывалъ о себѣ: «Находясь въ міру, я былъ женатъ, но черезъ четыре года овдовѣлъ. Въ это время братъ мой отправился въ Оптину къ старцу Амвросію, и я пожелалъ черезъ брата узнать, какъ Старецъ благословитъ мнѣ жить. Возвратившись, братъ передалъ мнѣ отвѣтъ Старца: «Пусть годокъ подождетъ жениться и пріѣдетъ къ намъ». Подумалъ я: не хотятъ ли меня сдѣлать монахомъ? Я тогда не имѣлъ намѣренія поступать въ монастырь. Годъ прошель, и я вступилъ во второй бракъ, не побывавъ предварительно въ Оптинѣ

и не получивъ отъ Старца на это благословеніа. Но прошло три съ половиною мѣсяца, и вторая жена моя умерла. Черезъ два мѣсяца послѣ сего я поѣхалъ въ Оптину. Прихожу къ Старцу. Онъ мнѣ и говоритъ: «Поди сюда. Гдѣ твоя жена? Почему ты не послушался меня?» Я отвѣчаю: «Простите, Батюшка! Вотъ я пріѣхалъ спросить васъ о томъ, долженъ ли я жениться или поступить въ монастырь?» Батюшка на это сказалъ: «Третьяго брака нѣтъ. Прямой твой долгъ оставаться въ монастырѣ и быть монахомъ». Послѣ этого я вернулся домой, а черезъ два мѣсяца уже совсѣмъ прибылъ въ Оптину и поступилъ въ число братства въ Скитъ.

По словамъ скитскаго монаха Г., былъ въ Скиту уставщикъ іеромонахъ о. Палладій. Отслужилъ онъ однажды въ скитской церкви въ воскресный день Литургію, чувствуя себя здоровымъ. Но вотъ Батюшка въ тотъ же день присылаетъ къ нему келейника и велитъ ему немедленно особороваться и постричься въ схиму. Отецъ Палладій былъ очень этимъ удивленъ и сказалъ келейнику, что онъ здоровъ. Батюшка еще въ другой и третій разъ присылаетъ къ нему келейника съ тѣмъ же предложеніемъ, но тотъ продолжаетъ отказываться. Наступилъ понедѣльникъ. Утромъ въ этотъ день Батюшка въ четвертый и послѣдній разъ присылаетъ къ о. Палладію келейника опять съ тѣмъ же предложеніемъ. Но пока онъ дѣлалъ приготовления къ соборованію, съ нимъ сдѣлался ударъ. Впрочемъ, хотя отнялся у него языкъ, однако онъ былъ въ памяти. Его успѣли особоровать и причастить Св. Христовыхъ Таинъ. Вечеромъ въ тотъ же день онъ и скончался.

Разсказывалъ о себѣ монахъ Геннадій: «Сильно смущали меня хульные помыслы. Пришелъ я по этому случаю къ Батюшкѣ о. Амвросію поздно вечеромъ, – было уже темно. Вышелъ Батюшка въ коридоръ и началъ поочередно благословлять братію, стоявшую на колѣняхъ. Подходить и ко мнѣ. Лица моего онъ не могъ видѣть въ темнотѣ, но вдругъ, обращаясь ко мнѣ, говорить: «Ты что?» И началъ по лицу моему гладить рукой, какъ бы смывая съ него грязь, и затѣмъ благословилъ, ничего мнѣ не сказавъ. Но я внезапно почувствовалъ, что на душѣ у меня стало легко. Помыслы хульные отступили отъ меня, и радость наполнила мое сердце».

Замѣчательный случай рассказывала о себѣ монахиня Бѣлевскаго монастыря Варвара Энгельгардтъ: «Въ 1875 году братъ мой, окончивъ курсъ въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ, поступилъ на службу офицеромъ въ артиллерію. Затѣмъ черезъ два года, въ 1877 году, онъ назначенъ былъ въ составъ действующей арміи противъ турокъ. Въ то время ему было около 20 лѣтъ. Сама я тогда была въ Зосимовской пустыни Верейскаго уѣзда Московской губерніи. Однажды я получила письмо отъ одного изъ товарищей моего брата, въ которомъ онъ сообщилъ мнѣ ужасную вѣсть о томъ, что братъ мой застрѣлился. Въ страшномъ горѣ я отправилась въ Оптину Пустынь къ старцу Амвросію. Являюсь къ нему вся въ слезахъ и все рассказываю. Батюшка, какъ могъ, постарался меня утѣшить. На вопросъ мой: «Можно ли мнѣ молиться за брата?» – Батюшка отвѣчалъ, что Церковь за самоубійцъ не молится, но что онъ дастъ мнѣ молитву, по которой можно мнѣ келейно молиться за брата.

Прихожу я къ нему на другой день. Батюшка встрѣчаетъ меня радостный и объявляетъ, что братъ мой живъ и здоровъ. На вопросъ мой: «Увижу ли я его?» – Батюшка отвѣчалъ, что узнаю о немъ лѣтъ черезъ десять. Предсказаніе Батюшки исполнилось. Черезъ 10 лѣтъ я получила изъ Америки письмо отъ брата, который извѣщалъ меня, что онъ живъ и здоровъ и просить у меня прощенія, что такъ долго не давалъ о себѣ никакихъ извѣстій».

Одна изъ преданныхъ духовныхъ дочерей Старца, А. А. Шишкова, передавала о себѣ: «Въ одно изъ моихъ посѣщеній Старца онъ благословилъ меня книгою «Царскій путь Креста Господня, вводящій въ жизнь вѣчную», прибавивъ: «Чаще читай ее». Я ему сказала: «Вы мнѣ уже такую книгу дали въ прошлый разъ». – «А прочла ли ты ее?» – возразилъ Старецъ. – «Кажется, что читала», – былъ мой отвѣтъ. – «То-то кажется; не возвращувъ ее, подарила».

Тутъ я вспомнила, что именно это я сдѣлала, и попросила прощенія. Батюшка съ своей обычною доброотою, подавая мнѣ снова книгу, сказалъ: «Читай же эту почаще».

Той же самой А. А. Шишковой батюшка о. Амвросій, за семь лѣтъ до кончины внучекъ м. Амвросіи Ключаревой, ясно указалъ на это событіе. Когда она, по порученію Ключаревой, просила Старца разрѣшить нанять къ дѣвочкамъ француженку, онъ отвѣтилъ: «Нѣтъ, ты этого не дѣлай; дѣтямъ не надо француженки. Я къ нимъ помѣстилъ отличную, благочестивую русскую особу, которая ихъ наставитъ и приготовить къ будущей

жизни. Знаешь ли, – дѣти жить не будутъ, а на мѣсто ихъ въ имѣніи будутъ за нихъ молитвенницы. Ты только этого не говори м. Амвросіи».

Пріѣзжаютъ какъ-то къ Старцу изъ Петербурга двѣ сестры. Младшая – невѣста съ веселымъ настроеніемъ; старшая – тихая, задумчивая, богомольная. Одна проситъ благословенья вступить въ бракъ, а другая въ монастырь. Старецъ невѣстѣ подаетъ четки, а старшей говоритъ: «Какой монастырь? Ты замужъ выйдешь, да не дома; вотъ тебѣ что!» – и назвалъ губернію, куда онѣ никогда не ѣздили. Обѣ возвращаются въ столицу. Невѣста узнаетъ, что женихъ ей измѣнилъ. Это произвело въ ней страшную перемену, потому что привязанность ея была глубока. Она постигла суетность того, что прежде ее занимало, ея мысли обратились къ Богу, и вскорѣ она поступила въ монастырь. Между тѣмъ старшая получила письмо изъ дальней губерніи отъ забытой тетки, набожной женщины, жившей по сосѣдству съ женскимъ монастыремъ. Она звала ее присмотрѣться къ жизни монахинь. Но вышло иначе: живши у тетки, племянница познакомилась съ человѣкомъ, уже немолодымъ, очень подходящимъ къ ней по характеру, и вышла за него замужъ.

Бѣдную мѣщанку за красоту сваталъ богатый купецъ. А Старецъ и говоритъ матери: «Вашему жениху отказать надо». Мать такъ и вскинулась. «Что ты, Батюшка? – Да намъ и во снѣ такой не снился; послалъ Богъ сиротѣ, а ты отказать». А Батюшка въ отвѣтъ: «Этому откажите, у меня для дочери твоей другой женихъ есть, лучше этого». – «Да какого намъ лучше на-

до? – Не за князя же ей выходить?» – толкуетъ свое мать. – «Такой у меня великій женихъ, что и сказать трудно; откажите купцу». Купцу отказали, а дѣвушка заболѣла и умерла. Тогда поняли, о какомъ женихѣ говорилъ Старецъ.

Молодой крестьянинъ изъ-подъ Тихоновой пустыни, что около Калуги, задумалъ жениться, потому что старуха мать ослабѣла, а другихъ женщинъ въ домѣ не было. Пошелъ онъ на праздникъ Успенія къ Старцу, а тотъ посовѣтовалъ ему подождать до Покрова. Между тѣмъ мать очень недовольна была совѣтомъ Старца. Пришелъ на Покровъ; а Батюшка говорить: «Обожди до Крещенія, – тогда посмотримъ». Старуха очень расстроилась, – малому отъ нея покоя нѣтъ: «Только пугаетъ Старецъ, – некогда прохладиться». Пришелъ малый къ Старцу на Крещенье и объявляетъ, что материной брани терпѣть не можетъ. А Батюшка ему въ отвѣтъ: «Боюсь, что не послушаешь меня; а мой совѣтъ – никакъ тебѣ жениться не надо, – обожди». Крестьянинъ ушелъ и женился, а черезъ два мѣсяца послѣ свадьбы умеръ.

У одного изъ жителей Козельска, по имени Капитонъ, былъ единственный сынъ, взрослый юноша, ловкій, красивый. Отецъ рѣшилъ отдать его въ люди и привелъ его къ Старцу, чтобы получить отъ него благословеніе на задуманное дѣло. Сидятъ оба въ коридорѣ, и около нихъ нѣсколько монаховъ. Выходитъ къ нимъ Старецъ. Капитонъ, получивши съ сыномъ благословеніе, объясняетъ, что хочетъ сына отдать въ люди. Старецъ одобряетъ намѣреніе и совѣтуетъ отправляться сы-

ну въ Курскѣ. Капитонъ начинаетъ Старца оспаривать: «Въ Курскѣ, – говоритъ, – у насъ нѣтъ знакомыхъ; а благословите, Батюшка, въ Москву». Старецъ въ шутиломъ тонѣ отвѣчаетъ: «Москва бьетъ съ носка и колотить досками; пусть ѣдетъ въ Курскъ». Но Капитонъ все-таки не послушалъ Старца и отправилъ сына въ Москву, гдѣ тотъ вскорѣ поступилъ на хорошее мѣсто. У хозяина, къ которому онъ поступилъ, строилось въ это время какое-то зданіе. Вдругъ сверху упало нѣсколько досокъ, которыя и раздробили молодому человѣку обѣ ноги. Тотчасъ же телеграммой увѣдомлень былъ объ этомъ его отецъ. Съ горькими слезами пришелъ онъ къ Старцу повѣдать о своемъ горѣ. Но горю этому помочь уже нельзя было. Больного сына привезли изъ Москвы. Долго онъ хворалъ, и хотя раны закрылись, но онъ уже остался на весь вѣкъ калѣкой, неспособнымъ ни къ какой работѣ.

Одинъ скитскій братъ просилъ старца Амвросія благословить ему поѣхать на Аѡнъ. Батюшка, по своему обычаю, говоритъ ему шутя: «Поѣдешь на Аѡнъ, будешь Агаѡнъ». Долго этотъ братъ странствовалъ по монастырямъ и, наконецъ, скончался въ Тихоновой пустыни, принявъ передъ смертью постриженіе въ мантию съ именемъ Агаѡнъ. Другой инокъ передавалъ: «Моя родственница, старая дѣвушка, пришла въ Оптину Пустынь помолиться и спросить батюшку Амвросія, что ей дѣлать: поступать ли ей въ монастырь или жить дома въ семьѣ? Батюшка отвѣтилъ: «Иди домой, отецъ купить тебѣ какой-нибудь овинъ, поставить на огородѣ, и будешь жить». Когда она возвратилась домой, отецъ, по-

здоровавшись съ ней, говорить: «А я купилъ для тебя овинъ, поставлю его на огородъ, ты и будешь тамъ жить, какъ въ монастырѣ».

6 августа 1883 года пришла въ Оптину женщина изъ Бѣлевскаго уѣзда и добивалась увидѣть о. Амвросія, но за многочисленностью никакъ не могла пробиться до хибарки, гдѣ принималъ женщинъ о. Амвросій. Наконецъ, она разыскала земляка-монаха и попросила его спросить у Батюшки, какъ онъ велитъ молиться ей за сына – о здравіи или за упокой? У нея былъ взрослый сынъ, глухой и глупый, такъ что самъ не могъ просить себѣ хлѣба. Въ Казанскую, 8 іюля, онъ пошелъ въ сельскую церковь и пропалъ: ни въ лѣсу и нигдѣ кругомъ его не нашли. Старецъ отвѣтилъ: «Зачѣмъ поминать за упокой; надобно поминать о здравіи – найдетъся!.. Быть можетъ, и скоро приведутъ его». Затѣмъ Батюшка прибавилъ: «Сынокъ-то, сынокъ, да сама-то какъ живетъ? Пусть она свою жизнь перемѣнитъ!» Когда эти слова Старца передали женщинѣ, она зарыдала и созналась въ тяжкомъ грѣхѣ... Сына же ея, дѣйствительно, нашли черезъ нѣсколько времени въ Одоевскомъ уѣздѣ.

Въ 1874 году одинъ молодой приказчикъ изъ г. Б. собрался ѣхать въ Москву искать себѣ тамъ мѣста, но предварительно заѣхалъ къ батюшкѣ о. Амвросію попросить совѣта и благословенія. Батюшка, принявъ его, говорить: «Не всѣмъ жить въ Москвѣ, а поѣзжай въ Воронежъ». – «Но у меня тамъ нѣтъ никого знакомыхъ!» – отозвался молодой человѣкъ. – «Ничего, познакомишься!» – сказалъ Батюшка. По благословенію Старца, по-

ѣхаль онъ въ Воронежъ, прожилъ тамъ съ недѣлю и, не найдя мѣста, съ горечью направился обратно. Доѣхавъ до Тулы, онъ остановился въ гостиницѣ и здѣсь познакомился съ однимъ воронежскимъ мучнымъ торговцемъ, который и нанялъ его къ себѣ на службу. Черезъ три года онъ женился и теперь продолжаетъ жить въ Воронежской губерніи и ведетъ большую торговлю хлѣбомъ.

Вдова протоіерея обратилась за совѣтомъ: женить ли сына, кончившаго курсъ семинаріи, или продолжать ему учиться дальше? Старецъ благословилъ продолжать ученіе. Но совѣта не послушали. Прельстившись хорошимъ мѣстомъ, богатою и красивою невѣстою, семинаристъ занялъ мѣсто священника. Однако онъ былъ счастливъ недолго. Семейная жизнь его сложилась очень печально, и черезъ 7 лѣтъ онъ умеръ отъ чахотки въ домѣ своихъ родителей.

Священникъ С. рассказывалъ объ одномъ извѣстномъ ему священникѣ, что онъ, будучи еще молодымъ человѣкомъ, задумалъ жениться на своей троюродной сестрѣ. Его отецъ, благочестивый старикъ-священникъ, не одобрялъ брака съ родственницей и не давалъ своего благословенія. Матери жениха и невѣсты, наоборотъ, очень хотѣли этого брака. Ввиду разногласія рѣшено было обратиться за совѣтомъ къ тогда еще живому старцу Амвросію. Написали ему письмо, въ которомъ изложили всѣ обстоятельства дѣла и просили его благословенія на предполагаемый бракъ. Старецъ отвѣтилъ: «Жениться по церковнымъ правиламъ можно, но бракъ будетъ несчастнымъ».

Матери, которымъ очень хотѣлось устроить этотъ бракъ, не обратили вниманія на послѣднія слова отвѣта и говорили даже: «Старець – не пророкъ, да вѣдь и самъ онъ пишетъ – жениться можно, такъ чего же еще раздумывать!»

Бракъ состоялся. Молодой мужъ вскорѣ получилъ мѣсто народнаго учителя и уѣхалъ съ женою на мѣсто службы. Прошло нѣсколько времени, и женѣ предстояло уже стать матерью. Въ это время пріѣхалъ въ школу для ревизіи инспекторъ народныхъ училищъ и потребовалъ удаленія изъ школьнаго помѣщенія жены учителя. Не зная, что дѣлать, учитель рѣшился, наконецъ, отправить свою жену въ городъ, въ земскую больницу, гдѣ ее, по ошибкѣ, положили въ отдѣленіе для заразныхъ больныхъ. Здѣсь, на ея глазахъ, умерла отъ родовъ больная тифомъ женщина. Все это такъ потрясло ее, что съ нею сдѣлалось острое помѣшательство, во время котораго она и родила здороваго младенца. Съ этихъ поръ она уже никогда не приходила въ полное сознаніе. Временами ей становилось лучше, но разъ въ мѣсяцъ всегда повторялся припадокъ буйства, во время котораго за нею надо было строго слѣдить, чтобы она не причинила вреда себѣ или другимъ. И вотъ однажды (въ это время у нихъ на квартирѣ жилъ какой-то пиротехникъ), когда больную по неосторожности оставили одну въ домѣ, она взяла бывшую въ комнатѣ у пиротехника бутылку съ порохомъ и бросила ее въ горящую печь.

Раздался страшный взрывъ. Домъ разрушился. Обломками дома тяжело была ранена больная. Впослѣдствіи мужъ этой несчастной принялъ священство и,

вспоминая предсказаніе Старца и свое ослушаніе, съ терпѣніемъ несъ свой тяжкій крестъ, видя въ немъ особое дѣйствіе Промысла Божія, скорбями ведущаго его ко спасенію.

Одна монахиня задумала ради батюшки о. Амвросія перейти изъ богатаго монастыря Западнаго края въ бѣдную Шамординскую Казанскую общину.

Но потомъ на нее напалъ страхъ: что же будетъ съ нею по смерти Батюшки. Съ такими мыслями пришла она въ хибарку на благословеніе и стояла тамъ позади всѣхъ. Вдругъ Батюшка, какъ бы отвѣчая на ея сомнѣніе, сказалъ: «Помните, что старцы и по смерти своей не оставляютъ своихъ обителей». Эти слова Батюшки ее совершенно успокоили.

Съ другою шамординскою сестрою былъ слѣдующій случай. Ей нужно было обратиться къ Старцу за разъясненіемъ нѣкоторыхъ важныхъ вопросовъ своей внутренней жизни. Это было Успенскимъ постомъ, въ послѣдній годъ его жизни. Народу было много. Старецъ сильно уставалъ, и она, не надѣясь попасть къ нему на бесѣду, написала ему письмо. Дня черезъ два она была у Старца, и онъ на всѣ пункты ея письма далъ полные отвѣты, вспоминая самъ, что еще тамъ было написано. Сестра ушла отъ Старца утѣшенная и успокоенная, не подозрѣвая, однако, какое чудо прозорливости Старца совершилось надъ ней. Въ октябрѣ Старецъ скончался, и черезъ шесть недѣль, при разборкѣ его келейныхъ бумагъ, нашли нераспечатанное письмо на его имя; такъ какъ на конвертѣ было также надписано и отъ кого оно, то его и возвратили по принадлежности. Каково же бы-

ло удивленіе той сестры, когда она увидѣла то самое свое письмо, которое писала Успенскимъ постомъ и на которое тогда же получила такіе подробные отвѣты, не-распечатаннымъ.

Бывшая Каширская игуменія Тихона рассказываетъ.

«Послѣ кончины старца о. Макарія осиротѣвшая Бѣлевская женская обитель стала относиться въ лицѣ настоятельницы игуменіи Павлины и сестеръ къ двумъ ближайшимъ ученикамъ почившаго старца – іеросхимонахамъ Амвросію и Иларіону. Пишущая нижеслѣдующій рассказъ о старцѣ о. Амвросіи сперва относилась съ своими духовными нуждами къ о. Иларіону, а по кончинѣ его предалась въ полное послушаніе старцу о. Амвросію. Настоящій рассказъ записанъ ею еще въ 1870 году, когда она еще не была духовною дочерью старца о. Амвросія, а потому тѣмъ достовѣрнѣе ея безпристрастное отношеніе къ дивной прозорливости Старца, поразившее тогда всю Бѣлевскую обитель. Въ число сестеръ поступили въ 70-хъ годахъ двѣ пожилыя сестры – Параскева и Марія, родомъ изъ орловскихъ мѣщанъ, ихъ такъ и величали «Орловскими», потому и фамилія ихъ не была извѣстна сестрамъ монастыря. Въ то время бѣлевская игуменія Павлина начала постройку храма; по этому дѣлу она ѣздила не одинъ разъ въ С. Петербургъ къ преосвященному епископу Никандру, который былъ вызванъ на очередь въ Св. Синодъ. Въ одну изъ ея отлучекъ заболѣла воспаленіемъ старшая сестра Параскева Орловская, въ третій день она скончалась, и за отсутствіемъ м. игуменіи ее не постригли въ мантию, какъ это раньше всегда дѣлалось въ Бѣлев-

скомъ монастырѣ. Для оставшейся въ живыхъ младшей сестры Маріи этотъ случай былъ весьма печалень; она обливалась горькими слезами и со своею скорбью поѣхала въ Оптину къ батюшкѣ о. Амвросію. Старецъ утѣшалъ ее, успокоивалъ насчетъ участи почившей сестры, приводилъ въ утѣшеніе примѣръ изъ Кіевскаго патерика, гдѣ написано объ инокѣ, принявшемъ постриженіе отъ невидимой руки Ангела Божия. Марія спокойнѣе стала относиться къ смерти сестры. Мысль ея и заботы перешли на починку и поправку келліи, которая требовала ремонта, и она на общемъ благословеніи у Старца говорила ему и просила благословенія на это дѣло, но Батюшка при всѣхъ (а тутъ много было бѣлевскихъ), отвѣтилъ ей: «Не заботься о келліи; твоя келлія – гробъ въ три доски! Приложи все стараніе о переходѣ въ загробную жизнь». А обращаясь къ бѣлевскимъ сестрамъ, тутъ же бывшимъ, пѣвчимъ, сказалъ имъ: «Оставайтесь исповѣдоваться; надо васъ домой скорѣе отпускать, Машу хоронить!» Тѣ очень скоро вернулись домой и, на вопросъ сестеръ бѣлевскихъ: «Почему такъ скоро пріѣхали?» – говорили, что Батюшка поспѣшилъ ихъ отправить для похоронъ Маріи Орловской, которая, полная силъ и здоровья, осталась по благословенію Старца еще на недѣлю въ Оптинѣ. Ей было приказано поговѣть и готовиться къ постриженію въ мантию, вмѣстѣ и особороваться и пріобщиться Св. Таинъ. Марія повиновалась безпрекословно волѣ Старца. Онъ самъ ее постригъ съ переименованіемъ имени Маріониллы и, при отправленіи ея въ Бѣлевъ, написалъ собственноручно м. игуменіи Павлинѣ, что нашель необходимымъ

постричь Марію и просиль прощенья, что поступилъ такъ, заранѣе не снесясь о семъ съ игуменіей. Марія вернулась вполнѣ здоровою; понятно, какъ сестры встрѣчали ее, изумленные извѣщеніемъ заранѣе о наступающей ея кончинѣ. И что же?.. Послѣ пріѣзда, представившись м. игуменіи, передавши ей письмо Старца и испросивъ прощенье за все съ ней случившееся, она вернулась въ келлію. Въ ту же ночь заболѣла воспаленіемъ мозга, три дня была безъ памяти и на четвертый скончалась мирно, спокойно, точно заснула. Кончина Маріи произвела на всѣхъ тогда поражающее впечатлѣніе».

Разсказываль о себѣ извѣстный нынѣ священникъ села Спасъ-Чекрякъ Орловской губерніи о. Георгій Косовъ.

«Когда я пріѣхаль на свой приходъ, меня оторопь взяла: что мнѣ тутъ дѣлать?! Жить не въ чѣмъ, служить не въ чѣмъ! Домъ – старый-престарый; церковъ – пойдешь служить, того и гляди – задавить. Доходовъ почти никакихъ, – прихожане удалены и отъ храма и отъ причта. Народъ бѣдный; самимъ въ пору еле прокормиться. Что мнѣ было тутъ дѣлать? Священникъ я въ то время былъ молодой, неопытный, къ тому и здоровьемъ былъ очень слабъ, кровью кашлялъ. Матушка моя была сирота, бѣдная, безъ всякаго приданаго. Поддержки, стало быть, ни оттуда ни отсюда не было, а на рукахъ у меня были еще младшіе братья. Осталось бѣжать. Такъ я и замыслилъ. На ту пору велика была слава отца Амвросія. Пустынь Оптинская отъ насъ верстахъ въ шестидесяти. Какъ-то по лѣту – ночь безсонная – взгомо-

зился я отъ думушекъ ни свѣтъ ни заря; котомку за плечи, да и пошелъ къ нему отмахивать за благословеніемъ: уходить мнѣ изъ прихода. Часа въ четыре дня я уже былъ въ Оптиной. Батюшка меня не зналъ ни по виду, ни по слуху. Прихожу въ его «хибарку», а уже народу тамъ – тьмы: дожидаются выхода Батюшки. Сталь и я въ сторонкѣ дожидаться. Смотрю – онъ выходитъ да прямо меня черезъ всѣхъ и манить къ себѣ: «Ты, іерей, что тамъ такое задумалъ? Приходи бросать? А? Ты знаешь – Кто іереевъ-то ставитъ? А ты – бросать?! Храмъ, вишь, у него старъ, заваливаться сталь... А ты строй новый, да большой, каменный, да теплый, да полы въ немъ чтобы были деревянные: больныхъ привозить будутъ, такъ имъ чтобъ тепло было. Ступай, іерей, домой, ступай, да дурь-то изъ головы выкинь... Помни: храмъ, храмъ-то строй, какъ я тебѣ сказываю. Ступай, іерей, Богъ тебя благословить!»

А на мнѣ никакого-то и знака іерейскаго не было. Я слова не могъ вымолвить. Пошелъ я домой тутъ же. Иду да думаю: что же это такое? Мнѣ строить каменный храмъ? Съ голоду дома чуть не умираешь, а тутъ храмъ строить. Ловко утѣшаетъ, нечего сказать.

Пришелъ домой, кое-какъ отдѣлался отъ вопросовъ жены: ну, что ей было говорить?! Сказаль только, что не благословиль Старець просить перевода. Что у меня тогда въ душѣ происходило, кажется, и не передашь...

Напала на меня тоска неотвязная. Молиться хочу – молитва на умъ нейдетъ. Съ людьми, съ женой даже не разговариваю. Задумываться сталь.

И сталъ я слышать и ночью и днемъ, больше ночью, какіе-то странные голоса: уходи, говорятъ, скорѣе! Ты одинъ, а насъ много! Гдѣ тебѣ съ нами бороться! Мы тебѣ совсѣмъ со свѣту сживемъ!.. Галлюцинація. должно быть... Ну, чтобы тамъ ни было, только дошло до того, что не только во мнѣ молитвы не стало, мысли богохульные стали лѣзть въ голову... А придетъ ночь, – сна нѣтъ, и какая-то сила прямо съ постели стала сбрасывать меня на полъ, да не во снѣ, а прямо въявь, такъ-таки подниметь и швырнуть съ постели на полъ. А голоса-то все страшнѣе, все грознѣе, все настойчивѣе: ступай, ступай вонъ отъ насъ!

Я въ ужасѣ, едва не мѣшаясь разсудкомъ отъ перенесенныхъ страховъ, опять кинулся къ о. Амвросію.

Отецъ Амвросій, какъ увидалъ меня, да прямо, ничего у меня не спрашивая, и говоритъ мнѣ:

– Ну, чего испугался, іерей? Онъ одинъ, а васъ двое.

– Какъ же это такъ, – говорю, – Батюшка?

– Христось Богъ да ты – вотъ и выходитъ двое. А врагъ-то – онъ одинъ. Ступай, – говоритъ, – домой – ничего впередъ не бойся, да храмъ-то, храмъ-то большой, каменный, да чтобы теплый, не забудь строить. Богъ тебѣ благословить!

Съ тѣмъ я и ушелъ. Прихожу домой, съ сердца точно гора свалилась. И отпали отъ меня всѣ страхованія. Сталъ я тутъ и Богу молиться. Поставишь въ церкви себѣ аналойчикъ за лѣвымъ клиросомъ предъ иконой Царицы Небесной, затеплишь лампадочку, зажжешь свѣчку да и начнешь въ одиночку въ храмъ канонъ Ей читать. Кое-что изъ другихъ молитвъ сталъ добавлять.

Смотрю, такъ, черезъ недѣлку-другую, одинъ пришелъ въ церковь, сталъ себѣ въ уголку, да со мной Богу вмѣстѣ молится, тамъ – другой, третій, а тутъ уже и вся церковь полна стала набираться»...

Прибавимъ къ этому, что теперь у о. Георгія выстроены его попеченіемъ большой храмъ каменный, страннопріимная, пріюты, школы; и идутъ къ нему со всѣхъ концовъ Россіи богомольцы за совѣтомъ, благословеніемъ, молитвой и утѣшеніемъ.

Еще поразительный случай. Иконостасный мастеръ изъ К. передавалъ слѣдующее: «Незадолго до кончины Старца, годочка этакъ за два, надо было мнѣ ѣхать въ Оптину за деньгами. Иконостасъ тамъ мы дѣлали, и приходилось мнѣ за эту работу отъ настоятеля получить довольно крупную сумму денегъ. Получилъ я свои деньги и передъ отъѣздомъ зашелъ къ старцу Амвросію благословиться на обратный путь. Домой ѣхать я торопился: ждалъ на слѣдующій день получить заказъ большой – тысячъ на десять, и заказчики должны были быть непременно на другой день у меня въ К. Народу въ этотъ день у Старца, по обыкновенію, была гибель. Прозналъ онъ это про меня, что я дожидаюсь, да и велѣлъ мнѣ сказать чрезъ своего келейника, чтобы я вечеромъ зашелъ къ нему чай пить.

Хоть и надо мнѣ было торопиться ко двору, да честь и радость быть у Старца и чай съ нимъ пить были такъ велики, что я разсудилъ отложить свою поѣздку до вечера, въ полной увѣренности, что хоть всю ночь проѣду, а успѣю вовремя попасть. Приходитъ вечеръ, пошелъ я къ Старцу. Принялъ меня Старецъ та-

кой-то веселый, такой-то радостный, что я и земли под собою не чувствую. Продержалъ меня Батюшка, ангель нашъ, довольно-таки долго, уже почти смерклось, да и говорить мнѣ: «Ну, ступай съ Богомъ. Здѣсь ночуй, а завтра благословляю тебя идти къ обѣднѣ, а отъ обѣдни чай пить заходи ко мнѣ». «Какъ же это такъ?!» – думаю я. Да не посмѣлъ Старцу перечить. Переночеваль, былъ у обѣдни, пошелъ къ Старцу чай пить, а самъ скорблю о своихъ заказчикахъ и все соображаю: авось, молъ, успѣю хотя къ вечеру попасть въ К. Какъ бы не такъ! Отпили чай. Хочу это я Старцу сказать: благословите домой ѣхать, а онъ мнѣ и слова не далъ выговорить: «Приходи, – говорить, – сегодня ночевать ко мнѣ». У меня даже ноги подкосились, а возражать не смѣю. Прошелъ день, прошла ночь! Наутро я уже осмѣлѣлъ и думаю: была не была, а ужъ сегодня я уѣду; авось денекъ-то мои заказчики меня подождали. Куда тебѣ! И рта мнѣ не далъ Старецъ разинуть. «Ступай-ка, – говорить, – ко всенощной сегодня, а завтра къ обѣднѣ. У меня опять сегодня заночуй!» Что за притча такая! Тутъ ужъ я совсѣмъ заскорбѣлъ и, признаться, погрѣшилъ на Старца: вотъ-те и прозорливецъ! Точно не знаешь, что у меня, по его милости, ушло теперь изъ рукъ выгодное дѣло. И такъ-то я былъ на Старца непокоень, что и передать вамъ не могу. Ужъ не до молитвы мнѣ было въ тотъ разъ у всенощной – такъ и толкаетъ въ голову: вотъ тебѣ твой Старецъ! Вотъ тебѣ и прозорливецъ!.. Свистить теперь твой заработокъ... Ахъ, какъ мнѣ было въ то время досадно!

А Старець мой, какъ на грѣхъ, ну, точно вотъ, прости Господи, въ издѣвку мнѣ, такой меня, послѣ всенощной, радостный встрѣчаетъ!.. Горько, обидно мнѣ стало: и чему, думаю я, онъ радуется... А скорби своей все-таки вслухъ высказать не осмѣливаюсь. Заночеваль я такимъ-то порядкомъ и третью ночь. За ночь скорбь моя понемногу поулеглась: не воротишь того, что плыло, да сквозь пальцы уплыло... Наутро прихожу отъ обѣдни къ Старцу, а онъ мнѣ: «Ну, теперь пора тебѣ и ко двору! Ступай съ Богомъ! Богъ благословить! Да по времени не забудь Бога поблагодарить!...»

И отпала тутъ отъ меня всякая скорбь. Выѣхаль я себѣ изъ Оптиной Пустыни, а на сердцѣ-то такъ легко и радостно, что и передать невозможно... Къ чему только сказалъ это Батюшка: по времени не забудь Бога поблагодарить!.. Должно, думаю, за то, что Господь въ храмѣ три дня подрядъ удостоилъ побывать. Ёду я домой неспѣшно и о заказчикахъ своихъ вовсе не думаю: ужъ очень мнѣ отрадно было, что Батюшка со мною такъ обошелся.

Пріѣхаль я домой, и чтобы вы думали? Я въ ворота, а заказчики мои за мной: опоздали, значить, противъ уговору на трое сутокъ пріѣхать. Ну, думаю: ахъ ты, мой старчикъ благодатный! Ужъ подлинно – дивны дѣла Твои, Господи!.. Однако не тѣмъ еще все это кончилось. Вы послушайте-ка, что дальше-то было! Прошло съ того времени не мало. Померъ нашъ отецъ Амвросій. Года два спустя послѣ его праведной кончины заболѣваетъ у меня мой старшій мастеръ. Довѣренный онъ былъ у меня человѣкъ, и не работникъ былъ, а прямо – золо-

то. Жиль онъ у меня безысходно годовъ поболѣе двадцати. Заболѣваетъ къ смерти. Послали мы за священникомъ, чтобы поисповѣдовать и причастить, пока въ памяти. Только, смотрю, идетъ ко мнѣ отъ умирающаго священникъ да и говорить: «Больной васъ къ себѣ зоветъ, видѣтъ васъ хочетъ. Торопитесь, какъ бы не померъ». Прихожу къ больному, а онъ, какъ увидѣлъ меня, приподнялся кое-какъ на взлокоточки, глянулъ на меня да какъ заплачетъ: «Прости мой грѣхъ, хозяинъ! Я вѣдь тебя убить хотѣлъ...»

— Что ты, Богъ съ тобой! Бредишь ты...

— Нѣтъ, хозяинъ, вѣрно тебя убить хотѣлъ. Помнишь, ты изъ Оптиной запоздалъ на трое сутокъ приѣхать. Вѣдь насъ трое, по моему уговору, три ночи подрядъ тебя на дорогѣ подъ мостомъ караулили; на деньги, что ты за иконостасъ изъ Оптиной везъ, позавиствовали. Не быть бы тебѣ въ ту пору живымъ, да Господь, за чьи-то молитвы, отвелъ тебя отъ смерти безъ покаянія... Прости меня, окаяннаго, отпусти, Бога ради, съ миромъ мою душеньку.

— Богъ тебя прости, какъ я прощаю!

Тутъ мой больной захрипѣлъ и кончаться началъ. Царствіе Небесное его душенькѣ! Великъ былъ грѣхъ, да велико и покаяніе!»

Замѣчательнъ случай, бывшій съ К. Н. Леонтьевымъ⁴², проживавшимъ тогда въ Оптиной Пустыни. По

⁴² К. Н. Леонтьевъ, известный писатель и публицистъ, былъ одно время русскимъ консуломъ въ Турціи. Совершенно холодный и равнодушный къ вѣре и религіи, онъ, въ одно изъ своихъ посѣщеній Аѳона, подъ вліяніемъ бесѣдъ съ тамошними старцами Іеронимомъ и Макаріемъ, совершенно возродился духовно и сталъ глубоко вѣрующимъ

переселеніи Старца въ Шамордино онъ задумаль уходить оттуда. Въ августъ 1891 года, мѣсяца за два до кончины Старца, онъ пріѣхаль къ нему въ Шамордино и, получивъ отъ него благословеніе на перемѣщеніе въ Сергіевскій Посадъ, простился съ нимъ. Старець съ

христіаниномъ. Затѣмъ, по возвращеніи въ Россію, онъ познакомился и съ Оптиной Пустынью и съ старцемъ Амвросіемъ.

Отець Амвросій имѣлъ сильное вліяніе на К. Н. Леонтьева въ послѣдніе годы его жизни. Самъ Леонтьевъ рассказываетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, что въ первыя пять лѣтъ своего знакомства со Старцемъ онъ никакъ не могъ подойти къ нему, сблизиться съ нимъ и получать отъ него духовную пользу, однако постоянное и мягкое воздѣйствіе Старца оказало свое вліяніе на Леонтьева, и въ 1879 году въ его отношеніи къ Старцу произошла рѣзкая перемена, – онъ сталъ съ любовью во всемъ его слушаться и съ этихъ поръ, до конца своей жизни, въ продолженіе 11 лѣтъ оставался его вѣрнымъ и преданнымъ ученикомъ.

«... Въ 1847 году я пріѣхаль изъ Турціи, «обвѣянный Аѳонскимъ воздухомъ», и вскорѣ поѣхаль въ Оптину. Отець Амвросій мне чрезвычайно понравился; но я все-таки въ теченіе 5 лѣтъ не получаль отъ него тѣхъ утѣшеній, которыя получаль отъ болѣе суроваго Іеронима Аѳонскаго. А душевная моя жизнь была очень сложная, трудная, очень запутанная – и сердечно, и хозяйственно и т. д. Ужаснѣе всего было то, что надо было говорить о. Амвросію все кратко, все только въ окончательномъ выводѣ, безъ всякихъ объясненій. Это была мука – послѣ Іеронима, который со мной беседоваль, спрашиваль, про себя рассказываль, объясняль, благословляль и т. д., – слышать всякій разъ: «Вы покороче; я утомленъ; я очень слабъ; вы безъ предисловія; ждѣть игуменія; ждѣть одна купчиха-вдова уже 3-й день. Поскорѣ!» и т. д.

Климентъ вырочаль, конечно; онъ разсуждалъ за Старца; онъ употребляль всѣ усилія, чтобы пріучить меня къ нему. Я старался – 5 лѣтъ ѣздилъ въ Оптину и очень любилъ туда ѣздить, но гораздо больше черезъ Климента, чѣмъ черезъ о. Амвросія.

Когда Климентъ умеръ, и я сидѣль въ залыцѣ о. Амвросія, ожидая, чтобы меня позвали, – я помолился на образъ Спаса и сказалъ про себя: «Господи! наставъ же Старца такъ, чтобы онъ былъ опорой и утѣшеніемъ! Ты знаешь мою борьбу». И вотъ о. Амвросій на этотъ разъ продержаль меня долго, успокоилъ, наставилъ, и съ той минуты все пошло совсемъ иначе. Я сталъ съ любовью его слушаться, и онъ, видимо, очень меня любилъ и всячески меня утѣшалъ!...»

особенною любовью благословилъ его и сказалъ при этомъ: «Скоро увидимся». К. Н. Леонтьевъ не придалъ сначала этимъ словамъ особеннаго значенія, но когда, два мѣсяца спустя, узналъ о кончинѣ Старца, взволновался и сталъ говорить: «Значить, и я скоро умру!» И дѣйствительно, не прошло и сорока дней послѣ смерти Старца, какъ К. Н. заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ и скончался въ ноябрѣ того же 1891 года. — Замѣчательно еще, что К. Н. Леонтьевъ, страдая очень тяжелою внутреннею болѣзнью, со страхомъ думалъ о томъ, что его смерть отъ этой болѣзни будетъ очень мучительная. Но Старецъ его всегда успокоивалъ и говорилъ: «Нѣтъ, ты не отъ этой болѣзни умрешь». Такъ и вышло: К. Н. Леонтьевъ умеръ отъ воспаленія легкихъ, одной изъ наименѣе мучительныхъ болѣзней.

Тотъ же К. Н. Леонтьевъ сообщаетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ слѣдующій случай прозорливости старца Амвросія.

«Около бывшаго моимъ Кудинова въ Мещевскомъ уѣздѣ есть деревня Карманово г. Раевского; въ Кармановѣ есть молодой мужикъ Егоръ; былъ въ солдатахъ и пришлось ему въ числѣ другихъ 15 человекъ вынимать жребій, кому возвращаться домой съ билетомъ. Онъ помолился: «Илья пророкъ! Отецъ Амвросій! Успенье Божіей Матери! помогите, чтобы домой уйти!» Жребій выпалъ сообразный его желанію. Егоръ обѣщалъ сходить въ Оптину. Возвратившись домой, сталъ, какъ водится, откладывать, забывать. Вдругъ онъ тяжело заболѣваетъ. Лежалъ долго, но въ памяти. Конечно, сталъ каяться и снова молиться. Однажды лежитъ онъ и ви-

дить: входитъ старичокъ монахъ въ коротенькой свиточкѣ, въ старой шапочкѣ, подходитъ и говорить ему: «Богъ тебѣ поможетъ, а исполнить обѣщаніе надо». И ушелъ. Были родные въ избѣ, но кромѣ его никто не видалъ. Такъ какъ это было не во снѣ (что свидѣтельствуя и родные, т. е. что онъ не спалъ), то его это сильно поразило, конечно. Вскорѣ послѣ этого онъ поправился, разсказалъ роднымъ о видѣніи своемъ, и такъ какъ онъ не только никогда самого о. Амвросія не видалъ, но даже и портрета его, а слышалъ, что у помѣщика есть карточка, то пошелъ къ Раевскому и увидалъ, что это тотъ самый старичокъ! На дняхъ онъ пришелъ сюда, и Старецъ его принялъ. Когда онъ разсказалъ ему все, о. Амвросій сказалъ ему: «Это по твоей вѣрѣ – Богъ тебѣ послалъ, и за то, что ты не пьяница, въ семьѣ хорошо живешь и чернымъ словомъ никогда не бранишься». Это и Егора и насъ всѣхъ особенно поразило. Дѣйствительно, Егоръ таковъ и никогда дурными словами не ругается! Отецъ же Амвросій до этого свиданія, конечно, и понятія объ немъ не имѣлъ (его деревня верстъ 70 отсюда)»...

Однимъ изъ послѣднихъ случаевъ прозорливости Старца былъ слѣдующій. Во время поминальной трапезы въ Шамординѣ, тотчасъ послѣ отпѣванія батюшки отца Амвросія, произошло событіе, которое произвело на всѣхъ присутствовавшихъ сильное впечатлѣніе. Одна изъ присутствовавшихъ за трапезой вмѣстѣ съ своимъ мужемъ духовная дочь Старца просила какъ-то у Батюшки совѣта и благословенія – взять какого-либо ребенка на воспитаніе. Въ 1890 году, почти въ самую же

половину октября, Старецъ сказалъ ей въ отвѣтъ на ся просьбу: «Погодите, черезъ годъ я самъ укажу вамъ для усыновленія ребенка». За обѣдомъ пріѣхавшіе на похороны супруги съ горестью вспомнили слова Старца и пожалѣли, что кончина Батюшки не дала ему исполнить своего обѣщанія. Но еще не успѣлъ окончиться обѣдъ, какъ пронесся слухъ, что у крыльца начальническаго корпуса, гдѣ гости обѣдали, нашли подкинутаго младенца. Когда объ этомъ услыхала бездѣтная супруга, она кинулась къ малюткѣ и съ чувствомъ глубокаго умиленія воскликнула: «Это Батюшка послалъ мнѣ дочку». И ребенокъ былъ увезенъ ею съ собою и впослѣдствіи усыновленъ.

Кромѣ случаевъ прозорливости извѣстны еще многіе случаи, когда по молитвамъ Старца больные получали исцѣленіе. Такіе случаи бывали какъ при жизни Старца, такъ и по кончинѣ его.

При жизни Батюшки многіе обращались къ нему съ просьбою помолиться объ исцѣленіи отъ тяжкихъ болѣзней. И большею частью, въ крайнихъ случаяхъ, когда врачебное искусство оказывалось безсильнымъ. Въ такихъ случаяхъ Старецъ чаще всего совѣтовалъ воспользоваться Таинствомъ елеосвященія, причемъ объяснялъ и въ письмахъ и лично, что посредствомъ сего Св. Таинства человекъ получаетъ разрѣшеніе отъ всѣхъ забвенныхъ и недоумѣнныхъ грѣховъ, и что многіе совершенно неправильно отлагаютъ совершеніе этого таинства до самой кончины.

Иногда же Старецъ назначалъ служить молебны предъ мѣстными чудотворными иконами или посылалъ

въ Тихонову пустынь (18 версть отъ Калуги) помолиться угоднику Божію Тихону Калужскому и покупаться въ его цѣлебномъ колодцѣ. Но иногда, по данной ему отъ Господа благодати, исцѣлялъ и своею непосредственною молитвою, какъ показываютъ слѣдующіе, напри-мѣръ, случаи. Вышеупомянутая духовная дочь о. Амвросія, А. А. Шишкова, рассказываетъ о себѣ: «Въ 1877 году я очень хворала, почти годъ, сильною горловою болѣзною, вслѣдствіе простуды. Едва могла я глотать одну жидкую пищу. Жила я тогда въ деревнѣ и лѣчилась. Доктора, видя, что болѣзнь моя усиливается, посо-вѣтовали мнѣ ѣхать въ Москву, созвать консилиумъ и жить за границей въ тепломъ климатѣ. Въ это время въ сосѣдній женскій Троекуровскій монастырь пріѣхала г-жа Ключарева, жившая со своими внучками при Оптиной Пустыни, гдѣ вблизи было у нея свое имѣніе.

Узнавъ, что я такъ хвораю, она предложила монахи-нямъ передать мнѣ ея совѣтъ – обратиться къ Опти-нскому старцу о. Амвросію письменно и просить его мо-литвъ. Сначала я не обратила вниманія на эти слова. Но, видя ухудшеніе своего болѣзненнаго состоянія, рѣши-лась написать Старцу (хотя и не знала его), прося его молитвъ за меня, болящую. Батюшка скоро мнѣ отвѣ-тилъ: «Пріѣзжай въ Оптину, ничтоже сумняся; только отслужи молебень Спасителю, Божіей Матери, св. Іоан-ну Воину и свт. Николаю Чудотворцу». Предложеніе поѣхать въ Оптину Пустынь меня сильно устратило, ибо я знала, какой длинный и трудный путь предстояло мнѣ совершить, между тѣмъ какъ отъ истощенія силъ я не могла вставать.

Какъ я поѣду! – думалось мнѣ. Но подчеркнутыя слова – «ничтоже сумняся» – подкрѣпили мой духъ и мои силы, и я, несмотря на просьбу дѣтей не ѣхать и на убѣжденіе доктора, пригласила священника, отслужила молебень и на другой же день поѣхала, сначала въ каретѣ, а тамъ по желѣзной дорогѣ и снова на лошадахъ. По пріѣздѣ въ Оптину я просила узнать у Батюшки въ Ски-ту, когда могу къ нему пріѣхать. Онъ приказалъ мнѣ ска-зать, чтобы я сейчасъ отдыхала, а на другой день пошла бы къ обѣднѣ и оттуда къ нему... Такъ я и сдѣлала... Ког-да я вошла къ Батюшкѣ въ комнату съ г-жею Ключаре-вою, она, ставши передъ нимъ на колѣни, начала со сле-зами просить: «Батюшка, исцѣлите ее, какъ вы умѣете исцѣлять». Сильно Старецъ разгнѣвался на эти слова и приказалъ г-жѣ Ключаревой немедленно удалиться. Мнѣ же сказалъ: «Не я исцѣляю, а Царица Небесная; об-ратись и помолись Ей». Въ углу комнаты висѣлъ образъ Пресвятой Богородицы. Потомъ онъ спросилъ, гдѣ бо-леть горло. Я показала правую сторону горла. Старецъ съ молитвою три раза перекрестилъ больное мѣсто. Тутъ же какъ будто нѣкоторую бодрость я получила. Принявъ благословеніе у Батюшки и поблагодаривъ его за милос-тивный пріемъ, я удалась. Прихожу въ гостиницу, гдѣ меня ожидалъ мужъ и одна знакомая дама В. Д. М.-П. При нихъ-то я попробовала проглотить кусочекъ хлѣба, чтобы удостовѣриться, лучше ли мнѣ стало за молитва-ми Старца. Прежде я не могла глотать ничего твердаго. И вдругъ – какая же была моя радость! – я безъ боли, очень легко, могла все ѣсть, и до сихъ поръ боль ни разу не возвращалась, – вотъ уже прошло тому 15 лѣтъ!»

Приводимъ разсказъ г-жи В. Д. М.-П. о чудесномъ выздоровленіи ея сына.

«27 мая 1878 года четырнадцатилѣтній сынъ нашъ Дмитрій заболѣлъ непонятнымъ для насъ недугомъ: страданіемъ уха, головы и челюстей, съ сильною течью изъ праваго уха и жаромъ, доходившимъ до 40 градусовъ. При этомъ онъ лишился слуха. Ночью онъ стоялъ, кричалъ отъ боли, бредилъ. Его сонъ былъ безпокойный, прерывистый; но часто ночи проходили совсѣмъ безъ сна. Мы приписывали эти страданія внутреннему нарыву въ ухѣ и очень боялись послѣдствій. Приглашенный докторъ – специалистъ по ушнымъ болѣзнямъ г. Бѣляевъ, по тщательномъ осмотрѣ больного, объявилъ намъ, что у нашего сына очень серьезный случай ушного катара, происшедшаго вслѣдствіе воспаленія средняго уха, и что этотъ упорный катаръ произвелъ прободеніе барабанной перепонки. Эта болѣзнь признается неизлѣчимою. Докторъ Бѣляевъ, между прочимъ, сталъ насъ утѣшать, говоря, что надежда есть на молодые годы больного, что въ этой болѣзни необходимо большое терпѣніе, что въ отдаленномъ будущемъ можно надѣяться на поправку и т. п. Присутствіе же нарыва онъ положительно отрицалъ. Послѣ двухъ недѣль то усиливающихся, то ослабѣвающихъ страданій докторъ посовѣтовалъ намъ перевезти сына въ деревню на чистый воздухъ, такъ какъ у больного явилось сильное малокровіе, страшная блѣдность и упадокъ силъ. Повинуясь совѣту врача, мы бережно перевезли сына въ деревню (въ Можайскомъ уѣздѣ Московской губерніи), надѣясь на благотворное вліяніе перемѣны воздуха. Въ

самый день прїѣзда страданія больного до того усилились, что лицо его искажалось, глаза съ трудомъ открывались, и очень часто мучительные крики стали раздаваться по всему дому... Съ каждымъ днемъ страданія и слабость усиливались, такъ что больному трудно было приподнимать голову съ подушки, и малѣйшій шумъ или даже звукъ причинялъ ему крайнія страданія. Вообще состояніе его казалось безнадежнымъ, но Господь великъ и милостивъ. 24 іюня мой мужъ прїѣхалъ изъ Москвы въ деревню и предложилъ мнѣ всей семьей ѣхать помолиться и поговѣть въ Оптину Пустынь и тамъ попросить благословенія и св. молитвъ о. Амвросія. Уѣзжая, мы поручили больного сына попеченію учителя и старой няни, которые оба его любили и въ которыхъ мы были увѣрены.

Прїѣхавъ 26 іюня въ Оптину Пустынь, мужъ мой, двѣ дочери, племянникъ, воспитанница, горничная и я — всѣ мы отправились въ Скитъ къ о. Амвросію и передали Батюшкѣ о состояніи нашего больного сына и просили его св. молитвъ о болящемъ. Батюшка спокойно отвѣтилъ намъ, привѣтливо улыбаясь: «Ничего, ничего, успокойтесь, все пройдетъ; молитесь только Богу». Каждый день мы стали посѣщать о. Амвросія, и Батюшка былъ настолько милостивъ, что бесѣдовалъ съ нами подолгу и тѣмъ подкрѣплялъ насъ всѣхъ, говоря, что «молитва родителей доходна до Бога; вѣруйте только въ Его милосердіе и молитесь, и Господь васъ утѣшитъ». Мы говорили ему, что не надѣемся на свои грѣшныя молитвы, а уповаемъ на его ходатайство и св. молитвы. Онъ далъ намъ понять, что Господь насъ об-

радуешь. По совѣту и благословенію Старца мы пребыли въ Оптинѣ еще три дня, чтобы поговѣть. Исповѣдь у него оставила въ насъ глубокое впечатлѣніе... 1 іюля, получивъ извѣстіе о сынѣ, что его невыносимо-болѣзненное состояніе ухудшается съ каждымъ днемъ, и что по-видимому надо ожидать близкаго конца, мы рѣшились, не медля, принявъ благословеніе о. Амвросія, тотчасъ пуститься въ обратный путь. Но Батюшка благословилъ намъ выѣхать только на другой день. 2 іюля, послѣ ранней обѣдни, въ 9 часовъ утра мы всѣ пришли къ Старцу. Онъ всѣхъ насъ благословилъ съ лаской и напутственнымъ словомъ и, обращаясь къ моему мужу и мнѣ, сказалъ: «Не беспокойтесь и не огорчайтесь; поѣзжайте съ миромъ, надѣйтесь на милосердіе Божіе, и вы будете утѣшены. Молитесь Богу, молитесь Богу! Вы будете обрадованы». Потомъ онъ подаль мнѣ два небольшіе креста, надѣтые на пояски съ вытканными на нихъ молитвами: одна св. Тихону Задонскому, а другая – свт. Николаю Чудотворцу – для меня и для нашего сына со словами: – «Передай сыну мое благословеніе». Уходя, мы еще разъ усердно просили его молитвъ. «Хорошо, хорошо, – отвѣчалъ онъ поспѣшно и тотчасъ прибавилъ: – И вы молитесь Богу». Благословивши всѣхъ, онъ насъ отпустилъ.

Черезъ часъ мы пустились въ обратный путь домой къ сыну. На станцію (въ 10 верстахъ отъ имѣнія) мы прибыли 3 іюля въ четыре часа утра. Кучера, ожидавшіе насъ съ экипажами, передали намъ, что страданія нашего сына съ нашего отъѣзда все усиливались, и состояніе его здоровья ухудшалось съ каждымъ днемъ; особенно

2 іюля онъ страдалъ невыносимо, и крики его раздирали душу каждого, до кого они доносились. Сна не было цѣлый день, такъ же какъ и двѣ предыдущія ночи, и силы больного совсѣмъ упали. Учитель и няня собирались было уже послать въ Москву за докторомъ, когда получена была наша телеграмма о нашемъ возвращеніи изъ Оптиной. Съ невыразимымъ трепетомъ и сердечной тоской мы поѣхали со станціи... Вдругъ, не доѣзжая двухъ верстъ до нашего имѣнія, мысли мои были прерваны внезапной остановкой нашего экипажа. Воспитатель нашего сына на всемъ скаку подъѣзжалъ къ намъ, и въ эту минуту я подумала, что вѣрно все кончено, и его уже нѣтъ на свѣтѣ. Но воспитатель, которому сынъ нашъ былъ поручень, объявилъ намъ съ большой радостью, что съ больнымъ произошелъ какой-то необычный случай, или кризисъ (какъ онъ сказалъ), и что онъ въ настоящее время совершенно здоровъ. «Здоровъ?» – Ушамъ не вѣрилось. «Да, – повторилъ онъ, – слава Богу, Дмитрій совершенно здоровъ». Въ короткихъ словахъ онъ передалъ намъ, какъ произошло чудесное выздоровленіе. Послѣ мучительно проведенныхъ сутокъ (2 іюля) умирающій мальчикъ, изнуренный и разбитый, заснулъ вдругъ крѣпкимъ сномъ въ 11 часовъ ночи, – и сонъ его былъ тихъ и покоенъ. Такимъ образомъ онъ проспалъ до 4 $\frac{1}{2}$ часовъ утра (3 іюля). Когда онъ проснулся, то былъ совершенно здоровъ, бодръ и силенъ. Течь изъ уха прекратилась, и слухъ вернулся: осталась только блѣдность. «Теперь онъ встаетъ, – прибавилъ воспитатель, – и одѣвается, хочетъ васъ встрѣтить на ногахъ»... Трудно передать то, что мы почувствовали

при этомъ извѣстіи. Слезы радости и глубокой благодарности къ Господу текли изъ глазъ нашихъ. Въ душѣ мы горячо славили и благодарили Бога и любвеобильнаго молитвенника о. Амвросія... Мы спѣшили домой. Мы не ѣхали, а летѣли. Когда мы вошли въ залу нашего дома, дверь Митиной комнаты отворилась, и на порогѣ ея явился еще страшно блѣдный, но здоровый и веселый сынъ нашъ. Голова его еще укутана была бѣлыми платками. Въ эту минуту онъ напоминалъ собою воскресшаго Лазаря. Онъ радостно бросился насъ обнимать, и обоюднымъ разспросамъ не было конца. Я передала ему привезенный мною крестъ, присланный ему о. Амвросіемъ, и Митя приложился къ нему и надѣлъ на себя съ благоговѣніемъ. Съ этого дня силы его все болѣе и болѣе укрѣплялись, аппетитъ вернулся; течь изъ уха болѣе не возвращалась, и слухъ сталъ одинаково хорошъ на оба уха. Черезъ недѣлю онъ уже могъ приняться за умственные занятія и ѣздилъ верхомъ... Въ этомъ же году мы пригласили докторовъ на консиліумъ, и г. Бѣляевъ, послѣ долгаго осмотра нашего сына, не могъ опредѣлить, въ какомъ именно ухѣ было прободеніе барабанной перепонки; и только послѣ того, какъ мы указали ему правое ухо, онъ замѣтилъ небольшой рубецъ и долженъ былъ признать это дѣло сверхъестественнымъ. Вотъ совершенно истинная, хотя, быть можетъ, и неумѣлая передача чудеснаго событія, совершившагося въ нашей семьѣ по молитвамъ любвеобильнаго, дорогого старца Оптиной Пустыни, родного батюшки о. Амвросія, память о которомъ никогда не изгладится изъ нашихъ признательныхъ сердецъ».

Одну свою духовную дочь г-жу Б. и ея сына Старець настойчиво задержалъ въ Оптиной Пустыни на одни сутки и тѣмъ предохранилъ ихъ отъ поѣздки въ томъ самомъ поѣздѣ, съ которымъ произошла Кукуевская катастрофа.

«Однажды лѣтомъ, – рассказывалъ оптинскій монахъ о. П. – пришлось мнѣ быть въ Калугѣ. На возвратномъ пути въ Оптину Пустынь догналъ меня священникъ съ женою и мальчикъ лѣтъ одиннадцати. Разговорившись про батюшку о. Амвросія, священникъ о. Іоаннъ сказалъ, что приходъ его недалеко отъ станціи Подборокъ, и что мальчикъ этотъ, его сынъ, рождень по св. молитвамъ старца о. Амвросія. Жена священника подтвердила слова мужа. «Истинная правда, – сказала она. У насъ дѣтокъ не было. Мы скучали и часто пріѣзжали къ Батюшкѣ, который насъ утѣшалъ, говоря, что онъ молится за насъ Богу. У насъ и родился вотъ этотъ самый мальчикъ. Кромѣ него у насъ дѣтей нѣтъ». Священникъ рассказалъ при этомъ слѣдующее: «Въ одно время заболѣлъ у нашего сына глазъ. Поѣхали мы съ женою и съ нимъ въ Козельскъ къ доктору, но предварительно заѣхали въ Оптину и пришли къ о. Амвросію. Старець, благословивъ мальчика, началъ слегка ударять по больному глазу. У меня волосъ дыбомъ всталъ изъ опасенія, что Старець повредитъ мальчику глазъ. Мать заплакала. И что же оказалось? Приходимъ мы отъ Старца въ гостиницу, и мальчикъ заявляетъ намъ, что глазу его лучше, и боль въ немъ утишилась, а затѣмъ и совсѣмъ прошла. Поблагодаривъ Батюшку, мы возвратились домой, славя и благодаря Бога»».

Интересенъ разсказъ скитскаго монаха Нестора. «1873 г. 1 декабря я съ нѣкоторыми изъ братіи былъ постриженъ въ мантию, отъ которой принялъ меня подъ свое духовное руководство приснопамятный старецъ, батюшка о. Амвросій. Въ маѣ мѣсяцѣ слѣдующаго года я имѣлъ намѣреніе побывать на своей родинѣ. Помолвившись на могилкахъ нашихъ приснопамятныхъ старцевъ, пошелъ я къ настоятелю, батюшкѣ о. Исаакію, и объяснилъ ему свою просьбу. Выслушавъ меня, онъ и говорить: «Что же, у Старца былъ?» – Отвѣчаю: «Нѣтъ, батюшка, еще не былъ!» – «Ну, такъ иди къ нему, – что онъ скажетъ. А я, братъ, рѣшаю рѣшенное. Если онъ благословитъ и найдетъ, что эта поѣздка не послужитъ тебѣ во вредъ, то я удерживать не стану; но только долго не заживайся тамъ, а чѣмъ скорѣе въ свою келлію, тѣмъ лучше; иноку въ міру долго жить – знаешь – не полезно; тамъ хорошо, только не для нашего брата». Пошелъ я къ Старцу очень воодушевленный, но въ этотъ день не могъ его видѣть, такъ какъ у него было много народу, и мірянъ и монахинь. Увѣренный, что Старецъ не задержитъ меня, я нѣкоторымъ изъ братіи сообщилъ, что скоро ѣду на родину. Между тѣмъ прошло болѣе недѣли, а я все никакъ не могъ попасть къ Старцу. Наконецъ, мнѣ удалось застать его одного. Вошелъ я къ Батюшкѣ въ келлію, помолился на св. иконы, а потомъ поклонился ему, чтобы принять благословеніе. Благословляя меня, онъ сказалъ: «Богъ благословитъ доброе творить». Еще ничего не успѣлъ я ему сказать, а онъ уже отвѣчаетъ на мои мысли: «Ты пришелъ рѣшать насчетъ своей поѣздки?» Говорю: «Точно такъ. Батюш-

ка». – «Вотъ что, братъ, не возвѣщается мнѣ тебя отпустить, какъ ты хочешь, смотри самъ, чтобы послѣ не раскаиваться, когда будетъ уже поздно». Я крайне былъ озадаченъ этою неожиданностью. Говорю ему: «Что же, милостивый Батюшка, вѣроятно, со мною дорогою что-нибудь можетъ случиться неблагопріятное?» Батюшка говорить: «Я, братъ, дара пророчества не имѣю, не знаю, что можетъ случиться съ тобой, а вотъ что мнѣ возвѣстилось о тебѣ, то и говорю; да, правду сказать, что-то мнѣ жалко тебя отпускать». Эти слова Батюшка такъ милостиво-отечески мнѣ сказалъ, что я даже не могъ удержаться отъ слезъ; такъ почему-то заняло мое сердце, и мнѣ очень стало жалко разставаться со Старцемъ.

Говорю: «Батюшка, я уже рѣшаюсь остаться, – не поѣду». «И благо тебѣ, – сказалъ Старецъ, – родина не уйдетъ; можно и на будущій годъ тамъ побывать, если будемъ живы и здоровы». Говорю ему: «Простите, Батюшка, за мою откровенность, предъ братіями мнѣ будетъ неловко; совѣстно, что столько времени собирался, ходилъ къ о. игумену проситься и потомъ остаюсь». На что Батюшка положительно сказалъ: «Что за бѣда? Стыдъ не дымъ, въ глаза не лѣзетъ. Монаху, братъ, стыдно исполнять свою волю, такъ что лучше быть ученикомъ ученика, нежели жить по своей волѣ. Объ этомъ и въ отеческихъ писаніяхъ сказано. Стыдно должно быть не передъ другими, а передъ Богомъ и своею совѣстью – она судья неподкупный, безкорыстный. А послушаться совѣта своего отца духовнаго не стыдно, но душеспасительно и необходимо, и кто не слушается

добраго совѣта, тотъ бываетъ наказанъ. Спрашивать у тебя никто не станетъ, никому нѣтъ надобности, а если кто и спросить, скажи, – вѣрно, нѣтъ воли Божіей на мое путешествіе»... Послѣ этихъ мудрыхъ и любвеобильныхъ словъ Старца такъ стало мнѣ отрадно на душѣ. Я готовъ былъ благодарить Старца, что онъ меня не отпустилъ, точно онъ меня оградилъ отъ какой-то бѣды... Что же произошло дальше? Спустя недѣлю я вдругъ совершенно неожиданно заболѣваю тифозной горячкой. Болѣзнь во мнѣ быстро развивалась и не поддавалась лѣченію. Быстрый упадокъ силъ. Мнѣ становилось все хуже и хуже. Я былъ между жизнью и смертью. Врачи монастырскій о. Нифонтъ и козельскій Кустовъ заявили, что надежды на выздоровленіе нѣтъ никакой, и меня особоровали и каждый день причащали Святыхъ Таинъ. Затѣмъ, по благословенію настоятеля и Старца, постригли меня въ схиму, какъ обыкновенно постригаютъ близкихъ къ смерти монаховъ. Мнѣ тогда было только 28 лѣтъ. Отцы и братія приходили со мною прощаться.

Память мнѣ не измѣняла, – я всѣхъ узнавалъ, но былъ такъ слабъ, что не могъ глаза открыть и говорить мнѣ было весьма трудно... Наконецъ, пришелъ проститься и благословить меня въ загробный міръ нашъ о. игумень. Здѣсь былъ нашъ докторъ о. Нифонтъ. Хотя слабо, но все-таки слышу, о. игумень говоритъ доктору: «Вотъ, отче, наша жизнь! Давно ли онъ приходилъ ко мнѣ совершенно здоровымъ, просясь на родину? Хорошо, что Старецъ такъ благоразумно, – вѣрно уже по внушенію Божію, – сдѣлалъ, что отсовѣтовалъ ему

ѣхать; а я думалъ его отпустить. Вотъ и отпустилъ бы на тотъ свѣтъ. А послѣ было бы на совѣсти!»

Докторъ говорить: «Онъ непременно дорогой бы заболѣлъ и умеръ, но только, вѣроятно, скорѣе. Здѣсь мы его все-таки лѣчимъ. Да, наконецъ, тяжело больныхъ много укрѣпляетъ приобщеніе Св. Таинъ. А въ дорогѣ, конечно, этого ничего бы не было. Теперь его каждый день приобщаютъ, послѣ чего онъ бываетъ веселѣе».

Отецъ игуменъ подошелъ ко мнѣ и, благословивъ меня, сказалъ: «Прости, о. Несторъ! Ты, насколько возможно, приготовлень, а тамъ да будетъ воля Божія! Намъ всѣмъ необходимо когда-нибудь умирать; это путь неизбѣжный, только приведи Господи съ чистымъ покаяніемъ умереть».

Въ продолженіе моей болѣзни я мысленно призывалъ себѣ на помощь молитвы Старца, отца моего духовнаго, батюшки Амвросія, а въ часы невыносимыхъ моихъ страданій даже и посылалъ къ нему просить его св. молитвъ, чтобы мнѣ или умереть, или хотя малое имѣть облегченіе, такъ какъ не было возможности терпѣть. Но каждый разъ, какъ придуть, бывало, отъ Старца и скажутъ: «Батюшка о тебѣ молится и посылаетъ тебѣ благословеніе», мнѣ станеть нѣсколько легче и какъ будто отраднѣе. Помню, одинъ разъ – это было рано утромъ, и навѣрно Старецъ въ это время отдыхалъ послѣ утренняяго правила, мнѣ стало такъ трудно, что я рѣшился его побеспокоить, т. е. попросить его св. молитвъ. Посланный скоро возвратился и принесть мнѣ отъ Батюшки запечатанный пузырекъ св. воды изъ Почаева, которую онъ велѣлъ вылить въ бутылку, добавить чис-

той воды, чтобъ была она полная, и давать мнѣ понемногу пить и примачивать ею голову. Ходившіе за мной добрые люди – братія – исполнили усердно его приказаніе, и, за молитвы Старца, съ этого времени мнѣ стало легче: жаръ началъ постепенно ослабѣвать, и я началъ мало-помалу оживать къ удивленію многихъ, а особенно врачей моихъ, которые окончательно приговорили меня къ смерти, такъ что въ послѣднее время уже ничѣмъ меня не лѣчили, а оставили на волю Божию... Докторъ нашъ о. Нифонтъ съ недоумѣніемъ послѣ того спрашивалъ Старца: какимъ чудомъ я остался живъ? На это Старецъ отвѣтилъ ему: «Невозможное отъ человѣкъ возможно есть отъ Бога, Который живить и мертвить... Надъ такими трудно и безнадежно больными исполняется слово Богоотца Давида, который говоритъ: *Наказуя наказа мя Господь, смерти же не предаде мя*».

Шамординская монахиня А. рассказывала о себѣ. «Весною 1882 года на Пасху заболѣло у меня горло, – образовалась въ немъ рана, и я не могла ни ѣсть ни пить. Докторъ объявилъ, что у меня горловая чахотка, и я должна ожидать смерти. Отправилась я къ Батюшкѣ. Онъ и говоритъ мнѣ: «Изъ колодезя, что за Скитомъ, бери въ ротъ воды и ежедневно полощи горло до трехъ разъ». Черезъ три дня онъ самъ позвалъ меня къ себѣ. Доставъ изъ-подъ подушки три яйца и вынувъ желтки, вложилъ бѣлки одинъ въ другой. Потомъ благословилъ о. Іосифу, бывшему келейнику, принести воды изъ колодезя. Благословивъ воду, онъ велѣлъ ею растереться мнѣ у себя въ келліи, а яичные бѣлки съѣсть. По приходѣ въ келлію меня растерли водой и дали мнѣ яичные

бѣлки, которые я проглотила безъ боли. Послѣ этого я спала цѣлыя сутки и, проснувшись, почувствовала, что болѣзнь моя пропала, и я совершенно выздоровѣла. Не медля, я отправилась къ Старцу. Монахини меня не узнали, подумавъ, что это не я, а родная моя сестра. Батюшка же встрѣтилъ меня и благословилъ, сказавъ при этомъ, что исцѣлилъ меня св. Тихонъ Калужскій. Съ тѣхъ поръ я не страдаю горломъ. Когда я объявила доктору о своемъ исцѣленіи, онъ сказалъ, что это совершилось надо мною чудо, и что болѣзнь моя естественными средствами не могла быть излѣчена».

Подражая одному изъ своихъ предшественниковъ по старчеству іеросхимонаху Леониду, о. Амвросій любилъ иногда прикрыть свою чудесную помощь шутивымъ словомъ или движеніемъ, чтобы такимъ образомъ отвлечь нѣсколько въ сторону вниманіе свидѣтелей. Пришелъ, напримѣръ, къ Старцу одинъ монахъ съ ужасною зубною болью. Проходя мимо него, Старецъ ударилъ его изъ всей силы кулакомъ въ зубы и еще весело спросилъ: «Ну что, ловко?» – «Ловко, Батюшка, – отвѣчалъ монахъ при общемъ смѣхѣ, – да ужъ больно очень». Но, выходя отъ Старца, онъ почувствовалъ, что боль его прошла, да и послѣ ужъ не возвращалась.

Крестьянки очень хорошо подмѣтили эту черту о. Амвросія, и тѣ изъ нихъ, кто страдалъ головными болями, приходя къ нему, просили его: «Батюшка «Абросимъ», побей меня – у меня голова болить».

Были еще болѣе удивительные случаи. Не выѣзжая никуда по болѣзненности изъ обители, старецъ Амвросій въ то же время являлся за сотни верстъ людямъ,

которые никогда его не видали и даже не слыхали о немъ; и при этомъ или предостерегаль ихъ отъ какой-либо опасности, или даваль больнымъ наставленіе, какъ избавиться отъ болѣзни, или тутъ же исцѣляль.

Такъ скитскій іеромонахъ В. рассказываль: «Г-жа А. Д. К. была тяжко больна и лежала въ постели нѣсколько дней, не вставая. Въ одно время она увидѣла, что старецъ Амвросій входитъ въ ея комнату, подходитъ къ постели, беретъ ее за руку и говоритъ: «Вставай, полно тебѣ болѣть!» И потомъ въ виду ея скрылся. Она въ то же время почувствовала себя настолько крѣпкою, что встала отъ болѣзненного одра своего и на другой день отправилась пѣшкомъ изъ г. Козельска въ Шамордино (гдѣ проживаль тогда Батюшка) поблагодарить его за исцѣленіе. Батюшка ее приняль, но разглашать объ этомъ до кончины своей не благословиль».

Монахиня Каширскаго женскаго монастыря Тульской губерніи Иларіона (Пономарева) передавала о себѣ письменно слѣдующее: «Будучи сильно больна, дня за два до Николина дня (6 декабря 1888 г.) я скорбѣла и плакала о томъ, что въ настоящій праздникъ по болѣзни буду сидѣть въ келліи, не имѣя возможности пойти въ храмъ Божій. И такъ сильно вся я разболѣлась, что въ девять часовъ вечера легла въ постель и заснула. Но вотъ вижу во снѣ: подходитъ ко мнѣ батюшка о. Амвросій и говоритъ: «Что ты прежде времени скорбишь? – Съ этими словами онъ такъ сильно удариль меня въ правое ухо, что у меня кровь потекла изъ него. Ступай, – прибавиль онъ, – въ церковь, дура, на праздникъ!» Проснувшись, я увидѣла, что подушка, на

которой я лежала, и халать, въ которомъ была одѣта, были залиты кровью. Но въ тотъ же часъ я почувствовала себя совершенно здоровою, и слѣдовъ болѣзни моей не осталось».

Приведемъ отрывки изъ замѣчательнаго разсказа о себѣ одной духовной дочери Старца, г-жи N.

«Мірская женщина, рано вышедшая замужъ, я кромѣ своей семейной жизни ничего не знала. О монастыряхъ, монахахъ и ихъ старцахъ хотя и слыхала и видала ихъ еще въ дѣтствѣ, но имѣла самое смутное и даже превратное понятіе, которое мнѣ было втолковано такими же, какъ я, ничего не понимающими людьми. А узнавать что-либо подробнѣе о нихъ не считала нужнымъ; короче сказать – вовсе не думала о томъ.

При всей моей согласной съ мужемъ жизни Господь часто посѣщалъ меня разными скорбями, то потерєю дѣтей, то болѣзнями.

Но во всю мою многолѣтнюю замужнюю жизнь ни разу мнѣ не было такъ тяжело, безотраднo, какъ въ 1884-й и послѣдующіе за тѣмъ годы... Потеря, вслѣдствіе дерзкаго обмана, матеріальныхъ средствъ, собранныхъ многолѣтнимъ трудомъ моего мужа, настолько повліяла на него, что онъ нажилъ болѣзнь – постепенный параличъ мозга и при этомъ грудную жабу. Невыразимы были и его и мои страданія. Между прочимъ, положеніе въ свѣтѣ, его служба, которую онъ вначалѣ могъ еще продолжать, и дочь, молодая дѣвушка, требовали отъ меня, какъ мнѣ казалось тогда, поддержки знакомства и свѣтской жизни, что мнѣ, при душевномъ моемъ разстройствѣ, было не легко. Къ тому

же еще немалую скорбь и заботу доставляло намъ съ мужемъ предполагавшееся замужество дочери за избранника нашего родительскаго сердца, впрочемъ, не безъ согласія на то и ея самой. Дѣло это, по-видимому, не безъ причины тянулось и откладывалось съ году на годъ. Занятія молодого человѣка требовали его постоянного присутствія на мѣстѣ его жительства, общали ему блестящую будущность, за которой онъ гнался, какъ за привидѣніемъ, и тѣмъ затягивалъ и себя и насъ...

На все же то была воля Божія. Не будь всего этого, не попала бы я къ дорогому батюшкѣ о. Амвросію и никогда бы не увидала и не знала жизни, противоположной той, которую я вела до той поры».

Чудеснымъ образомъ привлекъ къ себѣ о. Амвросій эту особу.

«Разъ, – продолжаетъ она свой рассказъ, – вернувшись съ большого бала передъ самымъ утромъ (это было въ началѣ зимы 1884 года, ровно за два года передъ тѣмъ, какъ мнѣ попасть къ Батюшкѣ) съ пустотою въ сердцѣ, а тяжестью въ головѣ, какъ это всегда бываетъ при подобныхъ развлеченіяхъ, почти не помолившись Богу, я бросилась, утомленная, въ постель и тотчасъ же забылась. И вотъ вижу въ легкомъ снѣ: очутилась я въ дремучемъ вѣковомъ лѣсу, – въ такомъ, какой мнѣ приходилось видѣть только въ панорамахъ. Шла я одна по утоптанной дорожкѣ, которая скоро привела меня къ какому-то строенію, и я очутилась предъ небольшими св. воротами съ изображеніемъ по сторонамъ св. угодниковъ. Ворота были отворены, и я вошла въ прекрасный садъ. Шла я прямо по усыпанной пескомъ дорож-

къ. Съ обѣихъ сторонѣ были цвѣты. Скоро дорожка эта привела меня къ небольшой деревянной церкви. Вошла я по ступенькамъ на паперть. Желѣзная, окрашенная зеленой краской дверь церкви была изнутри заперта. Когда я подошла къ ней, кто-то отодвинулъ изнутри желѣзный засовъ и отворилъ мнѣ дверь. Я увидала предъ собою высокаго роста Старца съ обнаженной головой, въ мантии и епитрахили. Онъ крѣпко взялъ меня за правую руку, ввелъ въ церковь, круто повернулъ направо къ стѣнѣ, поставилъ меня предъ иконою Божіей Матери (Ѳеодоровской, какъ я послѣ узнала), коротко и строго сказалъ: «Молись». Я и во снѣ, помню, поражена была наружностью Старца и спросила его: «Кто вы, Батюшка?» Онъ мнѣ отвѣтилъ: «Я – Оптинскій старецъ Амвросій». И, оставивъ меня одну, онъ вышелъ въ противоположную дверь церкви. Оставшись одна и помолившись предъ иконою Царицы Небесной, предъ которой меня поставилъ старецъ, я взглянула налѣво отъ себя и увидала гробницу или плащаницу. (Дѣйствительно, тутъ и лежитъ плащаница круглый годъ, кромѣ Великаго пятка и субботы.) Я подошла къ ней, помолилась, потомъ посмотрѣла назадъ на всю церковь. Это былъ чудный, маленькій храмъ съ розовой завъсой на Царскихъ дверяхъ, весь залитый какъ бы солнечнымъ свѣтомъ. И, странно, я очутилась вдругъ посреди него въ бѣлой рубашкѣ съ распущенными волосами и босая и такъ молилась и плакала, какъ никогда наяву. Вслѣдъ за тѣмъ я проснулась. Вся подушка моя была залита слезами. Станный небывалый сонъ произвелъ на меня глубокое впечатлѣніе и заставилъ

меня задуматься. Мысль же поѣхать или обратиться къ Старцу письменно не пришла мнѣ тогда въ голову. Но видѣнный мною сонъ не выходилъ и не изглаждался изъ моей памяти.

Прошло еще два года тѣлесныхъ страданій мужа и моихъ душевныхъ мукъ. Но вотъ Господь восхотѣлъ еще испытать до конца насъ, для нашего вразумленія. Заболѣлъ тифомъ мой мужъ. Болѣзнь осложнилась. Неизвѣстно отъ чего заболѣла у него нога, въ верхней части которой сдѣлалась опухоль съ острой болью по временамъ, особенно по ночамъ, которыя больной проводилъ безъ сна, мечась отъ боли изъ стороны въ сторону. Притомъ нога все больше пухла и рдѣла. Почему-то рѣшили наложить бинтъ на всю ногу. Былъ приглашенъ для этого хирургъ. При осматриваніи ноги этотъ послѣдній опредѣлили внутри ея нарывъ и нашель, что нога полна гноя. Сдѣланъ былъ разрѣзъ въ три вершка, и выпущена матерія. Больной получилъ облегченіе, но далеко не выздоровленіе. Черезъ нѣсколько дней начались опять тѣ же страданія. Нога опять пухла. Пришлось въ другомъ мѣстѣ сдѣлать проколъ. Потомъ опять и опять прокалывали нѣсколько разъ. И ранки, выдѣливъ матерію, затягивались. Дошло до того, что невозможно было дальше дѣлать проколовъ. Всѣ ранки, несмотря на тщательный уходъ, загнаивались. Больной лежалъ на спинѣ три мѣсяца сряду. Нога была какъ бревно. Нервы были такъ чувствительны, что прикосновеніе бѣлья причиняло ему боль.

Опухоль ноги шла все выше и выше. Я не выдержала и опять послала за докторомъ. Но тотъ, осмотрѣвши

ногу, отнялъ у меня уже всякую надежду на выздоровленіе больного.

Вотъ тутъ-то мысль обратиться къ молитвамъ великаго Старца въ первый разъ пришла мнѣ въ голову, что я тогда не медля и исполнила. Я написала одной моей родственницѣ, духовной дочери Старца, гостившей въ то время въ Оптиной, письмо съ подробнымъ описаніемъ состоянія больного мужа, прося ее передать все Батюшкѣ и попросить его св. молитвъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того какъ письмо было отослано, перемѣняя положеніе ноги больного, я съ ужасомъ увидала, что опухоль уже захватила низъ живота. Притомъ страданія больного такъ были велики въ ту минуту, что, не зная, чѣмъ ихъ облегчить, я вздумала почему-то вдругъ сдѣлать бинтъ и перевязать около паха ногу. Руки у меня тряслись. Туго сдѣлать я боялась. И конечно, мой бинтъ, пришедшій почему-то мнѣ въ голову, былъ только утѣшеніемъ для меня самой. Но вотъ не прошло и часу, какъ больной громко позвалъ меня, сказавъ: «Посмотри, что-то у меня все мокро кругомъ ноги». Открывъ ногу, я увидала, что самая первая ранка, т. е. первый прорѣзь, сдѣланный докторомъ за три мѣсяца до этого, открытъ во всю его бывшую глубину, и изъ него бьетъ матерія фонтаномъ. Трое сутокъ шла матерія непрерывно; послѣ чего больной сталъ замѣтно поправляться въ силахъ. Списавшись объ этомъ со своей родственницей какъ можно было подробно, я, къ моему крайнему изумленію, узнала, что день и часъ открытія ранки на больной ногѣ мужа совпадали съ днемъ и часомъ прочтенія моего письма Старцу моею родственницею.

Настала весна. Здоровье мужа моего настолько поправилось, что онъ могъ выходить на воздухъ».

Это было второе напоминаніе о себѣ старца Амвросія. Вскорѣ послѣдовало и третіе.

«Пораженная тяжкимъ семейнымъ горемъ (недобросовѣстнымъ поступкомъ жениха дочери), я, – продолжаеъ рассказывать эта госпожа, – придумала пойти пѣшкомъ на богомолье къ мѣстному угоднику, въ надеждѣ тѣлесной усталостью убить душевную муку... Отъ непривычки ходить и отъ потрясенныхъ горемъ нервовъ силы мнѣ измѣняли. Къ вечеру разболѣлась у меня голова, руки и ноги, и я едва дотащи́лась до мѣста. Сдѣлался жаръ во всемъ тѣлѣ, и отнялась правая рука со стороны больного виска – чего прежде со мною не было. Придя въ монастырь, гдѣ находятся мощи угодника (подъ спудомъ), я упала на первый попавшійся камень, не имѣя силъ двинуться дальше, и послала горничную, которую взяла съ собою, поискать себѣ мѣста въ гостиницѣ. Но она скоро вернулась, сказавъ, что за большимъ стеченіемъ народа нѣтъ нигдѣ свободнаго уголка.

Пришлось идти въ село, которое при самомъ монастырѣ, и тамъ искать себѣ пріюта. Тамъ, въ общемъ съ другими богомольцами помѣщеніи, нашелся и для меня уголокъ; досталась мнѣ одна голая скамья, да хозяйка, изъ жалости ко мнѣ, такой больной и слабой, дала мнѣ свою подушку. Отъ боли почти не сознавая себя, я, какъ была одѣтая, такъ и бросилась на скамью. Но крикъ гуляющаго на улицѣ народа и шумъ приходящихъ къ моей хозяйкѣ гостей не давали мнѣ покоя всю ночь. Къ тому

еще невыразимая боль всего тѣла не давала мнѣ возможности даже удобнѣе лечь. Къ утру стихъ уличный крикъ, и я забылась легкимъ сномъ, который меня перенесъ домой. Представилось мнѣ, будто я въ своей гостиной на диванѣ. Но сонъ мой былъ такъ легокъ, что боль во всемъ тѣлѣ и во снѣ ощущалась. Вдругъ будто двери комнаты отворились, и ко мнѣ подошелъ старецъ-монахъ. Протянувъ руки, онъ поднималъ меня, посадилъ и заботливо спросилъ: «Что у тебя болитъ?» Я, очень помню, ему отвѣтила: «Руки и ноги, батюшка, а больше всего голова», которую и положила ему на руки. Старецъ своими руками схватилъ мои больныя руки и ноги, а по головѣ, по больному мѣсту, три раза ударилъ. Тутъ я спросила кого-то, стоявшаго за старцемъ: «Кто это?» И получила отвѣтъ: «Да это же – старецъ Оптинскій Амвросій!» Вдругъ голосъ моей хозяйки разбудилъ меня: «Ужъ пять часовъ, благовѣстятъ къ обѣднѣ! Пойдешь, барыня?» Я вскочила на ноги. Ни боли головы, ни боли въ тѣлѣ не ощущалось, – я была здоровая, бодрая, вся какъ-то ожившая. Я перекрестилась и, всполоснувъ лицо холодной водой, пошла въ церковь; отстояла обѣдню, молебень съ акаѳистомъ угоднику и уже собиралась идти подкрѣпиться чаемъ, чтобы потомъ пуститься въ обратный путь. «Какъ? – говорить моя горничная, – неужели мы, бывши здѣсь, не пойдемъ купаться въ святомъ колодцѣ угодника?» Я попробовала было отказаться, но, вспомнивъ свое дивное исцѣленіе Старцемъ въ эту ночь, пошла. Мы искупались. А потомъ отправилась въ обратный путь, который и совершила такъ легко и бодро, что удивила всѣхъ своимъ

раннимъ приходомъ. Вотъ тутъ уже я рѣшила не смотрѣть ни на какія препятствія, а ѣхать въ Оптину Пустынь къ старцу, батюшкѣ о. Амвросію, такимъ дивнымъ образомъ призывавшему меня, грѣшную, къ себѣ».

Далѣе слѣдуетъ подробный рассказъ о прибытіи къ Старцу, о знакомствѣ съ нимъ и о дальнѣйшемъ отношеніи къ нему, но мы уже не послѣдуемъ за рассказчицей, такъ какъ это не входитъ въ задачу нашего настоящаго повѣствованія.

Проникнутый любовью къ страждущему человѣчеству, старецъ Амвросій своими святыми молитвами и совѣтами избавлялъ нѣкоторыхъ и отъ разныхъ худыхъ и пагубныхъ привычекъ.

Однажды пріѣхалъ къ Старцу крестьянинъ Тульской губерніи, который страдалъ отъ пьянства и, такъ какъ не могъ отстать отъ этой пагубной привычки, то хотѣлъ нѣсколько разъ наложить на себя руки. Пришелъ онъ къ Старцу, а говорить ничего не можетъ. Но Старецъ самъ въ обличеніе ему сказалъ, что онъ страдаетъ отъ винопитія за то, что, еще будучи мальчикомъ, кралъ деньги у дѣдушки, который былъ церковнымъ старостою, и на эти деньги покупалъ вино. Далъ ему травки, чтобы пилъ дома. Крестьянинъ избавился отъ запоя и сталъ совершенно здоровъ.

Петербургскій житель Алексѣй Степановичъ Маіоровъ, чрезмѣрно пристрастясь къ куренію табака, чувствовалъ отъ этого вредъ для своего здоровья. Онъ обратился письменно къ старцу о. Амвросію, прося заочно у него совѣта, какъ бы избавиться отъ этой страсти.

Въ отвѣтъ на эту просьбу Старець прислалъ Маіорову письмо отъ 12 октября 1888 года, въ которомъ было написано слѣдующее: «Пишете, что не можете оставить табакъ курить. Невозможное отъ человѣкъ – возможно при помощи Божіей, только стоитъ твердо рѣшиться оставить, сознавая отъ него вредъ для души и тѣла, такъ какъ табакъ разслабляетъ душу, умножаетъ и усиливаетъ страсти, омрачаетъ разумъ и разрушаетъ тѣлесное здоровье медленной смертію. Раздражительность и тоска – это слѣдствіе болѣзненности души отъ табакокурения.

Совѣтую вамъ употребить противъ этой страсти духовное врачество: подробно исповѣдуйтесь во всѣхъ грѣхахъ съ семи лѣтъ и за всю жизнь, причаститесь Св. Таинъ и читайте ежедневно, стоя, Евангеліе по главамъ или болѣе; а когда нападетъ тоска, тогда читайте опять, пока не пройдетъ тоска; опять нападетъ, – и опять читайте Евангеліе. Или вмѣсто этого кладите наединѣ по 33 большихъ поклоновъ, въ память земной жизни Спасителя и въ честь Святыя Троицы».

Получивъ съ почты это письмо, Алексѣй Степановичъ прочиталъ его и закурилъ папиросу, но вдругъ почувствовалъ сильную боль въ головѣ, а вмѣстѣ и отвращеніе къ табачному дыму, и ночью не курилъ. На другой день принимался, по привычкѣ, закурить папиросу четыре раза, а дымъ глотать не могъ отъ сильной боли въ головѣ. И отсталъ отъ куренія легко, между тѣмъ какъ въ предшествовавшіе два года, какъ ни принуждалъ себя отвыкнуть отъ куренія, не могъ. И хотя сдѣлался боленъ, но все-таки курилъ по 75 разъ въ день».

Въ Борисовской женской пустыни Курской губерніи въ числѣ сестеръ обители находилась одна молодая по-слушница, которая такъ пристрастилась къ одному мірскому семейству, что часто, несмотря на запрещеніе м. игуменіи, посѣщала его, притомъ даже противъ своего желанія. По совѣту нѣкоторыхъ сестеръ, она письменно обратилась къ батюшкѣ о. Амвросію, открывъ свою немощь, и просила его св. молитвъ. Вскорѣ она увидѣла во снѣ, будто какой-то благолѣпный старецъ привелъ ее къ иконѣ Божіей Матери и сказалъ: «Помолимся Царицѣ Небесной!» Съ этими словами старца послушница проснулась и рассказала сестрамъ видѣнное. Ей объяснили, что это являлся ей старецъ Амвросій, котораго она до того времени никогда не видала. Вскорѣ затѣмъ она получила отъ Батюшки отвѣтъ на свое письмо, который ее очень успокоилъ. Когда ей послѣ этого опять приходило желаніе пойти для свиданія съ упомянутымъ семействомъ, она всегда прочитывала письмо Старца, и желаніе ея проходило. Впослѣдствіи она совершенно освободилась отъ этой привычки и начала жить по-монашески, прекративъ близкое знакомство съ мірянами.

Охранялъ о. Амвросій своихъ духовныхъ дѣтей и отъ вражескихъ искушеній. Такъ іеромонахъ Дороѳей рассказываетъ о себѣ слѣдующее: «По поступленіи моемъ въ 1874 году въ Оптину Пустынь мнѣ поручено было поварское послушаніе. Прошло полгода, и вотъ въ келліи моей начались по ночамъ вражескія страхованія. Представлялось мнѣ, будто ко мнѣ приходитъ какой-то старикъ, который невнятно произноситъ молитву: посу-

да въ келліи гремѣла безъ всякой причины; кровать моя тряслась, и на меня наваливался врагъ. А когда, бывало, при этомъ отъ страха я закричу или вздохну, то слышу явственно голосъ и слова: «Ужъ хуже этого нѣтъ – охъ!» Пошелъ я сначала къ о. Анатолію и разсказаль ему о вражескихъ страхованіяхъ, но тотъ послаль меня къ батюшкѣ Амвросію. Старець, выслушавъ меня, сказалъ, что бояться я не долженъ, а для отгнанія вражескаго страха долженъ произносить молитву Іисусову. Послѣ сего всѣ страхованія прекратились, и я всегда спокойно оставался въ келліи».

Нѣчто подобное происходило нѣсколько разъ и въ Шамординѣ; слышались стуки въ двери и въ окна и т. п. Когда Батюшкѣ сообщили объ этомъ, онъ сказалъ: «Ну, больше не будетъ стучать». – «А кто же это стучить, Батюшка?» – спросили его. – «Кто стучаль, не будетъ больше стучать», – отвѣтилъ опять Старець.

Теперь намъ остается сказать еще о томъ, какъ батюшка о. Амвросій и послѣ своей кончины не оставлялъ своею помощію нуждающихся въ ней.

Въ октябрьской книжкѣ «Душеполезнаго чтенія» за 1897 годъ помѣщено письмо нѣкоего Николая Яковлевича Широкова Вятской губерніи Глазовскаго уѣзда къ Оптинскому старцу іеросхимонаху Іосифу слѣдующаго содержанія: «Я, – пишетъ Широковъ, – былъ весьма боленъ, страдалъ болью ногъ и головы. 26 ноября прошлаго 1896 года приносить отецъ мой отъ сельскаго нашего священника книгу «Душеполезное чтеніе», въ которой я и нашель статью про о. Амвросія. Прочитавъ ее и размысливъ немного, началъ я душевно молиться

къ о. Амвросію объ исцѣленіи моихъ недуговъ и, помолвившись, тонкимъ сномъ уснулъ. Только что успѣлъ заснуть, какъ вдругъ заблесталъ передо мною необычайный свѣтъ, который вскорѣ исчезъ, только остался одинъ слѣдъ отъ него въ видѣ облака. И вдругъ слышу шаги идущаго человѣка. Въ скоромъ времени вижу предъ собою мужа, украшеннаго сѣдинами, въ мантии, съ крестомъ на груди. При семъ я постараюсь описать его примѣты: росту онъ невысокаго, лицо истощенное постомъ, и потому оно весьма свѣтлое; носъ съ горбинкой, волосы сѣдые, не весьма густые, борода сѣдая тоже не густая, а голосъ его весьма звучный. Кромѣ того, на лѣвой его рукѣ были четки, а въ правой рукѣ посохъ. Вотъ онъ подошелъ къ моему ложу и говорить: «Чадѣ Николае! Встань, поспѣши въ церковь, отслужи молебень св. Амвросію Медіоланскому, и получишь облегченіе скорое». Онъ взялъ меня за руку, благословилъ и дотронулся своимъ посохомъ до моихъ ногъ, которыя и почувствовали скорое облегченіе. Далъ мнѣ что-то вроде просфоры поѣсть, и вдругъ въ головѣ у меня зашумѣло. Я тогда весьма ужаснулся и подумалъ, что ужъ головы у меня нѣтъ на плечахъ. Но вотъ сей Старецъ покрылъ ее мантией, и вскорѣ я почувствовалъ облегченіе. Старецъ еще разъ благословилъ меня, и я сподобился облобызать его свѣтлую руку и при семъ осмѣлился спросить его: какъ васъ звать по имени? Онъ мнѣ отвѣтилъ: «Кому, – говорить, – я велѣлъ тебѣ отслужить молебень, того и имя я ношу, я – іеросхимонахъ Амвросій изъ Оптиной Пустыни». Сказавъ это, онъ сдѣлался невидимымъ. Пробудившись, я очень обрадовалъ

ся, что выздоровѣлъ. И родные этому тоже очень обрадовались. Все-таки объ этомъ явленіи я не открылъ имъ вскорѣ, а записалъ его только въ свою памятную книжку. Но вотъ нынѣ опять явленіе это повторилось. Отецъ Амвросій явился мнѣ во гробѣ лежащимъ, повитымъ въ схиму, и говорить: «Что же ты, рабъ Божій Николай, умалчиваешь о дѣлахъ милости Божіей, т. е. не сообщаяшь Оптиной Пустыни объ исцѣленіи?» Только позтому-то я и осмѣлился сообщить о вышесказанномъ Вашему Высокопреподобію и при семъ просить васъ, о. Іосифъ, не оставить безъ вниманія мой рассказъ и для пользы другихъ помѣстить его въ жизнеописаніи отца Амвросія».

Подобный же случай рассказывается въ письмѣ къ Л. О. Р., живущей въ Шамординѣ, отъ 23 февраля 1898 года. «Вчера пріѣзжалъ В. и рассказывалъ, что одна дама, родственница Л., ему писала изъ Москвы, что у ней мужъ былъ очень боленъ. Доктора отказались лѣчить, и онъ совсѣмъ умиралъ. Въ одну ночь видитъ онъ около своей постели старца, который надъ нимъ молится и говорить: «Отслужи молебенъ св. Амвросію Медиоланскому», – и скрылся. Больной сказалъ это женѣ, и они отслужили молебенъ. Онъ пріобщился и съ тѣхъ поръ началъ поправляться, даже всталъ съ постели, но никому не говорилъ объ этомъ явленіи старца. Когда же онъ сталъ чувствовать себя совсѣмъ хорошо, ему опять явился этотъ же старецъ (бывшій больной его узналъ) и говорить: «Ты теперь совсѣмъ здоровъ; зачѣмъ же ты скрываешь и не говоришь о своемъ исцѣленіи? Надо говорить; а старецъ предъ тобой – Оптинскій Амвросій». И скрылся.

Когда В. рассказывалъ объ этомъ случаѣ, – продолжаетъ авторъ письма, – я позавидовала, а на душѣ какъ-то радостно стало, – я не могу и высказать. Родной нашъ и насъ, можетъ быть, не оставляетъ».

Одна шамординская послушница, подѣ влияніемъ постигшихъ ее скорбей и непріятностей, хотѣла уйти изъ монастыря. Въ это время является ей во снѣ покойный старецъ Амвросій и говорить: «Никуда не уходи, а живи на одномъ мѣстѣ. Отъ скорбей не уйдешь, а лучше не найдешь. Надо терпѣть!» Послушница успокоилась и осталась въ обители.

Вотъ еще замѣчательный рассказъ С. А. М. «Въ 1880 г. я окончила курсъ въ институтѣ. 1881 года 3 февраля я открыла школу съ пансіономъ для дѣтей обоого пола. Школу открывала я съ матерью совершенно безъ всякихъ средствъ, такъ какъ я и мать ушли отъ женатаго брата, который рѣшительно ничего намъ не далъ. Моя мать была очень вѣрующая старушка, и на мой вопросъ, на кого она надѣется, открывая школу безъ средствъ, она мнѣ кротко отвѣтила, указывая при этомъ на большой образъ Спасителя: «Вотъ на Кого я надѣюсь! Онъ мнѣ поможетъ». Я сильно раздражилась ея отвѣтомъ и рѣзко ей сказала: «Что же? Онъ вамъ что-нибудь скажетъ?» Она опять кротко отвѣтила мнѣ: «Да, Онъ мнѣ скажетъ!»

Итакъ, несмотря на мой протестъ и моихъ сестеръ, мать моя все-таки энергично принялась за устройство школы. Съ перваго же мѣсяца дѣла наши пошли отлично, такъ что къ концу года помѣщеніе оказалось недостаточнымъ, и мы принуждены были снять большую

квартиру. Не долго мнѣ пришлось поработать съ моею дорогою старушкою матерью. Въ 1882 году она внезапно заболѣла, и въ три дня ея не стало. Осталась я одна и продолжала работать, а дѣло пошло еще лучше, такъ что я уже начала хлопотать объ устройствѣ прогимназіи. Но Богъ судилъ иное: случился переворотъ въ моей жизни и неожиданный и ужасный для меня.

1887 г. 26 августа, окончивъ занятія въ школѣ, я поѣхала въ имѣніе на именины къ моей подругѣ. Въ этотъ день вполнѣ здоровая, довольная, я была необыкновенно весела. Послѣ обѣда одна изъ моихъ подругъ просила меня продѣлать съ нею опытъ внушенія мыслей. Я хотя и очень любила этимъ заниматься, но тутъ почему-то стала упорно отказываться. Долго меня уговаривали, и я наконецъ согласилась. Надо было взять какой-либо предметъ и заставить внушаемую перенести его съ одного мѣста на другое. Подхожу къ комоду, на которомъ было много разныхъ вещицъ; тутъ же стояла девятичинная просфора, которую священникъ привезъ именинницѣ. Вотъ, недолго думая, я беру просфору и переносу ее на умывальникъ и говорю присутствующимъ: «Вотъ, господа, Женя (подруга) должна взять эту просфору и перенести ее на комодъ». Всѣ согласились. Зову Женю изъ другой комнаты, завязываю ей глаза, беру ее за руки и усиленно начинаю ей внушать, чтобы она подошла къ умывальнику, взяла бы просфору и отнесла ее на комодъ. Она быстро подошла къ умывальнику, но, немного постоявъ, начала кружиться и тутъ же упала безъ чувствъ; къ просфорѣ же даже руки не протянула. Ее подняли, понесли на балконъ и скоро привели въ

чувство, а я пошла въ столовую, сѣла къ столу и только сказала: «Господи, какъ ужасно» – и съ этими словами упала въ сильнѣйшемъ припадкѣ, который повторялся въ часъ до 20 разъ, такъ что я совершенно ослабѣла, меня уложили въ постель и послали за докторомъ. При всемъ томъ, всю ночь, до 4-хъ часовъ утра, были со мною припадки; наконецъ, я попросила отвезти меня домой. По прїѣздѣ домой припадки опять начались, и, несмотря ни на какое лѣченіе, ни на тщательный уходъ, болѣзнь все усиливалась и усиливалась, такъ что въ концѣ сентября, послѣ консилиума, врачи настоятельно потребовали закрыть школу и меня помѣстить въ деревню. Но и при полной изоляціи въ деревнѣ было мнѣ не легче; наоборотъ, къ припадкамъ прибавилась еще и сильнѣйшая тоска. Въ такомъ состояніи я прожила у племянника, земскаго врача, три года. Наконецъ, онъ уѣхалъ въ Москву, а меня оставилъ опять у своей матери. Тутъ мнѣ дѣлалось все хуже и хуже. Одинъ разъ, помню, мнѣ было особенно тяжело; тоска меня мучила до такой степени, что я рѣшилась лишить себя жизни. Въ сильнѣйшей тоскѣ ѣду къ своей сестрѣ, плачу, мечусь и говорю, что больше не могу жить. Сестра меня начинаетъ уговаривать и, между прочимъ, просить меня прїобщиться, такъ какъ я три года, т. е. какъ заболѣла, не была въ церкви и не прїобщалась Св. Тайнъ. Но я и слышать не хотѣла о причащеніи. Не знаю ужъ какъ, но все-таки меня уговорили прїобщиться. Повезли меня на другой день въ Троицкій мужской монастырь; тамъ я отстояла обѣдню; послѣ обѣдни подходитъ ко мнѣ іеромонахъ, котораго просила сестра, и предлага-

еть мнѣ идти въ келлію на исповѣдь. Я исповѣдовалась, а послѣ и говорю ему: «Ну, батюшка, а завтра приобщаться я не приѣду». Онъ меня началъ уговаривать, а я и слышать не хочу. Но все-таки на другой день приѣхала къ утренѣ и обѣднѣ. Обѣдню стояла спокойно, а какъ заплѣли «Отче нашъ», такъ я не могла съ собою справиться и хотѣла бѣжать изъ храма; но іеромонахъ стоялъ около меня и не пустилъ. Я вся поблѣднѣла, начала трястись, и лишь только вынесли Св. Дары, какъ со мной сдѣлался демоническій припадокъ, такъ что священникъ съ Дарами ушелъ обратно въ алтарь, боясь, что я могла вытолкнуть чашу. 8 монаховъ едва со мной справились, подвели и приобщили, но я уже ничего не помнила, только послѣ успокоилась. Іеромонахъ, видя, что со мной произошло, посовѣтовалъ мнѣ какъ можно чаще приобщаться, что я и дѣлала.

Каждый разъ, какъ приобщаться, такъ наступали демоническіе припадки, и я мучилась ужасно. Наконецъ, я поѣхала въ Воронежъ къ угоднику Митрофану. Тамъ со мной передъ причастіемъ сдѣлался жестокий припадокъ, такъ что я бѣжала изъ храма, разорвала на себѣ кофточку и чуть не вытолкнула сосудъ. Въ Воронежѣ меня отчитывалъ іеромонахъ, и вотъ, когда онъ сталъ надо мною читать Евангеліе, мнѣ стало такъ тяжело, что я сломала кресло, на которомъ сидѣла, и вырвала крестъ изъ рукъ іеромонаха. По приѣздѣ изъ Воронежа, видя, что молитва мнѣ не помогаетъ, я охладѣла къ Богу окончательно и даже стала богохульствовать; обратилась опять къ врачамъ и, по совѣту ихъ, легла въ психіатрическую лѣчебницу, гдѣ мое здоровье еще бо-

лѣе ухудшилось: у меня въ мѣсяцъ было 90 припадковъ; я такъ ослабѣла, что уже не могла ходить.

Пролежавъ въ лѣчебницѣ 3 мѣсяца, я была переведена въ хроническое отдѣленіе больницы – въ пріютъ. Припадки стали все рѣже и рѣже, но они замѣнились припадками тоски; тоска до того была сильна, что я не разъ покушалась на самоубійство, всегда думала, какъ бы лишитъ себя жизни, что и пробовала дѣлать, но покушеніе никогда не удавалось.

Такъ я страдала 18 лѣтъ, но пріобщаться Св. Таинъ стала уже безъ припадковъ. Послѣдній приступъ ужасной тоски былъ 3 іюня 1905 г. Тоска была такъ сильна, что я начала душить себя, и только благодаря одной больной мнѣ не удалось задушить себя. Послѣ этого припадка я написала сестрѣ своей письмо, въ которомъ просила ее взять меня изъ пріюта и устроить гдѣ-нибудь въ деревнѣ: мнѣ казалось, что тоска у меня именно отъ больничной обстановки и что съ перемѣной мѣста тоска пройдетъ. Пріѣхала ко мнѣ сестра и вмѣсто деревни предложила мнѣ поѣхать въ Оптину Пустынь, которая стоитъ въ лѣсу и отличается прекраснымъ мѣстоположеніемъ; сосновый лѣсъ, который долженъ принести мнѣ пользу, тянется кругомъ на много верстъ. Полное уединеніе и жизнь въ лѣсу меня очень прельстили, и я рѣшила туда ѣхать съ цѣлью пожить такъ, какъ на дачѣ, съ мѣсяцъ. Когда же пришло время ѣхать въ Оптину, то я страшно стала сердиться на сестру, что она меня посылаетъ въ совершенно незнакомую мѣстность; стала волноваться и говорю ей: «Ты меня съ твоимъ мужемъ окончательно хотите погубить; ну, куда я ѣду одна и

больная?! Не поѣду я». Сестра на меня разсердилась, и мы съ ней поспорили. Но несмотря на это, я все-таки уѣхала. Приѣхала я въ Оптину Пустынь 7 іюля 1905 года. Утромъ я пошла въ Скитъ къ Старцу, который меня скоро принялъ и сказалъ, что гостить у нихъ долго не позволяется и что мнѣ долго и дѣлать-то нечего въ Оптиной Пустыни. Проходитъ день-другой, а мнѣ все не по себѣ и не нравится ничего; въ церковь захожу на минуту, не могу долго стоять. 10-го числа мнѣ почему-то очень захотѣлось почитать жизнеописаніе старца Амвросія; я спросила эту книгу у монаха-гостиника и зачиталась далеко за полночь и во время чтенія стала испытывать какое-то необычайно пріятное состояніе души, котораго я въ жизни не испытывала. И вотъ во время чтенія рѣшила отслужить панихиду на могилѣ старца Амвросія. На другой день спѣшу къ ранней обѣднѣ, а послѣ обѣдни прошу отслужить панихиду. Мнѣ долго пришлось ждать іеромонаха, который служилъ панихиды на другихъ могилахъ. Въ ожиданіи панихиды я осталась на могилѣ старца Амвросія и стала плакать, да такъ горько, что будто открылся источникъ слезъ. Во время панихиды я все время плакала, слезы пошли на весь день. Въ этотъ день я должна была исповѣдаться. Старецъ меня послалъ къ духовнику. Пришла я къ нему въ слезахъ и стала говорить о своей больной душѣ; бережно онъ обошелся съ моей больной, изстрадавшейся душой. Послѣ исповѣди онъ прочиталъ надо мною особенную молитву, во время которой мнѣ стало очень дурно, и я все просила его поскорѣе кончить. Послѣ окончанія молитвы я почувствовала не-

обыкновенную слабость. Выйдя отъ него, я успокоилась и перестала плакать.

На другой день пріобщилась Св. Таинъ совершенно спокойно и въ этотъ же день выѣхала въ Тихонову пустынь. Когда я изъ Оптиной Пустыни пріѣхала на вокзалъ, то со мной произошло что-то необыкновенное: весь мой душевный строй сразу изменился, мнѣ стало необыкновенно жаль Оптину Пустынь, такъ что если бы предложили выбрать одно изъ двухъ: или всѣ сокровища міра или Оптину Пустынь, то я бы взяла послѣднее. И вотъ уже годъ, какъ я переродилась; годъ, какъ у меня не было ни одного припадка тоски, стала меньше раздражаться, у меня явилась вѣра въ Бога, въ загробную жизнь, я поняла цѣль жизни. Мысль о самоубійствѣ совсѣмъ меня оставила, я считаю теперь себя счастливымъ человѣкомъ, хотя обстановка моей жизни ничуть не перемѣнилась. Я вѣрю, что Господь исцѣлилъ меня, по молитвамъ старца Амвросія, отъ жестокаго недуга, которымъ я страдала 18 лѣтъ.

Мое физическое состояніе здоровья плохо, что не позволяетъ мнѣ оставить пріютъ, но что такое физическая болѣзнь сравнительно съ душевною? Даже и сравнить нельзя. Послѣ моей первой поѣздки какая-то необычайная сила потянула меня въ Оптину Пустынь, и Господь привелъ еще побывать на могилкѣ старца Амвросія въ томъ же году въ сентябрѣ, потомъ на Пасху 1906 года и теперь.

Прошелъ годъ, какъ я психически здорова, и не знаю, какъ мнѣ благодарить Бога и старца Амвросія за такую великую милость».

Въ дополнение къ изложенному можемъ прибавить, что лѣтомъ 1911 года мы видѣли въ Оптиной Пустыни исцѣленную, которая, подтвердивъ справедливость всего вышеизложеннаго, съ радостью и съ глубокою благодарностью къ Богу и къ старцу Амвросію заявила, что въ теченіе минувшихъ шести лѣтъ, прошедшихъ послѣ ея чудеснаго исцѣленія, прежнее ужасное состояніе невыносимой тоски и припадковъ къ ней ни разу не возвращалось. Она чувствуетъ себя спокойной и жизнерадостной, несмотря на тяжелыя внѣшнія условія своего существованія. Врачи, лѣчившіе ее раньше, видя ея настоящее состояніе, говорятъ ей, что она вылѣчилась посредствомъ внушенія, но это совершенно не вѣрно. Когда ее лѣчили въ Москвѣ посредствомъ внушенія въ лѣчебницѣ, то ей не только не становилось лучше, а дѣлалось хуже, такъ, что когда она уѣзжала изъ Москвы обратно, то должны были вносить ее въ вагонъ на рукахъ, между тѣмъ какъ отправляясь въ Москву для лѣченія, она еще въ состоянii была ходить сама. Не могли оказать на нее вліянія въ Оптиной Пустыни и благопріятныя климатическія условія, такъ какъ она провела тогда въ Оптиной всего только пять дней. С. А. имѣетъ твердую и непоколебимую увѣренность, что о. Амвросій, исцѣлившій ее отъ ея тяжелой болѣзни, не оставляетъ и нынѣ ее своимъ попеченіемъ. Съ того момента, какъ она получила исцѣленіе въ Оптиной Пустыни, эта обитель, какъ она говоритъ и въ своей запискѣ, сдѣлалась ей чрезвычайно дорога и, кромѣ того, сдѣлалась для нея необходимымъ источникомъ нравственной силы и духовнаго подъема, такъ что она стала чувство-

вать потребность каждое лѣто бывать въ ней для духовнаго обновленія и укрѣпленія. Но при полной своей матеріальной необезпеченности она не имѣла никакой возможности предпринимать подобныя путешествія. И вотъ тутъ-то и сказалась снова заботливость о ней о. Амвросія. Каждый разъ, когда наступало лѣто, обстоятельства складывались такъ, что у С. А. являлись необходимыя средства для поѣздки, и вотъ уже шестой годъ, какъ она ежегодно бываетъ въ Оптиной Пустыни и проводить здѣсь по нѣскольку времени исключительно милостію любвеобильнаго старца Амвросія.

Вышепомянутая С. А. рассказала еще слѣдующій случай: «Въ сентябрѣ 1908 г. сидѣлка въ пріютѣ св. Елизаветы при Т. губернской больницѣ, Л. Г., заболѣла тяжелой формой возвратнаго тифа вскорѣ послѣ ея возвращенія изъ Оптиной Пустыни. Температура у больной все время держалась очень высокая, и особенно она жаловалась на сильнѣйшую головную боль. Въ ночь съ 9 на 10 октября (подъ день памяти батюшки Амвросія) она впала въ забытіе и видитъ ясно, что она, больная, лежитъ въ залѣ на полу въ квартирѣ г. N. Въ дверь входитъ батюшка Амвросій, подходитъ къ ней и, подавая ей просфору, велитъ съѣсть ее, но больная ему отвѣчаетъ, что она не можетъ ѣсть, потому что языкъ пересохъ и потрескался. Батюшка Амвросій говоритъ ей: «Ступай скорѣй домой (въ пріютъ) и тамъ возьми у высокой барыни, которая ко мнѣ часто ѣздитъ, артоса и воды изъ моего колодца, размочи артосъ въ этой водѣ и съѣшь!» Послѣ этого больная очнулась, температура дошла до 41°, и она чувствовала себя очень плохо. Въ этотъ день

ее пришла навѣстить ея сослуживица, сидѣлка Е., которую больная ждала съ нетерпѣніемъ. Лишь только она пришла, какъ Л. стала ее просить поскорѣе сходить ко мнѣ и взять у меня артось и воду, при этомъ она рассказала свой сонъ.

Приходить ко мнѣ сидѣлка Е. и передаетъ просьбу больной; я, конечно, сейчасъ же дала ей артось и воду, но была очень удивлена, такъ какъ кромѣ меня одной никто не зналъ, что у меня есть артось и вода изъ скитскаго колодца, которую я привезла изъ Оптиной въ августъ.

Больная, послѣ того какъ съѣла артось, крѣпко уснула; проснувшись, она уже не чувствовала головной боли, температура пала до нормы, и былъ сильный потъ, послѣ этого она стала поправляться. Выписавшись изъ заразнаго отдѣленія, Л. опять заняла свое мѣсто сидѣлки и лично рассказала мнѣ о своемъ снѣ. Я ее спрашивала, знала ли она, что у меня есть артось и вода изъ батюшкинаго колодца. Она сказала, что не знала, да и правда, – она не могла знать, такъ какъ я никому не говорила».

Приводимъ еще рассказъ рясофорной послушницы Крайшевскаго Свято-Тихвинскаго монастыря, Саратовской губерніи Аткарскаго уѣзда Ксеніи Алексѣевны Шершевой. «Почитаю святымъ долгомъ извѣстить васъ, – пишетъ она настоятелю Оптиной Пустыни о. архимандриту Ксенофону, – о полученномъ мною исцѣленіи по молитвамъ въ Божѣ почившаго старца о. Амвросія. До 30 іюля 1906 года я съ мѣсяцъ хворала головою болью, сопровождавшеюся иногда лихорадкою.

30 іюля 1900 года утромъ я, по послушанію своему молочницы, кипятила въ печи молоко въ горшочкѣ. Вскипятивъ молоко, я, какъ помнится, стала закрывать печь и вдругъ упала на полъ; со мной произошелъ припадокъ. Далѣе я ничего не помню. Когда очнулась, то на вопросы окружающихъ не могла отвѣчать, не могла произнести ни одного слова, сдѣлалась совершенно нѣмою. Докторъ въ слободѣ Елань, Аткарскаго уѣзда, верстахъ въ 15 отъ нашей обители, къ которому я раза два ѣздила, заявилъ, что надежда на полное излѣченіе мала, и что если и будетъ поправка, то незначительная; говорить будетъ едва понятно, неправильно, а какъ раньше говорила – не будетъ говорить. По благословенію нашей матушки игуменіи я отправилась въ сопровожденіи нашихъ монахинь въ Оптину Пустынь, для поклоненія и испрошенія св. молитвъ старца батюшки о. Амвросія, куда и прибыла 14 августа 1906 года. Въ Оптиной Пустыни въ первый же день пріѣзда моего я отслужила панихиду у могилки Батюшки. Затѣмъ исповѣдовалась, пріобщилась Св. Таинъ и особоровалась. Сначала я не могла нагибаться для поклоновъ по болѣзни шеи. Я брала песочекъ съ могилки о. Амвросія, глотала его, а также – опутивъ его въ бутылку съ водою – пила эту воду и мочила ею голову. Ходила часто на панихиду при могилкѣ Батюшки. 21-го и 22-го я натошакъ пила масло отъ лампы у образа на могилкѣ Батюшки. 22 же августа послѣ обѣда пошла въ Скитъ, и по дорогѣ, около колодца батюшки Амвросія, случился у меня пароксизмъ кашля, во время котораго въ горлѣ что-то оторвалось, и я проглотила. По совѣту

спутницы – монахини, я подошла къ колодцу, напилась воды изъ него, и на вопросы ея, обращенные ко мнѣ, вдругъ стала отвѣчать ей ясно, отчетливо, сама въ то же время удивляясь этому обстоятельству. Я заплакала отъ этой радостной неожиданности, а монашенка съ удивленіемъ отступила отъ меня, слыша меня говорящею. Съ того времени я говорю совершенно свободно, какъ и прежде, до припадка, безъ всякихъ затрудненій въ рѣчи. Съ глубокою благодарностью отношу свое исцѣленіе къ молитвенному заступленію батюшки о. Амвросія, къ которому я прибѣгала за помощью, бывая часто на могилкѣ его и прося молитвъ его о мнѣ, грѣшной. Засвидѣтельствовать же болѣзнь мою и приключившееся мнѣ въ монастырѣ внезапное и чудесное исцѣленіе могутъ сопровождавшія меня изъ нашего монастыря въ Опти-ну Пустынь: казначея монахиня Ангелина, монахиня Евфимія, рясофорныя послушницы Евфимія, Домника, Марія. 1906 года августа 24 дня. Козельская Оптина Пустынь. Рясофорная послушница Ксенія».

Глава XII

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

*Господи, во свѣтъ Твоемъ узримъ
свѣтъ!*

(Великое Славословіе)

Мы закончили наше повѣствованіе о жизни, высокихъ подвигахъ и благодатныхъ дарованіяхъ батюшки о. Амвросія. Окидывая послѣднимъ, общимъ взглядомъ всю его необычайную, святую, подвижническую жизнь, мы видимъ, что наиболѣе характерною чертою его духовнаго облика была одушевлявшая его *дѣятельная, спасающая любовь*. Онъ не былъ равнодушнымъ зрителемъ человѣческихъ скорбей, онъ горячо откликался на нихъ, принималъ ихъ въ свое широкое сердце и своимъ богоспросвѣщеннымъ разумомъ изыскивалъ средства къ ихъ уврачеванію. Скорби людей бываютъ различныя – есть скорби матеріальныя: нужда, тѣлесныя болѣзни; есть скорби духовныя: муки души отъ сознанія своей испорченности, своего неумѣнія жить, непониманія смысла жизни, духовной растерянности.

Есть люди, ихъ особенно много среди образованной молодежи, неравнодушные къ горю ближнихъ, но не видящіе далѣе матеріальнаго горя, горя бѣдности. Они готовы самоотверженно идти на помощь страдающему ближнему, но на помощь исключительно внѣшняго характера: избавить отъ матеріальной нужды, измѣнить внѣшнія условія существованія. Не такова истинная, всеобъемлющая любовь христіанская.

Она и внѣшнему горю сострадаетъ, но она видитъ и чувствуетъ несравненно глубже; она проникаетъ въ самую душу человѣка и тамъ видитъ ея коренное страданіе; то страданіе, которое не излѣчивается внѣшними мѣрами, а требуетъ духовнаго воздѣйствія искренней, возраждающей, спасающей во имя Бога любви. И о. Амвросій въ высшей степени обладалъ этимъ даромъ. Какъ мы видѣли, онъ и внѣшними способами облегчалъ матеріальное человѣческое горе, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ охватывалъ своимъ любящимъ чувствомъ всю душу человѣка, умѣлъ постигать ея сокровенную духовную скорбь и на нее именно изливать цѣлительный елей своей сострадательной заботливости и ласки, возводить ее къ небу, къ Богу. Вотъ почему люди, приходившіе къ нему съ душою разбитой и, казалось, навѣки умершей, выходили отъ него воскресенные, оживленные, радостные, спасенные, вѣрующіе. Мы видѣли на страницахъ жизнеописанія много примѣровъ подобнаго духовнаго возрожденія. И едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что значительное большинство насельницъ Шамордина и многіе изъ обитателей Оптиной именно спасающей любви

старца Амвросія обязаны началомъ своей духовной жизни.

Русское общество поняло эту черту духовнаго облика старца Амвросія. Оно поняло, что этотъ человѣкъ не былъ ни суровымъ монахомъ-отшельникомъ, ни жесткимъ обличителемъ человѣческихъ недостатковъ и немощей, ни отвлеченнымъ богословомъ; онъ былъ сама живая любовь, умѣвшая стать въ непосредственную близость со всякою скорбящею и обремененною душою, принять на себя ея немощи и скорби, согрѣть, утѣшить и воззвать ее къ новой, бодрой, чистой и радостной жизни. И потому-то онъ и сталъ духовнымъ центромъ, притягивавшимъ къ себѣ не только простолюдиновъ, стремившихся къ нему, какъ къ человѣку Божию, человѣку святой, богоугодной жизни, но и людей образованныхъ, искавшихъ въ немъ учителя жизни, указывавшаго путь къ истинному счастью души, научавшаго знать и любить Бога.

Отецъ Амвросій разрѣшилъ для русскаго общества его давній и столь трудно разрѣшимый вопросъ о томъ, что дѣлать, какъ жить, для чего жить; онъ разрѣшилъ русскому обществу и другой роковой вопросъ о сліяніи образованныхъ классовъ съ простымъ народомъ. Онъ сказалъ русскому обществу, что смыслъ жизни заключается въ любви, но не въ той гуманистической, безрелигіозной любви, которую провозглашаетъ нѣкоторая часть нашей интеллигенціи и которая выражается въ мѣрахъ внѣшняго исправления жизни, а той истинной, глубокой, христіанской любви, которая охватываетъ всю душу своего ближняго и исцѣляетъ своею живи-

тельною силою ея самыя глубокія и мучительныя язвы. Отець Амвросій разрѣшилъ и вопросъ о сліяніи интеллигенціи съ народомъ, объединивъ ихъ въ своей келліи въ одномъ общемъ чувствѣ покаянной вѣры въ Бога. Такимъ образомъ, о. Амвросій указаль русскому обществу единый спасительный путь жизни, указаль ему истинное и прочное основаніе его благополучія, во-первыхъ, духовнаго, а затемъ, какъ слѣдствіе, и матеріальнаго.

Спрашивается теперь, на какой почвѣ возросъ этотъ дивный учитель жизни нашего времени? Онъ возросъ на почвѣ Православія, онъ воспитанъ Православною Церковью. И невольно хочется еще разъ повторить то, что было сказано нами въ предисловіи. Что бы ни говорили враги Церкви, враги Православія, какъ бы ни поносили они эту нашу народную святыню, но не оскудѣла еще Православная Церковь и, въ частности, наша Русская Церковь, благодатію Божіею! Еще дѣйствуетъ въ ней эта благодать, еще возвращаетъ великихъ свѣтильниковъ вѣры и благочестія для нашего вразумленія, для нашего утѣшенія. Признаемъ этотъ многознаменательный и радостный фактъ не съ чувствомъ гордости и тщеславія, не для пустой похвальбы своими праведниками, а для смиреннаго благодаренія Господа, милующаго насъ и спасающаго, признаемъ для того, чтобы еще болѣе оцѣнить и полюбить нашу Святую Православную Церковь со всѣмъ ея спасительнымъ строемъ; чтобы укрѣпиться въ искренномъ, дѣтскомъ и разумно-сознательномъ послушаніи ей, чтобы ничего такъ не страшиться и не опасаться, какъ сознательнаго или без-

сознательнаго отпаденія отъ нея, отъ ея вѣковыхъ путей и завѣтовъ! Своимъ высокимъ примѣромъ о. Амвросій ясно показываетъ намъ, что лишь въ Церкви Христовой достигается полнота истиннаго христіанскаго совершенства, находится прямой и вѣрный путь къ вѣчному спасенію, а потому, кто хочетъ совершенствоваться и возрастать во Христѣ, кто хочетъ достигнуть жизни вѣчной, тому нѣтъ иного пути, кромѣ указаннаго Церковью Христовой, носительницею вѣчной истины и благодати.

Вмѣстѣ съ тѣмъ пожелаемъ, чтобы тотъ духъ смиренной вѣры, святой простоты и искренняго братолюбія, которымъ былъ проникнутъ старецъ Амвросій, какъ и его великіе наставники, не оскудѣвалъ, а, наоборотъ, ярко горѣлъ въ нашихъ святыхъ обителяхъ, въ томъ числѣ и въ Оптиной Пустыни и въ Казанской Амвросіевской обители, чтобы онѣ, напоенныя этимъ духомъ, являлись бы крѣпкою, несокрушимою духовной поддержкой русскимъ людямъ, мятущимся въ волнахъ житейскихъ попеченій, и давали бы имъ, по завѣту старца Амвросія, духовное просвѣтленіе, ободреніе и утѣшеніе всякій разъ, какъ они, измученные жизнью, придутъ со своею опустошенною и разбитою душою подъ ихъ святой и благодатный кровъ искать духовной помощи и внутренняго мира! Въ этомъ, именно въ этомъ, состоитъ высокое, жизненное значеніе нашихъ святыхъ обителей. Удаленныя отъ міра, онѣ служатъ міру тѣмъ, что, сберегая въ себѣ самихъ образъ Христовъ и правду Христову, являютъ ихъ, когда нужно, заблудившемуся и удалившемуся отъ Христа міру! Мо-

настыри всегда были центромъ духовной жизни и христіанскаго возрастанія русскаго народа; будемъ уповать, что таковыми они останутся и впредь, соблюдая вмѣстѣ со всею Православною Русскою Церковью христіанскую истину во всей ея чистотѣ, безъ примѣсей человѣческихъ вымысловъ и человѣческаго суетумудрія, во всей неприкосновенности апостольскаго и свято-отеческаго преданія, какъ драгоцѣннѣйшее сокровище, воспринятое отъ лѣтъ древнихъ русскимъ народомъ для бережнаго храненія и передачи послѣдующимъ поколѣніямъ.

Мудрому же и любвеобильному Оптинскому старцу іеросхимонаху Амвросію, показавшему намъ живой примѣръ высокой христіанской жизни и согрѣвшему сердца столь многихъ своею отеческою любовью, да будетъ вѣчная и благодарная память въ русскомъ народѣ!

Конецъ